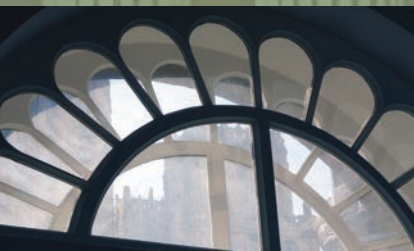

ВЕСТНИК

АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ
ГОРОДА МОСКВЫ

ВЫПУСК
№ 3 (165) 2024

ВЕСТНИК

Адвокатской палаты
города Москвы

Выпуск № 3 (165) 2024

Москва
2024

**АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы**

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 221

19 сентября 2024 года

**О награждении Ассоциации
некоммерческих организаций –
адвокатских образований
«Гильдия российских адвокатов»**

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представление Президента Адвокатской палаты города Москвы Зубкова С.Б., решил:

**наградить
Почетным дипломом Адвокатской палаты города Москвы**

Ассоциацию некоммерческих организаций – адвокатских образований «Гильдия российских адвокатов».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 249

26 сентября 2024 года

Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев заявления адвокатов и руководствуясь статьями 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Абдурахманов Эльчин Гарынович
2. Васильев Сергей Владимирович
3. Векина Евгения Андреевна
4. Владимиров Вячеслав Викторович
5. Герасимова Светлана Геннадьевна
6. Головкова Ольга Александровна
7. Диденко Алексей Александрович
8. Елисеева Юлия Андреевна
9. Жудро Никита Георгиевич
10. Завалаяев Игорь Михайлович
11. Катков Сергей Иванович
12. Киселёв Олег Александрович
13. Козин Александр Сергеевич
14. Колесников Александр Геннадьевич
15. Крутов Роман Владимирович
16. Лоренц Евгения Александровна
17. Лягин Виктор Владимирович
18. Магомедэминов Артур Магомедэминович
19. Мухин Сергей Александрович

20. Пименов Александр Юрьевич
21. Россинский Александр Владимирович
22. Саркисян Анна Николаевна
23. Смашнев Станислав Владимирович
24. Тепляков Алексей Анатольевич
25. Тумгоев Сулейман Юсупович
26. Харитоновна Ирина Сергеевна
27. Хуаде Аскер Байзетович
28. Чубенко Владимир Сергеевич
29. Чугурян Татевик Саркисовна
30. Шило Александр Владимирович.

2. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Белявская Мария Павловна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4714, с 01 октября 2024 года.

2. Березина Татьяна Васильевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1080, с 26 сентября 2024 года.

3. Вильковская Яна Витальевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14917, с 26 сентября 2024 года.

4. Дмитриевская Мария Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1629, с 01 октября 2024 года.

5. Егоров Олег Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12526, с 26 сентября 2024 года.

6. Коваленко Людмила Андреевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10975, с 26 сентября 2024 года.

7. Кулиев Руслан Идрисович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6920, с 30 сентября 2024 года.

8. Левичев Сергей Вячеславович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11152, с 26 сентября 2024 года.

9. Маргиев Марат Валерьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15797, с 01 октября 2024 года.

10. Михайлов Владимир Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/16798, с 26 сентября 2024 года.

11. Семенов Евгений Павлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5039, с 26 сентября 2024 года.

12. Устюжанина Ольга Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15580, с 26 сентября 2024 года.

13. Федоров Максим Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/574, с 26 сентября 2024 года.

14. Шкуран Александр Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12153, с 26 сентября 2024 года.

3. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Горбунов Глеб Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1252, с 01 октября 2024 года.

2. Журавель Владимир Адамович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/16043, с 01 октября 2024 года.

4. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Корытко Владимир Антонович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/267, с 26 сентября 2024 года.

2. Кубышкин Дмитрий Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11978, с 26 сентября 2024 года.

3. Майданюк Константин Карлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4965, с 26 сентября 2024 года.

4. Михнова Ирина Станиславовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12242, с 26 сентября 2024 года.

5. Семенова Алина Леонидовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1799, с 26 сентября 2024 года.

6. Собеневская Анна Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9408, с 26 сентября 2024 года.

7. Согомонян Гурген Генрикович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9304, с 26 сентября 2024 года.

8. Черационов Игорь Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8070, с 26 сентября 2024 года.

9. Черепенникова Татьяна Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2689, с 30 сентября 2024 года.

10. Чернов Роман Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13199, с 12 августа 2024 года.

11. Чехлова Галина Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10076, с 26 сентября 2024 года.

12. Шипицина Тамара Васильевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/813, с 26 сентября 2024 года.

13. Шогенова Людмила Борисовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12053, с 26 сентября 2024 года.

5. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Бессоновой Елены Сергеевны, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5237, с 22 декабря 2022 года.

2. Грибкова Сергея Сергеевича, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/652, с 25 сентября 2024 года.

3. Молодцова Сергея Валентиновича, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/16726, с 08 апреля 2024 года.

6. В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвоката Третьякова Игоря Анатольевича, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/287, с 26 сентября 2024 года.

7. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Бадулина Екатерина Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1121, с 01 октября 2024 года.

2. Бусев Андрей Петрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/16126, с 01 октября 2024 года.

3. Товт Александр Карлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1434, с 01 октября 2024 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 250

26 сентября 2024 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Азарова Тамара Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3591, с 27 августа 2024 года.

2. Александров Юрий Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5244, с 15 августа 2024 года.

3. Анисимов Игорь Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5256, с 09 сентября 2024 года.

4. Васюхин Максим Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5248, с 01 сентября 2024 года.

5. Дашкин Дмитрий Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5265, с 30 сентября 2024 года.

6. Дидык Юлия Дмитриевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5260, с 10 сентября 2024 года.

7. Журавлев Сергей Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5259, с 09 сентября 2024 года.

8. Иванова Вера Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5250, с 04 сентября 2024 года.

9. Капустин Павел Андреевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5255, с 06 сентября 2024 года.

10. Кознев Андрей Альбертович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5246, с 28 августа 2024 года.

11. Конова Анастасия Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5262, с 12 сентября 2024 года.

12. Коновалова Анна Валерьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5251, с 04 сентября 2024 года.

13. Кузнецов Евгений Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5263, с 19 сентября 2024 года.

14. Кушелевская Александра Андреевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5257, с 06 сентября 2024 года.

15. Кушелевский Иван Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5258, с 06 сентября 2024 года.

16. Лысиков Иван Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5253, с 05 сентября 2024 года.

17. Мингалеев Рамиль Тагирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5252, с 05 сентября 2024 года.

18. Нариманов Эльхан Нариманзаде, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5254, с 28 августа 2024 года.

19. Немчин Михаил Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5247, с 28 августа 2024 года.

20. Ондар Виктория Алексеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5245, с 16 августа 2024 года.

21. Петрик Сергей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5264, с 23 сентября 2024 года.

22. Роганова Екатерина Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2983, с 29 августа 2024 года.

23. Сиротинина Наталья Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5261, с 11 сентября 2024 года.

24. Шоюфский Руслан Ильгамович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5249, с 30 августа 2024 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Барановский Давид Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2570, с 13 сентября 2024 года.

2. Белявская Мария Павловна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2735, с 01 октября 2024 года.

3. Биллебру Елена Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3058, с 01 сентября 2024 года.

4. Егоров Олег Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3365, с 26 сентября 2024 года.

5. Журавель Владимир Адамович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4604, с 01 октября 2024 года.

6. Зеленев Михаил Фридрихович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-270, с 12 сентября 2024 года.

7. Искаков Олег Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3316, с 12 сентября 2024 года.

8. Коваленко Людмила Андреевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4832, с 26 сентября 2024 года.
9. Мараховская Милада Валентиновна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3038, с 09 сентября 2024 года.
10. Маргиев Марат Валерьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4495, с 01 октября 2024 года.
11. Михайлов Владимир Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4980, с 01 сентября 2024 года.
12. Собеневская Анна Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2183, с 26 сентября 2024 года.
13. Согомонян Гурген Генрикович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1566, с 26 сентября 2024 года.
14. Ушанов Алексей Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-825, с 01 сентября 2024 года.
15. Чехлова Галина Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1956, с 01 сентября 2024 года.
16. Шипицина Тамара Васильевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1007, с 26 сентября 2024 года.
17. Шкуран Александр Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3141, с 26 сентября 2024 года.

3. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Московский филиал Коллегии адвокатов Санкт-Петербурга «Северный Рим», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1049, с 06 марта 2024 года.
2. Московская коллегия адвокатов «М-Партнерс» (М-Партнеры), регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1050, с 26 августа 2024 года.
3. Московский филиал Ростовской областной коллегии адвокатов «Личное дело», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1051, с 12 августа 2024 года.

4. Ликвидирована коллегия адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Филиал Владимирской областной коллегии адвокатов «Гроза, Контарчук и Партнёры» в городе Москве, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-874, с 16 сентября 2024 года.

5. Учреждены адвокатские бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Адвокатское бюро «ВМФ» города Москвы, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-528, с 22 августа 2024 года.
2. Адвокатское бюро города Москвы «Искаков и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-529, с 12 сентября 2024 года.

6. Ликвидировано адвокатское бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Адвокатское бюро города Москвы «Конова и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-346, с 17 июля 2024 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 251

26 сентября 2024 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив ходатайства о награждении, поступившие из адвокатских образований, решил:

наградить

Почетной грамотой Адвокатской палаты города Москвы

Лапшина Александра Николаевича, регистрационный номер 77/7093 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката Коллегии адвокатов г. Москвы «Московский Присяжный Поверенный».

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы решил обратиться с ходатайством о награждении наградами Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. К награждению представлены:

медалью Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «За заслуги в защите прав и свобод граждан» 1 степени

Кузнецова Ольга Николаевна, регистрационный номер 77/2276 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Коллегии адвокатов «Адвокат»;

медалью Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «За заслуги в защите прав и свобод граждан» 2 степени

Савостьянова Ольга Николаевна, регистрационный номер 77/4202 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Коллегии адвокатов «Адвокат».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 252

26 сентября 2024 года

О внесении изменения в Положение о Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь подпунктами 10 и 13 пункта 3 статьи 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

1. Внести в пункт 2.2 Положения о Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов, утвержденного решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 29 июня 2023 года № 187 «Об утверждении Положения о Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2023. № 2 (161). С. 39–44), следующее изменение:

пункт 2.2 Положения о Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов изложить в следующей редакции:

«Численный состав Комиссии составляет 15 адвокатов.».

2. Опубликовать настоящее решение на сайте Адвокатской палаты города Москвы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и в издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы».

3. Ввести в действие настоящее решение с 26 сентября 2024 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 253

26 сентября 2024 года

Вопросы Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов

Совет Адвокатской палаты города Москвы, обсудив вопрос о персональном составе Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов, руководствуясь пунктами 10, 13 пункта 3 статьи 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

1. Пункт 1 Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 апреля 2019 года № 46 «О Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов»¹ (в ред., утвержденной Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 29 ноября 2023 года № 317²) изложить в следующей редакции:

«Утвердить персональный состав Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов:

1. Иванов Александр Геннадьевич – председатель Московской коллегии адвокатов “Астрей” (регистрационный номер 77/4837 в реестре адвокатов города Москвы), председатель Комиссии.

2. Бобков Евгений Олегович – председатель Коллегии адвокатов г. Москвы “Московский Присяжный Поверенный” (регистрационный номер 77/9989 в реестре адвокатов города Москвы), заместитель председателя Комиссии.

3. Зиновьев Роберт Юрьевич – председатель Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва) (регистрационный номер 77/192 в реестре адвокатов города Москвы), заместитель председателя Комиссии.

4. Вольвач Януара Валентиновна – заведующая Филиалом “Адвокатская консультация № 71” Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва) (регистрационный номер 77/1890 в реестре адвокатов города Москвы), член Комиссии.

5. Гривцов Андрей Андреевич – адвокат Адвокатского бюро “ЗКС” города Москвы (регистрационный номер 77/12191 в реестре адвокатов города Москвы), член Комиссии.

¹ Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2019. № 2 (145). С. 11–12.

² Там же. 2023. № 3 (162). С. 45–46.

6. Дякин Вячеслав Александрович – заведующий Филиалом “Адвокатская консультация № 4” Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва) (регистрационный номер 77/545 в реестре адвокатов города Москвы), член Комиссии.

7. Ильин Павел Валентинович – председатель Московской коллегии адвокатов “Ильин, Надысев и партнеры” (регистрационный номер 77/8248 в реестре адвокатов города Москвы), член Комиссии.

8. Старкова-Виннер Виктория Николаевна – адвокат Московской коллегии адвокатов “Кельт” (регистрационный номер 77/9918 в реестре адвокатов города Москвы), член Комиссии.

9. Кожемякин Борис Аркадьевич – адвокат, осуществляющий адвокатскую деятельность в адвокатском кабинете (регистрационный номер 77/157 в реестре адвокатов города Москвы), член Комиссии.

10. Малова Наталия Аркадиевна – адвокат Адвокатского бюро города Москвы “Дубинин, Финкель и партнеры” (регистрационный номер 77/7560 в реестре адвокатов города Москвы), член Комиссии.

11. Мове Лариса Абрамовна – адвокат Адвокатского бюро города Москвы «Дубинин, Финкель и партнеры» (регистрационный номер 77/5914 в реестре адвокатов города Москвы), член Комиссии.

12. Моисеева Надежда Владимировна – адвокат Санкт-Петербургской коллегии адвокатов Реп&Рарег (филиал в городе Москве) (регистрационный номер 77/14944 в реестре адвокатов города Москвы), член Комиссии.”.

13. Нетета Валерий Николаевич – адвокат Коллегии адвокатов г. Москвы “Московский Присяжный Поверенный” (регистрационный номер 77/15502 в реестре адвокатов города Москвы), член Комиссии.”

2. В связи с принятием настоящего решения пункт 1 Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 29 ноября 2023 года № 317 «Вопросы Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2023. № 3 (162). С. 45–46) признать утратившим силу.

3. Настоящее решение вступает в силу с 26 сентября 2024 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 254

26 сентября 2024 года

Об организационных вопросах деятельности Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь подпунктами 10, 13, 15 пункта 3 статьи 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», статьей 450.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, пунктами 17–23 Положения «О порядке осуществления защиты профессиональных прав адвокатов», утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 18 июня 2024 года (протокол № 14),

РЕШИЛ:

1. Утвердить следующих адвокатов в качестве представителей, уполномоченных Президентом Адвокатской палаты города Москвы, для обеспечения требований части 1 статьи 450.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности, включая случаи, предусмотренные частью 5 статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации):

1. Иванов Александр Геннадьевич (регистрационный номер 77/4837 в реестре адвокатов города Москвы) – председатель Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов.

2. Бобков Евгений Олегович (регистрационный номер 77/9989 в реестре адвокатов города Москвы) – заместитель председателя Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов.

3. Зиновьев Роберт Юрьевич (регистрационный номер 77/192 в реестре адвокатов города Москвы) – заместитель председателя Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов.

4. Вольвач Януара Валентиновна (регистрационный номер 77/1890 в реестре адвокатов города Москвы) – член Комиссии.

5. Дякин Вячеслав Александрович (регистрационный номер 77/545 в реестре адвокатов города Москвы) – член Комиссии.

6. Ильин Павел Валентинович (регистрационный номер 77/8248 в реестре адвокатов города Москвы) – член Комиссии.

7. Старкова-Виннер Виктория Николаевна (регистрационный номер 77/9918 в реестре адвокатов города Москвы) – член Комиссии.

8. Кожемякин Борис Аркадьевич (регистрационный номер 77/157 в реестре адвокатов города Москвы) – член Комиссии.

9. Малова Наталия Аркадиевна (регистрационный номер 77/7560 в реестре адвокатов города Москвы) – член Комиссии.

10. Мове Лариса Абрамовна (регистрационный номер 77/5914 в реестре адвокатов города Москвы) – член Комиссии.

11. Моисеева Надежда Владимировна (регистрационный номер 77/14944 в реестре адвокатов города Москвы) – член Комиссии.

12. Нетета Валерий Николаевич (регистрационный номер 77/15502 в реестре адвокатов города Москвы) – член Комиссии.

2. Определить сумму оплаты за участие представителя Адвокатской палаты города Москвы в одном следственном действии при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката в размере 11 500 (Одиннадцать тысяч пятьсот) рублей, а в случае проведения следственного действия в ночное время (с 22:00 час. до 06:00 час.), выходные и праздничные дни – 23 000 (Двадцать три тысячи) рублей.

При участии представителя Адвокатской палаты города Москвы в нескольких следственных действиях оплате в указанном размере подлежит участие в каждом из них в отдельности, при этом выплата может быть произведена одной общей суммой за участие во всех следственных действиях.

Участие представителя Адвокатской палаты города Москвы в указанных в статье 450.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации следственных действиях считается исполненным и подлежит оплате также в случаях, когда следственное действие в отношении адвоката, для участия в котором представитель Адвокатской палаты города Москвы своевременно прибыл, не было начато или было прекращено (прервано) лицом, производящим следственное действие, в том числе в связи с выявленными представителем Адвокатской палаты города Москвы нарушениями предписаний уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации (несоответствием места фактического производства следственного действия месту его производства, указанному в постановлении суда о разрешении данного следственного действия, и др.).

Определить сумму оплаты за выезд к месту проведения следственного действия в размере 3 450 (Три тысячи четыреста пятьдесят) рублей.

Оплату производить по отчету и подтверждающим участие документам.

3. Определить сумму вознаграждения членов Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов за представительство Адвокатской палаты города Москвы в судах всех уровней по вопросам защиты профессиональных прав адвокатов (при обжаловании судебных разрешений на производство обысков, выемок и осмотров у адвокатов и их допросов, а также в иных случаях при привлечении Адвокатской палаты города Москвы в качестве заинтересованного

лица) в размере 11 500 (Одиннадцать тысяч пятьсот) рублей за один день участия в судебном заседании.

Оплату производить по отчету и подтверждающим участие документам.

4. Определить сумму вознаграждения членов Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов за участие в подготовке правовых заключений по обращениям адвокатов о нарушении их профессиональных прав в размере 15 000 (Пятнадцать тысяч) рублей за одно заключение.

Оплату производить по отчету и копии правового заключения.

5. В связи с принятием настоящего решения признать утратившими силу Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 8 августа 2017 года № 154³ (с изменениями, внесенными решениями Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 апреля 2019 года № 46⁴, от 30 марта 2021 года № 126⁵, от 27 апреля 2021 года № 151⁶, от 25 апреля 2023 года № 119⁷, от 30 мая 2024 года № 140) и пункт 1 Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 мая 2024 года № 140.

6. Настоящее решение ввести в действие с 26 сентября 2024 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

³ Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2019. № 2 (145). С. 13.

⁴ Там же. С. 11–12.

⁵ Там же. 2021. № 1 (152). С. 148–149.

⁶ Там же. С. 145–146.

⁷ Там же. 2023. № 1 (160). С. 123–124.

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 282

31 октября 2024 года

Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

(извлечение)

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев заявления адвокатов и руководствуясь статьями 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» приняты в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Алисова Татьяна Владимировна
2. Аристов Кирилл Владимирович
3. Биктасов Ергали Утепкалиевич
4. Болдинов Алексей Иванович
5. Булатова Маргарита Евгеньевна
6. Гаврицкий Вадим Николаевич
7. Гуртовник Денис Грегори Вадимович
8. Демина Наталья Валентиновна
9. Исламов Илдар Ирекович
10. Кашицын Станислав Евгеньевич
11. Княжев Виталий Сергеевич
12. Князев Александр Владимирович
13. Кривцун Евгений Петрович
14. Кудренко Михаил Михайлович
15. Липатова Анна Петровна
16. Мирзаханова Елизавета Андреевна
17. Моисеев Олег Викторович
18. Никоноров Дмитрий Александрович
19. Пережегин Анатолий Юрьевич

20. Подгало Александр Александрович
21. Пугин Алексей Сергеевич
22. Решетняк Юрий Владимирович
23. Свербей Александр Николаевич
24. Свинар Оксана Николаевна
25. Солодков Игорь Александрович
26. Спицына Евгения Михайловна
27. Шоч Ирина Александровна.

2. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **исключен** из членов Адвокатской палаты города Москвы:

Граф Александр Юрьевич, регистрационный номер 77/15462 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

3. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Банковский Антон Владимирович, регистрационный номер 77/8188 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

2. Безчинская Светлана Владимировна, регистрационный номер 77/2799 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

3. Воронин Валерий Валентинович, регистрационный номер 77/9217 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 ноября 2024 года.

4. Галин Константин Андреевич, регистрационный номер 77/8774 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

5. Глинкина Ирина Петровна, регистрационный номер 77/4771 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

6. Елисеева Юлия Андреевна, регистрационный номер 77/17384 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

7. Иванов Валерий Иванович, регистрационный номер 77/10980 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

8. Кагановский Александр Ефимович, регистрационный номер 77/3781 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 ноября 2024 года.

9. Калинин Леонид Павлович, регистрационный номер 77/3457 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

10. Карымов Сергей Вадимович, регистрационный номер 77/16963 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 ноября 2024 года.

11. Киреева Елена Александровна, регистрационный номер 77/16615 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

12. Обухов Владимир Юрьевич, регистрационный номер 77/6831 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

13. Плешаков Евгений Александрович, регистрационный номер 77/14208 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

14. Родионова Екатерина Михайловна, регистрационный номер 77/13264 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

15. Селиверстов Сергей Васильевич, регистрационный номер 77/7276 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

16. Серков Сергей Владимирович, регистрационный номер 77/15268 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

17. Третьякова Ирина Владимировна, регистрационный номер 77/16867 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

18. Ушаков Сергей Алексеевич, регистрационный номер 77/16167 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

19. Шиварева Клавдия Васильевна, регистрационный номер 77/10403 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

4. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановил статус** адвоката:

Коломин Максим Владимирович, регистрационный номер 77/13576 в Едином государственном реестре адвокатов, с 21 октября 2024 года.

5. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Гимолеев Рамис Рашидович, регистрационный номер 77/11222 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 ноября 2024 года.

2. Салуквадзе Дмитрий Владимирович, регистрационный номер 77/6459 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 ноября 2024 года.

3. Филиппов Сергей Сергеевич, регистрационный номер 77/14637 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 ноября 2024 года.

6. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Белицкая Александра Викторовна, регистрационный номер 77/5309 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

2. Дербенев Владимир Николаевич, регистрационный номер 77/240 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

3. Зайцев Сергей Анатольевич, регистрационный номер 77/3802 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

4. Кулик Олег Леонидович, регистрационный номер 77/15332 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

5. Надгер Камилла Витальевна, регистрационный номер 77/16823 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

6. Новикова Светлана Викторовна, регистрационный номер 77/9627 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

7. Прошкин Георгий Леонидович, регистрационный номер 77/271 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

8. Сорокин Александр Николаевич, регистрационный номер 77/7327 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

9. Чаадаев Сергей Григорьевич, регистрационный номер 77/5534 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

7. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Портных Илоны Борисовны, регистрационный номер 77/15232 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 июня 2022 года.

2. Фокина Геннадия Ивановича, регистрационный номер 77/8860 в Едином государственном реестре адвокатов, с 13 июля 2018 года.

8. В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвоката:

Гвритишвили Альберта Шаликоевича, регистрационный номер 77/14267 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

9. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Иванова Анастасия Михайловна, регистрационный номер 77/16530 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

2. Миннеахметова Раушания Ильгизовна, регистрационный номер 77/11350 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

3. Усманова Валерия Сергеевна, регистрационный номер 77/13997 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

10. В соответствии с п. 16 Решения Двадцать второй ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 5 апреля 2024 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы в связи с адвокатским стажем более 40 лет адвокатов:

1 адвокат – с 17 октября 2024 года,

1 адвокат – с 01 ноября 2024 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 283

31 октября 2024 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Аверьянов Артем Алексеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5272, с 10 октября 2024 года.

2. Блохин Сергей Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5268, с 04 октября 2024 года.

3. Борков Александр Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3908, с 15 октября 2024 года.

4. Деханов Сергей Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2556, с 11 октября 2024 года.

5. Дьяков Сергей Геннадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5270, с 09 октября 2024 года.

6. Иванова Анастасия Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5267, с 01 октября 2024 года.

7. Караханян Самвел Гургенович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5273, с 14 октября 2024 года.

8. Костырко Виктория Витальевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5280, с 22 октября 2024 года.

9. Крупеник Андрей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5269, с 04 октября 2024 года.

10. Ларченко Евгений Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5277, с 10 октября 2024 года.

11. Лоренц Евгения Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5282, с 23 октября 2024 года.
12. Макухов Игорь Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5284, с 25 октября 2024 года.
13. Назарова Марина Владиславовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5278, с 21 октября 2024 года.
14. Никифорова Жанна Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5266, с 01 октября 2024 года.
15. Россинский Александр Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5283, с 23 октября 2024 года.
16. Саркисян Анна Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5281, с 23 октября 2024 года.
17. Сюзюмов Алексей Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5276, с 17 сентября 2024 года.
18. Татаева Наида Исламутдиновна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5279, с 21 октября 2024 года.
19. Федоров Александр Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5274, с 14 октября 2024 года.
20. Федорова Ольга Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5275, с 14 октября 2024 года.
21. Юдин Артём Петрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5271, с 10 октября 2024 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Безчинская Светлана Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4921, с 31 октября 2024 года.
2. Глинкина Ирина Петровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4751, с 30 октября 2024 года.
3. Гомон Сергей Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1555, с 26 сентября 2024 года.
4. Граф Александр Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4515, с 31 октября 2024 года.
5. Громов Глеб Геннадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1436, с 27 августа 2024 года.
6. Ивакина Мария Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3082, с 01 октября 2024 года.
7. Иванов Валерий Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4499, с 31 октября 2024 года.
8. Камышов Алексей Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4911, с 01 октября 2024 года.
9. Качмазов Алан Аликович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2753, с 28 октября 2024 года.
10. Кулик Олег Леонидович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4920, с 31 октября 2024 года.
11. Панкратова Ольга Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4635, с 22 октября 2024 года.

12. Попов Игорь Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4193, с 26 сентября 2024 года.

13. Радченко Антон Леонидович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3459, с 01 октября 2024 года.

14. Рудаков Андрей Геннадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5038, с 26 сентября 2024 года.

15. Руднев Игорь Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4004, с 23 октября 2024 года.

16. Русина Влада Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4717, с 24 октября 2024 года.

17. Салуквадзе Дмитрий Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1000, с 01 ноября 2024 года.

18. Сафиулин Рафаэль Фаатович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4181, с 27 сентября 2024 года.

19. Тарлыгин Анатолий Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5115, с 22 октября 2024 года.

20. Умаев Артур Хамзатович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4772, с 01 сентября 2024 года.

21. Филиппов Сергей Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5104, с 01 ноября 2024 года.

3. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Коллегия адвокатов города Москвы «Самсонов, Камышов и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1052, с 26 августа 2024 года.

2. Московский филиал Коллегии адвокатов г. Санкт-Петербурга «Лигал Форт», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1053, с 01 июля 2024 года.

3. Московская городская коллегия адвокатов «Кузьмина, Волкова и коллеги», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1054, с 20 сентября 2024 года.

4. Московская коллегия адвокатов «РТ Лигал», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1055, с 01 октября 2024 года.

5. Московская коллегия адвокатов «Ангарда», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1056, с 26 августа 2024 года.

4. Ликвидирована коллегия адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Коллегия адвокатов «Кеннедис (СИ-АЙ-ЭС) Москва», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-313, с 26 сентября 2024 года.

5. Учреждены адвокатские бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Адвокатское бюро города Москвы «МИЛЕС» (Воин), регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-530, с 27 августа 2024 года.

2. Адвокатское бюро города Москвы «Ключевая стратегическая группа», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-531, с 17 сентября 2024 года.

3. Адвокатское бюро города Москвы «Аксилиум», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-371, с 27 июля 2017 года.

6. Ликвидировано адвокатское бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Адвокатское бюро «Объединенная адвокатская группа», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-131, с 31 октября 2024 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 284

31 октября 2024 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представленные ходатайства о награждении, поступившие из адвокатских образований, и представления первого вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Полякова И.А., решил:

**присвоить звание «Ветеран московской адвокатуры»
с вручением удостоверения и нагрудного знака:**

1. Беху Ивану Васильевичу, регистрационный номер 77/6800 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

2. Люльковой Людмиле Георгиевне, регистрационный номер 77/4726 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Московской коллегии адвокатов «Каганер и партнеры»;

**присвоить звание «Заслуженный адвокат Адвокатской палаты города
Москвы» с вручением свидетельства о присвоении звания:**

1. Бушеву Владимиру Николаевичу, регистрационный номер 77/5344 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

2. Мошкову Александру Анатольевичу, регистрационный номер 77/1407 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

3. Нахимовой Елене Владимировне, регистрационный номер 77/1185 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

4. Эфросману Михаилу Борисовичу, регистрационный номер 77/2933 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов»;

**наградить Почетной грамотой Адвокатской палаты
города Москвы:**

1. Бельского Кирилла Евгеньевича, регистрационный номер 77/10436 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Адвокатского бюро города Москвы «Бельский и партнёры».

2. Иванову Анну Валерьевну, регистрационный номер 77/10388 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Адвокатского бюро «Падва и партнеры».

3. Иерусалимского Петроса Александровича, регистрационный номер 77/7936 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской коллегии адвокатов «Иерусалимский и партнеры».

4. Мартвель Ирину Александровну, регистрационный номер 77/10328 в Едином государственном реестре адвокатов адвоката Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

5. Накохову Марину Ильясовну, регистрационный номер 77/12029 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката НО Московская коллегия адвокатов «Ноздря, Мишонов и партнеры».

6. Пополитову Марию Юрьевну, регистрационный номер 77/11917 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской городской коллегии адвокатов «Бюро адвокатов “Де-Юре”».

7. Прокофьева Илью Игоревича, регистрационный номер 77/12688 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской коллегии адвокатов «ЦентрЮрСервис».

8. Пронину Марину Анатольевну, регистрационный номер 77/11179 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокатский кабинет.

9. Хорава Софью Тамазовну, регистрационный номер 77/13136 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокатский кабинет.

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представленные ходатайства о награждении, поступившие из адвокатских образований, решил обратиться с ходатайством о награждении наградами Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

К награждению представлены:

**Почетной грамотой Федеральной палаты адвокатов
Российской Федерации:**

1. Бригадин Владимир Анатольевич, регистрационный номер 77/10018 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

2. Давыдова Наталья Анатольевна, регистрационный номер 77/1908 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Коллегия адвокатов «Адвокат»;

медалью Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации
«За заслуги в защите прав и свобод граждан» 2 степени

Содиков Шарбатулло Джаборович, регистрационный номер 77/10859 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской городской коллегии адвокатов «Право и справедливость».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

Приложение № 2 к Протоколу № 14
заседания Совета Адвокатской палаты города Москвы за 2024 год

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО СОВЕТА АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ ГОРОДА МОСКВЫ

(утверждено Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы
от 31 октября 2024 года, Протокол № 14, Приложение № 2)

В ходе мониторинга заявок, размещаемых инициаторами в АИС АПМ для назначения адвокатов защитниками по уголовным делам в порядке замены ранее назначенных адвокатов, Адвокатской палатой города Москвы выявлены многочисленные случаи допускаемых адвокатами нарушений как при прекращении своего участия без уважительных причин, так и при вступлении в уголовные дела по назначению.

При участии в делах по назначению адвокатам необходимо неукоснительно следовать Порядку назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденному Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 15 марта 2019 года (далее – Порядок), и Правилам Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденным Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176 и согласованных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 24 сентября 2019 года (далее – Правила).

Согласно п. 3.4 Порядка принцип непрерывности защиты применительно к назначению адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве означает участие одного и того же адвоката в уголовном деле с момента назначения до полного исполнения принятых им на себя обязательств, за исключением случаев, предусмотренных законодательством, Порядком и Региональными правилами.

Освобождение адвоката от участия в уголовном деле в качестве защитника по назначению допускается исключительно в случаях, предусмотренных законом (принятие соответствующим должностным лицом в соответствии с требованиями закона мотивированного процессуального решения об отводе защитника при наличии законных оснований для этого, принятие отказа обвиняемого (подозреваемого) от защитника, вступление в дело адвоката по соглашению, ранее не принимавшего участия в деле, приостановление статуса адвоката и др.) и (или) разъяснениями Комиссии Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, а также при наличии иных уважительных причин (например, тяжелая продолжительная болезнь, препятствующая осуществлению профессиональных обязанностей, передача дела по подследственности или подсудности в иное тер-

риториальное образование и т.п.) (п. 6 Рекомендаций Совета ФПА РФ об обеспечении непрерывности защиты по назначению, утвержденных Решением Совета ФПА РФ от 28 ноября 2019 г.).

При вступлении в уголовное дело по назначению п. 10.2 Порядка предписывает адвокату выполнить следующие действия:

1) принять меры по информированию в разумный срок (а при необходимости – незамедлительно) дознавателя, следователя или судьи о принятом поручении в целях согласования организационных и иных вопросов;

2) прибыть к месту проведения процессуального действия или судебного заседания в установленное время (с учетом территориальной удаленности, транспортной доступности, возможности отнесения транспортных расходов к процессуальным издержкам и иных условий и обстоятельств, влияющих на время прибытия адвоката);

3) убедиться в отсутствии обстоятельств, исключающих или препятствующих его участию в производстве по данному уголовному делу в качестве защитника, и вступить в уголовное дело в качестве защитника.

В соответствии с п. 15 Правил замена адвоката допускается только на основании мотивированного постановления дознавателя, следователя или суда. Назначенный в порядке замены адвокат обязан ознакомиться с постановлением о замене, удостовериться в его обоснованности и при необходимости уведомить ранее назначенного адвоката о получении соответствующего поручения. Отсутствие надлежащих оснований для замены является безусловным основанием для отказа от вступления в дело.

Указанные правовые предписания Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палаты города Москвы предусматривают обязанность адвоката до вступления в уголовное дело убедиться в наличии мотивированного процессуального решения дознавателя, следователя или суда о замене адвоката, в том числе по заявлению (ходатайству) предыдущего защитника по назначению о невозможности своей явки на процессуальное действие или судебное заседание.

Информация об основаниях замены размещается инициаторами в АИС АПМ в виде текстовых сведений с реквизитами и содержанием процессуальных решений либо в виде их образов (сканов, фотографий) и отображается в истории замены адвокатов на странице заявки в личных кабинетах адвокатов в веб-версии и мобильном приложении АИС АПМ.

Если образ процессуального решения в АИС АПМ отсутствует, до вступления в дело адвокат обязан с ним ознакомиться и прикрепить образ такого процессуального решения к принятой им заявке АИС АПМ через опцию «Обращение по заявке», например, путем фотографирования на смартфон адвоката и загрузки в поле «Прикрепить файл», или указать результаты проверки обоснованности замены в текстовом поле.

Непредоставление дознавателем, следователем или судом адвокату для ознакомления мотивированного процессуального решения о замене адвоката свидетельствует о его непринятии инициатором, что является препятствием для вступления адвоката в дело.

Анализ поступивших в АИС АПМ заявок выявил случаи вступления адвокатов в уголовные дела в порядке замены при отсутствии в АИС АПМ не только

образов процессуальных решений, но даже полноценной текстовой информации о них, что нарушает указанные нормативные предписания.

Другой получившей распространение практикой является прикрепление дознавателями, следователями или судами в качестве образов процессуальных решений пустых листов бумаги, иллюстраций и документов, не имеющих отношения к вопросу замены адвокатов в конкретных уголовных делах.

Вступление адвоката в дело без проверки надлежащего процессуального решения дознавателем, следователем или судом вопроса замены недопустимо и указывает на пренебрежительное отношение к своим профессиональным обязанностям, демонстрирующее ложное понимание задач адвокатуры как не связанных с достижением целей отправления правосудия.

К сожалению, данная порочная практика в значительной степени не смогла бы сложиться и получить развитие при неукоснительном соблюдении адвокатами, участвующими в делах по назначению, принципа непрерывности защиты и недопустимости отказа от защиты в уголовных делах. Принцип непрерывности защиты не допускает произвольного инициативного прекращения адвокатом своего участия в делах по назначению при отсутствии на то уважительных причин. Тем более не являются основаниями для прекращения участия отсутствие перспектив на заключение соглашения с подзащитным, защита которого принята по назначению, особая сложность и длительность участия в уголовном деле, предоставление приоритета делам по соглашению или вступление в дело без намерения осуществлять защиту, а лишь в целях получения оплаты за ознакомление с материалами уголовного дела.

В целях снижения нагрузки на адвокатов, участвующих по назначению в особо сложных делах в суде, Адвокатская палата города Москвы оставляет за собой право на нормативную регламентацию в будущем правил о «коллективной защите по назначению», информация о чем будет дополнительно доведена до адвокатского сообщества.

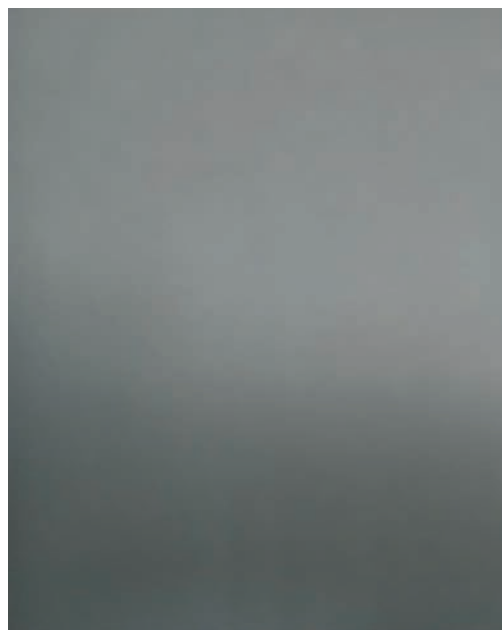
Указанными в настоящем Информационном письме действиями по прекращению защиты без уважительных причин и вступлению в дело без выяснения наличия и обоснованности процессуального решения о замене предыдущего защитника адвокаты посылают обществу и органам государственной власти неверные сигналы, не способствующие укреплению авторитета адвокатуры и ее роли как института защиты прав и свобод человека и гражданина в правовом государстве.

Целью настоящего Информационного письма является принятие предупредительных мер, которые могли бы исключить либо существенно снизить количество подобных нарушений путем разъяснения их недопустимости, а также информирование о последовательно ведущейся работе по выявлению отмеченных нарушений и применению мер дисциплинарного характера и/или возможности приостановления распределения адвокатам новых заявок в АИС АПМ сроком до 12 месяцев.

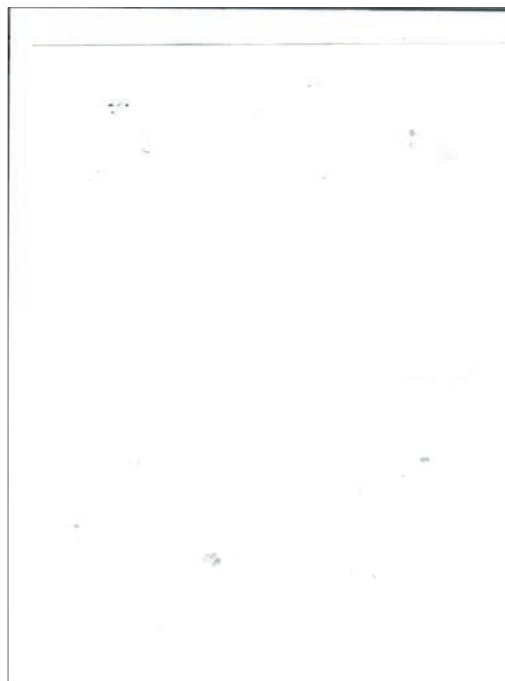
Файл «Заявка.pdf» – в качестве скана процессуального решения к заявке АИС АПМ № 606273:

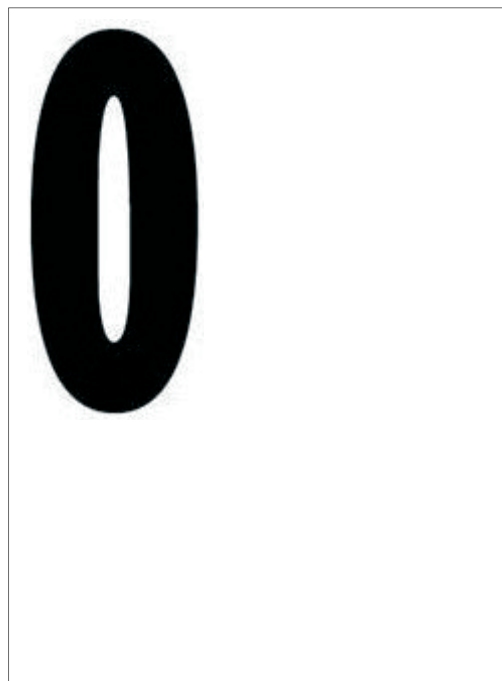
Файл «IMG_202208.pdf» – в качестве скана процессуального решения к заявке АИС АПМ № 471031:

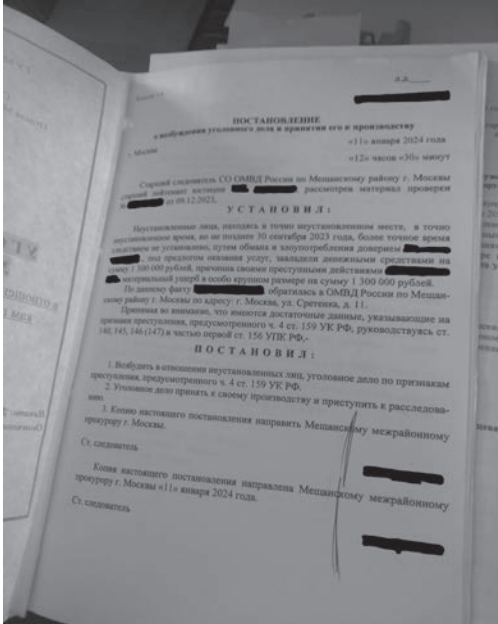
Файл «Белый лист.pdf» – в качестве скана процессуального решения к заявке АИС АПМ № 471031:

Файл «0.jpg» – в качестве скана процессуального решения к заявке АИС АПМ № 641489:

Файл «IMG_2024_09_25_09_46_28_1357342951844049010771.jpg» – в качестве скана процессуального решения к заявке АИС АПМ № 638485 (данные в приложенном файле обезличены в целях публикации):

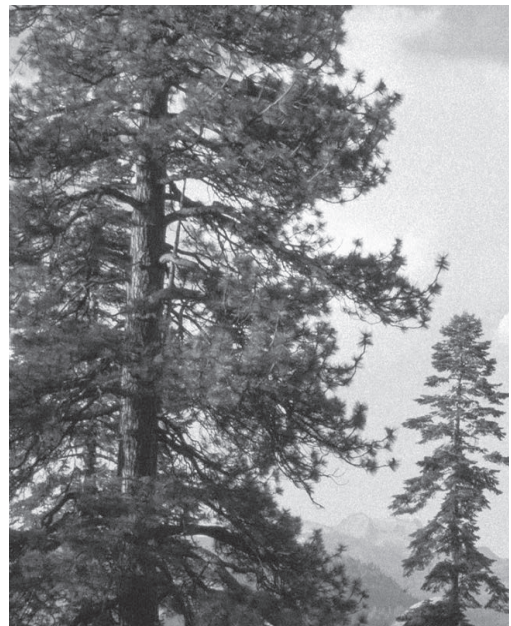
В заявках АИС АПМ № 616401, 616617, 619007 обнаружены элементы обмана со стороны инициатора, поскольку сканы содержат в названии ссылку на процессуальное решение, однако прикрепляются документы, не имеющие отношения к этому вопросу (данные АИС АПМ обезличены в целях публикации):

Идентификатор	Инициатор	Дата инициации	Дата принятия решения	Статус	Дополнительная информация
616401	+7 (911) [redacted]	08.07.2024	08.07.2024	Процессуальное решение	Клиентский АИС ООД инициатор
616617	+7 (911) [redacted]	08.07.2024	16.07.2024	Процессуальное решение	Клиентский АИС ООД инициатор
619007	+7 (911) [redacted]	14.07.2024	21.07	Процессуальное решение	Клиентский АИС ООД инициатор

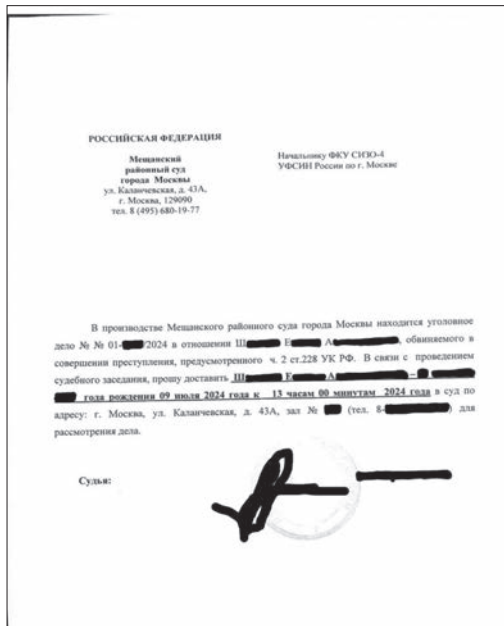
Файл «17228681346361398365834318541049.jpg» – в качестве скана процессуального решения к заявке АИС АПМ № 624226:

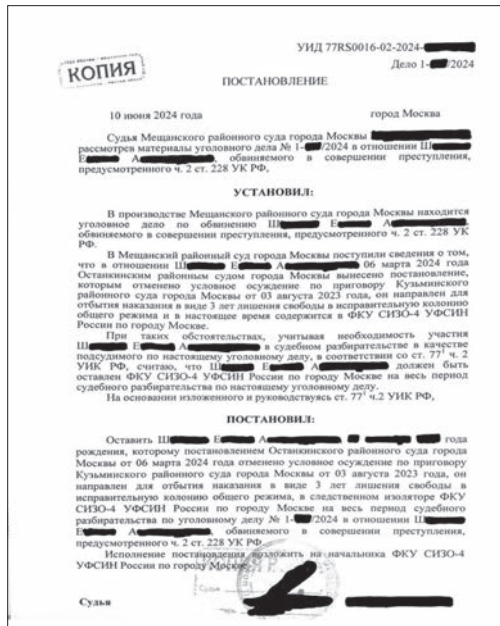
Файл «Снимок экрана 2024-08-20 в 09.38.35.png» – в качестве скана процессуального решения к заявке АИС АПМ № 628532:

Файл «Решение о замене.pdf» – в качестве скана процессуального решения к заявкам АИС АПМ № 616401, 616617 (прикреплен файл в формате изображения в связи с произведенным обезличиванием):

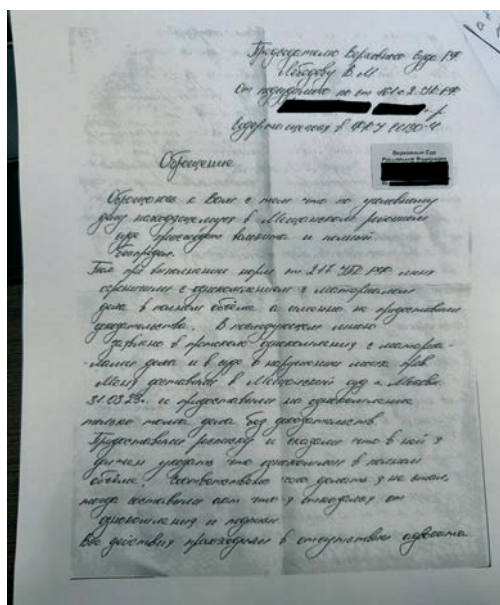
Файл «Решение о замене.pdf» – в качестве скана процессуального решения к заявке АИС АПМ № 616617, 619007 (прикреплен файл в формате изображения в связи с произведенным обезличиванием):

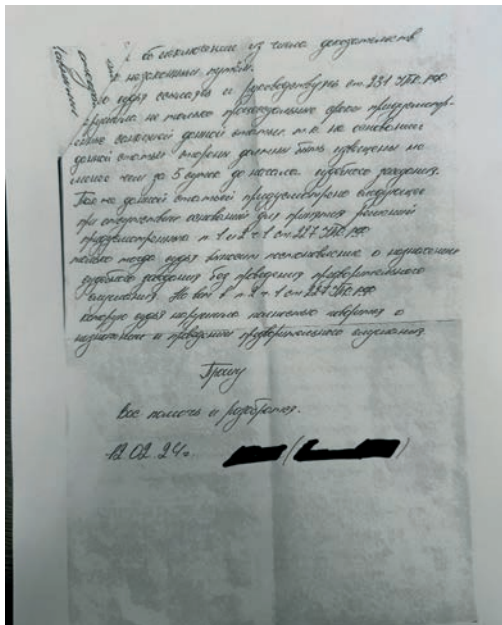
Другим примером является замена адвокатов по заявкам АИС АПМ № 610489, 610695, 612789, в которых в качестве сканов двух процессуальных решений прикреплены два листа обращения осужденного на имя Председателя Верховного Суда РФ о допущенной, по его мнению, по уголовному делу «волоките и полному беспределу» (данные АИС АПМ обезличены в целях публикации):

Файл «IMG-20240422-WA0001.jpg» – в качестве скана процессуального решения к заявке АИС АПМ № 610489, 610695 (данные в приложенном файле обезличены в целях публикации):

Заявка	ФИО заявителя	Контакты	Дата изготовления	Дата замены	Причина замены	Дополнительная информация
610489	[redacted]	+7 (921) [redacted]	18.06.2024	19.06.2024	Процессуальное решение	Комментарий: ИКС СОД инициатор [redacted] IMG 20240422-WA0001.jpg
610495	[redacted]	+7 (921) [redacted]	19.06.2024	26.06.2024	Процессуальное решение	Комментарий: ИКС СОД инициатор [redacted] IMG 20240422-WA0001.jpg
612789	[redacted]	+7 (911) [redacted]	26.06.2024	15.14		IMG 20240422-WA0001.jpg

Файл «IMG-20240422-WA0002.jpg» – в качестве скана процессуального решения к заявке АИС АПМ № 610695, 612789 (данные в приложенном файле обезличены в целях публикации):

Файл «“УТВЕРЖДАЮ” (4).pdf» – в качестве скана процессуального решения к заявкам АИС АПМ № 643326, 643330 (данные в приложенном файле обезличены в целях публикации):

«УТВЕРЖДАЮ»

Заместитель Тушинского
межрайонного прокурора г. Москвы

совместно с
[Redacted Signature]

[Redacted] 2024 г.

ОБВИНТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
по обвинению Б. [Redacted] А. [Redacted] Д. [Redacted]
в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ

ОБВИНЯЕТСЯ:

1. Фамилия, имя, отчество	Б. [Redacted] А. [Redacted] Д. [Redacted]
2. Дата рождения	[Redacted] г.р.
3. Место рождения	[Redacted]
4. Место жительства и (или) регистрации, телефона	Зарегистрирован по адресу: [Redacted] г. Москва, г. Москва, фактически проживает по адресу: [Redacted] (т. 2. а.а. 1-2; т. 1. а.а. 136-140)
5. Гражданство	РФ
6. Образование	среднее
7. Семейные отношения, состав семьи	не имеет, на воспитании несовершеннолетних детей нет
8. Место работы или учебы, род занятий или профессия, телефон	временно безработный (т. 2. а.а. 1-2; т. 1. а.а. 136-140)
9. Отношение к воинской обязанности	а/о
10. Наличие судимости	судим по п.п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ [Redacted] Севастопольским городским судом Республики Крым наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года; судим по ч. 1 ст. 119 УК РФ [Redacted] Мещанским районным судом наказание в виде лишения свободы условно с испытательным сроком на 1 год 6 месяцев (т. 2. а.а. 7-30)
11. Паспорт или иной документ, удостоверяющий личность	Паспорт гражданина РФ [Redacted] выдан МВД [Redacted] [Redacted] год [Redacted] [Redacted] год [Redacted]

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 307

28 ноября 2024 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представленные ходатайства о награждении, поступившие из адвокатских образований, решил:

присвоить звание «Заслуженный адвокат Адвокатской палаты города Москвы» с вручением свидетельства о присвоении звания

Шарову Геннадию Константиновичу, регистрационный номер 77/6564 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов»;

наградить Почетной грамотой Адвокатской палаты города Москвы

Никуленко Олега Олеговича, регистрационный номер 77/4902 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Специализированной Московской коллегии адвокатов «ЭкКорп-Защита».

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив поступившие из адвокатских образований ходатайства о награждении, решил обратиться с ходатайством о награждении наградами Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

К награждению представлены:

орденом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «За верность адвокатскому долгу»

Качев Николай Валентинович, регистрационный номер 77/6642 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва),

**Почетной грамотой Федеральной палаты адвокатов
Российской Федерации**

Макарова Елена Викторовна, регистрационный номер 77/4256 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва).

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 308

28 ноября 2024 года

Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев заявления адвокатов и руководствуясь статьями 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Акинина Анна Александровна
2. Бабаева Мария Вадимовна
3. Баграев Александр Кимович
4. Бисултанова Хеди Сайдцелаховна
5. Бондякова Анна Васильевна
6. Гобанов Сергей Леонидович
7. Горбатюк Юрий Борисович
8. Горденина Мария Дмитриевна
9. Давлетшина Людмила Алексеевна
10. Ермилов Михаил Владимирович
11. Ершов Михаил Владимирович
12. Исаков Игорь Николаевич
13. Кагирова Анастасия Владиславовна
14. Князьков Александр Александрович
15. Кузнецова Зоя Владимировна
16. Курчин Виктор Олегович
17. Мазлов Сергей Владимирович
18. Носов Павел Анатольевич
19. Родомакин Павел Александрович
20. Савельев Денис Вячеславович

21. Самарин Андрей Игоревич
22. Седых Павел Николаевич
23. Федосова Мария Александровна
24. Филонов Леонид Романович
25. Халезин Андрей Александрович.

2. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **исключены** из членов Адвокатской палаты города Москвы:

1. Колесникова Ольга Константиновна, регистрационный номер 77/10107 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

2. Рахманова Ангелина Георгиевна, регистрационный номер 77/12592 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

3. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановил статус** адвоката

Хубецов Сослан Анатольевич, регистрационный номер 77/8954 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

4. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Алиева Дурсун Салим кызы, регистрационный номер 77/14782 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

2. Афанасьев Владимир Николаевич, регистрационный номер 77/13896 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

3. Байчорова Фатима Исмаиловна, регистрационный номер 77/12149 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

4. Беляк Сергей Валентинович, регистрационный номер 77/4248 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 ноября 2024 года.

5. Брутян Сергей Леонович, регистрационный номер 77/2173 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

6. Гудименко Ольга Ивановна, регистрационный номер 77/8083 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

7. Золотов Денис Николаевич, регистрационный номер 77/17323 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

8. Золотко Наталья Васильевна, регистрационный номер 77/11864 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

9. Кобегкаев Тамерлан Хаджимуратович, регистрационный номер 77/10020 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

10. Козин Александр Вячеславович, регистрационный номер 77/1839 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

11. Кремнева Анна Петровна, регистрационный номер 77/12576 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

12. Кузьмин Павел Петрович, регистрационный номер 77/15556 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

13. Лошагин Сергей Олегович, регистрационный номер 77/14270 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 декабря 2024 года.

14. Миронова Екатерина Владимировна, регистрационный номер 77/2920 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

15. Полетыкин Геннадий Яковлевич, регистрационный номер 77/10538 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

16. Сидельникова Елена Игоревна, регистрационный номер 77/14870 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

17. Суров Олег Борисович, регистрационный номер 77/12415 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

18. Хотимчук Юрий Васильевич, регистрационный номер 77/3311 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

19. Щербинин Павел Анатольевич, регистрационный номер 77/12706 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

5. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Иванов Валерий Иванович, регистрационный номер 77/10980 в Едином государственном реестре адвокатов, с 20 мая 2023 года по 04 октября 2024 года.

2. Налимов Станислав Владимирович, регистрационный номер 77/9929 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 октября 2024 года.

3. Скрыпник Константин Владимирович, регистрационный номер 77/11055 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 октября 2024 года.

6. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Вертелева Светлана Евгеньевна, регистрационный номер 77/156 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 декабря 2024 года.

2. Зубов Андрей Викторович, регистрационный номер 77/14090 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

3. Новаковский Андрей Владимирович, регистрационный номер 77/9766 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

7. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Козлов Юрий Федорович, регистрационный номер 77/4854 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

2. Полякова Елена Юрьевна, регистрационный номер 77/2740 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 декабря 2024 года.

3. Проскурин Виктор Васильевич, регистрационный номер 77/1174 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

4. Шаламов Андрей Михайлович, регистрационный номер 77/2930 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

5. Шаров Геннадий Константинович, регистрационный номер 77/6564 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

6. Шепелёва Елена Владимировна, регистрационный номер 77/5027 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

8. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Березиной Татьяны Васильевны, регистрационный номер 77/1080 в Едином государственном реестре адвокатов, с 21 ноября 2024 года.

2. Тарабрина Андрея Ильича, регистрационный номер 77/16663 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 ноября 2024 года.

3. Турусинова Сергея Сергеевича, регистрационный номер 77/14541 в Едином государственном реестре адвокатов, с 07 декабря 2021 года.

4. Штейна Бориса Борисовича, регистрационный номер 77/2092 в Едином государственном реестре адвокатов, с 07 ноября 2024 года.

9. В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвоката

Карамяна Эрика Самвеловича, регистрационный номер 77/14092 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

10. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Багаутдинова Ольга Павловна, регистрационный номер 77/14051 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

2. Банковский Антон Владимирович, регистрационный номер 77/8188 в Едином государственном реестре адвокатов, с 02 декабря 2024 года.

3. Баранов Денис Николаевич, регистрационный номер 77/13764 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

4. Кордонов Борис Олегович, регистрационный номер 77/15471 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

5. Крылов Виталий Петрович, регистрационный номер 77/14111 в Едином государственном реестре адвокатов, с 08 декабря 2024 года.

6. Моисеенко Владимир Сергеевич, регистрационный номер 77/16640 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 ноября 2024 года.

7. Муханова Лариса Викторовна, регистрационный номер 77/3805 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 декабря 2024 года.

8. Якубова Ирина Валерьевна, регистрационный номер 77/10177 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 декабря 2024 года.

11. Внести изменение в Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 31 октября 2024 года № 282 «Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”», изложив подпункт 7 пункта 3 в следующей редакции:

«7. Иванов Валерий Иванович, регистрационный номер 77/10980 в Едином государственном реестре адвокатов, с 05 октября 2024 года.».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 309

28 ноября 2024 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

I. Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Боровских Татьяна Валентиновна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5289, с 21 ноября 2024 года.

2. Добщевич Станислав Олегович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5291, с 21 ноября 2024 года.

3. Иванова Екатерина Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5292, с 25 ноября 2024 года.

4. Князев Александр Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5290, с 20 ноября 2024 года.

5. Колобаев Денис Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5288, с 12 ноября 2024 года.

6. Кудренко Михаил Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5293, с 27 ноября 2024 года.

7. Миколенко Алла Васильевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5285, с 31 октября 2024 года.

8. Негрей Евгений Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5286, с 01 ноября 2024 года.

9. Якубовский Анатолий Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5287, с 05 ноября 2024 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Белов Андрей Борисович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2691, с 18 ноября 2024 года.

2. Вертелева Светлана Евгеньевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3281, с 01 декабря 2024 года.

3. Гришин Артем Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4650, с 31 октября 2024 года.

4. Гудименко Ольга Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3399, с 28 ноября 2024 года.

5. Зубов Андрей Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3822, с 28 ноября 2024 года.

6. Исайчев Максим Андреевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4737, с 21 ноября 2024 года.

7. Кожемякин Антон Борисович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3283, с 25 ноября 2024 года.

8. Кожемякин Борис Аркадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3284, с 25 ноября 2024 года.

9. Козин Александр Вячеславович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1314, с 28 ноября 2024 года.

10. Козлов Юрий Федорович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4592, с 26 ноября 2024 года.

11. Кузьмин Павел Петрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4802, с 28 ноября 2024 года.

12. Налимов Станислав Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1997, с 28 ноября 2024 года.

13. Хотимчук Юрий Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4450, с 28 ноября 2024 года.

14. Щербинин Павел Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3356, с 28 ноября 2024 года.

3. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Коллегия адвокатов города Москвы «МПА Про», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1057, с 23 октября 2024 года.

2. Коллегия адвокатов города Москвы «Бородин и партнёры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1058, с 10 октября 2024 года.

3. Коллегия адвокатов г.Москвы «Закон и Бизнес», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1059, с 30 октября 2024 года.

4. Коллегия адвокатов «Сафоненков, Густов и Партнеры» г. Москва, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1060, с 12 ноября 2024 года.

4. Учреждены адвокатские бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Адвокатское бюро города Москвы «ЭТЛЕГИС» (Закон), регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-532, с 26 августа 2024 года.

2. Адвокатское бюро города Москвы «МПА Про», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-533, с 24 октября 2024 года.

3. Адвокатское бюро г. Москвы «Легаси» (Наследие), регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-534, с 12 ноября 2024 года.

5. Ликвидировано адвокатское бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Адвокатское бюро «Сафоненков, Густов и Партнеры» г. Москва, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-424, с 12 ноября 2024 года.

II. Внести изменение в Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 31 октября 2024 года № 283 «Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”», изложив подпункт 7 пункта 2 в следующей редакции:

«Иванов Валерий Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4499, с 20 мая 2023 года.».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 310

11 декабря 2024 года

Об исполнении статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев заявления адвокатов и руководствуясь статьей 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

1. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Варцабо Вячеслав Владимирович, регистрационный номер 77/5503 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

2. Воронкова Лариса Павловна, регистрационный номер 77/3843 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2003 года.

3. Демидова Нина Геннадьевна, регистрационный номер 77/3146 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

4. Корчагина Инна Викторовна, регистрационный номер 77/7489 в Едином государственном реестре адвокатов, с 10 января 2017 года.

5. Лазарева Людмила Викторовна, регистрационный номер 77/6529 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

2. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвоката

Яшина Николая Дмитриевича, регистрационный номер 77/7090 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 октября 2024 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 338

19 декабря 2024 года

О созыве Двадцать третьей ежегодной конференции адвокатов Адвокатской палаты города Москвы

1. В соответствии со статьями 30 и 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» созвать Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы 4 апреля 2025 года по адресу: г. Москва, ул. Смоленская, д. 5, отель «Золотое кольцо», зал «Ярославль», начало работы конференции – 10.00 час. (регистрация делегатов с 9 час. 15 мин.).

2. Сформировать следующую повестку дня конференции:

1) Отчет о деятельности Совета Адвокатской палаты города Москвы за 2024 год.
2) Отчет Совета Адвокатской палаты города Москвы об исполнении сметы доходов и расходов Адвокатской палаты города Москвы за 2024 год.

3) Отчет Ревизионной комиссии о результатах ревизии финансово-хозяйственной деятельности Адвокатской палаты города Москвы за 2024 год.

4) О смете доходов и расходов Адвокатской палаты города Москвы на 2025 год. Об определении размера обязательных ежемесячных отчислений адвокатов на общие нужды Адвокатской палаты города Москвы в 2025 году.

5) О внесении изменений в Устав Негосударственной некоммерческой организации «Адвокатская палаты города Москвы».

6) Утверждение решения Совета Адвокатской палаты города Москвы по обновлению его состава в соответствии с процедурой обновления (ротации) Совета, предусмотренной пунктом 2 статьи 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

а) о прекращении полномочий членов Совета Адвокатской палаты города Москвы, подлежащих замене;

б) об избрании новых членов Совета Адвокатской палаты города Москвы.

7) Избрание членов Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы из числа адвокатов – членов Адвокатской палаты города Москвы.

8) Избрание представителей на Всероссийский съезд адвокатов.

9) Избрание членов Ревизионной комиссии Адвокатской палаты города Москвы.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 339

19 декабря 2024 года

О норме представительства на Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы и порядке избрания делегатов

1. В соответствии с пп. 3 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» определить норму представительства на Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы:

1.1. 1 делегат от 20 адвокатов – членов Адвокатской палаты города Москвы, сведения о которых внесены в Единый государственный реестр адвокатов.

1.2. Члены Совета Адвокатской палаты города Москвы, Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы, избранные из числа адвокатов, Ревизионной комиссии Адвокатской палаты города Москвы избираются делегатами Конференции Советом Адвокатской палаты города Москвы вне установленной нормы представительства.

2. Утвердить порядок избрания делегатов на Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы (прилагается).

3. Утвердить Регламент проведения Общего собрания членов Адвокатской палаты города Москвы по избранию делегатов на Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

УТВЕРЖДЕН
Решением Совета Адвокатской палаты
города Москвы № 339 от 19 декабря 2024 года

ПОРЯДОК
избрания делегатов
на Двадцать третью ежегодную конференцию
адвокатов Адвокатской палаты города Москвы

1. Делегаты на Конференцию избираются в следующем порядке:

1.1. Адвокаты – члены Адвокатской палаты города Москвы, осуществляющие адвокатскую деятельность в коллегиях адвокатов и адвокатских бюро с **численностью 20 и более адвокатов**, проводят в своих адвокатских образованиях собрания по избранию делегатов по установленной норме представительства от числа адвокатов – членов Адвокатской палаты города Москвы, осуществляющих адвокатскую деятельность в соответствующей коллегии адвокатов или адвокатском бюро.

Собрание считается правомочным, если в его работе приняло участие не менее 25 процентов адвокатов от числа адвокатов данного адвокатского образования, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы.

1.2. Адвокаты – члены Адвокатской палаты города Москвы, осуществляющие адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, коллегиях адвокатов и адвокатских бюро с численностью менее 20 адвокатов, принимают участие в Общем собрании, организуемом Советом Адвокатской палаты города Москвы 28 марта 2025 года, в 15.00 часов (начало регистрации с 14.30 час.), по адресу: г. Москва, ул. Смоленская, д. 5, Отель «Золотое кольцо», зал «Ярославль».

1.3. Члены Совета Адвокатской палаты города Москвы, Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы, избранные из числа адвокатов, Ревизионной комиссии Адвокатской палаты города Москвы избираются делегатами на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы простым большинством голосов членов Совета, участвующих в заседании.

2. Решения на собраниях, указанных в подпунктах 1.1 и 1.2 настоящего Порядка, принимаются простым большинством голосов адвокатов, участвующих в данных собраниях.

При принятии решений каждый участник собрания обладает одним голосом.

Передача права голоса участником собрания иным лицам по доверенности не допускается.

3. При избрании делегатов необходимо иметь в виду следующее.

В случае, если число адвокатов, участвующих в собрании, не является кратным числу 20, адвокаты вправе избрать делегатов по следующему принципу: если число адвокатов, участвующих в избрании делегатов, превышает 20 человек, то в случае оставшейся численности, равной или свыше 50 процентов (от 20) избирается еще

один делегат, если менее 50 процентов (девять адвокатов и менее) – делегат не избирается.

Например:

а) число адвокатов, внесенных в список, насчитывает 95 человек. В этом случае собрание избирает пять делегатов: $20 \times 4 = 80$, и от 15 адвокатов (свыше 50 процентов) – один делегат, итого: $4 + 1 = 5$ делегатов;

б) если в списки включены 83 адвоката, то избираются только четыре делегата ($80 : 20 = 4$), оставшиеся три адвоката составляют менее 50 процентов от 20.

4. Ответственными за организацию собраний, указанных в подпункте 1.1 настоящего Порядка, являются руководители адвокатских образований.

5. Протоколы собраний по избранию делегатов на Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы (форма прилагается) представляются нарочным в Совет Адвокатской палаты города Москвы не позднее 20 марта 2025 года.

ПРОТОКОЛ

**собрания адвокатов, осуществляющих адвокатскую деятельность
в составе _____**

(наименование адвокатского образования)

г. Москва

« ____ » _____ 202__ года

Всего по списку:

_____ общее число адвокатов – членов Адвокатской палаты города Москвы

ПРИСУТСТВОВАЛО:

_____ общее число адвокатов – членов Адвокатской палаты города Москвы

ПОВЕСТКА ДНЯ

1. Избрание Председателя и секретаря Собрания.
2. Избрание делегата(ов) на Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы.

1. Избрание Председателя и секретаря собрания.

_____ предложил(а) избрать Председателем собрания

Ф.И.О. адвоката

секретарем собрания _____

Ф.И.О. адвоката

РЕШИЛИ: Избрать Председателем собрания _____,

Ф.И.О. адвоката

секретарем собрания _____

Ф.И.О. адвоката

Результаты голосования: «за» _____

«против» _____

«воздержались» _____

2. Избрание делегата(ов) на Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы.

_____ сообщил о норме представительства на Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы, определенную решением Совета Адвокатской палаты города Москвы, которая будет проходить 4 апреля 2025 года по адресу: г. Москва, ул. Смоленская, д. 5, отель «Золотое кольцо», зал «Ярославль», и разъяснил порядок избрания делегатов. Учитывая количество адвокатов по списку, предложил избрать делегата(ов)

Результаты голосования: «за» — _____
«против» — _____
«воздержались» — _____

По результатам голосования принято решение: избрать делегатом(ми) на Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы:

Ф.И.О., номер в реестре адвокатов города Москвы

Председатель собрания

Секретарь

УТВЕРЖДЕН
Решением Совета Адвокатской палаты
города Москвы № 339 от 19 декабря 2024 года

РЕГЛАМЕНТ
проведения Общего собрания членов Адвокатской палаты города
Москвы по избранию делегатов на Двадцать третью ежегодную
конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы

1. Настоящий Регламент определяет порядок проведения Общего собрания членов Адвокатской палаты города Москвы по избранию делегатов на Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы.

2. Общее собрание членов Адвокатской палаты города Москвы по избранию делегатов на Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы (далее – Общее собрание или Собрание) в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодексом профессиональной этики адвоката, Уставом Адвокатской палаты города Москвы, решениями Совета Адвокатской палаты города Москвы и настоящим Регламентом.

3. Время и место проведения Общего собрания определяются Советом Адвокатской палаты города Москвы.

4. Участниками Общего собрания являются только адвокаты, осуществляющие адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, коллегиях адвокатов и адвокатских бюро с численностью менее 20 адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы.

5. Общее собрание считается правомочным вне зависимости от числа адвокатов, принявших участие в Собрании.

6. Все решения Общего собрания принимаются простым большинством голосов его участников. Во время работы Общего собрания ведется протокол.

7. Регистрация участников Общего собрания проводится на основании списков адвокатских кабинетов, членов коллегий адвокатов и адвокатских бюро при предъявлении адвокатских удостоверений.

Участник Общего собрания удостоверяет факт регистрации, а также правильность сведений, указанных в регистрационном листе, собственноручной подписью.

Регистрация по доверенности в качестве участника Общего собрания не допускается.

8. По результатам регистрации участников Общего собрания составляется протокол, который подписывается всеми членами группы регистрации.

9. Общее собрание открывает и ведет Президент Адвокатской палаты города Москвы, выполняя функцию Председателя.

10. Председатель назначает секретаря Общего собрания из числа присутствующих на собрании адвокатов.

11. Председатель вносит на утверждение Общего собрания повестку дня, предоставляет возможность выступлений участникам Собрания, проводит голосование по вопросам повестки дня, **ведет подсчет голосов совместно с секретарем Общего собрания**, закрывает Собрание, осуществляет иные функции.

По предложению Председателя, в случае необходимости, может быть избрана счетная комиссия.

12. Общее собрание избирает делегатов на Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы согласно утвержденной Советом Адвокатской палаты города Москвы норме представительства от числа присутствующих на Собрании адвокатов.

13. Список кандидатов в делегаты Конференции формируется Председателем Общего собрания на основе предложений участников Собрания из числа адвокатов, присутствующих на Собрании.

14. Участники Общего собрания вправе:

- выступать и вносить предложения по поводу формирования списка;
- выдвигать себя и другие кандидатуры в список;
- заявлять самоотвод.

15. Решение об избрании делегатов на Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы принимается открытым голосованием, простым большинством голосов.

По решению Общего собрания голосование может осуществляться как персонально, так и списком.

В случае, если число кандидатов в делегаты превышает установленную норму представительства, проводится рейтинговое голосование.

По итогам рейтингового голосования избранными делегатами считаются те из кандидатов, которые набрали относительное большинство голосов по сравнению с другими.

16. Результаты голосования указываются в протоколе Общего собрания.

17. После принятия решения об избрании делегатов на Конференцию Общее собрание прекращает свою работу.

18. Составленный по результатам работы Общего собрания протокол подписывается Председателем и секретарем Общего собрания.

Адвокатская палата города Москвы

пер. Сивцев Вражек, д. 43
г. Москва, 119002

тел.: +7(495) 909-85-94
e-mail: info@advokatymoscow.ru

Исх. № _____

«___» _____ 20__ г.

Руководителям органов управления коллегиями адвокатов и адвокатскими бюро, адвокатским кабинетам

Уважаемые коллеги!

Направляются документы Совета Адвокатской палаты города Москвы, определяющие норму представительства, порядок избрания делегатов на Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы, которая состоится 4 апреля 2025 года по адресу: г. Москва, ул. Смоленская, д. 5, отель «Золотое кольцо», зал «Ярославль».

Обращаем ваше внимание на то, что адвокаты, осуществляющие адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, коллегиях адвокатов и адвокатских бюро с численностью **менее 20 адвокатов**, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы, принимают участие в избрании делегатов на Конференцию только на Общем собрании, организуемом Советом Адвокатской палаты города Москвы 28 марта 2025 года, в 15.00 часов (начало регистрации с 14.30 час.) по адресу: г. Москва, ул. Смоленская, д. 5, отель «Золотое кольцо», зал «Ярославль».

Убедительно прошу довести данную информацию до членов вашего коллектива.

Приложение: на _____ листах

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

Адвокатская палата города Москвы

пер. Сивцев Вражек, д. 43
г. Москва, 119002

тел.: +7(495) 909-85-94
e-mail: info@advokatymoscow.ru

Исх. № _____

«___» _____ 20__ г.

**Руководителю
коллегии адвокатов,
адвокатского бюро**

Уважаемые коллеги!

Направляются документы Совета Адвокатской палаты города Москвы, определяющие норму представительства, порядок избрания делегатов на Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы, которая состоится 4 апреля 2025 года по адресу: г. Москва, ул. Смоленская, д. 5, отель «Золотое кольцо», зал «Ярославль».

Прошу Вас принять меры к организации в Вашем коллективе собрания по избранию делегатов на Конференцию.

Обращаем Ваше внимание на то, что в собрании по избранию делегатов на Конференцию вправе принимать участие адвокаты – члены Адвокатской палаты города Москвы, осуществляющие адвокатскую деятельность только в Вашей коллегии адвокатов или адвокатском бюро.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 340

19 декабря 2024 года

Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

(извлечение)

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев заявления адвокатов и руководствуясь статьями 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» приняты в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Басанов Вадим Николаевич
2. Болгов Дмитрий Александрович
3. Головченко Максим Геннадиевич
4. Горбатикова Юлия Владимировна
5. Григорьев Дмитрий Сергеевич
6. Егоров Андрей Андреевич
7. Загаренко Антон Олегович
8. Иванова Лилия Николаевна
9. Кондалеев Владимир Владимирович
10. Куракин Максим Вадимович
11. Кучин Олег Вячеславович
12. Лагутаев Антон Владимирович
13. Лебедева Любовь Алексеевна
14. Магомаева Гульжана Арсланалиевна
15. Маллаев Багир Магомедович
16. Одайник Александр Григорьевич
17. Попов Сергей Юрьевич
18. Рыков Дмитрий Николаевич
19. Сойту Мария Викторовна

20. Спиглазов Валерий Павлович
21. Тихонова Наталия Александровна
22. Фофанов Андрей Николаевич
23. Фуц Светлана Александровна
24. Шептухов Евгений Викторович
25. Ященко Денис Григорьевич.

2. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **исключена** из членов Адвокатской палаты города Москвы

Винокурова Ксения Сергеевна, регистрационный номер 77/16814 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

3. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили** статус адвоката:

1. Агапов Игорь Александрович, регистрационный номер 77/7045 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

2. Бокарева Валентина Александровна, регистрационный номер 77/9676 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2025 года.

3. Воронков Дмитрий Викторович, регистрационный номер 77/9819 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

4. Гонина Ольга Митрофановна, регистрационный номер 77/6250 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 декабря 2024 года.

5. Кузин Виктор Александрович, регистрационный номер 77/35 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2025 года.

6. Марецкий Дмитрий Болеславович, регистрационный номер 77/8354 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 декабря 2024 года.

7. Мхитарян Алтана Геннадьевна, регистрационный номер 77/16777 в Едином государственном реестре адвокатов, с 14 января 2025 года.

8. Николаева Галина Алексеевна, регистрационный номер 77/776 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2025 года.

9. Суrowова Ольга Александровна, регистрационный номер 77/9051 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

4. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Кононов Валерий Викторович, регистрационный номер 77/12612 в Едином государственном реестре адвокатов, с 05 декабря 2024 года.

2. Коровников Владимир Александрович, регистрационный номер 77/8426 в Едином государственном реестре адвокатов, с 24 декабря 2024 года.

3. Яценко Анатолий Сергеевич, регистрационный номер 77/16158 в Едином государственном реестре адвокатов, с 09 октября 2024 года.

5. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Дашиев Цырен Викторович, регистрационный номер 77/13604 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

2. Кабалинова Елена Евгеньевна, регистрационный номер 77/5750 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2025 года.

3. Макарова Екатерина Михайловна, регистрационный номер 77/10327 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

4. Мамедов Фадаи Сахиб оглы, регистрационный номер 77/2208 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

5. Шаблыко Николай Николаевич, регистрационный номер 77/1854 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

6. Яблонских Любовь Николаевна, регистрационный номер 77/12469 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

6. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Городкова-Булгакова Клавдия Валентиновна, регистрационный номер 77/5550 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2025 года.

2. Грибков Алексей Александрович, регистрационный номер 77/4808 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

3. Киселев Геннадий Алексеевич, регистрационный номер 77/5885 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

4. Манагадзе Гуранда Анзorieвна, регистрационный номер 77/347 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

5. Мкртычев Альберт Альбертович, регистрационный номер 77/4039 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

6. Петрова Наталья Борисовна, регистрационный номер 77/6023 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

7. Петрухин Олег Владимирович, регистрационный номер 77/10840 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

8. Рындин Виктор Валентинович, регистрационный номер 77/4897 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

7. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Чернолуцкого Юрия Григорьевича, регистрационный номер 77/7968 в Едином государственном реестре адвокатов, с 04 сентября 2021 года.

2. Хабрянкина Александра Вячеславовича, регистрационный номер 77/4991 в Едином государственном реестре адвокатов, с 03 сентября 2024 года.

3. Теуважева Артура Назировича, регистрационный номер 77/11151 в Едином государственном реестре адвокатов, с 06 июня 2024 года.

8. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Абрикосова Наталья Анатольевна, регистрационный номер 77/4734 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

2. Максимов Игорь Вячеславович, регистрационный номер 77/3852 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 декабря 2024 года.

3. Налбандян Тигран Азатаберович, регистрационный номер 77/15634 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2025 года.

4. Посашков Павел Анатольевич, регистрационный номер 77/15313 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 декабря 2024 года.

5. Урсул Василий Николаевич, регистрационный номер 77/14544 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 января 2025 года.

9. В соответствии с п. 16 Решения Двадцать второй ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 5 апреля 2024 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы адвоката в связи с достижением адвокатского стажа свыше 40 лет:

1 адвокат – с 08 января 2025 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 341

19 декабря 2024 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Акинина Анна Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5300, с 11 декабря 2024 года.

2. Атаев Денисолта Гермсолтаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5306, с 28 ноября 2024 года.

3. Балашов Сергей Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5307, с 18 декабря 2024 года.

4. Банковский Антон Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5296, с 05 декабря 2024 года.

5. Баранов Денис Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4337, с 04 декабря 2024 года.

6. Гладышева Татьяна Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5305, с 11 декабря 2024 года.

7. Горбатюк Юрий Борисович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5302, с 13 декабря 2024 года.

8. Ершов Михаил Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5299, с 11 декабря 2024 года.

9. Иванов Михаил Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4887, с 02 декабря 2024 года.

10. Краснобаев Руслан Евгеньевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2148, с 10 декабря 2024 года.

11. Кузнецов Александр Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5304, с 11 декабря 2024 года.

12. Кунаева Людмила Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5298, с 05 декабря 2024 года.

13. Курчин Виктор Олегович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5301, с 12 декабря 2024 года.

14. Липатова Анна Петровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5294, с 04 декабря 2024 года.

15. Мунько Оксана Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5297, с 05 декабря 2024 года.

16. Назаров Павел Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5308, с 17 декабря 2024 года.

17. Самарин Андрей Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5303, с 13 декабря 2024 года.

18. Сидельников Роман Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5309, с 18 декабря 2024 года.

19. Тепляков Алексей Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5295, с 02 декабря 2024 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Акинин Дмитрий Эдуардович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5227, с 02 декабря 2024 года.

2. Воронков Дмитрий Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1866, с 19 декабря 2024 года.

3. Городкова-Булгакова Клавдия Валентиновна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2885, с 01 января 2025 года.

4. Грибков Алексей Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-175, с 19 декабря 2024 года.

5. Киселев Геннадий Алексеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-360, с 19 декабря 2024 года.

6. Кононов Валерий Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3985, с 05 декабря 2024 года.

7. Косарев Александр Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5170, с 28 ноября 2024 года.

8. Кузин Виктор Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-430, с 01 января 2025 года.

9. Макарова Екатерина Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3478, с 19 декабря 2024 года.

10. Мамедов Фадаи Сахиб оглы, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1923, с 19 декабря 2024 года.

11. Марецкий Дмитрий Болеславович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1427, с 31 декабря 2024 года.

12. Никитина Ирина Алексеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4241, с 28 ноября 2024 года.

13. Прудюс Елена Витальевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5124, с 01 января 2025 года.

14. Романова Елена Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1674, с 30 ноября 2024 года.

15. Рындин Виктор Валентинович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-678, с 19 декабря 2024 года.

16. Хабрянкин Александр Вячеславович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-850, с 03 сентября 2024 года.

17. Чудина Светлана Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2432, с 28 ноября 2024 года.

18. Яблонских Любовь Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3714, с 19 декабря 2024 года.

3. Учреждена коллегия адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Московская коллегия адвокатов «РиВерГрупп», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1061, с 23 сентября 2024 года.

4. Ликвидирована коллегия адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Коллегия адвокатов «Аманлиев, Герасимов, Комаровская» города Москвы, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-897, с 21 декабря 2022 года.

5. Учреждено адвокатское бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Адвокатское бюро «Аманлиев, Герасимов, Комаровская, Тимченко» города Москвы, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-535, с 21 декабря 2022 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 343

19 декабря 2024 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив ходатайства о награждении, поступившие из адвокатских образований, и представления первого вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Полякова И.А., решил:

**присвоить звание «Ветеран Московской адвокатуры»
с вручением удостоверения и нагрудного знака:**

Бурмистрову Михаилу Васильевичу, регистрационный номер 77/1265 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов»,

**присвоить звание «Заслуженный адвокат Адвокатской палаты города
Москвы» с вручением свидетельства о присвоении звания:**

1. Антипову Александру Федоровичу, регистрационный номер 77/3509 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

2. Елисавецкой Татьяне Анатольевне, регистрационный номер 77/6404 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

3. Калинин Сергею Николаевичу, регистрационный номер 77/499 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

4. Кузнецову Юрию Иосифовичу, регистрационный номер 77/6186 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

наградить Почетной грамотой Адвокатской палаты города Москвы:

1. Барановского Константина Викторовича, регистрационный номер 77/10099 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Адвокатского бюро «ЮрГазЭнерго».

2. Бровченко Сергея Васильевича, регистрационный номер 77/7396 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Адвокатского бюро «ЮрГазЭнерго».

3. Козикова Дмитрия Юрьевича, регистрационный номер 77/10776 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Адвокатского бюро «ЮрГазЭнерго».

4. Красовитова Дениса Вадимовича, регистрационный номер 77/14653 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Адвокатского бюро «ЮрГазЭнерго».

5. Пендюрина Михаила Алексеевича, регистрационный номер 77/11122 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

6. Рубина Александра Львовича, регистрационный номер 77/16280 в Едином государственном реестре, адвоката Адвокатского бюро города Москвы «Канишевская, Озерский, Кочетов, Четвергов»,

**наградить Почетным дипломом
Адвокатской палаты города Москвы:**

Платонова Владимира Михайловича – общественного деятеля и Президента Московской торгово-промышленной палаты.

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив ходатайство о награждении, поступившее из адвокатского образования, и представление первого вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Полякова И.А., решил обратиться с ходатайством о награждении наградами Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

К награждению представлены:

**медалью Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации
«За заслуги в защите прав и свобод граждан» 1 степени:**

Зинченко Николай Иванович, регистрационный номер 77/4839 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Коллегии адвокатов «Первая московская коллегия адвокатов»,

**медалью Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации
«За заслуги в защите прав и свобод граждан» 2 степени:**

Севиан Аркадий Владимирович, регистрационный номер 77/11211 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 344

19 декабря 2024 года

Вопросы Совета молодых адвокатов Адвокатской палаты города Москвы

Обсудив представление Президента Адвокатской палаты города Москвы Зубова С.Б. о персональном составе Совета молодых адвокатов Адвокатской палаты города Москвы, Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь п. 3.2 Положения о Совете молодых адвокатов (утв. Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы № 5 от 24 января 2020 года),

РЕШИЛ:

1. Утвердить персональный состав Совета молодых адвокатов Адвокатской палаты города Москвы:

1. Аршинова Валерия Александровна, регистрационный номер 77/13447 в Едином государственном реестре адвокатов, Московская коллегия адвокатов «СЕД ЛЕКС» (Московская область).

2. Демидов Эдуард Александрович, регистрационный номер 77/16329 в Едином государственном реестре адвокатов, Московская коллегия адвокатов «Юнион».

3. Дроздов Андрей Александрович, регистрационный номер 77/15430 в Едином государственном реестре адвокатов, Коллегия адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1).

4. Дубинин Олег Александрович, регистрационный номер 77/10295 в Едином государственном реестре адвокатов, Адвокатский кабинет адвоката Дубинина Олега Александровича.

5. Евтеев Константин Игоревич, регистрационный номер 77/14005 в Едином государственном реестре адвокатов, Московская коллегия адвокатов «Защита».

6. Иванова Анна Валерьевна, регистрационный номер 77/10388 в Едином государственном реестре адвокатов, Адвокатское бюро «Падва и партнеры».

7. Косыгина Екатерина Львовна, регистрационный номер 77/13747 в Едином государственном реестре адвокатов, Московская коллегия адвокатов «Юнион».

8. Кравченко Дмитрий Валерьевич, регистрационный номер 77/11162 в Едином государственном реестре адвокатов, Коллегия адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1).

9. Ленихин Алексей Анатольевич, регистрационный номер 77/16752 в Едином государственном реестре адвокатов, Московский филиал Невской коллегии адвокатов Санкт-Петербурга.

10. Накохова Марина Ильясовна, регистрационный номер 77/12029 в Едином государственном реестре адвокатов, НО Московская коллегия адвокатов «Ноздря, Мишонов и партнеры».

11. Озерский Игорь Дмитриевич, регистрационный номер 77/13841 в Едином государственном реестре адвокатов, Адвокатское бюро города Москвы «Канишевская, Озерский, Кочетов, Четвергов, Кукуев».

12. Прокофьев Илья Игоревич, регистрационный номер 77/12688 в Едином государственном реестре адвокатов, Московская коллегия адвокатов «ЦентрЮрСервис».

13. Пронина Марина Анатольевна, регистрационный номер 77/11179 в Едином государственном реестре адвокатов, Коллегия адвокатов города Москвы «Правовая защита».

14. Рубин Александр Львович, регистрационный номер 77/16280 в Едином государственном реестре адвокатов, Адвокатское бюро «Канишевская, Озерский, Кочетов, Четвергов».

15. Язева Ирина Владимировна, регистрационный номер 77/16028 в Едином государственном реестре адвокатов, Московская коллегия адвокатов «Ященко, Язева и партнеры».

2. В связи с принятием настоящего решения признать утратившим силу пункт 1 Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 28 февраля 2023 года № 59 «Об утверждении персонального состава Совета молодых адвокатов Адвокатской палаты города Москвы и Председателя Совета молодых адвокатов Адвокатской палаты города Москвы».

3. Настоящее решение вступает в силу с 19 декабря 2024 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков

Адвокатское сообщество

Приняли присягу и получили статус адвоката

26 сентября 2024 года

1. Абасов Риза Абрекович
2. Багдасарян Артем Феликсович
3. Гусарова Диана Павловна
4. Матюшина Татьяна Александровна
5. Пономарев Александр Владиславович
6. Рябова Анастасия
7. Симонова Анастасия Васильевна
8. Штокин Алексей Юрьевич.

31 октября 2024 года

1. Бобков Сергей Владимирович
2. Варибрус Владислав Евгеньевич
3. Городилов Никита Сергеевич
4. Демьяненко Илья Владимирович
5. Домашин Владимир Сергеевич
6. Каропова Анастасия Алексеевна
7. Коробейникова Ольга Сергеевна
8. Кухлевская Альбина Александровна
9. Малинина Ульяна Владимировна
10. Мирошниченко Юлия Владимировна
11. Напольских Татьяна Сергеевна
12. Никольский Дмитрий Дмитриевич
13. Тамаев Руслан Сугаипович
14. Энгин Георгий Маркович.

28 ноября 2024 года

1. Абдрахманова Елена Эрнестовна
2. Дремов Никита Олегович
3. Ефанова Виктория Юрьевна
4. Короткий Игорь Игоревич
5. Котова Елизавета Вячеславовна
6. Лебедев Семен Яковлевич
7. Митюсова Анастасия Алексеевна
8. Ованесов Борис Карэнович
9. Протасова Алиса Сергеевна
10. Хаджиева Марьяна Хачимовна
11. Чернышова Елизавета Валериевна.

19 декабря 2024 года

1. Александрова Полина Эльбертовна
2. Алибекова Асият Мурадовна
3. Бойко Глеб Алексеевич
4. Григорьева Светлана Николаевна
5. Дудкина Наталья Владимировна
6. Климов Вячеслав Викторович
7. Козлова Ольга Сергеевна
8. Колосков Александр Сергеевич
9. Летуновский Евгений Сергеевич
10. Минимулин Никита Владимирович
11. Рыбаченко Павел Васильевич
12. Тайгунова Лилия Олеговна
13. Хайретдинов Руслан Дамирович
14. Юшкевич Павел Петрович.

Обзор дисциплинарной практики

1. Дисциплинарные производства по жалобам на ненадлежащее исполнение адвокатами обязанностей перед доверителями, а также по вопросам «двойной защиты» и вступления адвокатов в уголовные дела в качестве защитников по назначению в нарушение установленного порядка

1.1. Совет прекратил статус адвоката, поскольку тот скрывал от доверителя факт реализации его имущества, сообщал ему заведомо ложные сведения и удерживал у себя полученные денежные средства, а также не выдал доверителю экземпляр соглашения и не возвратил документы.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием адвоката Г., заявителя Р. и его представителя – К. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Р. от 24 января 2024 г. в отношении адвоката Г.

Квалификационная комиссия 17 июля 2024 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснениям Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, принятым на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 29 сентября 2014 г., исполнении адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Р., что выразилось в невыдаче доверителю Р. второго экземпляра Соглашения об оказании юридической помощи № ... от 7 июня 2023 г.;

2) о нарушении адвокатом Г. положений подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также положений пп. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адво-

ката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), что выразилось в длительном обмане доверителя Р., сообщении ему заведомо ложных сведений о ходе выполнения поручения по указанному соглашению, сокрытии от доверителя вплоть до января 2024 года фактов совершения сделок по отчуждению принадлежавшего доверителю ценного имущества (заключения адвокатом Г. от имени доверителя 19 июня 2023 г. Договора № ... купли-продажи квартиры и регистрации 22 июня 2023 г. перехода права на квартиру к новому собственнику по этому договору, а также заключения адвокатом Г. 1 июля 2023 г. Договора № ... купли-продажи автомобиля) по несогласованной с доверителем и заниженной по сравнению с ожиданиями доверителя цене, а также в фактическом оставлении в течение длительного времени, вплоть до 11 января 2024 г., нетрудоспособного доверителя – пенсионера Р., 1941 года рождения, потерявшего сына, без денежных средств от продажи принадлежавшего ему имущества, при том, что сам Р. неоднократно сообщал адвокату Г. в переписке о своей нужде в деньгах;

3) о неисполнении адвокатом Г., вопреки взаимосвязанным предписаниям

подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (при отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю все полученные от последнего подлинные документы по делу), своих профессиональных обязанностей перед доверителем Р., что выразилось в невозвращении Р. после отмены поручения по указанному соглашению подлинных договоров купли-продажи квартиры и автомобиля, свидетельств о праве на наследство по закону на квартиру и автомобиль, свидетельства о смерти Р.А.;

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по жалобе Р., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Г. в заседании Совета подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Квалификационной комиссии согласился, допущенные нарушения признал, тем самым изменив свою позицию отрицания дисциплинарных обвинений в недобросовестном поведении при совершении сделок с имуществом Р., которую занимал ранее в ходе дисциплинарного разбирательства. Дополнительно пояснил, что осознал степень тяжести дисциплинарных проступков и раскаялся. Просил Совет по возможности не применять к нему крайнюю меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Заявитель Р. и его представитель К. в заседании Совета подтвердили своевременное получение заключения Квалификационной

комиссии и ознакомление с ним. С выводами Квалификационной комиссии согласились. Высказали мнение о несовместимости поведения адвоката Г. со статусом адвоката, поскольку, обратившись за юридической помощью к адвокату Г., Р. рассчитывал на его профессиональную поддержку в трудной ситуации, однако адвокат Г. недобросовестно воспользовался оказанным ему доверием, длительное время обманывал и удерживал у себя деньги от продажи имущества.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства и заключение Квалификационной комиссии, выслушав его участников, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако считает необходимым частично изменить объем дисциплинарного обвинения.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 15 декабря 2022 г. между адвокатом Г. и Р. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи № ... В соответствии с п. 3.1 соглашения ...руб. оплачивается при заключении (подписании) соглашения и ...руб. – после уведомления доверителя о получении свидетельства о принятии им наследства. В соответствии с п. 1.1 предметом соглашения, в частности, являются подготовка, сбор и получение необходимых документов для открытия наследственного дела; подача документов для открытия наследственного дела; получение свидетельства о праве на наследство; регистрация права собственности на имя Р.; уведомление Р. о регистрации права собственности на наследуемое имущество.

2 июня 2023 г. Э., временно исполняющей обязанности нотариуса Щ. нотариального округа Московской области М., на основании заявления адвоката Г., действующего в интересах Р. по

доверенности, были выданы свидетельства о праве последнего на наследство по закону на квартиру по адресу... автомобиль... 2006 года выпуска, денежные средства, находящиеся на счетах Р.А. в банках (наследственное дело № ... к имуществу умершего 1 декабря 2022 г. Р.А.). 5 июня 2023 г. в Единый государственный реестр недвижимости были внесены сведения о Р. как собственнике вышеуказанной квартиры.

2 июня 2023 г. Р. выдал адвокату Г. сроком на один год нотариально удостоверенную доверенность, которой в числе прочего уполномочил последнего продать за цену и на условиях по своему усмотрению указанные квартиру и автомобиль.

7 июня 2023 г. между адвокатом Г. и Р. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи № ... согласно п. 1.1 которого «доверитель поручает, а адвокат обязуется оказать следующую юридическую помощь (поручение): продать квартиру... по рыночной стоимости (указав в договоре не менее ...руб.); продать а/м... по рыночной стоимости с учетом фактического состояния и года выпуска». В соответствии с п. 3.1 соглашения размер гонорара адвоката составляет ...руб. Он оплачен Р. наличными денежными средствами, внесенными адвокатом Г. в кассу адвокатского кабинета в день заключения соглашения.

19 июня 2023 г. между адвокатом Г., действующим от имени Р., и Л. был заключен Договор № ... купли-продажи вышеуказанной квартиры. Стоимость квартиры в соответствии с п. 2.1 договора составила ...руб., которые в соответствии с п. 2.2 договора подлежали передаче Г. «с момента регистрации настоящего Договора».

Регистрация права собственности заявителя Р. на квартиру в порядке наследования была произведена 5 июня

2023 г. Из имеющейся в материалах дисциплинарного производства выписки из ЕГРН в отношении указанной квартиры от 17 января 2024 г. следует, что регистрация права собственности покупателя квартиры была произведена 22 июня 2023 г. Из содержания выписки из ЕГРН от 4 июня 2024 г. следует, что 31 января 2024 г. было зарегистрировано право собственности на эту квартиру иного физического лица.

Согласно собственноручной расписке адвоката Г., представленной им в материалы дисциплинарного производства, после регистрации перехода права собственности на квартиру (22 июня 2023 г.) он получил от Л. в счет оплаты по договору купли-продажи квартиры ...руб.

Согласно Договору купли-продажи от 1 июля 2023 года № ... копия которого также имеется в материалах дисциплинарного производства, автомобиль... продан адвокатом Г., действующим от имени Р., покупателю С. Стоимость автомобиля в соответствии с п. 3.1 договора составила ...руб., которые подлежали передаче Г. в срок до 1 июля 2024 г. Из расписки адвоката Г., имеющейся в материалах дисциплинарного производства, за проданный автомобиль он получил ...руб.

В отношении адвоката Г. заявителем Р. выдвинут ряд дисциплинарных обвинений, в том числе в неисполнении профессиональных обязанностей по надлежащей формализации отношений с доверителем.

Давая оценку этому дисциплинарному обвинению, Совет отмечает следующее.

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов ад-

вокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Согласно п. 1 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденных Советом 29 сентября 2014 г., в соответствии со ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение заключается между доверителем и адвокатом (адвокатами) в двух экземплярах. Получение, равно как и отказ в получении, доверителем экземпляра соглашения должны быть подтверждены его подписью на экземпляре, остающемся у адвоката. Данные Разъяснения даны Советом Адвокатской палаты города Москвы в пределах его компетенции и подлежат исполнению всеми членами Адвокатской палаты города Москвы.

В представленном адвокатом Г. Соглашении об оказании юридической помощи от 7 июня 2023 г. № ... факт получения Р. второго экземпляра соглашения не отражен, сам заявитель Р. получение второго экземпляра этого соглашения категорически отрицает.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. в данной части опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарного проступка доказанной.

В отношении адвоката Г. заявителем Р. выдвинуты также дисциплинарные обвинения в продаже имущества, полученного по наследству – квартиры и автомобиля, по ценам, которые не являются рыночными и значительно ниже тех, которые были согласованы Р. и адвокатом Г., а также в последующем, вплоть до января 2024 года, сокрытии от доверителя Р. информации о заключении сделок по продаже указанного имущества, сообщении Р. недостовер-

ных сведений о том, что указанное имущество не продается, и неперечислении доверителю денежных средств от продажи имущества.

Давая оценку этим дисциплинарным обвинениям, Совет, прежде всего, подчеркивает, что Кодекс профессиональной этики адвоката определяет как этические правила поведения адвоката непосредственно в процессе осуществления профессиональной деятельности, то есть при оказании юридической помощи по принятым поручениям доверителей, так и общие правила поведения адвоката, которыми он должен руководствоваться во всех случаях и обстоятельствах в отношениях с доверителем и при общении с ним, а также за рамками такого общения.

Так, адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре (п. 2 ст. 5 Кодекса). Злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката (п. 3 ст. 5 Кодекса).

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат Г. в ходе дисциплинарного разбирательства утверждал, что указанная в п. 1.1 Соглашения от 7 июня 2023 г. сумма ...руб. была определена

заявителем Р., который полагал, что по этой цене квартира может быть продана, а вопросы налогообложения дохода от продажи имущества Р. не волновали. Однако этот довод адвоката Г. противоречит буквальному содержанию п. 1.1 соглашения.

Заявитель Р., в свою очередь, относительно формулировки в соглашении: «указав в договоре не менее ...руб.» последовательно пояснял, что она была включена в соглашение по инициативе адвоката Г., «чтобы Р. не платить большой налог, поскольку он владеет имуществом менее трех лет».

Вместе с тем Совет отмечает, что вне зависимости от того, каким образом и в каких целях стороны Соглашения от 7 июня 2023 г. определили стоимость, которая подлежала указанию в договоре купли-продажи принадлежащей Р. квартиры, реализация и квартиры, и автомобиля должна была быть произведена по рыночной стоимости. Именно на это была направлена воля заявителя, и именно такое обязательство принял на себя адвокат Г., формулируя (как он утверждает, под диктовку доверителя) предмет поручения по указанному соглашению.

Квалификационная комиссия правильно указала в заключении, что поскольку какая-либо определенная цена продажи имущества в Соглашении от 7 июня 2023 г. сторонами зафиксирована не была, адвокат Г., даже будучи уполномочен доверенностью, выданной ему Р., продать принадлежащие Р. квартиру и автомобиль за цену и на условиях по своему (адвоката Г.) усмотрению, должен был перед совершением соответствующих сделок согласовать с доверителем Р. конкретные цены, по которым он намеревался продать квартиру и автомобиль, а также иные существенные условия договоров купли-продажи, которые адвокат Г. намеревался заклю-

чить от имени доверителя. Этот вывод Квалификационной комиссии, с которым соглашается и Совет, основан на содержании приведенных выше требований профессиональной этики адвоката. По этой причине Совет отклоняет как несостоятельный и противоречащий требованиям профессиональной этики довод адвоката Г., ранее (до изменения позиции в заседании Совета, как описано выше) выдвигавшийся им в ходе дисциплинарного разбирательства, о правомерности действий по продаже имущества доверителя со ссылкой на наличие у адвоката Г. права определить цену продажи имущества по своему усмотрению в соответствии с выданной Р. доверенностью от 2 июня 2023 г.

В результате дисциплинарного разбирательства вне разумных сомнений подтверждается довод жалобы заявителя о том, что адвокат Г. совершил не позднее 1 июля 2023 г. обе сделки по продаже принадлежавшего Р. имущества (квартиры и автомобиля) не только без согласования с последним цены, но даже без сообщения ему о самом факте совершения этих сделок, а впоследствии, в течение полугода, вплоть до января 2024 года, систематически сообщал доверителю Р. в переписке заведомо ложные сведения о ходе исполнения поручения, информируя его о том, что он (адвокат Г.) якобы совершает действия, направленные на продажу имущества, ведет переговоры с потенциальными покупателями имущества, организует просмотры квартиры, и перечислил доверителю Р. денежные средства, причитающиеся ему как собственнику проданного имущества, только 11 января 2024 г. – после того, как 9 января 2024 г. получил от последнего сообщение о намерении приехать в Москву и продавать имущество самостоятельно.

В результате дисциплинарного разбирательства также достоверно уста-

новлено, что адвокат Г. утаивал от доверителя Р. факты заключения договоров купли-продажи имущества, а сами договоры доверителю не представлял ни до заключения сделок, ни после их совершения. Кроме того, адвокат Г. не согласовывал с Р. в какой-либо форме и даже не сообщал ему какие-либо сведения, связанные с ценой и иными условиями продажи имущества. В частности, полученный адвокатом Г. и представленный им в материалы дисциплинарного производства отчет от 12 июня 2023 г. об оценке рыночной стоимости автомобиля не направлялся им доверителю Р. в целях информирования и согласования цены соответствующей сделки.

Вместо всего этого адвокат Г., как описано выше, лишь сообщал Р. заведомо ложную информацию о ходе исполнения поручения по Соглашению от 7 июня 2023 г., удерживая у себя полученные от реализации имущества денежные средства, принадлежащие Р., и продолжал это делать даже после озвучивания доверителем позиции относительно желательной стоимости продажи имущества и несмотря на неоднократные сообщения о том, что доверитель срочно нуждается в деньгах.

Так, в сентябре и октябре 2023 года Р., находясь по вине адвоката Г. в неведении относительно уже совершенных последним сделок по отчуждению имущества (квартиры и автомобиля), а также под влиянием обмана со стороны адвоката Г. о том, что имущество Р. не продается, написал адвокату Г. о том, что ему очень нужны деньги, и выразил согласие получить от продажи имущества ...руб., оставив остальные полученные от продажи денежные средства адвокату Г. При этом адвокат Г., отвечая на приведенные выше сообщения доверителя и по-прежнему умалчивая о том, что имущество им уже давно продано по совершенно иным ценам, а стои-

мость автомобиля еще 12 июня 2023 г. была определена оценщиком в ...руб., никаких возражений по поводу несоответствия указанной доверителем Р. желаемой им суммы уровню рыночных цен на имущество и/или невозможности продать его по такой цене не высказал, тем самым продолжал намеренно обманывать доверителя.

Этими обстоятельствами, достоверно установленными Квалификационной комиссией, подтверждается рассматриваемое дисциплинарное обвинение в описанных недобросовестных действиях адвоката Г. при реализации имущества Р., а также опровергается ранее (до изменения позиции в заседании Совета, как описано выше) выдвигавшийся адвокатом Г. довод о том, что Р. при заключении Соглашения от 7 июня 2023 г. был готов продать квартиру по указанной в соглашении цене, составляющей 70% ее кадастровой стоимости.

Из материалов дисциплинарного производства также следует, что адвокат Г. 2 июня 2023 г. вместе с Р. и его супругой посещал ПАО «...» для перевода денежных средств с банковского счета наследодателя Р.А. на банковский счет Р., а 5 июня 2023 г. адвокат Г. самостоятельно обратился в управление обработки заявлений клиентов АО «...» и подал заявление о перечислении денежных средств, находящихся на банковском счете наследодателя Р.А., на банковский счет Р. Таким образом, сведения о банковских реквизитах Р. имелись в распоряжении адвоката Г. Кроме того, он не был лишен возможности повторно запросить их у Р. или, используя доверенность, выданную Р., открыть на его имя банковский счет и внести на него денежные средства, что в итоге было сделано адвокатом Г. 10 и 11 января 2024 г., но только после получения 9 января 2024 г. от доверителя информации о том, что он приедет в Москву

и будет самостоятельно заниматься продажей имущества.

Помимо этого, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Г. направил Р. претензии, в которых поставил вопрос о возмещении ему расходов, связанных с исполнением поручений последнего, лишь 18 марта 2024 г., то есть через два месяца после обращения заявителя с жалобой в Адвокатскую палату города Москвы. При этом доказательств того, что до этого адвокатом Г. ставился перед Р. вопрос о необходимости компенсации указанных расходов, в материалах дисциплинарного производства не содержится. Наконец, Совет отмечает, что размер понесенных адвокатом Г. расходов ничтожно мал по сравнению с суммой, вырученной им от продажи имущества Р.

Таким образом, у адвоката Г. не имелось препятствий как для своевременного перечисления Р. вырученных от продажи его имущества денежных средств, так и для удержания из этих средств суммы расходов, понесенных в связи с исполнением поручения Р.

По указанным причинам Совет отклоняет как несостоятельные и голословные доводы адвоката Г., ранее (до изменения позиции в заседании Совета, как описано выше) выдвигавшиеся им в ходе дисциплинарного разбирательства, о неперечислении доверителю Р. вырученных от продажи имущества денежных средств из-за отсутствия сведений о банковских реквизитах последнего и наличия его задолженности перед адвокатом Г. по оплате расходов, понесенных при выполнении поручения.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что описанное выше поведение адвоката Г. не может быть признано честным и достойным. Профессиональное поведение адвоката Г.,

а именно: длительный обман доверителя, выразившийся в сокрытии от него вплоть до января 2024 года, когда это обстоятельство было установлено доверителем самостоятельно, фактов отчуждения принадлежавшего доверителю ценного имущества по не согласованной с доверителем цене, фактическое оставление в течение длительного времени, вплоть до 11 января 2024 г., нетрудоспособного доверителя – пенсионера Р., 1941 года рождения, потерявшего сына, без денежных средств от продажи имущества при том, что сам Р. неоднократно сообщал адвокату Г. в переписке о том, что нуждается в деньгах, Совет квалифицирует как действия, направленные к подрыву доверия к самому Г. как адвокату и к адвокатуре в целом, а также как злоупотребление доверием Р.

По этим причинам Совет признает действия адвоката Г. нарушающими требования пп. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, презумпцию его добросовестности в данной части дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения доказанной.

В то же время Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что сделки купли-продажи квартиры и автомобиля, принадлежащих Р., были совершены адвокатом Г. «по заниженной по сравнению с ожиданиями доверителя цене».

Квалификационной комиссией не установлены и не приведены в заключении доказательства того, что доверитель Р. до момента совершения указанных сделок высказывал адвокату Г. свои конкретные ожидания размера вырученных от продажи имущества денежных средств, и что эти ожидания Р. были достоверно известны адвокату Г. до и/или на момент совершения сделок

с его имуществом. Ожидания заявителя Р. получить от продажи имущества ...руб., оставив остальные полученные от продажи денежные средства адвокату Г., были высказаны Р. адвокату Г. значительно позднее совершения последним сделок с имуществом. Каких-либо иных доказательств дисциплинарного обвинения в данной части не представлено и в заключении Квалификационной комиссии не приведено.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части и исключает дисциплинарное обвинение адвоката Г. в продаже квартиры и автомобиля Р. «по заниженной по сравнению с ожиданиями доверителя цене».

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения в невозвращении Р. подлинных документов: договоров купли-продажи квартиры и автомобиля, свидетельств о праве на наследство по закону на квартиру и автомобиль, свидетельства о смерти сына – Р.А., – Совет отмечает, что согласно п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката при отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю все полученные от последнего подлинные документы по делу и доверенность.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 16 января 2024 г. Р. направил адвокату Г. сообщение следующего содержания: *«Добрый день!.. я отменил доверенность»*, то есть уведомил адвоката Г. об отмене поручения, предусмотренного Соглашением об оказании юридической помощи от 7 июня 2023 г. № ...

Утверждение адвоката Г. о том, что он возвратил Р. свидетельство о смерти Р.А., не подтверждено не только какими-либо доказательствами, но и ссылками на конкретные фактические обстоятельства совершения этого действия. При этом заявитель Р. факт получения от адвоката Г. указанных документов категорически отрицает.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. и в этой части опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарного проступка установленной.

Рассматривая остальные дисциплинарные обвинения, а именно в незаключении соглашения об оказании юридической помощи и невыдаче финансовых документов, подтверждающих проведение операций с денежными средствами, переданными Р. адвокату Г. в счет оплаты его вознаграждения по соглашениям об оказании юридической помощи от 15 декабря 2022 г. № ... и от 7 июня 2023 г. № ... в получении нотариально удостоверенной доверенности, предоставляющей адвокату Г. полномочия по распоряжению имуществом Р., путем обмана и введения Р. в заблуждение, а также в неразъяснении последствий совершаемого им нотариального действия, Совет соглашается с Квалификационной комиссией, которая со ссылками на материалы дисциплинарного производства подробно обосновала в заключении вывод о необоснованности данных дисциплинарных обвинений.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Г. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их умышленный, злостный и длительный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом

основополагающих профессионально-этических требований. Совет также учитывает причиненный тяжким дисциплинарным проступком адвоката Г. вред доверителю Р., который, будучи пожилым и нетрудоспособным человеком, в течение длительного времени был лишен возможности не только получить и использовать по своему усмотрению причитающиеся ему денежные средства, но и получить достоверную информацию о ходе реализации наследственного имущества.

Совокупность описанных обстоятельств убедительно показывает, что адвокат Г. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, а при осуществлении профессиональной деятельности преследует ненадлежащие и недобросовестные цели, не соответствующие предназначению адвоката. При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката Г. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не усматривает оснований для применения к адвокату Г. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу прямого указания п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката о несовместимости злоупотребления доверием со статусом адвоката и требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление Г. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершенные им грубые нарушения профессиональных

правил совместимы со статусом адвоката. Совет учитывает, что в результате длительного дисциплинарного разбирательства адвокат Г. в заседании Совета признал допущенные нарушения, заявил о раскаянии и о недопущении подобных действий в будущем, однако это обстоятельство с учетом сказанного выше не свидетельствует о возможности применения к нему более мягкой меры дисциплинарной ответственности.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката, неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Г. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушения и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о его личности и профессиональной деятельности, а также признание им вины и заявление о раскаянии, считает необходимым установить этот срок в два года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре

в Российской Федерации», п. 1, пп. 4–5, подп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснениям Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденным Советом 29 сентября 2014 г., исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Р., выразившееся в невыдаче тому второго экземпляра Соглашения об оказании юридической помощи от 7 июня 2023 г. № ...

нарушение положений подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также положений пп. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), выразившееся в длительном обмане доверителя Р., сообщении ему заведомо ложных сведений о ходе выполнения поручения по указанному соглашению, сокрытии от доверителя вплоть до января 2024 года фактов совершения сделок по отчуждению принадлежавшего доверителю ценного имущества (заключения адвокатом Г. от имени доверителя 19 июня 2023 г. Договора № ... купли-продажи квартиры и регистрации 22 июня 2023 г. перехода права на квартиру к новому

собственнику по этому договору, а также заключения адвокатом Г. 1 июля 2023 г. Договора № ... купли-продажи автомобиля) по не согласованной с доверителем цене, а также в фактическом оставлении в течение длительного времени, вплоть до 11 января 2024 г., нетрудоспособного доверителя – пенсионера Р., 1941 года рождения, потерявшего сына, без денежных средств от продажи принадлежавшего ему имущества, при том, что сам Р. неоднократно сообщал адвокату Г. в переписке о том, что нуждается в деньгах;

неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (при отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю все полученные от последнего подлинные документы по делу), профессиональных обязанностей перед доверителем Р., выразившееся в невозвращении тому после отмены поручения по указанному соглашению подлинных договоров купли-продажи квартиры и автомобиля, свидетельств о праве на наследство по закону на квартиру и автомобиль, свидетельства о смерти Р.А.

Установить в отношении Г. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, продолжительностью в 2 (два) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по жалобе Р. от 24 января 2024 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.2. Совет прекратил статус адвоката за введение доверителя в заблуждение и неоднократное оставление его без юридической помощи вследствие некомпетентных и недобросовестных действий.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием заявителя Р. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам Р. от 15 и 27 марта 2024 г. в отношении адвоката К.

Квалификационная комиссия 15 мая 2024 г. вынесла Заключение:

– о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами), исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Р., что выразилось в том, что он, приняв 14 июня 2023 г. поручение на осуществление представительства интересов доверителя Р. на основании заключенного Договора на оказание юридической помощи № ... от 14 июня 2023 г., не явился без уважительной причины в судебное заседание судебной коллегии по гражданским делам М. областного суда 11 октября 2023 г. по гражданскому делу, в котором была рассмотрена апелляционная жалоба Р. Тем самым адвокат К. оставил доверителя Р. в указанном судебном заседании без квалифицированной юридической помощи. Адвокат К. также заверил доверителя Р., что судебное заседание в указанный день не состоится и судебное разбирательство

по рассмотрению апелляционной жалобы Р. будет отложено, в то время как судебное заседание 11 октября 2023 г. состоялось. Таким образом, адвокат К. ввел доверителя Р. в заблуждение, из-за которого она не смогла принять участие в рассмотрении ее апелляционной жалобы судом апелляционной инстанции;

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Р., что выразилось в том, что он, заключив с ней Договор на оказание юридической помощи № ... от 20 июня 2023 г., предусматривающий обязательства адвоката по составлению и подаче в Д. городской суд Московской области искового заявления, 21 февраля 2024 г. подал в данный суд исковое заявление с нарушением предписаний, установленных ст. 131 и 132 ГПК РФ, что повлекло оставление искового заявления Р. без движения до 17 апреля 2024 г. Тем самым адвокат К. оставил доверителя Р. на стадии подачи искового заявления без квалифицированной юридической помощи;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобам Р. в части ее требования о возврате ей адвокатом К. ...руб., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К.

по жалобам Р., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В соответствии с п. 7 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката рассмотрение данного дисциплинарного производства Советом дважды откладывалось по ходатайству участников для предоставления адвокату К. возможности принять меры к примирению с заявителем Р.

Заявитель Р. в заседании Совета полностью согласилась с заключением Квалификационной комиссии, пояснила, что адвокат К. не предпринял попыток примириться с ней, и просила применить к нему меру дисциплинарной ответственности с учетом нарушений, установленных Квалификационной комиссией, а также с учетом его недобросовестного поведения, в том числе постоянного обмана, неисполнения обязательств и обещаний.

Адвокат К., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, причину неявки не сообщил, каких-либо ходатайств не заявил, участие представителя не обеспечил, свою позицию по отношению к выводам Квалификационной комиссии не выразил.

Руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося адвоката К.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав заявителя, Совет соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами,

поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Заявитель Р. выдвинула в отношении адвоката К. дисциплинарные обвинения в том, что он:

– заключив с ней Договор на оказание юридической помощи от 14 июня 2023 г. на представление ее интересов в суде апелляционной инстанции при рассмотрении ее апелляционной жалобы по гражданскому делу, рассмотренному П. городским судом Московской области, не явился в судебное заседание 11 октября 2023 г. и лишил такой возможности Р., сообщив ей накануне судебного заседания о том, что оно не состоится, поскольку ответчик по делу не извещен о судебном заседании надлежащим образом. В результате сторона истца не участвовала в судебном разбирательстве суда апелляционной инстанции, что повлекло для Р. негативный результат;

– заключив с ней Договор на оказание юридической помощи от 20 июня 2023 г. на представление ее интересов в Д. городском суде Московской области, подал исковое заявление в указанный суд, приложив к нему чек-ордер об оплате государственной пошлины в размере ...руб., оплату по которому произвела 2 сентября 2020 г. С., неизвестная Р., и ходатайство о предоставлении Р. отсрочки в оплате государственной пошлины в связи с ее тяжелым материальным положением, в то время как Р. еще летом 2023 года передала адвокату К. денежные средства в размере ...руб. для оплаты государственной пошлины и в декабре 2023 года по его просьбе перевела денежные средства в размере ... руб. Следствием этих действий адвоката К. было оставление искового заявления Р. без движения до 17 апреля 2024 г. определением Д. городского суда Московской области от 28 февраля 2024 г.;

– заключив с Р. Договор на оказание юридической помощи от 20 июня 2023 г. на представление ее интересов в Д. городском суде Московской области, ввел Р. в заблуждение относительно подсудности ее иска указанному суду;

– обманул доверителя Р., проинформировав ее в декабре 2023 года о подаче ее искового заявления в Д. городской суд Московской области, в то время как на исковом заявлении проставлена дата 6 февраля 2024 г.;

– отказал доверителю Р. в расторжении договоров на оказание юридической помощи от 14 и 20 июня 2023 г. и в возвращении ей денежных средств в размере ...руб.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокат К. и доверитель Р. заключили Договор на оказание юридической помощи от 14 июня 2023 г., по которому адвокат К. принял поручение принять участие в М. областном суде как представитель Р. при рассмотрении ее апелляционной жалобы по гражданскому делу по иску Р. о расторжении брака и разделу совместно нажитого имущества, рассмотренному П. городским судом Московской области.

При этом ни адвокат К., ни заявитель Р. 11 октября 2023 г. участия в судебном заседании судебной коллегии по гражданским делам М. областного суда не приняли, в связи с чем апелляционная жалоба была рассмотрена в их отсутствие.

Адвокат К. признал факт своего неучастия в указанном судебном заседании, пояснив, что он впервые за 15 лет своей адвокатской деятельности опоздал в судебное заседание, поскольку был занят в ином судебном процессе, который задержался. Выдвинув такой довод, адвокат К. не только не представил документального подтверждения

причины своего опоздания в судебное заседание по делу Р., но даже не указал, в каком суде и по какому делу он, по его утверждению, задержался. По этой причине Совет отклоняет данный довод адвоката К. как несостоятельный и надуманный и признает установленным, что он не явился в указанное судебное заседание без уважительных причин.

При этом адвокат К. никак не пояснил дисциплинарное обвинение в том, что он ввел Р. в заблуждение, сообщив ей, что судебное заседание 11 октября 2023 г. не состоится и будет отложено в связи с ненадлежащим извещением ответчика.

Вместе с тем заявитель Р. представила в подтверждение данного дисциплинарного обвинения свою переписку с адвокатом К. в мессенджере *WhatsApp*. Так, 10 октября 2023 г. Р. написала адвокату К. следующее сообщение: «Добрый день, Николай. Завтра 11 октября. Что слышно?». На это адвокат К. ей в тот же день ответил: «Здравствуйте! Жду звонка от помощника судьи. Думаю, что до 18:00 позвонит». В 9.36 час. 11 октября 2023 г. Р. послала адвокату К. сообщение с вопросом о том, что известно о заседании суда, на что получила от адвоката К. в 9.42 час. того же дня следующий ответ: «Доброе утро! Мне помощник вчера звонила и сказала, что сегодня после 11:00 сообщит дату отложения, они будут откладывать».

Адвокатом К. данная переписка не оспорена, какие-либо иные основания для сомнений в ее достоверности отсутствуют.

Подпункт 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливают обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать

права и законные интересы доверителя. Данные требования, в частности, подразумевают, что адвокат, оказывая юридическую помощь в виде судебного представительства, обязан участвовать в судебных заседаниях. Однако адвокатом К. эти требования проигнорированы, а доверитель Р. оставлена без квалифицированной юридической помощи в судебном заседании суда апелляционной инстанции. Более того, сообщив ей накануне судебного заседания недостоверную информацию о том, что судебное заседание не состоится, адвокат К. исключил возможности личного участия в нем Р., в результате чего интересы истца вообще не были представлены в судебном разбирательстве суда апелляционной инстанции.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу, что в этой части дисциплинарное обвинение нашло подтверждение, а презумпция добросовестности адвоката К. опровергнута.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения в том, что адвокат К., располагая заранее переданными ему Р. денежными средствами для оплаты государственной пошлины, подал иск в защиту ее интересов в Д. городской суд Московской области, приложив к нему чек-ордер об оплате государственной пошлины лишь в размере ...руб., причем от С., неизвестной Р., и без ведома и согласия последней заявил ходатайство о предоставлении ей отсрочки в оплате государственной пошлины в связи с тяжелым материальным положением, в результате чего исковое заявление было оставлено судом без движения, Совет отмечает следующее.

Описанные действия адвоката К. подтверждаются материалами дисциплинарного производства. Он действительно при подаче 21 февраля 2024 г. искового заявления Р. от 6 февраля 2024 г.

в Д. городской суд Московской области приложил к нему чек-ордер от 2 сентября 2020 г., из которого усматривается, что некая С. оплатила государственную пошлину за подачу иска в суд в размере ...руб. Из содержания указанного чека-ордера не следует, что оплата государственной пошлины в 2020 году произведена С. за третье лицо, а именно за Р. При этом до 2023 года никаких судебных разбирательств у Р. не было, следовательно, у нее отсутствовала необходимость производить оплату государственной пошлины за подачу искового заявления в суд в 2020 году.

Приложив юридически не связанный с Р. документ (чек-ордер об оплате С. государственной пошлины в размере ...руб.) к исковому заявлению Р., адвокат К. одновременно с исковым заявлением подал от ее имени заявление о снижении размера государственной пошлины, которая согласно нормам закона должна была быть оплачена в размере ...руб., сославшись на тяжелое материальное положение Р., но не представив никаких доказательств такого ее положения, в том числе документов, подтверждающих, что она является неработающим пенсионером-инвалидом.

Описанные нарушения требований, установленных ст. 131 и 132 ГПК РФ, выявленные Д. городским судом Московской области, повлекли оставление искового заявления Р. без движения до 17 апреля 2024 г., что следует из определения указанного суда от 28 февраля 2024 г.

Адвокатом К. каких-либо объяснений относительно причин и обстоятельств совершения этих действий не представлено, равно как и не даны объяснения причин, по которым полученные им от Р. для оплаты государственной пошлины денежные средства в размере ...руб. не были им использованы для этой цели.

Оценивая профессиональное поведение адвоката К. в данной части в сопоставлении с приведенными выше требованиями подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом профессиональных обязанностей, активной защите прав, свобод и интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством способами, Совет приходит к выводу о том, что адвокат К. профессиональные обязанности перед доверителем Р. надлежащим образом не исполнил, тем самым оставив ее и в данном случае без квалифицированной юридической помощи. По этой причине Совет признает презумпцию его добросовестности опровергнутой и в части данного дисциплинарного обвинения, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Давая оценку дисциплинарному обвинению в том, что адвокат К., заключив с Р. Договор от 20 июня 2023 г. на представление ее интересов в Д. городском суде Московской области, ввел Р. в заблуждение относительно подсудности ее иска указанному суду, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что оно опровергнуто в результате дисциплинарного разбирательства. В заключении Квалификационной комиссии приведены достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

Не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства и утверждение заявителя Р. о том, что адвокат К. обманул ее, сообщив, что подал исковое заявление в Д. городской суд Московской области в декабре 2023 года, в то время как он это совершил только 21 февраля 2024 года. Это

утверждение ничем не подтверждено, в то время как обязанность доказывания выдвинутых дисциплинарных обвинений возложена на заявителя.

По этим причинам Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части.

Относительно дисциплинарных обвинений в том, что адвокат К. отказал Р. в расторжении договоров на оказание юридической помощи от 14 и 20 июня 2023 г., а также в возвращении денежных средств в размере ...руб., Совет отмечает следующее.

Согласно ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение об оказании юридической помощи представляет собой гражданско-правовой договор, порядок и условия расторжения которого регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации с изъятиями, предусмотренными Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент действия соглашения об оказании юридической помощи, что ликвидирует само основание для оказания адвокатом юридической помощи доверителю в силу общего правила о последствиях расторжения гражданско-правового договора, установленного п. 2 ст. 453 ГК РФ.

Таким образом, согласие адвоката К. на расторжение двух заключенных им с доверителем Р. договоров не требуется, для этого достаточно волеизъявления Р. на расторжение договоров в одностороннем порядке, и адвокат К. не вправе этому волеизъявлению препятствовать.

Рассмотрение требования заявителя Р. о возвращении ей адвокатом К. ...руб., выплаченных ему в качестве вознаграждения по двум соглашениям

ям об оказании юридической помощи, находится за пределами компетенции дисциплинарных органов Адвокатской палаты города Москвы. В случае возникновения разногласий между адвокатом и доверителем относительно размера выплаченного адвокату вознаграждения все спорные вопросы разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

Таким образом, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в этой части вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их умышленный, грубый и длящийся характер, что свидетельствует об очевидном и стойком пренебрежении адвокатом К. основополагающими требованиями законодательства и профессиональной этики, крайне недобросовестном отношении к исполнению профессиональных обязанностей перед доверителем, причинившем вред ее интересам. Такое профессиональное поведение Совет признает недопустимым, наносящим ущерб авторитету адвокатуры и несовместимым с принадлежностью к адвокатскому сообществу.

Учитывая эти обстоятельства, Совет полагает необходимым применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет признает, что более мягкая мера дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката не только не отвечала бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 данного Кодекса,

но и давала бы основание полагать, что адвокатское сообщество считает подобное профессиональное поведение адвоката допустимым.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем, нарушении норм Кодекса профессиональной этики адвоката, неисполнении или ненадлежащем исполнении решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого К. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет с учетом тяжести нарушения и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о его личности и предыдущей профессиональной деятельности, считает необходимым установить этот срок в два года.

На основании изложенного, руководствуясь п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, пп. 4–5, подп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18, подп. 1 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1, 4 п. 1

ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами), исполнение им профессиональных обязанностей перед доверителем Р., выразившееся в том, что он, приняв 14 июня 2023 г. поручение на осуществление представительства интересов доверителя Р. на основании заключенного Договора на оказание юридической помощи от 14 июня 2023 г., адвокат К. не явился без уважительной причины в судебное заседание судебной коллегии по гражданским делам М. областного суда 11 октября 2023 г. по гражданскому делу, в котором была рассмотрена апелляционная жалоба Р., тем самым оставив доверителя Р. в указанном судебном заседании без квалифицированной юридической помощи, а также заверил доверителя Р., что судебное заседание в указанный день не состоится, и судебное разбирательство по рассмотрению апелляционной жалобы Р. будет отложено, в то время как судебное заседание состоялось, чем ввел доверителя Р. в заблуждение, из-за которого она не смогла принять участие в рассмотрении ее апелляционной жалобы судом апелляционной инстанции;

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Р., выразившееся в том, что он, заключив с Р. Договор на оказание юридической помощи от 20 июня 2023 г., предусматри-

вающий обязательства адвоката по составлению и подаче в Д. городской суд Московской области искового заявления, 21 февраля 2024 г. подал в указанный суд исковое заявление с нарушением предписаний, установленных ст. 131 и 132 ГПК РФ, а именно приложил к исковому заявлению чек-ордер от 2 сентября 2020 г., из которого усматривается, что некая С. оплатила государственную пошлину за подачу иска в суд в размере ...руб., без указания о том, что оплата произведена С. за третье лицо, а именно за Р., а также одновременно с исковым заявлением подал от имени Р. заявление о снижении размера государственной пошлины, сославшись на тяжелое материальное положение последней, но не представив никаких доказательств этого, в том числе документов, подтверждающих, что она является неработающим пенсионером-инвалидом, что повлекло оставление искового заявления Р. без движения до 17 апреля 2024 г. Тем самым адвокат К. оставил доверителя Р. на стадии подачи искового заявления без квалифицированной юридической помощи.

Установить в отношении К. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, продолжительностью в 2 (два) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобам Р.:

в части требования о возврате ей адвокатом К. ...руб. вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.3. Совет прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката, обвиненного во взаимодействии с сотрудниками СКР и ФСБ. Совет также дал пояснения, как следует действовать адвокату в случае конфликта интересов лица, заключившего соглашение об оказании юридической помощи, и лица, которому эта помощь оказывается.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием представителя ООО «...» С. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе директора ООО «...» Е.А. от 4 июня 2024 г. в отношении адвоката В.

Квалификационная комиссия 17 июля 2024 г. вынесла Заключение:

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката В. по жалобе директора ООО «...» Е.А., в части дисциплинарного обвинения о нарушении адвокатом В. взаимосвязанных положений п. 5 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих запрет на негласное сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката В. по жалобе директора ООО «...» Е.А., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат В., надлежащим образом уведомленный о дне, времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства, в заседание Совета не явил-

ся, заявил ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие. Одновременно с этим в ходатайстве адвокат В. указал, что с заключением Квалификационной комиссии согласен полностью.

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие адвоката В., поскольку он своевременно получил заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, возражений не заявлял и просил рассмотреть дело в его отсутствие, а положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Представитель ООО «...» С. в заседании Совета сообщила, что получила заключение Квалификационной комиссии, ознакомилась с ним, с выводами не согласна, представила письменные возражения, доводы которых поддерживает в полном объеме. На вопросы членов Совета ответила, что, по ее мнению, адвокат всегда должен действовать «в интересах стороны, которая заключила соглашение», даже если это не соответствует интересам его подзащитного. От получателя юридической помощи – Е.В. нет жалобы на адвоката В.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, заслушав явившегося участника, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в произ-

водстве военного следственного отдела СК России по Б. гарнизону находится уголовное дело, возбужденное, в том числе, в отношении бывшего директора ООО «...» Е.В. по признакам пяти преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 и п. «б» ч. 2 ст. 285.4 УК РФ.

26 июня 2023 г. ООО «...» в лице директора Е.А. заключило с адвокатом В. соглашение об оказании юридической помощи со следующим предметом поручения, указанным в п. 2 соглашения: оказание правовой помощи бывшему директору этого Общества Е.В. путем защиты последнего «на стадии предварительного следствия по уголовному делу, находящемуся в производстве военного следственного отдела СК России по Б. гарнизону». Таким образом, ООО «...» заключило с адвокатом В. соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица – Е.В.

В период действия указанного соглашения об оказании юридической помощи, а именно 21 июля 2023 г., адвокат В. во исполнение просьбы доверителя – получателя его юридической помощи Е.В. около 17.00 час. прибыл к станции метро «...», где, состоялась его встреча с З. [сотрудником ФСБ РФ, курирующим деятельность юридического лица, представителям которого бенефициар ООО «...» П. передал взятку, о чем Е.В. ранее даны показания. – *Примечание Совета*], адвокатом Б. [представитель вышеуказанного юридического лица. – *Примечание Совета*] и ранее неизвестным адвокату В. мужчиной, оказавшимся И., в отношении которого Е.В. дал показания следователю о получении им взятки от П. Указанная встреча проходила под контролем сотрудников ФСБ РФ, которые осуществляли оперативное сопровождение расследования уголовного дела. Целью участия адвоката В. в этой встрече являлось принятие мер по ограждению его дове-

рителя (подзащитного) Е.В. от получения заинтересованными лицами сведений, составляющих адвокатскую тайну, о содержании показаний Е.В. относительно участия бенефициара ООО «...» П. в коррупционных взаимоотношениях с З. и И., а также по предотвращению угроз и иного давления на Е. с целью изменения им ранее данных показаний.

В ходе беседы с указанными лицами адвокатом В., согласно его пояснениям, «строго соблюдалась адвокатская тайна в отношении своего доверителя, и лишь слушались просьбы, перераставшие в угрозы об изменении показаний Е.В.».

Взаимодействие адвоката В. с оперативными сотрудниками ФСБ России было обусловлено просьбой Е.В., а также тем, что он самостоятельно контактировать ни с кем, кроме самого адвоката В. и следователя, не имел права в связи с нахождением под домашним арестом и ограничениями, установленными в отношении него в соответствии с требованиями ст. 107 УПК РФ.

Прежде чем перейти к оценке выдвинутых дисциплинарных обвинений, Совет считает необходимым напомнить, что п. 1 ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката под доверителями адвоката понимает как лицо, заключившее с адвокатом соглашение об оказании юридической помощи, так и лицо, которому адвокатом оказывается юридическая помощь на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного иным лицом.

Абзац 4 п. 1 Разъяснений № 12 «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 июня 2019 г. (Протокол № 8) и опубликованных на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы 7 июля

2019 г. (<https://www.advokatymoscow.ru/advocate/activity/info/6118/>), определяет, что лицо, заключающее и подписывающее соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица, и само лицо, которому оказывается юридическая помощь (третье лицо / назначенное лицо / обвиняемый (подозреваемый)), в силу положений ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката оба являются доверителями адвоката, однако имеют различные права по доступу к информации, полученной в ходе оказания юридической помощи. Правом распоряжения сведениями, являющимися адвокатской тайной, и полным безусловным доступом к информации, полученной в ходе оказания юридической помощи, обладает только обвиняемый (подозреваемый), которому оказывается юридическая помощь. Он же вправе свободно выбирать защитника (в том числе одобрять или не одобрять выбор, сделанный в его интересах лицом, заключившим соглашение с адвокатом) и оценивать качество оказанной юридической помощи, тогда как лицо, заключившее соглашение, также именуемое доверителем адвоката, имеет право на предъявление дисциплинарных обвинений, касающихся формализации отношений между ним, как стороной в соглашении об оказании юридической помощи третьему лицу, и адвокатом.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в нарушении адвокатом В. взаимосвязанных положений п. 5 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих запрет на негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, Совет считает необходимым отметить, что заявитель –

ООО «...» не обладает правом на выдвижение дисциплинарных обвинений в этой части, так как они не относятся к вопросам формализации отношений между адвокатом В. и указанным Обществом как сторонами соглашения об оказании юридической помощи третьему лицу.

Жалоб со стороны Е.В. на какие-либо действия адвоката В., связанные с осуществлением его защиты по уголовному делу, в Адвокатскую палату города Москвы не поступало. Напротив, в материалы дисциплинарного производства представлено заявление Е.В. от 12 июля 2023 г., из которого следует, что он в целях оказания ему юридической помощи и надлежащей защиты его интересов разрешает адвокату В. «переговоры, переписку и встречи со всеми участниками уголовного дела, расследуемого» в отношении Е.В. и иных лиц.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в этой части вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Одновременно с этим Совет считает необходимым обратить внимание заявителя на то, что в соответствии с Разъяснением Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката от 28 января 2016 г. № 01/16 участие адвоката в оперативно-розыскной деятельности может быть мотивировано при оказании юридической помощи только защитой интересов доверителя, а за ее пределами – противостоянием угрозе совершения преступных действий в отношении самого адвоката и его близких родственников.

Как следует из письменного заявления Е.В. от 3 июля 2024 г., приобщенного к материалам дисциплинарного производства, *«взаимодействие со следователем ВСО СК РФ и оперативными сотрудниками ФСБ России осуществлялось [адвокатом В. – Примечание Совета] исключительно с моего согласия и моих интересов, в том числе с непосредственным согласованием со мной по телефонной связи».*

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что между Е.В. (бывшим генеральным директором ООО «...») – доверителем адвоката В., которому он оказывал юридическую помощь, и бенефициаром ООО «...» П. возникли противоположные интересы, обусловленные дачей обвиняемым Е.В. показаний против П. о его коррупционных взаимоотношениях с сотрудниками ФСБ РФ.

Учитывая, что получателем юридической помощи является Е.В., и именно в его интересах было заключено соглашение об оказании юридической помощи между адвокатом В. и ООО «...», Совет отмечает принципиальную ошибочность позиции представителя заявителя о том, что адвокат всегда должен действовать «в интересах стороны, которая заключила соглашение», даже в случае конфликта интересов этой стороны с интересами лица, которому адвокат оказывает юридическую помощь. Совет в этой связи подчеркивает, что вне зависимости от фактического или юридического статуса, а также интересов лица, заключившего соглашение с адвокатом в пользу третьего лица, адвокат, оказывая юридическую помощь, во всех случаях обязан действовать исключительно в интересах того лица, которому он оказывает юридическую помощь (т.е. того лица, в чью пользу заключено соглашение об оказании юридической помощи). Возникновение противоположных

интересов между лицом, заключившим соглашение об оказании юридической помощи, и лицом – получателем юридической помощи (третьим лицом, в чьих интересах оно заключено), не может влиять на объем и качество оказания адвокатом юридической помощи доверителю (получателю юридической помощи) и, тем более, не может приводить к изменению (подмене) лица, которому эта помощь оказывается. В свою очередь, лицо, заключившее с адвокатом соглашение об оказании юридической помощи в пользу иного лица, не должно злоупотреблять своими правами стороны соглашения, действуя во вред интересам этого иного лица, а также не может требовать и ожидать таких действий от адвоката, с которым заключило соглашение в пользу иного лица.

В рассматриваемой ситуации адвокат В., участвуя в оперативно-розыском мероприятии, действовал с предварительного согласия своего доверителя – получателя юридической помощи Е.В. и в его интересах, обусловленных необходимостью ограждения от угроз и иного давления со стороны заинтересованных лиц с целью изменения показаний, данных Е.В. против бенефициара ООО «...», генеральным директором которого ранее являлся Е.В. Каких-либо данных, свидетельствующих о выходе адвоката В. за пределы интересов и целей защиты доверителя Е.В. при участии в оперативном мероприятии не представлено.

Применительно к дисциплинарному обвинению заявителя в невозврате выплаченного адвокату В. в соответствии с соглашением об оказании юридической помощи Е.В. вознаграждения в размере ...руб. Совет разъясняет, что любые имущественные споры между доверителями и адвокатами (включая споры о возврате адвокатом доверителю уплаченного вознаграждения полностью или в части) дисциплинарным

органам адвокатской палаты субъекта Российской Федерации неподведомственны в связи с тем, что находятся за пределами их компетенции. Указанные споры подлежат разрешению судом в порядке гражданского судопроизводства, и этим правом заявитель жалобы воспользовался, обратившись в Т. районный суд г. Москвы с иском о взыскании неосновательного обогащения.

Рассматривая допустимую часть дисциплинарных обвинений, касающихся формализации отношений между адвокатом В. и заявителем жалобы как сторонами в соглашении об оказании юридической помощи третьему лицу, Совет обращает внимание на то, что каких-либо доказательств, подтверждающих доводы жалобы об отказе адвоката В. от общения с представителями ООО «...» и его умышленном уклонении от контактов, не представлено.

Как надуманные оценивает Совет и дисциплинарные обвинения заявителя в отношении адвоката В. в том, что тот не возвратил ООО «...» «все полученные от последнего подлинные документы по делу и доверенность», а также не представил отчет о проделанной работе.

Совет отмечает, что в материалах, представленных заявителем – ООО «...» в дисциплинарное производство, не содержится каких-либо сведений о передаче адвокату В. для исполнения поручения «подлинных документов и доверенности».

В части, касающейся представления отчета доверителю о проделанной работе, Совет отмечает, что 12 июля 2024 г. самим заявителем в материалы дисциплинарного производства представлена светокопия акта выполненных адвокатом В. работ по Соглашению от 26 июня 2023 г. № ... в рамках осуществления в период с 19 июня по 16 ноября 2023 г. защиты Е.В. по уголовному делу.

По этим причинам Совет приходит к выводу о том, что и в части данных дисциплинарных обвинений презумпция добросовестности адвоката В. не опровергнута.

Что же касается доводов о неисполнении адвокатом В. соглашения об оказании юридической помощи в части его досрочного расторжения, Совет отмечает, что этот вопрос может являться предметом судебного разбирательства в Т. районном суде г. Москвы при рассмотрении искового заявления о взыскании неосновательного обогащения, в связи с чем не считает возможным оценивать данный довод в настоящем дисциплинарном производстве.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката В. по жалобе директора ООО «...» Е.А. от 4 июня 2024 г.:

в части дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом В. взаимосвязанных положений п. 5 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих запрет на негласное сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.4. Адвокату объявлено предупреждение за то, что она использовала в соглашении неясные и неконкретные формулировки, что повлекло введение доверителя в заблуждение относительно характера и объема оказываемой юридической помощи, а также не передала исполнительный лист в службу судебных приставов.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием заявителя Х. и адвоката Ш. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Х. от 28 марта 2024 г., в отношении адвоката Ш.

Квалификационная комиссия 17 июля 2024 г. вынесла Заключение:

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Ш. профессиональных обязанностей перед доверителем Х., выразившемся в том, что она, заключив 11 августа 2022 г. с доверителем Х. договор (соглашение) об оказании юридической помощи, сформулировала предмет договора (соглашения) таким образом, что его формулировка непрозрачна, не обеспечивала однозначного понимания того, какие конкретно обязательства перед доверителем Х. приняла на себя адвокат Ш., что ввело в заблуждение доверителя Х. относительно характера и объема оказываемой ей адвокатом юридической помощи;

– о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Ш. профессиональных обязанностей перед доверителем Х., выразившемся в том, что она, заключив 11 августа 2022 г. с доверителем Х.

указанный договор (соглашение), не оказала ей квалифицированную юридическую помощь, поскольку, получив у юридической компании «...» исполнительный лист по гражданскому делу о взыскании денежных средств в пользу Х. с ООО «...», адвокат Ш. не передала его в службу судебных приставов для возбуждения исполнительного производства, что вынудило доверителя Х. 23 марта 2024 г. самостоятельно обратиться в 3. районный суд г. Москвы с заявлением о выдаче ей дубликата исполнительного листа по гражданскому делу, которое определением суда от 14 мая 2024 г. было удовлетворено;

– о нарушении адвокатом Ш. положений подп. 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившемся в том, что, получив от доверителя Х. 15 сентября 2022 г. вознаграждение в размере ...руб., она не внесла их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдала доверителю финансовый документ по проведению операции с ее средствами (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Ш. профессиональных обязанностей перед доверителем Х., выразившемся в том, что, узнав в апреле 2024 года о том, что до-

веритель Х. расторгла в одностороннем порядке указанный договор (соглашение) об оказании юридической помощи, она не вернула доверителю оригиналы исполнительного листа по гражданскому делу, выданного З. районным судом, и нотариально удостоверенной доверенности;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ш. по жалобе Х., в части требования Х. о возврате ей адвокатом Ш. ...руб. вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Адвокат Ш. в заседании Совета сообщила, что заключение Квалификационной комиссии получила, ознакомилась с ним, с выводами, изложенными в заключении, полностью согласна. Просила Совет принять во внимание то, что задержка в оказании Х. юридической помощи возникла в связи с тем, что полученный от предыдущих представителей заявителя исполнительный лист она потеряла при переезде и долго искала, а когда нашла, Х. уже получила его дубликат. Просила также принять во внимание, что принесла извинения Х.

Заявитель Х. в заседании Совета сообщила, что заключение Квалификационной комиссии ею получено, с выводами Комиссии полностью согласна. Подтвердила, что адвокат Ш. принесла ей извинения и частично вернула уплаченный ей гонорар в сумме ...руб. На вопрос о мере дисциплинарной ответственности, которую, по ее мнению, следует применить к адвокату Ш., выразила мнение, что предупреждения должно быть достаточно.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее

выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Решением от 6 апреля 2021 г по гражданскому делу в пользу Х. с ООО «...» были взысканы денежные средства. Решение суда вступило в законную силу 18 октября 2021 г. Из протоколов судебных заседаний по указанному делу следует, что истец Х. не принимала участия в судебном разбирательстве по данному делу, ее интересы на основании доверенности представляли сотрудники юридической компании «...», которые после вступления решения З. районного суда г. Москвы в законную силу получили исполнительный лист, но не передали его Х. В связи с этим она обратилась за юридической помощью к адвокату Ш., с которой заключила Договор (Соглашение) об оказании юридической помощи от 11 августа 2022 г. № ... и выдала ей нотариально удостоверенную доверенность. После этого адвокат Ш., действуя на основании доверенности, получила в юридической компании «...» оригинал исполнительного листа по указанному гражданскому делу, но в службу судебных приставов его не предъявила.

В связи с бездействием адвоката Ш. заявительница Х. 26 марта 2024 г. обратилась в указанный районный суд с заявлением о выдаче ей дубликата исполнительного листа и заявила адвокату Ш. досудебную претензию от 28 марта 2024 г. о расторжении договора и возврате денежных средств и документов.

В жалобе заявитель Х. выдвинула в отношении адвоката Ш. дисциплинарные обвинения в том, что она:

– указала в договоре об оказании юридической помощи неконкретную формулировку его предмета;

– не исполнила условия договора об оказании юридической помощи и не оказала ей предусмотренную этим договором квалифицированную юридическую помощь;

– полученное вознаграждение в наличной денежной форме в размере ...руб. не оформила в установленном законом порядке, не выдав Х. документ, подтверждающий внесение денежных средств в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, в котором осуществляла адвокатскую деятельность;

– не вернула оригиналы документов, а именно исполнительный лист и доверенность.

Заявитель также просила обязать адвоката Ш. вернуть ей денежные средства в размере ...руб., которые были выплачены адвокату Ш. наличными 15 сентября 2022 г.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в указании адвокатом Ш. в договоре об оказании юридической помощи неконкретной формулировки его предмета, Совет приходит к следующим выводам.

В соответствии со ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Являясь гражданско-правовым договором, соглашение об оказании юридической помощи в полной мере подчиняется общим нормам гражданского законодательства, если иное не предусмотрено специальными нормами законодательства об адвокатской деятельности. Среди указанных общих норм граждан-

ского права необходимо прежде всего руководствоваться положениями гл. 27 ГК РФ «Понятие и условия договора».

Существенным условием соглашения об оказании юридической помощи является предмет поручения (подп. 2 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Адвокат не вправе заключать с доверителем соглашение, условия которого непрозрачны, не обеспечивают их однозначного понимания и, следовательно, могут ввести в заблуждение доверителя относительно характера и объема оказываемой ему юридической помощи. Поручение адвокату должно быть сформулировано корректно и максимально конкретно, чтобы на практике не возникло неопределенности в его толковании. Поскольку содержанием соглашения является юридическая помощь, т.е. специфическая деятельность адвоката, предметом поручения следует считать те действия, которые адвокат обязуется совершить в интересах доверителя при оказании такой помощи. Точное и полное определение предмета поручения позволяет адвокату, во-первых, четко обозначить объем предстоящей работы и парировать в дальнейшем возможные претензии доверителя относительно того, насколько полно адвокат исполнил поручение, а во-вторых, соотносить этот объем работы с размером причитающегося вознаграждения.

Таким образом, требования к форме и содержанию соглашения об оказании юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены, следовательно, являются общеобязательными.

Предмет поручения в Договоре (Соглашении) об оказании юридической помощи № ... от 11 августа 2022 г. сформулирован в следующем виде: «Защита и представление интересов Х. и А. в Г.

районном суде г. Москвы на стадии судебного разбирательства по фактам мошеннических действий, взыскание материального ущерба, причиненного в результате уголовного преступления, представление интересов в ФСПП РФ и ее структурных подразделениях по вопросу взыскания по ИП в отношении "...", а также по вопросам иных взысканий, в результате ненадлежаще оказанных юридических услуг (в соответствии с законодательством о защите прав потребителей)». При этом в договоре отсутствует срок его действия.

Таким образом, определенность и конкретность в указанном договоре отсутствуют. Общие фразы в описании предмета поручения ввели доверителя в заблуждение, породили завышенные ожидания и, как следствие, привели к конфликту между адвокатом и доверителем.

Органы адвокатского самоуправления г. Москвы неоднократно отмечали, что надлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, т.е. выполнение обязанности честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, предполагает не только оказание доверителю квалифицированной юридической помощи по интересующему его вопросу, но и строгое выполнение адвокатом предписаний закона о порядке оформления правоотношений с доверителем, поскольку именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принять меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся к процессу заключения и расторжения соглашения об оказании юридической помощи, соответствовали требованиям действующего

законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя. Несоблюдение адвокатом данной обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку затрудняет ему защиту данных прав и охраняемых законом интересов.

Именно адвокат Ш. как профессиональный участник правоотношений с доверителем, формировавшая условия соглашения, обязана была обеспечить высокую степень их определенности, в первую очередь предмета поручения.

Эта обязанность адвокатом Ш. не исполнена, чем нарушены права доверителя Х.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Ш. профессиональных обязанностей перед доверителем Х.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в неисполнении адвокатом Ш. профессиональных обязанностей перед доверителем Х. и неоказании ей квалифицированной юридической помощи, Совет отмечает, что никаких действий, направленных на оказание юридической помощи доверителю Х., адвокатом Ш. произведено не было, за исключением получения в юридической компании «...» оригинала исполнительного листа по гражданскому делу. Полученный исполнительный лист адвокат Ш., вопреки принятым перед доверителем Х. обязательствам, не передала в службу судебных приставов.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ш. в части, касающейся

неисполнения ею обязательств по оказанию доверителю Х. юридической помощи, опровергнутой, а ее вину в бездействии на протяжении длительного времени установленной. Ссылка адвоката Ш. на утрату исполнительного листа не влияет на этот вывод, а лишь дополнительно подтверждает ее безответственное отношение к исполнению поручения доверителя.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в том, что адвокат Ш. полученное в наличной денежной форме вознаграждение в размере ...руб. не оформила в установленном законом порядке, не выдав Х. документ, подтверждающий внесение денежных средств в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, в котором адвокат осуществляла адвокатскую деятельность, Совет приходит к следующим выводам.

В соответствии с п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашения об оказании юридической помощи в коллегии адвокатов заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации коллегии адвокатов.

Согласно положениям подп. 3 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь являются существенным условием соглашения об оказании юридической помощи.

В силу пп. 1, 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат имеет право на получение вознаграждения (гонорара), причитающегося за исполняемую работу, а также на возмещение понесенных им издержек и расходов. Вознаграждение определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность вре-

мени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства.

В силу требований п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Ранее Совет в своих решениях и Квалификационная комиссия в своих заключениях неоднократно указывали, что надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью.

Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, то обязанность честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем (см., напр.: Обзоры дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы

// Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17; Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99).

В п. 1 Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем, указывается, что бездействие адвоката, выразившееся в том числе в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, подрывает независимость адвоката, исключает установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлено к подрыву доверия, а также демонстрирует явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации. В п. 4 указанного обзора отмечается, что предусмотренная п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» публичная обязанность адвоката по внесению полученного вознаграждения на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования, применяемая в единстве с обязанностью адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), применительно к вопросам формализации отношений с доверителями означает обязанность адвоката обеспечивать получение доверителем финансовых документов, подтверждающих внесение денежных средств, уплаченных в счет вознаграждения адвоката, на

расчетный счет либо в кассу адвокатского образования (Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем. С. 17 // Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы).

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Ш. на момент заключения Договора (Соглашения) об оказании юридической помощи № ... от 11 августа 2022 г. являлась членом Коллегии адвокатов «...», однако заключенный между участниками дисциплинарного производства договор (соглашение) в документации данного адвокатского образования не был зарегистрирован, а денежные средства в кассу или на расчетный счет адвокатского образования не вносились.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о нарушении адвокатом Ш. положений подп. 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Рассматривая дисциплинарное обвинение в невозвращении адвокатом Ш. доверителю Х. оригиналов исполнительного листа и доверенности, Совет приходит к следующим выводам.

Пунктом 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката установлено, что при отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю все полученные от него подлинные документы и доверенность.

Заявитель утверждала, что направила адвокату Ш. претензию о расторжении заключенного ими Договора (Соглашения) об оказании юридической помощи от 11 августа 2022 г., в которой адвокату Ш. было предложено вернуть оригиналы документов, но документы ею возвращены не были.

Доказательств возвращения адвокатом Ш. оригиналов доверенности и исполнительного листа доверителю Х. в материалах дисциплинарного производства не содержится.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу, что адвокат Ш. не позднее, чем с апреля 2024 года (согласно ее собственным пояснениям) была извещена о том, что доверитель Х. в одностороннем порядке расторгла с ней указанный выше договор (соглашение) об оказании юридической помощи и предложила вернуть оригиналы ее документов. Однако вплоть до момента рассмотрения Советом настоящего дисциплинарного производства она этого не сделала. Следовательно, адвокатом Ш. допущено нарушение предписания п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В части требования заявителя Х. о возвращении ей адвокатом Ш. ...руб., выплаченных в качестве вознаграждения по заключенному ими договору (соглашению) об оказании юридической помощи, Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства, поскольку в силу п. 2 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвокатов указанный вопрос находится за пределами компетенции дисциплинарных органов адвокатского самоуправления.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ш. за совершенные нарушения, Совет учитывает их многочисленный, умышленный и грубый характер, свидетельствующий о крайне недобросовестном исполнении адвокатом обязанностей перед доверителем и игнорировании основополагающих требований законодательства и профессиональной этики. Такое профессиональное поведение адвоката Ш. Совет признает недо-

пустимым и наносящим вред авторитету адвокатуры. Вместе с тем, учитывая незначительный стаж адвокатской деятельности Ш. и отсутствие у нее дисциплинарных взысканий, а также принимая во внимание позицию заявителя Х. по вопросу о мере дисциплинарной ответственности адвоката, Совет предоставляет адвокату Ш. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества. При указанных обстоятельствах Совет приходит к выводу о применении к адвокату Ш. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Х., выразившееся в том, что она, заключив 11 августа 2022 г. с доверителем Х. договор (соглашение) об оказании юридической помощи, сформулировала предмет договора таким образом, что его формулировка непрозрачна, не обеспечивает однозначного понимания того, какие

конкретно обязательства перед доверителем Х. приняла на себя адвокат Ш., что ввело в заблуждение доверителя Х. относительно характера и объема оказываемой ей адвокатом юридической помощи;

– неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем Х., выразившееся в том, что она, заключив 11 августа 2022 г. с доверителем Х. указанный договор (соглашение), не оказала доверителю квалифицированную юридическую помощь, поскольку, получив у юридической компании «...» исполнительный лист по гражданскому делу о взыскании денежных средств в пользу Х. с ООО «...», не передала его в службу судебных приставов для возбуждения исполнительного производства, что вынудило доверителя Х. 23 марта 2024 г. самостоятельно обратиться в 3. районный суд г. Москвы с заявлением о выдаче ей дубликата исполнительного листа по гражданскому делу, которое определением суда от 14 мая 2024 г. было удовлетворено;

– нарушение положений подп. 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся

в том, что, получив от доверителя Х. 15 сентября 2022 г. вознаграждение в размере ...руб., она не внесла их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдала доверителю финансовый документ по проведению операции с ее средствами (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Х., выразившееся в том, что, узнав в апреле 2024 года о том, что доверитель Х. расторгла в одностороннем порядке указанный договор об оказании юридической помощи, она не вернула доверителю оригиналы исполнительного листа по гражданскому делу, выданного 3. районным судом г. Москвы, и нотариально удостоверенной доверенности.

Прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката Ш. по жалобе Х. от 28 марта 2024 г. в части требования Х. о возврате ей адвокатом Ш. ...руб. вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

1.5. Адвокату объявлено предупреждение за то, что он вступил в дело в отсутствие законных оснований, не принял мер к правильному указанию в протоколе времени фактического задержания доверителя и не поставил вопрос о его освобождении в связи с истечением 48-часового срока задержания.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием адвоката П. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе М. от

19 февраля 2024 г. в отношении адвоката П.

Квалификационная комиссия 17 июля 2024 г. вынесла Заключение:

1) о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, пп. 1, 2, 4 ст. 25

Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. 2.1, 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 4 декабря 2017 г. (Протокол № 8), адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившемся в том, что он, предъявив 17 июля 2023 г. ордер № ... от 17 июля 2023 г. на осуществление «защиты прав и законных интересов» М., в котором в качестве основания его выдачи было указано фактически отсутствующее «соглашение № ... от 17.07.2023», вступил в уголовное дело, находящееся в производстве СО ОМВД России по П. району г. Москвы, в качестве защитника М. в отсутствие установленных законом оснований (соглашения на защиту М., заключенного с соблюдением требований ч. 1 ст. 50 УПК РФ);

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 (участвуя в судопроизводстве, адвокат должен следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении) Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., что выразилось в неуказании в замечаниях к протоколу задержания М. от 17 июля 2023 г. сведений о времени его фактического задержания; в незаявлении ходатайств и жалоб в связи с истечением 48-часового срока задержания М. и неуказании об этом 19 июля 2023 г. в судебном заседании указанного районного суда при рассмотрении ходатайства органа следствия об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по жалобе М., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

По имеющимся сведениям, заявитель М. содержится под стражей в ФКУ СИЗО... УФСИН России по г. Москве.

Представитель заявителя М. – адвокат М.Д., надлежащим образом уведомленный о дне, времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства, в заседание Совета не явился, заявил ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие.

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие представителя заявителя М. – адвоката М.Д., поскольку он своевременно получил заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, возражений не заявлял и просил рассмотреть дело в его отсутствие, а положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Адвокат П. в заседании Совета сообщил, что получил заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами согласен, обратил внимание членов Совета на то, что все действия совершал исключительно в интересах своего доверителя М.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившегося участника, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 7 июля 2023 г. СО ОМВД России по П. району г. Москвы возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 162 УК РФ, в отношении неустановленных лиц. 17 июля 2023 г., в 09.30 час., в ходе оперативно-розыскных мероприятий был задержан М. и доставлен в указанный выше следственный отдел «для дальнейшего разбирательства».

В этот же день, не позднее 11.10 час., адвокат П. прибыл в указанный отдел МВД для оказания юридической помощи М. и обратился к начальнику данного отдела МВД с письменным заявлением о преступлении, в котором указал на применение к М. физической силы и причинение ему физического вреда, в связи с чем просил провести медицинское освидетельствование М. и привлечь к ответственности виновных должностных лиц. После этого, в тот же день, адвокат П. вступил в уголовное дело в качестве защитника М., предъявив удостоверение адвоката и ордер от 17 июля 2023 г. № ... на осуществление «защиты прав и законных интересов» М. в указанном отделе МВД с 17 июля 2023 г. В качестве основания выдачи ордера в нем было указано «соглашение № ... от 17.07.2023».

17 июля 2023 г., с 19.08 час. до 19.15 час., адвокат П. в качестве защитника М. участвовал в предъявлении потерпевшему И. для опознания М. вместе с другими лицами. Потерпевший И. опознал М. В протоколе указанного следственного действия отражено следующее замечание защитника М. – адвоката П.: «У М. находятся ссадины на правом локте руки, кровоподтеки в области задней части головы и ссадины, и отек под левым глазом, синяк на правом ухе».

17 июля 2023 г., в 19.20 час., старшим следователем Б. составлен протокол задержания подозреваемого М. от 17 июля 2023 г., согласно которому М. задержан в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ в качестве подозреваемого в 19.20 час. 17 июля 2023 г. в присутствии защитника П. М. заявил о несогласии со своим задержанием. Иных заявлений и замечаний к протоколу задержания от М. и его защитника – адвоката П. не поступило.

Затем, с 19.30 час. 17 июля по 19.45 час. 18 июля 2023 г., адвокат П. в качестве защитника М. участвовал в следующих следственных и иных процессуальных действиях с участием М.:

- составление «протокола явки с повинной» М. 17 июля 2023 г.;
- допрос подозреваемого М. 17 июля 2023 г.;
- очная ставка между подозреваемым М. и потерпевшим И. 18 июля 2023 г.;
- очная ставка между подозреваемым М. и подозреваемым Ма. 18 июля 2023 г.;
- предъявление 18 июля 2023 г. М. обвинения в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 162 УК РФ;
- допрос обвиняемого М. 18 июля 2023 г.

19 июля 2023 г. постановлением П. районного суда г. Москвы в отношении М. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на 1 месяц 21 сутки, т.е. до 7 сентября 2023 г. Указанное постановление суда не было обжаловано в апелляционном порядке.

24 июля 2023 г. М. обратился к следователю Б. с заявлением об отказе от защитника – адвоката П., сообщив об осуществлении его защиты адвокатом Р. Постановлением следователя Б. от 24 июля 2023 г. отказ М. от защитника – адвоката П. принят.

29 июля 2023 г. адвокат П. посредством мессенджера *WhatsApp* направил отцу М. – М.А. файл с неподписанным текстом «Адвокатского соглашения № ... об оказании юридической помощи от 17 июля 2023 года». В качестве сторон этого соглашения были указаны адвокат П. и доверитель Мирзоев [такая фамилия указана в тексте соглашения. – *Примечание Совета*] С.А.о., а в качестве предмета поручения – «профессиональная юридическая помощь в уголовном судопроизводстве по уголовному делу, возбужденному СО ОМВД России по П. району г. Москвы (№ ... в котором Доверитель привлечен в качестве обвиняемого и заключен под стражу)».

Рассматривая дисциплинарное обвинение в оказании М. юридической помощи в отсутствие установленных законом оснований, Совет отмечает, что согласно ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить несколько защитников.

Порядок заключения адвокатами соглашения об оказании квалифицированной юридической помощи доверителям, в том числе в уголовном судопроизводстве, и требования к такому соглашению раскрываются в положениях ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

При этом обязанность по обеспечению надлежащей формализации отношений с доверителем М. лежала на адвокате П. как на профессиональном участнике правоотношений.

В ходе дисциплинарного производства адвокат П. не отрицал факт отсутствия соглашения об оказании юридической помощи М., заключенно-

го в письменной форме. Вместе с тем адвокат П. настаивал на том, что заключил такое соглашение в устной форме, утверждая, что согласовал все его существенные условия со знакомым М. – С., а затем и с его отцом М. А. Вынужденно приступив к оказанию юридической помощи до момента подписания соглашения, в дальнейшем он столкнулся с уклонением М. от его подписания.

Совет критически относится к этим объяснениям адвоката П., поскольку они голословны. Каких-либо доказательств его коммуникации с отцом, М.А., равно как и с иными лицами именно по вопросам заключения соглашения об оказании юридической помощи в период ее оказания (с 17 июля 2023 г. по 24 июля 2023 г.), в том числе и непосредственно после начала ее оказания, адвокатом П. не представлено, и в материалах дисциплинарного производства такие доказательства отсутствуют.

Объяснения адвоката П. о том, что он передал отцу М. – М.А. соглашение об оказании юридической помощи в ночь с 17 на 18 июля 2023 г. после окончания следственных и иных процессуальных действий с М., также ничем не подтверждены. Более того, они опровергаются содержанием проекта соглашения об оказании юридической помощи, направленного М. 29 июля 2023 г., поскольку из сформулированного в данном проекте предмета поручения следует, что в отношении М. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Однако это произошло лишь 19 июля 2023 г. Таким образом, указанный проект был во всяком случае составлен после вынесения постановления суда об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу и поэтому никак не мог быть передан М. ни 17, ни 18 июля 2023 г.

Помимо этого, направление 29 июля 2023 г. М. никем не подписанного про-

екта соглашения об оказании юридической помощи не может рассматриваться как доказательство намерения адвоката П. заключить соглашение об оказании юридической помощи с М. А. Наконец, из содержания данного проекта соглашения усматривается, что в качестве его стороны адвокат П. указал не М.А., которому проект был направлен, а М. При этом адвокат П. признал, что с М. он не только не согласовывал существенные условия соглашения об оказании юридической помощи, но и вообще не обсуждал его заключение, лишь сообщив, что явился от друга М. для оказания ему юридической помощи.

Более того, как указано выше, М. отказался от защитника – адвоката П. 24 июля 2023 г., т.е. еще до направления вышеуказанного проекта соглашения. В тот же день указанный отказ от защитника был принят следователем. По этой причине адвокат П., вопреки его доводам, заведомо не имел правовых оснований предпринимать попытки заключения соглашения об оказании юридической помощи после отказа от него подзащитного, принятого следователем.

В тех случаях, когда адвокат отступает от обязательных требований по формализации своих отношений с доверителем, бремя доказывания соблюдения им профессионально-этических предписаний, в том числе устного согласования с кем-либо всех существенных условий соглашения об оказании юридической помощи, лежит на таком адвокате.

Адвокат П. согласование с кем-либо существенных условий соглашения об оказании М. юридической помощи – защиты по уголовному делу не доказал, в то время как заявителем такие попытки со стороны адвоката П. отрицаются. При подобных обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвока-

том П. не было заключено соглашение об оказании юридической помощи М. ни в простой письменной, ни в устной форме.

Вступление адвоката П. в уголовное дело при отсутствии соглашения об оказании юридической помощи предопределило нарушение им установленного порядка заполнения ордера от 17 июля 2023 г. № ... представленного им в материалы уголовного дела в подтверждение принятия поручения на осуществление защиты М., поскольку в этом ордере в качестве основания его выдачи было указано отсутствующее «соглашение № ... от 17.07.2023».

Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, пп. 1, 2, 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. 2.1, 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 4 декабря 2017 г. (Протокол № 8), адвокатом П. профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившемся во вступлении в уголовное дело в качестве защитника М. в отсутствие установленных законом оснований (соглашения на защиту М., заключенного с соблюдением требований ч. 1 ст. 50 УПК РФ) при описанных обстоятельствах.

Вместе с тем объяснения адвоката П. в части обращения к нему за оказанием юридической помощи М. знакомого последнего – С., являющегося партнером заявителя по бизнесу, не опровергнуты. Кроме того, адвокат П. представил Квалификационной комиссии номер телефона, с которого с ним связывался С. 17 июля 2023 г., и сообщил, что ранее

оказывал юридическую помощь С., а также представил в материалы дисциплинарного производства копию его паспорта. При таких обстоятельствах отсутствуют основания для вывода о том, что адвокат П. допустил нарушение подп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, вступив в уголовное дело в качестве защитника М., используя личные связи с работниками правоохранительных органов.

Дисциплинарные обвинения в отношении адвоката П. в неотражении им в протоколе задержания М. времени его фактического задержания, в отсутствие процессуальной реакции на истечение 48-часового срока задержания М. и незаявлении об этом в судебном заседании по рассмотрению ходатайства следователя об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу также нашли подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства.

Адвокат П. объясняет свое пассивное поведение в указанной части тем, что умышленно не внес в протокол задержания М. замечания с указанием времени фактического задержания последнего, а также не заявлял об истечении срока его задержания для того, чтобы, используя доверительные отношения со следователем, предоставить родственникам М. возможность получить заявление собственника жилого помещения о готовности разместить в нем М. для нахождения под домашним арестом, а также обеспечить личную явку этого лица в судебное заседание. Заявить об истечении 48-часового срока с момента задержания М. в суде адвокат П. посчитал неудобным перед следователем.

Совет отклоняет этот довод адвоката П. как несостоятельный, поскольку ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката обязывает адвоката, участвующего в судопроизводстве, сле-

дить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении. Приведенные адвокатом П. обстоятельства не освобождали его от исполнения этой обязанности.

Согласно п. 15 ст. 5 УПК РФ под моментом фактического задержания понимается момент производимого в порядке, установленном данным Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Как указано выше, в рапорте старшего оперуполномоченного Па. от 17 июля 2023 г., с которым адвокат П. был ознакомлен и располагал его копией, указано, что М. был задержан 17 июля 2023 г., в 09.30 час., после чего доставлен в СО ОМВД по П. району г. Москвы «для дальнейшего разбирательства». При этом в протоколе задержания подозреваемого М., составленном в 19.20 час. 17 июля 2023 г., указано не соответствующее действительности время задержания – 19.20 час. того же дня, чем нарушены требования ч. 2 ст. 92 УПК РФ. Адвокат П. на допущенное следователем Б. нарушение закона не отреагировал, замечаний в протокол задержания М. не внес.

Согласно ч. 2 ст. 94 УПК РФ, если в отношении подозреваемого не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу либо суд не продлил срок задержания в порядке, установленном п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ, подозреваемый подлежит освобождению по истечении 48 часов с момента задержания.

Адвокат П. не оспаривает то обстоятельство, что ходатайство следователя об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу поступило в суд спустя 48 часов с момента фактического задержания последнего. При этом протокол судебного заседания по рассмотрению поста-

новления следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого М. не содержит сведений о заявлении адвоката П. о незаконности содержания М. под стражей по истечении 48 часов с момента его задержания. Не отрицает адвокат П. и того обстоятельства, что он не реагировал иным образом (путем заявления ходатайств, принесения жалоб и пр.) на истечение установленного ч. 2 ст. 94 УПК РФ 48-часового срока задержания М.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем, что выразилось в неуказании в замечаниях к протоколу задержания М. от 17 июля 2023 г. сведений о времени его фактического задержания, незаявлении ходатайств и жалоб в связи с истечением 48-часового срока задержания М. и неуказании об этом 19 июля 2023 г. в судебном заседании П. районного суда при рассмотрении ходатайства органа следствия об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Переходя к рассмотрению группы дисциплинарных обвинений в неполном, несогласованном и неквалифицированном оказании адвокатом П. юридической помощи М., Совет, сопоставляя установленные Квалификационной комиссией обстоятельства с минимальными требованиями к деятельности адвоката – защитника, содержащимися в п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, приходит к выводу об отсутствии достаточных доказательств, опровергающих презумпцию добросовестности адвоката П. в данной части.

Из объяснений адвоката П. следует, что он конфиденциально общался

с подзащитным М. не менее полутора часов, разъяснил ему процессуальные права и ознакомился с постановлением о возбуждении уголовного дела. Впоследствии адвокат П. ознакомился с документами, содержащимися в материале, обосновывающем ходатайство следователя об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу, в подтверждение чего представил копии всех документов, содержащихся в этом материале, включая рапорт старшего Па. на имя врио начальника ОМВД по П. району г. Москвы К. о задержании М. 17 июля 2023 г., в 09.30 час.

Указанные объяснения адвоката П. не опровергнуты. Сам по себе факт отсутствия в материалах дисциплинарного производства ходатайства адвоката П. об ознакомлении с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, расписки об ознакомлении с указанными материалами и иных подобных документов достаточным доказательством невыполнения адвокатом П. этой профессиональной обязанности не является, поскольку заявление защитником такого письменного ходатайства не является обязательным, оно может быть заявлено и в устной форме. Несоответствие времени задержания М., указанного в протоколе его задержания (19.20 час. 17 июля 2023 г.), времени фактического задержания М. само по себе не свидетельствует о том, что адвокат П. не выяснил и не установил время и обстоятельства задержания М.

Совет также отмечает, что доказательств проведения с участием М. каких-либо следственных и иных процессуальных действий до вступления адвоката П. в уголовное дело заявителем не представлено, а в материале, обосновывающем ходатайство следователя об избрании в отношении М. меры

пресечения в виде заключения под стражу, протоколы таких процессуальных действий отсутствуют.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией и приведенными ею обоснованиями, также признает необоснованными дисциплинарные обвинения в том, что адвокат П. рекомендовал М. заявить о явке с повинной без разъяснения ее значения и процессуальных последствий, а также в бездействии в связи с нанесением М. побоев.

Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката П за совершенные им дисциплинарные проступки, Совет отмечает их умышленный и грубый характер, сопряженный с явным игнорированием адвокатом обязательных профессиональных требований к оформлению правоотношений с доверителем и оказанию юридической помощи. Подобное профессиональное поведение адвоката П. свидетельствует о его недопустимом отношении к исполнению профессиональных обязанностей и наносит вред авторитету адвокатуры. Вместе с тем, учитывая, что ранее адвокат П. не привлекался к дисциплинарной ответственности, нарушения признал, Совет предоставляет ему возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде

предупреждения, как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, пп. 1, 2, 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. 2.1, 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 4 декабря 2017 года (Протокол № 8), профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившееся в том, что адвокат П., предъявив 17 июля 2023 г. ордер от 17 июля 2023 г. № ... на осуществление защиты прав и законных интересов М., в котором в качестве основания его выдачи было указано фактически отсутствующее «соглашение № ... от 17.07.2023», вступил в уголовное дело, находящееся в производстве СО ОМВД России по П. району г. Москвы, в качестве защитника М. в отсутствие установленных законом оснований (соглашения на защиту М., заключенного с соблюдением требований ч. 1 ст. 50 УПК РФ);

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12

Кодекса профессиональной этики адвоката (участвуя в судопроизводстве, адвокат должен следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившееся в неуказании в замечаниях к протоколу задержания М. от 17 июля 2023 г. сведений о времени его фактического задержания, незаявлении ходатайств и жалоб в связи с истечением 48-часового срока задержания М. и неуказании об этом

19 июля 2023 г. в судебном заседании П. районного суда г. Москвы при рассмотрении ходатайства следователя об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката П. по жалобе М., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.6. Совет прекратил статус адвоката, который, приняв на личную карту средства для возмещения ущерба потерпевшей, не возместил этот ущерб, не явился в судебное заседание, а также не выдал доверителю экземпляр соглашения и документы об оплате вознаграждения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием заявителя В.Д. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам В.М. от 3 апреля 2024 г. и В.Д. от 7 июня 2024 г. в отношении адвоката А.

Квалификационная комиссия 7 августа 2024 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем вопреки предписаниям взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, принятых на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 29 сентября 2014 г., исполнении адвокатом А. своих профессиональных обязанностей перед доверителем В.Д., что выразилось в невыдаче доверителю второго экземпляра Соглашения об оказании юридической помощи от 16 июня 2023 г.;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям взаимосвязанных положений подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнении адвокатом А. своих профессиональных обязанностей перед доверителем В.Д., выразившемся в том, что, получив 16 июня 2023 г. от доверителя В.Д. в счет оплаты юридической помощи по указанному Соглашению об оказании юридической помощи денежные средства в размере ...руб., адвокат А. в период действия соглашения не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операций со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

3) о неисполнении адвокатом А., вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса

профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем В.М., что выразилось в неподаче им апелляционных жалоб на постановления К. районного суда г. Москвы от 6 июля и 8 августа 2023 г. о продлении обвиняемому В.М. срока содержания под стражей;

4) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом А. своих профессиональных обязанностей перед доверителем В.М., выразившемся в том, что он без уважительных причин не явился 2 октября 2023 г. в судебное заседание К. районного суда г. Москвы по рассмотрению ходатайства органа следствия о продлении В.М. срока содержания под стражей;

5) о неисполнении адвокатом А., вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителями В.Д. и В.М., выразившемся в том, что, заключив 16 июня 2023 г. с В.Д. соглашение об оказании юридической помощи В.М., предусматривающее в числе прочего осуществление защиты последнего в суде, адвокат А. к осуществлению защиты В.М. в указанном суде по уголовному делу не приступил;

6) о нарушении адвокатом А. положений пп. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом ад-

воката), выразившемся в том, что, получив 18 сентября 2023 г. от В.Е. на свою личную банковскую карту ...руб., предназначенных для возмещения ущерба потерпевшей Б., адвокат А. мер, направленных на возмещение ущерба, не предпринял;

7) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. по жалобам В.М. и В.Д., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат А., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, каких-либо ходатайств, заявлений или возражений на заключение Квалификационной комиссии не представил.

Заявитель В.М., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, явку представителя не обеспечил.

Совет, учитывая указанные обстоятельства и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников.

Заявитель В.Д., являющийся отцом заявителя В.М., в заседании Совета подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии, с выводами Комиссии согласился, поддержал доводы своей жалобы и жалобы сына. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил, что адвокат А. возвратил только ...руб., оставшуюся часть не

вернул. Утверждение адвоката А. в ранее направленном в Адвокатскую палату города Москвы объяснении о возвращении им семье заявителей части денежных средств наличными, кроме указанных ...руб., не соответствует действительности. Считает справедливой мерой дисциплинарной ответственности лишение адвоката А. права заниматься адвокатской деятельностью, поскольку его поведение является крайне недобросовестным, он злоупотребил их доверием и обманул, не оказав какой-либо помощи, и нельзя допустить, чтобы другие люди, которые ему доверяются, тоже пострадали от него.

Рассмотрев и обсудив заключение Квалификационной комиссии, материалы дисциплинарного производства, выслушав заявителя В.Д., Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве следователя СО ОМВД России по району В. г. Москвы находилось уголовное дело, по которому В.М. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ, и в отношении него избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, срок содержания под стражей в дальнейшем неоднократно продлевался.

16 июня 2023 г. между адвокатом А. и В.Д. – отцом В.М. заключено соглашение об оказании юридической помощи последнему. Согласно подп. 1.1 и 1.2 указанного соглашения «предметом соглашения является участие адвоката по делу в отношении В.М.»; «Место исполнения поручения: СО ОМВД В., суд». Подпунктом 3.2 указанного соглашения вознаграждение адвоката А. определено в размере ...руб. В этот же

день В.Е. (супругой В.Д.) адвокату А. в счет оплаты вознаграждения по указанному соглашению были переданы наличные денежные средства в размере ...руб.

20 июня 2023 г. адвокат А. вступил в вышеуказанное уголовное дело в качестве защитника обвиняемого В.М., а 12 сентября 2023 г. осуществлял его защиту в ходе допроса последнего. В этот же день обвиняемый В.М. и его защитник – адвокат А. были уведомлены об окончании следственных действий и ознакомлены с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ.

18 сентября 2023 г. супругой В.Д. – В.Е. на банковский счет адвоката А. были перечислены денежные средства в размере ...руб. для их дальнейшей передачи адвокатом А. потерпевшей по уголовному делу в качестве возмещения ущерба, причиненного преступлением, в совершении которого обвинялся В.М. Факт получения адвокатом А. указанных денежных средств подтвержден как содержащимся в материалах дисциплинарного производства чеком по операции ПАО «...» от указанной даты, так и письменными объяснениями самого адвоката А. от 6 августа 2024 г.

4 октября 2023 г. уголовное дело в отношении В.М. поступило в К. районный суд г. Москвы для рассмотрения по существу. Судебное заседание было назначено на 16 октября 2023 г.

16 октября 2023 года адвокат А. представил в суд копию ордера [оригинал ордера адвокатом А. суду представлен впоследствии не был. – *Примечание Совета*] и письменное заявление о том, что он является защитником подсудимого В.М. по соглашению, однако принять участие 16 октября 2023 г. в судебном заседании не сможет в связи с занятостью в другом судебном заседании,

и просил суд назначить на 16 октября 2023 г. подсудимому В.М. защитника в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ.

В дальнейшем, 15 ноября 2023 г., адвокат А. сообщил суду о том, что у его отца случился инсульт, в связи с чем он не может явиться в суд. Судебное заседание было отложено на 21 ноября 2023 г., однако и в него адвокат А. не явился, причину своей неявки суду не сообщил. Судебное заседание было отложено на 5 декабря 2023 г., Тем не менее адвокат А. в это судебное заседание также не явился, причин своей неявки суду не сообщил. Для защиты подсудимого В.М. судом в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ, была назначена в качестве защитника адвокат Ш., которая в дальнейшем продолжила осуществлять защиту подсудимого до окончания судебного разбирательства.

18 декабря 2023 г. в кассу адвокатского образования, членом которого является адвокат А., в счет оплаты вознаграждения по вышеуказанному соглашению об оказании юридической помощи В.М. были внесены денежные средства в размере ...руб., что подтверждается содержащейся в материалах дисциплинарного производства копией приходного кассового ордера от 18 декабря 2023 г.

В К. районный суд г. Москвы адвокат А. явился лишь 21 декабря 2023 г., где узнал о том, что подсудимый В.М. от него отказался и его защиту осуществляет назначенная судом адвокат Ш. В этот же день адвокат А. вернул В.Е. безналичным платежом денежные средства в размере ...руб.

Заявителем жалобы В.Д. в отношении адвоката А. выдвинуты дисциплинарные обвинения в том, что он:

не выдал второй экземпляр соглашения об оказании юридической помощи В.М. и квитанцию либо иной документ,

подтверждающий получение в счет оплаты вознаграждения денежных средств в размере ...руб.;

самоустранился от защиты сына заявителя – В.М., не присутствовал в судебном заседании при продлении тому срока содержания под стражей, не обжаловал принятое судом решение, не явился без уважительной причины в судебные заседания 16 октября, 15 и 21 ноября 2023 г., оставив В.М. без юридической помощи;

получив от В.Е. денежные средства в размере ...руб., предназначенные для компенсации материального ущерба потерпевшей Б., перестал выходить с заявителем на связь, денежные средства потерпевшей не передал.

Заявителем жалобы В.М. в отношении адвоката А. выдвинуты дисциплинарные обвинения в том, что он:

не присутствовал ни на одном судебном заседании по продлению срока его содержания под стражей и не обжаловал вынесенные судом постановления о продлении указанного срока;

при предъявлении В.М. обвинения и его последующем допросе в качестве обвиняемого настоял на том, чтобы он отказался от дачи показаний;

приняв на себя обязанность по защите В.М. в суде в соответствии с заключенным соглашением об оказании юридической помощи, устранился от его защиты;

получив от родственников В.М. денежные средства в размере ...руб., предназначенные для возмещения материального ущерба, причиненного потерпевшей Б., перестал выходить на связь, деньги потерпевшей не возместил, в судебные заседания не явился.

Рассматривая довод жалобы заявителя В.Д. о том, что адвокат А. не выдал ему второй экземпляр соглашения об оказании юридической помощи В.М. и квитанцию либо иной документ, под-

тверждающий получение в счет оплаты вознаграждения денежных средств в размере ...руб., Совет отмечает следующее.

Как указано в п. 1 Разъяснения № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденного Советом 29 сентября 2014 г., в соответствии со ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение заключается между доверителем и адвокатом (адвокатами) в двух экземплярах. Получение, равно как и отказ в получении, доверителем экземпляра соглашения должны быть подтверждены его подписью на экземпляре, остающемся у адвоката.

Это Разъяснение дано Советом в пределах его компетенции.

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Адвокат А. утверждения заявителя В.Д. о невручении ему экземпляра соглашения об оказании юридической помощи В.М. не опроверг. Кроме того, из копии указанного соглашения, представленной в материалы дисциплинарного производства самим адвокатом А., следует, что расположенная в нижней части третьего листа соглашения строка «Экземпляр соглашения (копию) получил», «Подпись доверителя», «Расшифровка подписи доверителя» ни подписи В.Д., ни ее расшифровки не содержит.

При таких обстоятельствах Совет признает обоснованным дисциплинарное обвинение в невручении адво-

катом А. заявителю В.Д. экземпляра соглашения об оказании юридической помощи. Презумпцию добросовестности адвоката А. в указанной части Совет признает опровергнутой, а его умышленную вину в совершении указанного нарушения установленной.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в невыдаче адвокатом А. доверителю В.Д. квитанции либо иного документа, подтверждающего получение денежных средств в размере ...руб. в счет оплаты вознаграждения по соглашению об оказании юридической помощи В.М., Совет отмечает следующее.

Как указано выше, в день заключения соглашения с адвокатом А. об оказании юридической помощи В.М. адвокату А. были переданы В.Е. наличными денежные средства в размере ...руб. Адвокат А. в ходе дисциплинарного разбирательства не отрицал как факт получения от В.Е. указанной суммы и обстоятельств ее получения, так и утверждение заявителя о невыдаче ему квитанции либо иного документа, подтверждающего получение адвокатом А. указанных денежных средств. Материалы дисциплинарного производства также не содержат каких-либо сведений, опровергающих данное дисциплинарное обвинение.

В соответствии с требованиями п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, предусмотренные соглашением.

В подп. 3.1 Соглашения от 16 июня 2023 г. об оказании юридической помощи В.М. указано, что «соглашение

вступает в силу со дня перечисления на расчетный счет/внесения в кассу адвокатского образования Доверителем суммы вознаграждения...». Следовательно, адвокат А. был обязан незамедлительно, до того, как приступить к оказанию юридической помощи В.М., перечислить на расчетный счет или внести в кассу адвокатского образования денежные средства, полученные от В.Е. в счет оплаты его вознаграждения. Однако эту обязанность адвокат А. не исполнил.

Как указано выше, в материалах дисциплинарного производства содержится копия приходного кассового ордера от 18 декабря 2023 г. № ... из которой следует, что в указанный день в кассу Коллегии адвокатов «...», членом которой является адвокат А., за оказание юридической помощи адвокатом А. по соглашению от 27 июня 2023 г. № ... [в приходном кассовом ордере указана дата регистрации соглашения в адвокатском образовании. – *Примечание Совета*] было внесено ...руб. Таким образом, адвокатом А. с полугодовым опозданием, причем после отказа В.М. от него и назначения другого защитника, внесена в кассу адвокатского образования лишь незначительная часть суммы вознаграждения, полученного от В.Е.

В п. 4 Обзора дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем, указывается, что предусмотренная п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» публичная обязанность адвоката по внесению полученного вознаграждения на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования, применяемая в един-

стве с обязанностью адвоката «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), в отношении формализации отношений с доверителями означает обязанность адвоката обеспечивать получение доверителем финансовых документов, подтверждающих внесение денежных средств, уплаченных в счет вознаграждения адвоката, на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования.

Адвокат А. эту свою обязанность не выполнил, надлежащий финансовый документ, подтверждающий внесение денежных средств, доверителю В.Д. не выдал. По этой причине Совет признает презумпцию добросовестности адвоката А. в указанной части дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его умышленную вину в совершении данного нарушения установленной.

Рассматривая выдвинутое обоими заявителями дисциплинарное обвинение в том, что адвокат А. не присутствовал в судебных заседаниях, в которых продлевался срок содержания В.М. под стражей, Совет отмечает следующее.

Судебные заседания К. районного суда г. Москвы по рассмотрению ходатайств следователя о продлении срока содержания В.М. под стражей состоялись 6 июля, 8 августа и 2 октября 2023 г. В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в судебных заседаниях 6 июля и 8 августа 2023 г. адвокат А. участвовал, в связи с чем в этой части Совет признает дисциплинарное обвинение необоснованным.

Вместе с тем в судебном заседании 2 октября 2023 г., как следует из протокола судебного заседания, адвокат А. участия не принимал. Защиту обвиняемого В.М. осуществляла адвокат Ч. Каких-либо доказательств уважительности причины неявки адвоката А. 2 октября 2023 г. в указанное судебное заседание в материалах дисциплинарного производства не содержится.

В соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан честно, разумно и добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и указанным Кодексом.

В соответствии с п. 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., защитник участвует в следственных и процессуальных действиях, проводимых с участием подзащитного либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника, а также в судебных заседаниях по уголовному делу, за исключением случаев, когда такое участие не является обязательным в силу закона и отсутствия просьбы подзащитного.

Из совокупности вышеуказанных обязательных требований следует, что участие избранного обвиняемым защитника в судебном заседании, в котором подлежит разрешению такой значимый для обвиняемого вопрос, как продление срока его содержания под стражей, т.е. срока ограничения конституционного права на свободу, является обязатель-

ным.

При таких обстоятельствах дисциплинарное обвинение в неявке адвоката А. 2 октября 2023 г. в судебное заседание указанного суда, в котором рассматривалось ходатайство следователя о продлении срока содержания В.М. под стражей, Совет признает обоснованным, а профессиональное поведение адвоката А. недопустимым и не соответствующим приведенным выше обязательным требованиям законодательства и профессиональной этики.

Рассматривая выдвинутое заявителем В.М. дисциплинарное обвинение в том, что адвокат А. не обжаловал в апелляционном порядке вынесенные районным судом 6 июля, 8 августа и 2 октября 2023 г. постановления о продлении срока его содержания под стражей, Совет отмечает следующее.

Из протоколов судебных заседаний 6 июля и 8 августа 2023 г. следует, что обвиняемый и его защитник – адвокат А. в обоих судебных заседаниях возражали против удовлетворения ходатайств следователя, просили суд избрать в отношении обвиняемого более мягкую меру пресечения. Суд позицию обвиняемого и его защитника не разделил, в обоих случаях продлил срок содержания обвиняемого под стражей.

В соответствии с подп. 2 и 3 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан обжаловать приговор, если суд не разделил позицию адвоката-защитника и (или) подзащитного и назначил более тяжкое наказание или наказание за более тяжкое преступление, чем просили адвокат и (или) подзащитный. Отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату.

Вышеуказанные нормы Кодекса профессиональной этики адвоката в совокупности с приведенными выше

требованиями п. 1 ст. 8 указанного Кодекса порождают обязанность адвоката обжаловать любое решение суда в отношении обвиняемого, в том числе и принятое на стадии предварительного следствия по уголовному делу, усугубляющее положение обвиняемого и против принятия которого возражали сам обвиняемый и его защитник.

Такая позиция нашла свое отражение и в п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, в соответствии с которым адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного.

Довод адвоката А. о том, что по окончании судебных заседаний 6 июля и 8 августа 2023 г. им была получена позиция обвиняемого В.М. об отказе от обжалования вынесенных судом постановлений ввиду нецелесообразности их обжалования, Совет отклоняет как несостоятельный, поскольку каких-либо доказательств этого довода адвокатом А. не представлено. Письменное заявление В.М. об отказе от обжалования указанных судебных актов также отсутствует.

При таких обстоятельствах Совет признает установленным факт неисполнения адвокатом А. профессиональных обязанностей перед доверителем В.М., выразившийся в необжаловании в апелляционном порядке постановлений районного суда от 6 июля и 8 августа 2023 г. о продлении тому срока содержания под стражей, ограничивших его конституци-

онное право на свободу.

В части выдвинутых в отношении адвоката А. дисциплинарных обвинений в необжаловании им в апелляционном порядке постановления районного суда от 2 октября 2023 г. о продлении обвиняемому В.М. срока содержания под стражей Совет отмечает следующее.

Как указано выше, адвокат А. 2 октября 2023 г. в судебном заседании не участвовал, защиту обвиняемого В.М. в нем осуществляла адвокат Ч. В связи с этим обязанность обжалования в апелляционном порядке постановления суда также лежала на адвокате Ч. В этой связи в данной части Совет признает дисциплинарное обвинение необоснованным.

Рассматривая выдвинутое обоими заявителями дисциплинарное обвинение в неявке адвоката А. без уважительной причины в судебные заседания 16 октября, 15 и 21 ноября 2023 г. и оставлении тем самым В.М. без квалифицированной юридической помощи, а также выдвинутое заявителем В.М. дисциплинарное обвинение в самоустранении адвоката А. от принятой на себя защиты в суде, Совет признает их обоснованными.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат А. оригинал ордера на осуществление защиты В.М. в суд не представил, в уголовное дело в порядке, установленном ч. 4 ст. 49 УПК РФ, не вступил, ни в одно из судебных заседаний по указанному уголовному делу – 16 октября, 15 и 21 ноября, 5 и 21 декабря 2023 г. – не явился. С 5 декабря 2023 г. и до вынесения судом приговора защите подсудимого В.М. по назначению суда осуществляла адвокат Ш.

Ссылка адвоката А. в письменных объяснениях на свое отсутствие около двух месяцев в связи с семейными об-

стоятельствами на оценку его профессионального поведения не влияет, поскольку им, во-первых, не представлено никаких доказательств, подтверждающих уважительную причину невозможности осуществления защиты В.М. на протяжении периода судебного разбирательства с 16 октября по 21 декабря 2023 г., а во-вторых, не предпринималось никаких мер по урегулированию этой ситуации (в случае, если она действительно имела место) ни с доверителем, ни с судом.

Учитывая изложенное, Совет признает установленным факт злостного неисполнения адвокатом А. профессиональных обязанностей как перед доверителем В.Д., так и перед доверителем В.М., выразившегося в самоустранении от принятой на себя защиты, причем в критический для последнего период рассмотрения судом уголовного дела по существу, когда решалась его дальнейшая судьба.

Рассматривая выдвинутое обоими заявителями дисциплинарное обвинение в том, что адвокат А., получив от В.Е. денежные средства в размере ... руб., предназначенные для компенсации материального ущерба потерпевшей Б., перестал выходить с заявителями на связь, денежные средства потерпевшей не передал, Совет отмечает следующее.

Поскольку соглашение от 16 июня 2023 г. с адвокатом А. было заключено В.Д., а его сын В.М. в силу этого соглашения являлся получателем юридической помощи, данное дисциплинарное обвинение Совет рассматривает лишь в части доводов заявителя жалобы В.Д. как доверителя адвоката А., заключившего соглашение об оказании юридической помощи в интересах третьего лица.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат А., ознакомившись в порядке,

предусмотренном ст. 217 УПК РФ, с материалами уголовного дела в отношении обвиняемого В.М., предложил как последнему, так и его родителям возместить потерпевшей Б. причиненный ей преступлением ущерб, на что они согласились. Как указано выше, 18 сентября 2023 г. В.Е. на личную банковскую карту адвоката А. перечислила денежные средства в размере ...руб., предназначенные для передачи потерпевшей Б. в качестве возмещения причиненного ей преступлением ущерба. Факт получения адвокатом А. указанных денежных средств в результате дисциплинарного разбирательства установлен и им не оспаривается.

Вместе с тем в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в период с 18 сентября по 21 декабря 2023 г. адвокат А. удерживал полученные от В.Е. указанные денежные средства у себя и потерпевшей их не передал, одновременно устранившись от участия в судебном разбирательстве по уголовному делу в отношении В.М.

В дальнейшем адвокат А. вернул В.Е. лишь ...руб., причем сделал это лишь 21 декабря 2023 г., узнав об отказе В.М. от него как от защитника.

Совет в этой связи отмечает, что адвокат А., являясь профессиональным советником по правовым вопросам и защитником обвиняемого по уголовному делу, не мог не знать того, что в соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ добровольное возмещение потерпевшему имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, является смягчающим наказанием обстоятельством, которое учитывается судом при назначении подсудимому наказания. Из этого следует, что адвокат А., удерживая у себя на протяжении длительного времени переданные ему В.Е. денежные средства, предназначенные для возмещения по-

терпевшей Б. причиненного ей ущерба и не передавая их потерпевшей, не мог, по убеждению Совета, не осознавать и того, что своим умышленным бездействием он значительно усугубляет положение своего доверителя, лишая его возможности рассчитывать на смягчение судом наказания в связи с полным возмещением потерпевшей причиненного ей ущерба.

Подобное профессиональное поведение адвоката А. свидетельствует о злоупотреблении доверием заявителя, подрывает доверие не только к самому адвокату А., но и к адвокатуре в целом, тем самым прямо нарушает требования пп. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката А. в данной части опровергнутой, а его умышленную вину в нарушении требований пп. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката установленной.

Довод жалобы В.М. о том, что адвокат А. настоял на его отказе от дачи показаний, Совет признает не подлежащими оценке на предмет наличия или отсутствия в действиях адвоката А. дисциплинарного проступка, поскольку органы адвокатского самоуправления не считают для себя допустимым вмешиваться в тактику защиты, самостоятельно избираемую адвокатом, который по своему статусу, закрепленному законодательно (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), является независимым профессиональным советником по правовым вопросам.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката А. за совершенные им дисципли-

нарные нарушения, Совет принимает во внимание, что они являются многочисленными, умышленными и злостными, повлекли существенное нарушение интересов доверителя, сопряженное со злоупотреблением его доверием, и причинили вред авторитету адвокатуры. Профессиональное поведение адвоката А. характеризуется крайней степенью недобросовестности, прямо противоречит призванию и назначению адвоката, а также фундаментальным требованиям к адвокатской деятельности. Учитывая совокупность указанных обстоятельств, а также требования п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката о несовместимости злоупотребления доверия со статусом адвоката, Совет приходит к выводу о несовместимости профессионального поведения адвоката А. с принадлежностью к адвокатскому сообществу и, следовательно, о необходимости применения к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет считает, что более мягкая мера дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката не только не отвечала бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, но и давала бы основание полагать, что адвокатское сообщество считает подобное профессиональное поведение адвоката допустимым.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении

адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката, неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого А. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет с учетом как тяжести допущенных адвокатом А. нарушений, так и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности адвоката А., считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, пп. 4–5, подп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату А. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

ненадлежащее, вопреки предписаниям взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденных Советом 29 сентября 2014 г., исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем В.Д., выразившееся в невыдаче доверителю второго экземпляра Соглашения об оказании юридической помощи от 16 июня 2023 г.;

ненадлежащее, вопреки предписаниям взаимосвязанных положений подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем В.Д., выразившееся в том, что, получив 16 июня 2023 г. от него в счет оплаты юридической помощи по указанному соглашению об оказании юридической помощи денежные средства в размере ...руб., адвокат А. в период действия соглашения не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операций со средствами доверителя (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем В.М., выразившееся в неподаче апелляционных жалоб на постановления К. районного суда г. Москвы от 6 июля и 8 августа 2023 г. о продлении срока содержания обвиняемого В.М. под стражей;

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем В.М., выразившееся в том, что адвокат А. без уважительных причин не явился 2 октября 2023 г. в судебное заседание указанного суда по рассмо-

трению ходатайства органа следствия о продлении срока содержания В.М. под стражей;

неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителями В.Д. и В.М., выразившееся в том, что, заключив 16 июня 2023 г. с В.Д. соглашение об оказании юридической помощи В.М., предусматривающее в числе прочего осуществление защиты последнего в суде, адвокат А. к осуществлению защиты В.М. в указанном суде по уголовному делу не приступил;

нарушение положений пп. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву

доверия к нему или к адвокатуре, злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), выразившееся в том, что, получив 18 сентября 2023 г. от В.Е. на свою личную банковскую карту ...руб., предназначенных для возмещения ущерба потерпевшей Б., адвокат А. мер, направленных на возмещение ущерба, не принял.

Установить срок, по истечении которого А. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. по жалобам В.М. и В.Д., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.7. Адвокат получил предупреждение за привлечение доверителя с использованием личных связей с работниками правоохранительных органов.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием заявителя Г. и адвоката Е. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Г. от 23 апреля 2024 г. в отношении адвоката Е.

Квалификационная комиссия 11 сентября 2024 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом Е. взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов...»), что

выразилось в заключении ею 6 февраля 2024 г. в помещении СУ по ...ГСУ СК России по г. Москве с доверителем Г. соглашения об оказании юридической помощи путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов в целях последующего вступления в уголовное дело, находящееся в производстве следователя по ОВД отдела по РОВД СУ по ...ГСУ СК России по г. Москве майора юстиции Г.П., в качестве защитника Г. по соглашению в обход взаимосвязанных положений чч. 1, 2 и 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих следователя предоставлять возможность лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, воспользоваться юридической помощью приглашенного им защитника или принимать меры по назначению защитника исключительно в порядке, определен-

ном Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

Заявитель Г. в заседании Совета сообщил, что получил Заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами Комиссии согласен. Отвечая на вопросы членов Совета, дополнительно сообщил, что с адвокатом Е. у него никакого общения не было в принципе. После того, как его привезли в следственный отдел, его завели в помещение, в котором отсутствует возможность самостоятельно передвигаться за его пределы. В дальнейшем следователь провел его допрос. В конце допроса появилась адвокат Е. Следователь представил их друг другу и сообщил, что он знаком с адвокатом Е. и что она хороший адвокат. Адвокат Е. сообщила, что для того, чтобы продолжить общение, потребуется заключить соглашение об оказании юридической помощи. Г. поинтересовался возможностью предоставления бесплатного адвоката, но следователь ответил, что для вызова бесплатного адвоката требуется время, которого нет. И только после такого общения Г. сначала подписал протокол допроса, затем продиктованную следователем явку с повинной, а после этого – соглашение об оказании юридической помощи с адвокатом Е. Она бегло просмотрела протокол допроса и явку с повинной, каких-либо содержательных комментариев, помимо указания на необходимость подписать эти документы, не сделала. Перед подписанием этих документов адвокат Е. не предлагала ему пообщаться наедине и обсудить какие-либо вопросы. Г. уточнил у адвоката Е., будет ли он чем-то ей обязан, на что адвокат Е. сообщила, что он может в дальнейшем расторгнуть соглашение и ничем ей не обязан. На этом общение закончилось, он вместе с адвокатом Е. спустился на лифте, после чего они попрощались. Его общение с адвокатом Е.

с учетом всех описанных обстоятельств длилось не более 15 минут. В настоящее время обвинение в отношении него основывается на данных им показаниях, о которых упомянуто выше. По сути, адвокат Е. оказала содействие следователю в легализации этих его показаний. В судебных заседаниях его нынешние защитники уже дважды заявляли ходатайство об исключении явки с повинной из числа доказательств.

Адвокат Е. в заседании Совета сообщила, что получила Заключение Квалификационной комиссии, ознакомилась с ним, с выводами Комиссии не согласна. Ранее она подготовила и заявила ходатайство об отложении рассмотрения дисциплинарного производства в связи с подачей замечаний на протокол заседания Квалификационной комиссии, но оставляет его разрешение на усмотрение Совета. Совет отказал в удовлетворении этого ходатайства, поскольку адвокат Е. своевременно получила заключение Квалификационной комиссии, ознакомилась с ним, лично участвует в заседании Совета и имеет возможность изложить свои доводы, в том числе касающиеся отражения ее доводов в заключении Комиссии и протоколе ее заседания. Кроме того, подача и удостоверение замечаний на протокол заседания Квалификационной комиссии процедурой дисциплинарного разбирательства не предусмотрены, при этом поданные ею письменные замечания приобщены к материалам дисциплинарного производства.

Отвечая на вопросы членов Совета, адвокат Е. пояснила, что юридически она считается не привлекавшейся к дисциплинарной ответственности, а в заседании Квалификационной комиссии было сказано обратное, ее возражения на жалобу заявителя были искажены, и ей предоставили возможность изложить свои доводы только в заклю-

чительной части. Помимо этого, она полагает, что Комиссия поверхностно исследовала письменные материалы дисциплинарного производства и не установила, по какому уголовному делу производился допрос Г. С выводами Комиссии она категорически не согласна, поскольку вговоре со следователями не находилась. Она явилась к следователю для получения протокола осмотра предметов по другому делу. Г. в это время находился в помещении следственного отдела, сидел за столом, к нему не применялись никакие меры принуждения или ограничения в свободе перемещения. Г. обратился к ней по своей проблеме, понимая, что она адвокат. Они сначала обсудили ситуацию. Г. было известно о каких-то криминальных событиях и о том, что лица, принимавшие в них участие, уже дали показания. Она воспринимала Г. как свидетеля. Оценив изложенные обстоятельства, она дала ему консультацию, после чего они заключили соглашение, со стороны Г. это было сделано добровольно. Решение о явке с повинной было принято Г. до ее появления, она не навязывала ему это решение.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах. Вопреки утверждениям адвоката Е., Совет не усматривает каких-либо нарушений ее прав при разбирательстве в Квалификационной комиссии и отмечает, что она в полной мере реализовала право на дачу объяснений и представление доказательств в обоснование своей позиции. Выводы Комиссии основываются на совокупности представленных участниками дисциплинарного производства доказательств, в том числе на письмен-

ных материалах, представленных адвокатом Е., которым дана объективная оценка.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что утром 6 февраля 2024 г. в жилище заявителя Г. прибыли сотрудники полиции, которые препроводили его в СУ по ...ГСУ СК России по г. Москве для допроса в качестве свидетеля. В помещении указанного следственного органа между адвокатом Е. и Г. было заключено Соглашение № ... об оказании юридической помощи от 6 февраля 2024 г., предусматривающее защиту Г. на «стадии» проверки и по уголовному делу в указанном следственном управлении. Пунктом 3.1 соглашения было установлено вознаграждение адвоката Е. за оказываемую Г. юридическую помощь в размере ...руб. Пунктом 4.1 соглашения было предусмотрено, что оно вступает в силу 6 февраля 2024 г. и действует не более шести месяцев. Второй экземпляр соглашения адвокат Е. заявителю Г. не выдала, однако ему была предоставлена возможность его сфотографировать.

В тот же день адвокат Е. вступила в уголовное дело в качестве защитника Г., предъявив следователю ордер от 6 февраля 2024 г. № ... на осуществление защиты Г. в указанном следственном управлении. После этого с ее участием заявитель Г. был допрошен в качестве свидетеля и написал явку с повинной, в которой сообщил о даче им взяток через посредника Т. в общей сумме ...руб. сотрудникам автошколы, врачебной комиссии и ГИБДД за получение фиктивных документов о прохождении им обучения в автошколе, выдачу медицинской справки и сдачу экзаменов в автошколе и ГИБДД для открытия в водительском удостоверении категории «А», предоставляющей право управления мотоциклом. Г. также представил для приобщения к протоколу до-

проса скриншоты переписки со своим знакомым М., который познакомил его с Т. и с которым Г. обсуждал возврат ...руб., ранее перечисленных Т. на банковскую карту после того, как он третий раз подряд не сдал экзамен в ГИБДД.

В протоколе допроса отсутствует заявление адвоката Е. по поводу принудительного доставления Г. 6 февраля 2024 г. в следственный орган сотрудниками полиции в отсутствие законных оснований (постановление о приводе). Сведений об обращении с какими-либо отдельными жалобами по этому вопросу адвокат Е. также не сообщила, и в материалах дисциплинарного производства такие сведения отсутствуют.

На следующий день Г. отправил адвокату Е. ценное письмо с заявлением о расторжении соглашения, в котором указал: *«Прошу расторгнуть соглашение от 06.02.2024 г. между мной и Вами, которое было навязано мне следователем 06 февраля 2024 г. В Ваших услугах более не нуждаюсь»*. Заявление Г. о расторжении соглашения было вручено адвокату Е. 21 февраля 2024 г.

20 марта 2024 г. следователем Г.П. в отношении Г. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ. 22 апреля 2024 г. Г. был допрошен по указанному уголовному делу в качестве подозреваемого. В ходе допроса подозреваемый Г. отрицал факт дачи взятки сотрудникам ГИБДД за сдачу экзамена и сообщил, что в феврале 2024 года подписал протокол допроса, составленный следователем, написал явку с повинной после разъяснения ему следователем сложившейся ситуации, заключил соглашение с адвокатом Е., которая была приглашена по настоянию следователя. С указанным адвокатом Г. не знаком, на следующий день он расторг соглашение, заключенное с ней. Отвечая на вопросы следователя, Г. пояснил, что

явку с повинной он писал собственноручно и добровольно, обстоятельства в ней изложены верно, и они отражают факт передачи денег для обучения в автошколе, которое включает в себя сдачу экзаменов в ГАИ. Никакому должностному лицу Г. не намеревался передавать денежные средства для упрощения сдачи экзамена.

7 августа 2024 г. Г. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ, и он был допрошен в качестве обвиняемого. 29 августа 2024 г. прокурором утверждено обвинительное заключение по указанному уголовному делу. В числе доказательств виновности Г. следователем указаны его показания, данные 6 февраля 2024 г. с участием защитника – адвоката Е.

Рассматривая доводы жалобы Г. о том, что 6 февраля 2024 г. адвокат Е. прибыла в указанное следственное управление по личной просьбе следователя Г.П. и фактически была навязана ему следователем для того, чтобы он дал показания, необходимые следствию, Совет отмечает следующее.

Согласно подп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами.

Адвокат Е. в первоначальных объяснениях выдвинула версию о том, что 6 февраля 2024 г. она находилась в помещении следственного управления «по кратким рабочим вопросам», связанном с осуществлением защиты Е.Д. по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя И. Там к ней самостоятельно обратился за консульта-

цией Г. Позднее в подтверждение этой версии адвокат Е. представила в материалы дисциплинарного производства сообщение старшего следователя СУ по ...ГСУ СК России по г. Москве И. от 20 июня 2024 г., адресованное по месту требования, в котором указывается, что в первой половине дня 6 февраля 2024 г. защитнику обвиняемого Е.Д. – адвокату Е. в помещении названного следственного управления были представлены для ознакомления материалы уголовного дела с участием подозреваемого (обвиняемого) в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ. Защитник ознакомлена с материалами уголовного дела: протоколом обыска, протоколом очной ставки, протоколом допроса Е.Д. в качестве обвиняемого.

Вместе с тем каких-либо документов, подтверждающих факт ознакомления адвоката Е. 6 февраля 2024 г. с перечисленными в сообщении следователя И. материалами уголовного дела, в материалы дисциплинарного производства представлено не было.

В ходе проверки указанной защитительной версии адвоката Е. установлено, что еще 14 марта 2023 г. следователем СУ по ...ГСУ СК России по г. Москве Т. в АИС АПМ была размещена заявка в целях обеспечения участия защитника Е.Д., которая в эту же дату распределена адвокату Е. 14 марта 2023 г. адвокат Е. вступила в указанное уголовное дело в качестве защитника Е.Д., предъявив ордер от 14 марта 2023 г. № ... Спустя год, 11 марта 2024 г., адвокат Е. и обвиняемый Е.Д. уведомлены следователем об окончании предварительного следствия по указанному уголовному делу, а 12 марта 2024 г. составлен протокол их ознакомления с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 218 УПК РФ. При этом расписка защитника – адвоката Е. об ознакомлении 6 февраля 2024 г. с материалами

уголовного дела в порядке, предусмотренном п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, в том числе с протоколом обыска, протоколом очной ставки, протоколом допроса Е. в качестве обвиняемого, в материалах уголовного дела отсутствует.

В этой связи Совет считает необходимым отметить, что п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ предоставляет адвокату-защитнику полномочия с момента вступления в уголовное дело знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому. По общему правилу указанные полномочия реализуются адвокатом-защитником незамедлительно при вступлении в уголовное дело. Следовательно, адвокат Е. должна была ознакомиться с процессуальными документами, указанными в приведенном выше письме следователя либо при вступлении в уголовное дело 14 марта 2023 г., либо непосредственно при их составлении, поскольку она должна была участвовать в них в качестве защитника после вступления в уголовное дело. В связи с этим Совет признает указанную версию адвоката Е. опровергнутой и не соответствующей действительности.

При дальнейшем разбирательстве адвокат Е. отрицала факт ознакомления 6 февраля 2024 г. с теми процессуальными документами, которые указаны в сообщении следователя И., и выдвинула новую версию о том, что 6 февраля 2024 г. она знакомилась с неким «протоколом осмотра на 60 листах», не конкретизировав, о каком именно протоколе идет речь. При таких обстоятельствах Совет отклоняет и этот довод адвоката Е. как несостоятельный.

Совет далее считает необходимым подчеркнуть, что подписание между адвокатом и доверителем соглашения об оказании юридической помощи является актом формализации их отношений, которые по своему характеру являются фидуциарными (доверительными) и формируются не фактом подписания такого соглашения, а до этого под воздействием определенных, хотя и в каждом случае уникальных, фактических обстоятельств, создающих необходимые условия для формирования доверительных отношений. И только в контексте таких отношений заключение соглашения об оказании юридической помощи может быть признано результатом свободного волеизъявления лица, обратившегося к адвокату за оказанием юридической помощи. В уголовном судопроизводстве такое свободное волеизъявление является основной формой реализации права подозреваемого (обвиняемого) на свободный выбор защитника.

Адвокатом Е. не представлено убедительных объяснений обстоятельств, при которых между ней и заявителем Г. сформировались доверительные отношения, которые могли бы создать условия для добровольного заключения последним соглашения об оказании юридической помощи именно с адвокатом Е. При этом адвокат Е. не отрицает как того обстоятельства, что до 6 февраля 2024 г. они с Г. не были знакомы, так и того, что Г. не приглашался следователем для допроса повесткой, а был доставлен в следственный отдел сотрудниками полиции, т.е. не только не имел возможности реализовать право на приглашение адвоката (ч. 5 ст. 189 УПК РФ) или защитника (ч. 1 ст. 50 УПК РФ), но и не знал о наличии у него такого права.

Совет также отмечает, что в нарушение Разъяснения № 7 Совета Ад-

вокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об объеме оказания адвокатом-защитником юридической помощи в стадии предварительного расследования» Соглашение об оказании юридической помощи от 6 февраля 2024 г. предусматривало фрагментарное участие адвоката Е. в осуществлении защиты Г. – лишь в течение шести месяцев со дня его заключения. Такое условие соглашения явно противоречило интересам доверителя Г.

Кроме того, предусмотренный соглашением размер вознаграждения адвоката Е. в размере ...руб., явно неадекватный объему работы по оказанию юридической помощи при доследственной проверке и на предварительном следствии по уголовному делу, косвенно свидетельствует о том, что адвокат Е. не предполагала оказывать доверителю Г. надлежащую юридическую помощь после 6 февраля 2024 г.

При этом, несмотря на то обстоятельство, что Г. был фактически задержан и в отношении него фактически осуществлялась обвинительная деятельность, следователь не разместил в АИС АПМ требование об обеспечении участия защитника Г. в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ.

С учетом изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что о находящемся в производстве следователя СУ по ...ГСУ СК России по г. Москве Г.П. уголовном деле, о фактическом задержании Г. и о месте, в которое тот доставлен для допроса и производства иных процессуальных действий, адвокат Е. могла узнать только от следователя Г.П. или иных сотрудников правоохранительных органов, предложивших ей явиться в следственный орган для участия в допросе Г. в качестве свидетеля и в иных процессуальных действиях.

Приходя к такому выводу, Совет также учитывает и то обстоятельство, что в ходе дисциплинарного разбирательства адвокат Е. продемонстрировала свое непроцессуальное общение со следователем Г.П., в частности, возможность получения у него копии процессуального документа по уголовному делу, в котором она не принимает участия в каком-либо качестве, – постановления о возбуждении уголовного дела от 15 ноября 2023 г. в отношении Н.

По этим причинам Совет приходит к выводу о том, что оформление адвокатом Е. Соглашения об оказании юридической помощи от 6 февраля 2024 г., предусматривающего осуществление защиты Г., являлось лишь средством обеспечения ее вступления в уголовное дело по устной договоренности, достигнутой со следователем Г.П., в производстве которого находилось данное уголовное дело, в целях получения последним допустимого доказательств – протокола допроса свидетеля Г. (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

На это же указывает и последующее поведение адвоката Е., которая вплоть до 21 февраля 2024 г., когда она узнала о расторжении Г. соглашения с ней, не предпринимала никаких действий, направленных на осуществление защиты Г., в том числе не заявила ходатайство о вынесении следователем постановления об отказе в возбуждении в отношении Г. уголовного дела по основаниям, предусмотренным Примечанием к ст. 291 УК РФ. Не предпринимала она каких-либо мер, направленных на получение или взыскание с Г. отработанного вознаграждения по соглашению.

Вместе с тем вступление адвоката Е. в уголовное дело в качестве защитника Г. на основании соглашения от 6 февраля 2024 г. позволило следователю Г.П. провести допрос Г. в качестве свидетеля по уголовному делу в усло-

виях осуществления в отношении того обвинительной деятельности (как она определена постановлением Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова»), не создавая заявки в АИС АПМ. Именно в этом и заключалось практическое значение вступления адвоката Е. 6 февраля 2024 г. в уголовное дело в качестве защитника Г.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Е. опровергнутой, а ее вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Одновременно Совет отмечает, что компетенция квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается УПК РФ (ст. 1 УПК РФ). Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно-наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, установленном УПК РФ. Поэтому доводы жалобы заявителя Г. о противоправном, по его мнению, поведении адвоката Е. 6 февраля 2024 г. не могут быть рассмотрены в настоящем дисциплинарном разбирательстве.

В случае, если заявитель Г. считает, что адвокатом Е. совершено деяние, содержащее признаки преступления, он вправе в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, обратиться с соответствующим заявлением в органы, осуществляющие уголовное преследование.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Е. за совершенное ею дисциплинарное нарушение, Совет отмечает его умышленный и грубый характер, сопряженный с явным игнорированием адвокатом обязательных и основополагающих профессиональных правил вступления в уголовное дело, формирования взаимоотношений с сотрудниками правоохранительных органов и с доверителем. Игнорирование императивного нормативного запрета вступления в уголовное дело в качестве защитника недостойным способом, с нарушением принятых в адвокатском сообществе правил, а именно: навязывание своей помощи путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов, равно как и использование адвокатского статуса и полномочий защитника с целью оказания содействия следователю, свидетельствует о недопустимом профессиональном поведении адвоката Е. и таком же ее отношении к исполнению профессиональных обязанностей, а также наносит вред авторитету адвокатуры. Вместе с тем, учитывая, что адвокат Е. имеет длительный стаж профессиональной деятельности и в течение года со дня наложения предыдущих дисциплинарных взысканий не была подвергнута новому дисциплинарному взысканию, в силу чего считается не имеющей их, Совет предоставляет ей дополни-

тельную возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества.

Учитывая совокупность приведенных обстоятельств, Совет приходит к выводу о применении к адвокату Е. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Е. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов...»), выразившееся в заключении ею 6 февраля 2024 г. в помещении СУ по ...ГСУ СК России по г. Москве с доверителем Г. соглашения об оказании юридической помощи путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов в целях последующего вступления в уголовное дело, находящееся в производстве следователя по ОВД отдела по РОВД СУ по ...ГСУ СК России по г. Москве майора юстиции Г.П., в качестве защитни-

ка Г. по соглашению в обход взаимосвязанных положений чч. 1, 2 и 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих следователя предоставлять возможность лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, воспользоваться юридической

помощью приглашенного им защитника или принимать меры по назначению защитника исключительно в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

1.8. Совет прекратил статус адвоката за совокупность нарушений, связанных с ненадлежащей формализацией отношений с доверителем, неоказанием ему квалифицированной юридической помощи, включением в соглашение об оказании юридической помощи недопустимых условий и размещением вводящей в заблуждение информации о себе на личном сайте.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием заявителя М. и адвоката К. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе М. от 24 июня 2024 г. в отношении адвоката К.

Квалификационная комиссия 7 августа 2024 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом К. положений подп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в размещении на страницах сайта <https://www.advokatymoscow.com/> информации о том, что «в его практике – более 94% выигранных уголовных дел по разным видам уголовно наказуемых деяний»;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи со ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившемся:

– в неуказании в соглашении об оказании юридической помощи от 3 декабря 2023 г. на принадлежность адвоката К. к Адвокатской палате города Москвы, а также сведений о размере и характере его ответственности;

– во включении в соглашение об оказании юридической помощи от 3 декабря 2023 г., заключенное между адвокатом К. и доверителем М., п. 4.3, предусматривающего, что «при досрочном расторжении Соглашения по инициативе Доверителя Доверитель обязуется уплатить Адвокату неустойку в размере 50% от размера гонорара, указанного в п. 3.1 настоящего договора»;

– в том, что, получив от доверителя М. 3 декабря 2023 г. и 20 февраля 2024 г. в счет оплаты юридической помощи денежные средства в общей сумме ...руб., адвокат К. не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операций со средствами доверителя (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

3) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившемся в неуказании в первоначальном исковом заявлении, в нарушение требований п. 2 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ, даты и места рождения истца М., а так-

же в неприложении к первоначальному исковому заявлению, в нарушение требований п. 1 ст. 132 ГПК РФ, документа, подтверждающего уплату государственной пошлины в установленном порядке и размере, что повлекло за собой вынесение П. районным судом г. Москвы 5 марта 2024 г. определения об оставлении без движения искового заявления М.;

4) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившемся в том, что, заключив 3 декабря 2023 г. с доверителем М. соглашение об оказании юридической помощи, в соответствии с которым адвокат К. принял поручение на представление интересов М. в районном суде, он без уважительных причин не явился 5 июня 2024 г. в судебное заседание П. районного суда по гражданскому делу доверителя, оставив тем самым М. без квалифицированной юридической помощи;

5) о нарушении адвокатом К. предписаний подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и подп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать (защищать) права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами; адвокат не вправе действовать вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самоговора своего

подзащитного), что выразилось в принесении 21 июня 2024 г. адвокатом К., действующим в качестве представителя М., апелляционной жалобы (краткой) на решение указанного районного суда по гражданскому делу в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи на подачу апелляционной жалобы на решение суда первой инстанции и представление интересов доверителя М. в суде апелляционной инстанции;

6) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе М. в части доводов об использовании адвокатом К. сайта <https://www.advokatymoscow.com/>, который почти полностью по доменному имени имитирует сайт Адвокатской палаты города Москвы <https://www.advokatymoscow.ru/>, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

7) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе М., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Квалификационной комиссии, согласно которым в его действиях установлены нарушения, не согласился, за исключением размещения на своем сайте недопустимой информации, которое признал. При этом подтвердил, что указанная информация до настоящего времени не удалена им с сайта, объяснив это отсутствием

технической и финансовой возможностей. Дополнительно пояснил, что готов был вернуть половину гонорара заявителю М. для урегулирования разногласий мирным путем. После того, как М. сказала, что готова только на полный возврат гонорара, он пытался найти денежные средства, но не смог. В последнем телефонном разговоре М. согласилась снизить сумму, но при условии единовременной выплаты, чего он также сделать не может.

Заявитель М. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Квалификационной комиссии согласилась. Подтвердила доводы своих письменных обращений. Высказала мнение о несовместимости поведения адвоката К. со статусом адвоката, поскольку она, обратившись за юридической помощью к адвокату, рассчитывала на его профессиональную поддержку, однако адвокат К. оставил ее без юридической помощи. Дополнительно пояснила, что она не говорила адвокату К., что тот может не являться в суд и не принимать участия в судебном заседании. После отложения Советом рассмотрения настоящего дисциплинарного производства для достижения урегулирования адвокат К. позвонил ей только один раз и после этого никаких действий для возврата денежных средств не предпринимал, реальных попыток примириться с его стороны не было. Заявитель М. полагает, что это дополнительно подтверждает недобросовестность адвоката К. и его расчет на безнаказанность.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства и заключение Квалификационной комиссии, выслушав явившихся участников, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они

основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 3 декабря 2023 г. между заявителем М. и адвокатом К., осуществляющим свою деятельность в коллегии адвокатов «...», было заключено соглашение об оказании юридической помощи, в соответствии с которым адвокат принял на себя обязательство по оказанию доверителю юридической помощи в виде изучения материалов дела, разработки юридической позиции по делу, консультирования, составления различной документации (претензий, исковых заявлений, направление иска ответчику), представления интересов в районном суде.

В отношении адвоката К. заявителем М. выдвинуты помимо прочих дисциплинарные обвинения в недобросовестной рекламе, введении потенциальных доверителей в заблуждение путем использования сайта <https://www.advokatymoscow.com/>, который по доменному имени фактически имитирует официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы <https://www.advokatymoscow.ru/>, а также в сообщении ложной информации о 94% выигранных уголовных дел, заверении адвокатом К. заявителя М. в том, что ее дело выигрышное на 100%.

Давая оценку этим дисциплинарным обвинениям, Совет отмечает следующее.

Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры (абз. 2 преамбулы Кодекса профессиональной этики адвоката). Статья 1 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает, что он устанавливает обяза-

тельные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности.

Согласно п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката информация об адвокате и адвокатском образовании допустима, если она не содержит оценочных характеристик адвоката, отзывов других лиц о работе адвоката, сравнений с другими адвокатами и критики других адвокатов, заявлений, намеков, двусмысленностей, которые могут ввести в заблуждение потенциальных доверителей или вызывать у них безосновательные надежды.

Согласно Разъяснению № 01/19 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросу применения п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката недопустимой является информация, вводящая потенциальных доверителей в заблуждение относительно характеристик адвоката и оказываемой им юридической помощи путем ложных заявлений, обещаний, искажения фактов. Недопустимо размещение в сети «Интернет» не соответствующих действительности сведений о количестве оправдательных приговоров, постановленных в отношении доверителей адвоката, о проценте «выигранных» дел.

Размещение в сети «Интернет» не соответствующих действительности сведений влечет подрыв доверия как непосредственно к адвокату, распространившему недостоверную информацию о себе, так и к адвокатуре в целом.

Такие действия являются прямым нарушением запрета привлечения потенциальных доверителей обещанием

благополучного разрешения дела, установленного подп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, и нарушением требований к информации об адвокате, содержащихся в п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. факт размещения на главной странице своего сайта <https://www.advokatymoscow.com/> информации о том, что *«в его практике – более 94% выигранных уголовных дел по разным видам уголовно наказуемых деяний»*, не отрицал.

При таких обстоятельствах Квалификационная комиссия обоснованно признала установленным факт размещения адвокатом К. на своем сайте указанной недопустимой информации.

Совет констатирует, что, исходя из Разъяснения № 01/19 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросу применения п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, не соответствующая действительности информация о проценте «выигранных уголовных дел» является недопустимой, поскольку обоснованность отнесения того или иного дела к категории «выигранных» не может быть проверена по какой-либо объективной методике. Совет не исключает, что в отдельных случаях адвокатом может быть подсчитана и продемонстрирована статистическая информация о выигранных уголовных делах, однако общее требование о достоверности такой информации предполагает возможность ее проверки и оценки. В отсутствие прозрачной методики подсчета эта информация не может быть признана достоверной.

Вместе с тем ни таких расчетов и документов, подтверждающих их достоверность, ни информации о примененной адвокатом К. методике расчета доли выигранных уголовных дел на его сайте

не содержится и в ходе дисциплинарного производства не представлено.

Поскольку адвокат К. не оспаривает утверждения заявителя М. о том, что та узнала о нем и обратилась к нему за юридической помощью в результате изучения содержания его сайта, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что приведенная выше недопустимая информация о выигранных адвокатом К. уголовных делах ввела заявителя М. в заблуждение относительно профессиональных качеств указанного адвоката и предопределила выбор ею адвоката К. в целях заключения с ним соглашения об оказании ей юридической помощи.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. в данной части опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения доказанной.

В отношении адвоката К. заявителем М. выдвинуты дисциплинарные обвинения, касающиеся оформления соглашения об оказании юридической помощи с нарушением требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а именно: в нем не указано на принадлежность адвоката к адвокатской палате субъекта Российской Федерации; не указаны размер и характер ответственности адвоката; в соглашении содержится п. 4.3, предусматривающий выплату доверителем неустойки в размере 50% от суммы гонорара в случае расторжения соглашения по его инициативе. Кроме того, заявителем выдвинуты дисциплинарные обвинения в получении адвокатом К. 20 апреля 2024 г. денежных средств на свою банковскую карту в ПАО «...», а не на расчетный счет коллегии адвокатов, и в том, что на выданной им квитанции о получении 3 декабря 2023 г. денежных средств

отсутствует печать коллегии адвокатов, а полученные в указанную дату денежные средства адвокат К. в кассу коллегии адвокатов не внес.

Давая оценку этим дисциплинарным обвинениям, Совет отмечает, что надлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, т.е. выполнение обязанности честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, предполагает не только оказание доверителю квалифицированной юридической помощи по интересующему его вопросу, но и строгое выполнение адвокатом предписаний закона о порядке оформления правоотношений с доверителем, поскольку именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принять меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся к процессу заключения и расторжения соглашения об оказании юридической помощи, включая оформление полученных от доверителя денежных средств, соответствовали требованиям действующего законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя.

Несоблюдение адвокатом данной обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку затрудняет ему защиту данных прав и охраняемых законом интересов.

Согласно п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. В силу п. 2 ст. 25 названного закона соглашение об

оказании юридической помощи представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. При этом, согласно п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», соглашения об оказании юридической помощи в коллегии адвокатов заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации коллегии адвокатов.

В свою очередь, в п. 4 ст. 25 указанного закона определены существенные условия соглашения об оказании юридической помощи, в частности, указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате, размер и характер ответственности адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие обстоятельства в данной части. В соответствии с п. 3.1 соглашения гонорар (вознаграждение) адвоката К. составляет ...руб. и подлежит выплате частями по ...руб., первая из которых вносится сразу, а вторая – в течение одного месяца с момента заключения договора. Пунктом 4.3 соглашения предусмотрено, что при его досрочном расторжении по инициативе адвоката доверитель возмещает адвокату расходы и оплачивает гонорар (вознаграждение) пропорционально выполненной работе. При досрочном расторжении соглашения по инициативе доверителя последний обязуется уплатить адвокату неустойку в размере 50% от размера гонорара

(вознаграждения), указанного в п. 3.1, а также возместить адвокату расходы и оплатить гонорар (вознаграждение) пропорционально выполненной работе.

В результате дисциплинарного разбирательства также достоверно установлено, что 3 декабря 2023 г. М. передала адвокату К. наличными ...руб., в подтверждение чего адвокатом К. заполнена и передана заявителю квитанция коллегии адвокатов «...» от 3 декабря 2023 г. с серийным номером... об уплате указанной суммы, однако в действительности адвокат К. денежные средства в кассу адвокатского образования не внес. Доказательств наличия у него полномочий на получение от имени адвокатского образования денежных средств, которые доверитель вносит в кассу адвокатского образования, не предоставлено.

20 февраля 2024 г. М. перевела на личный банковский счет адвоката К., открытый в ПАО «...», вторую часть вознаграждения в размере ...руб., что подтверждается чеком по операции, выданным ПАО «...».

Квалификационная комиссия верно отметила в заключении, что в соглашении об оказании юридической помощи от 3 декабря 2023 г. действительно не было указано на принадлежность адвоката К. к Адвокатской палате города Москвы, в том числе регистрационного номера в реестре адвокатов города Москвы (ныне Единый государственный реестр адвокатов), а также не были указаны характер и размер его ответственности, что прямо нарушает требования подп. 1 и 5 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и порождает неопределенность в правоотношениях адвоката с доверителем.

В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Согласно п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 г. и опубликованных в Вестнике Адвокатской палаты города Москвы за 2014 год, № 4 (125), С. 7–8: «доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения ч. 2 ст. 430 ГК РФ). При расторжении доверителем соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части внесенного гонорара».

Указанные разъяснения даны Советом в пределах его компетенции и подлежат исполнению всеми членами Адвокатской палаты города Москвы.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает недопустимым и нарушающим приведенные выше обязательные требования включение адвокатом К. в соглашение об оказании юридической помощи М. п. 4.3, предусматривающего, что «при досрочном расторжении Соглашения по инициативе Доверителя Доверитель обязуется уплатить Адвокату неустойку в размере 50% от размера гонорара, указанного в п. 3.1 настоящего договора».

В соответствии с требованиями п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

При этом дисциплинарные органы Адвокатской палаты города Москвы исходят из того, что в тех случаях, когда адвокатом были допущены нарушения порядка (формы) заключения соглашения с доверителем, оприходования полученных от доверителя денежных средств (вознаграждения за юридическую помощь или компенсации расходов), адвокат в период действия соглашения с доверителем имеет возможность устранить допущенные нарушения.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что полученные от М. денежные средства в общей сумме ...руб. адвокат К. не внес в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, что не оспаривается и самим адвокатом. 6 августа 2024 г. адвокат К. представил в Адвокатскую палату города Москвы заявление от этого же числа, поданное им в коллегии адвокатов «...», в котором он сообщает, что денежные средства по договору с М. будут внесены им в кассу коллегии 15 августа 2024 г.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. и в этой части опровергнутой, а его вину в совершении описанных дисциплинарных нарушений установленной.

Относительно дисциплинарного обвинения в неуказании адвокатом К. в перво-

начальном исковом заявлении сведений о дате и месте рождения М., что повлекло оставление искового заявления без движения, Совет отмечает следующее.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 27 февраля 2024 г. в П. районный суд г. Москвы поступило исковое заявление М. к ООО «...» о взыскании убытков в сумме, эквивалентной ...долл., причиненных ей в связи с попустительским отношением доверительного управляющего и несвоевременной конвертацией акций одной из технологических компаний в другие более ликвидные акции; убытков на сумму ...долл.; уплаченной М. комиссии в размере ...руб.; убытков, связанных с выплатой налогов в сумме ...руб. и компенсации морального вреда в размере ...руб. на основании ст. 15 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей».

Определением указанного районного суда от 5 марта 2024 г. исковое заявление М. было оставлено без движения ввиду его несоответствия требованиям ч. 2 ст. 131 ГПК РФ, поскольку в нем не указаны дата и место рождения истца и цена иска, не представлены документ, подтверждающий уплату государственной пошлины, и расчет взыскиваемой или оспариваемой денежной суммы, подписанный истцом либо его представителем, с копиями в соответствии с количеством ответчиков и третьих лиц. Кроме того, в указанном определении суд разъяснил истцу, что к заявленным исковым требованиям не подлежат применению положения Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», освобождающие ответчика от уплаты государственной пошлины, поскольку предметом оспариваемого договора не является приобретение истцом или оказание ему каких-либо товаров (работ, услуг) исключительно для личных, семейных, домашних и иных

нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, и истец не является потребителем в спорных правоотношениях.

После получения указанного определения суда адвокатом К. было подготовлено «исправленное» исковое заявление, в котором указаны дата и место рождения истца, приведен расчет цены иска, исчислена государственная пошлина. После устранения недостатков в исковом заявлении М. и оплаты государственной пошлины оно было принято судом к производству.

Описанные действия (бездействие) адвоката К. свидетельствуют о ненадлежащем исполнении им профессиональных обязанностей по оказанию юридической помощи доверителю М., поскольку он, являясь профессиональным советником по правовым вопросам, был обязан знать и надлежащим образом исполнить предусмотренные законодательством требования к искомому заявлению, однако этого не сделал.

В отношении адвоката К. заявителем М. выдвинуто дисциплинарное обвинение в неявке 5 июня 2024 г. без уважительных причин в судебное заседание районного суда по ее гражданскому делу.

Оценивая данное дисциплинарное обвинение, Совет отмечает, что подп. 4 п. 2 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусматривает в качестве вида юридической помощи участие в качестве представителя доверителя в гражданском судопроизводстве, а предусмотренная в подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанность «честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы

доверителей всеми не запрещенными законодательством способами» предполагает личное участие адвоката в процессе оказания юридической помощи доверителю, включая участие адвоката в качестве представителя доверителя во всех судебных заседаниях по гражданскому делу, стороной которого является доверитель, в соответствии с условиями заключенного между ними соглашения об оказании юридической помощи.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 4 июня 2024 г. по гражданскому делу по иску М. к ООО «...» состоялось судебное заседание, в котором объявлен перерыв до 5 июня 2024 г. Об этом было достоверно известно адвокату К., однако 5 июня 2024 г. он в судебное заседание не явился. При этом в указанную дату судом было вынесено решение, которым отказано в удовлетворении исковых требований.

Совет отклоняет как несостоятельные и голословные доводы адвоката К. о том, что судебное заседание 5 июня 2024 г. носило «технический» характер, поскольку на этот день было назначено оглашение решения суда, а также о том, что он не явился в судебное заседание в соответствии с инструкцией доверителя. Оба эти довода прямо противоречат приведенным выше обязательным требованиям к профессиональному поведению адвоката, при этом заявитель М. не только отрицает дачу адвокату К. таких инструкций, но и настаивает на том, что она ожидала личного участия адвоката К. в судебном заседании в качестве своего представителя. Кроме того, как Совет уже неоднократно указывал, деление судебных заседаний на «существенные» и «технические» (которые могут быть по этой причине проигнорированы) само по себе свидетельствует о ненадлежащем, непрофессиональном отношении адвоката к исполнению обязанностей перед доверителем.

Довод адвоката К. о неявке в судебное заседание 5 июня 2024 г. в связи с болезнью Совет также отклоняет, поскольку документов, подтверждающих болезнь в этот день, адвокат К. не представил ни суду, ни в ходе дисциплинарного разбирательства. Не представил он и доказательств того, что им принимались меры к уведомлению суда о невозможности явки по уважительной причине и заявлялось ходатайство об отложении на этом основании судебного заседания.

Как указано выше, предметом заключенного между адвокатом К. и заявителем М. соглашения в числе прочего являлось представление интересов М. в районном суде.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом К. обязанностей перед доверителем, выразившемся в том, что 5 июня 2024 г. он не явился без уважительных причин в судебное заседание районного суда, оставив тем самым заявителя М. без квалифицированной юридической помощи.

Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. в данной части дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его умышленную вину в совершении данного дисциплинарного нарушения доказанной.

В результате дисциплинарного разбирательства также достоверно установлено, что 19 июня 2024 г. М. по электронной почте направила адвокату К. письмо, в котором оценила оказанную им юридическую помощь как неквалифицированную, сообщила о расторжении соглашения и попросила вернуть деньги, выплаченные ему в качестве вознаграждения.

Следовательно, уже 19 июня 2024 г. адвокат К. был осведомлен о том, что доверитель М. отказалась от его юриди-

ческой помощи и не намерена пользоваться ей в дальнейшем.

Несмотря на это, адвокат К. без согласования с М. подготовил и 21 июня 2024 г. подал в приемную указанного районного суда апелляционную жалобу (краткую) на решение указанного суда от 5 июня 2024 г. по гражданскому делу доверителя М.

В соответствии с п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» правовым основанием для оказания адвокатом юридической помощи своему доверителю является заключенное между ними соглашение.

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе действовать вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного.

Вышеописанными обстоятельствами, достоверно установленными в результате дисциплинарного разбирательства, подтверждается дисциплинарное обвинение в подаче адвокатом К. указанной апелляционной жалобы в отсутствие действующего соглашения.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. и в этой части опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

В то же время Совет не усматривает оснований для вывода о нарушении адвокатом К. положений подп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку на указанном выше персональном сайте им была размещена информация исключительно об уголовных делах, а доказательств того, что адвокат К. заверял заявителя М. о том, что ее гражданское дело является «на 100% выигрышным», в материалы дисциплинарного производства не представлено.

При этом сам адвокат К. доводы жалобы заявителя в указанной части отрицает.

Рассматривая остальные дисциплинарные обвинения, а именно: неуказание в соглашении предмета поручения, позволяющего его как-то конкретизировать и понять, о чем именно идет речь; отсутствие в соглашении каких-либо банковских реквизитов коллегии адвокатов; избрание адвокатом К. неверного способа защиты интересов доверителя, дача неверной квалификации природы правоотношений М. и управляющей компании, заявлении изначально бесперспективных требований в части компенсации морального вреда, Совет соглашается с Квалификационной комиссией, которая со ссылками на материалы дисциплинарного производства подробно обосновала в Заключении вывод о необоснованности данных дисциплинарных обвинений.

Оценивая довод жалобы о том, что сайт <https://www.advokatymoscow.com/>, на котором рекламировались услуги адвоката К., почти полностью по доменному имени имитирует сайт Адвокатской палаты города Москвы <https://www.advokatymoscow.ru/>, Квалификационная комиссия верно указала в Заключении на отсутствие в жалобе сведений о том, что именно совпадение данных сайтов ввело заявителя в заблуждение относительно лица, которое будет оказывать ей юридическую помощь. Более того, М. указывает в жалобе, что эта информация ей стала доступна позднее, используя словосочетание «как оказалось». Следовательно, ее права таким доменным именем сайта затронуты не были. При таких обстоятельствах Совет считает необходимым прекратить дисциплинарное производство в части довода жалобы о том, что сайт <https://www.advokatymoscow.com/>, на котором рекламировались услуги адвоката К., почти полностью по

доменному имени имитирует сайт Адвокатской палаты города Москвы <https://www.advokatymoscow.ru/>, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их многочисленный, умышленный и злостный характер, свидетельствующий о систематическом игнорировании адвокатом К. основополагающих требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также профессиональной этики. Совет также учитывает, что последствиями дисциплинарных нарушений адвоката К. явились как оставление доверителя М. без квалифицированной юридической помощи, так и действия адвоката К. вопреки ее воле. Помимо этого, Совет принимает во внимание, что ни одно из совершенных нарушений адвокатом К. не устранено и мер к их устранению им не принималось.

Совокупность описанных обстоятельств убедительно показывает, что адвокат К. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами. При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката К. недобросовестным, недопустимым и несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и вследствие этого приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не усматривает оснований для применения к адвокату К. более мягкой меры дисциплинарной ответствен-

ности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку это не только не отвечало бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, но и могло бы дать основание полагать, что совершенные им грубые и многочисленные нарушения совместимы со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката, неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого К. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушений, их количества и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о его личности и профессиональной деятельности, считает необходимым установить этот срок в два года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1 и 2 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, пп. 4–5, подп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18, подп. 1, 2, 8 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной

этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

нарушение положений подп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении на страницах сайта <https://www.advokatmoscow.com/> информации о том, что «в его практике – более 94% выигранных уголовных дел по разным видам уголовно наказуемых деяний»;

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи со ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившееся:

– в неуказании в соглашении об оказании юридической помощи от 3 декабря 2023 г. на принадлежность адвоката К. к Адвокатской палате города Москвы, а также сведений о размере и характере его ответственности;

– во включении в соглашение об оказании юридической помощи от 3 декабря 2023 г., заключенное между адвокатом К. и доверителем М., п. 4.3, предусматривающего, что «при досрочном расторжении Соглашения по инициативе Доверителя Доверитель обязуется уплатить Адвокату неустойку в размере 50% от размера гонорара, указанного в п. 3.1 настоящего договора»;

– в том, что, получив от доверителя М. 3 декабря 2023 г. и 20 февраля 2024 г. в счет оплаты юридической помощи денежные средства в общей сумме ...руб., адвокат К. не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведе-

нию операций со средствами доверителя (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившееся в неуказании в первоначальном исковом заявлении, в нарушение требований п. 2 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ, даты и места рождения истца М., а также в неприложении к первоначальному исковому заявлению, в нарушение требований п. 1 ст. 132 ГПК РФ, документа, подтверждающего уплату государственной пошлины в установленном порядке и размере, что повлекло вынесение П. районным судом г. Москвы 5 марта 2024 г. определения об оставлении искового заявления М. без движения;

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившееся в том, что, заключив 3 декабря 2023 г. с доверителем М. соглашение об оказании юридической помощи, в соответствии с которым адвокат К. принял поручение на представление интересов М. в районном суде, он без уважительных причин не явился 5 июня 2024 г. в судебное заседание указанного районного суда по гражданскому делу доверителя, оставив тем самым М. без квалифицированной юридической помощи;

нарушение предписаний подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1 ст. 25 Федерального закона

«Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, пп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать (защищать) права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами; адвокат не вправе действовать вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самооговора своего подзащитного), выразившееся в принесении 21 июня 2024 г. адвокатом К., действующим в качестве представителя М., апелляционной жалобы (краткой) на решение указанного районного суда по гражданскому делу доверителя в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи на подачу апелляционной жалобы на решение суда первой инстанции и представление интересов доверителя М. в суде апелляционной инстанции.

1.9. Адвокат получил предупреждение за подачу ходатайства об ознакомлении с материалами дела в отсутствие установленных законом оснований.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием представителя заявителя ООО «Р.» – А. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе ООО «Р.» в отношении адвоката Н.

Квалификационная комиссия 7 августа 2024 г. вынесла Заключение о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать

Установить в отношении К. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, продолжительностью в 2 (два) года.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе М. от 24 июня 2024 г.:

в части доводов об использовании адвокатом К. сайта <https://www.advokatymoscow.com/>, который почти полностью по доменному имени имитирует сайт Адвокатской палаты города Москвы <https://www.advokatymoscow.ru/> вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами), п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с Разъяснениями № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Мо-

сквы 27 июня 2019 г., Протокол № 8), исполнении адвокатом Н. своих профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «Р.», что выразилось в подаче им 23 мая 2024 г. от имени ООО «Р.» ходатайства в Арбитражный суд М. области об ознакомлении с материалами дела в отсутствие установленных законом оснований.

Адвокат Н., уведомленный надлежащим образом о дате и времени рассмотрения дисциплинарного дела, в заседание Совета не явился, по телефону сообщил, что просит рассмотреть дисциплинарное производство без его участия. Принимая во внимание эти обстоятельства, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося адвоката Н.

Представитель заявителя ООО «Р.» А. в заседании Совета подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Квалификационной комиссии согласился полностью. Дополнительно пояснил, что его доверителю неизвестно о том, ознакомился ли с материалами дела адвокат Н. и наступили ли в результате такого ознакомления негативные последствия для его доверителя. Избрание меры дисциплинарной ответственности адвокату Н. оставил на усмотрение Совета.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав представителя заявителя, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они

основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве Арбитражного суда М. области находилось дело, возбужденное по заявлению ООО «К.» о признании незаконными действий Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Московской области. ООО «Р.» было привлечено к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора. Рассмотрение дела было завершено в 2018 году, заявленные требования удовлетворены полностью, действия Управления Росреестра по Московской области по кадастровому учету и регистрации прав ООО «Р.» на указанные в заявлении объекты недвижимого имущества были признаны незаконными.

4 мая 2024 г. арбитражным судом было получено и принято ходатайство ООО «Р.» в лице представителя по доверенности адвоката Н. об ознакомлении с материалами указанного дела, к которому была приложена доверенность ООО «Р.» от 12 октября 2022 г., содержащая подпись генерального директора и печать общества. Аналогичное ходатайство, как следует из сведений в картотеке арбитражных дел, было повторно зарегистрировано 31 мая 2024 г., однако доказательства повторного обращения адвоката Н. в арбитражный суд по указанному делу в материалах дисциплинарного производства отсутствуют, и, как правильно отметила Квалификационная комиссия в своем заключении, жалоба заявителя такого довода не содержит.

Заявитель ООО «Р.» утверждает, что адвокату Н. никогда никаких доверенностей не выдавалось, за оказанием юридической помощи заявитель к нему

не обращался. Иными словами, ни поручения, ни согласия на ознакомление с материалами дела ему не давалось. Указанная доверенность является поддельной. Заявителю стало известно о действиях адвоката Н., направленных на ознакомление с материалами дела от имени заявителя, 7 августа 2024 г. в связи с подпиской на рассылку уведомлений («электронный страж») по указанному арбитражному делу.

Из объяснений адвоката Н. следует, что 20 мая 2024 г. к нему по телефону обратился некий Ал. и попросил ознакомиться с материалами указанного арбитражного дела. 23 мая 2024 г. произошла встреча адвоката Н. и Ал., в ходе которой адвокату Н. была предоставлена копия доверенности от ООО «Р.» в электронном виде на флэш-накопителе, а также была достигнута договоренность о том, что «в целях экономии времени» адвокат Н. сначала подаст заявление об ознакомлении с материалами дела (что было им сделано в электронном виде 23 мая 2024 г.), а само ознакомление осуществит после подписания соглашения, получения оплаты и оригинала доверенности на бумажном носителе.

Оценивая выдвинутое заявителем дисциплинарное обвинение в отношении адвоката Н., Совет отмечает следующее.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Н. не установил личность обратившегося к нему Ал., не проверил его полномочия и обратился в суд, приложив сканированную копию доверенности, без заключения соглашения с доверителем и получения оплаты вознаграждения. При этом подлинник доверенности адвокатом Н. получен не был, с заявителем адвокат Н. в контакт не вступал, юридическую помощь ему не оказывал. Данные обстоятельства не

оспариваются и не опровергаются и самим адвокатом Н.

Таким образом, адвокат Н. приступил к оказанию юридической помощи в интересах ООО «Р.» на основании устного соглашения с неизвестным ему третьим лицом, получив электронную копию (электронный образ) доверенности от ООО «Р.» на флэш-накопителе, не получив согласие общества на оказание ему юридической помощи и не удостоверившись в том, что обратившееся к нему лицо является представителем ООО «Р.», от имени которого адвокат Н. обратился в арбитражный суд с ходатайством об ознакомлении с материалами дела.

В соответствии с пп. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Согласно п. 1 ст. 430 ГК РФ договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу. В соответствии с п. 2 ст. 430 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица.

Статья 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливает, что под доверителем следует понимать как лицо, с которым адвокат заключил соглашение об оказании юридической помощи, так и лицо, которому адвокатом оказывается юридическая помощь на основании соглашения, заключенного иным лицом.

Согласно Разъяснениям № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защите по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждены Решением Совета от 27 июня 2019 г., Протокол № 8) по общему правилу адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи – защите по уголовному делу – в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Нормы УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем Совет отмечает, что требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвоката тщательно подходить к этому вопросу, исключая разумные сомнения в достоверности указанного согласия (поручения). Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация волеизъявления лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Эта фиксация может быть сделана на соглашении об оказании юридической помощи, в отдельном документе или иным образом, позволяющим верифицировать лицо, дающее согласие. Также согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь, может быть получено

в конклюдентной форме, позволяющей со степенью достоверности, исключающей разумные сомнения, прийти к выводу о том, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат, принимающий его защиту на основании соглашения, заключенного с иным лицом, состоят в коммуникации между собой, и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о даче согласия на защиту. Согласие обвиняемого (подозреваемого) не может рассматриваться в качестве достоверного, если адвокат получает его посредством связи с использованием функции «секретный чат» (звонок без определения номера) или по электронной почте, не позволяющей верифицировать отправителя. Указанные разъяснения даны Советом в пределах его компетенции и подлежат исполнению всеми членами Адвокатской палаты города Москвы.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что, вопреки всем этим требованиям, адвокат Н. не осуществил никаких действий, направленных на получение согласия заявителя, и сразу, даже не убедившись в наличии у обратившегося к нему лица подлинника якобы выданной ООО «Р.» доверенности, обратился в Арбитражный суд М. области с указанным письменным ходатайством от имени заявителя. При этом доверенность датирована октябрём 2022 года, тогда как обращение к адвокату Н. имело место в мае 2024 года, т.е. спустя полтора года после даты выдачи доверенности.

При таких достоверно установленных в ходе дисциплинарного производства обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что профессиональное поведение адвоката Н. по отношению к доверителю – ООО «Р.» нельзя признать ни добросовестным,

ни разумным. Совет признает, что описанное выше профессиональное поведение адвоката Н. свидетельствует о его намеренном и грубом пренебрежении приведенными выше нормами права и требованиями адвокатской этики. Презумпцию добросовестности адвоката Н. Совет признает опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарного проступка доказанной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Н. за допущенное нарушение, Совет учитывает его грубый и умышленный характер, демонстрирующий злостное пренебрежение адвокатом основополагающими требованиями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката. Такое профессиональное поведение свидетельствует о недопустимом отношении адвоката Н. к исполнению своих профессиональных обязанностей. Вместе с тем Совет учитывает, что материалы дисциплинарного производства не содержат сведений о наступивших негативных последствиях для заявителя в результате допущенного адвокатом Н. нарушения. Адвокат Н. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался.

При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Н. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотрен-

ному ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Н. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами), п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с Разъяснениями № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 г., Протокол № 8), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «Р.», выразившееся в подаче им 23 мая 2024 г. от имени ООО «Р.» ходатайства в Арбитражный суд М. области об ознакомлении с материалами дела в отсутствие установленных законом оснований.

1.10. Дисциплинарное производство прекращено в связи с отсутствием допустимого повода для его возбуждения. Совет признал, что адвокат не наделен правом выдвигать в отношении другого адвоката дисциплинарное обвинение в действиях в условиях конфликта интересов, если этот конфликт не затрагивает интересы доверителя заявителя жалобы.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием заявителя – адвоката Ш. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката Ш. от 4 июня 2024 г. в отношении адвоката Р.

Квалификационная комиссия 7 августа 2024 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Р. по жалобе адвоката Ш., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Заявитель – адвокат Ш. в заседании Совета пояснил, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлен и не согласен, настаивал на привлечении адвоката Р. к дисциплинарной ответственности по основаниям, изложенным в его жалобе и письменных возражениях на Заключение Квалификационной комиссии, существо которых сводится к доводам о принятии адвокатом Р. поручения об оказании юридической помощи в условиях недопустимого конфликта интересов. Просил вернуть дисциплинарное производство в Квалификационную комиссию для нового разбирательства и оценки по существу всех приведенных им доводов.

Адвокат Р., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, письменно уведомил о получении Заключения Квалификационной комиссии, ознакомлении с ним, согласии с выводами Комиссии и просил рассмо-

треть дисциплинарное производство в его отсутствие.

Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося адвоката Р.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав заявителя – адвоката Ш., Совет не находит оснований для направления дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства и соглашается с ее Заключением, поскольку вывод Комиссии об обнаружившемся отсутствии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства основан на правильно и полно установленных обстоятельствах дела и применимых требованиях законодательства и профессиональной этики.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

21 июля 2023 г. следственным отделом ОМВД России по Д. району г. Москвы по факту хищения недвижимого имущества (квартир) Б. и Шу. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, в отношении неустановленных лиц.

Интересы указанных потерпевших в данном уголовном деле представляет заявитель – адвокат Ш.

Собственником одной из квартир, ранее якобы похищенных у Б. и Шу., является АО «...», интересы которого

в указанном уголовном деле представляет адвокат Р. на основании заключенного соглашения.

Ранее, в 2018 году, адвокат Р. являлся защитником бывшего вице-президента этого же банка Ш.Н. по другому уголовному делу, в котором АО «...» признавался потерпевшим.

Заявитель – адвокат Ш., ссылаясь на указанные обстоятельства, выдвигает в отношении адвоката Р. дисциплинарное обвинение в представлении интересов Ш.Н. и АО «...» в условиях недопустимого конфликта их интересов. Кроме того, по мнению заявителя, адвокат Р. принял поручение об оказании юридической помощи заведомо незаконного характера и состоит в преступном сговоре с работниками следственных органов, вступив в дело с целью лишения потерпевших права собственности на квартиру.

Адвокат Р. в ходе дисциплинарного разбирательства все указанные дисциплинарные обвинения последовательно отрицал, настаивал, что заключенное с ним соглашение на представление интересов АО «...» и его участие в указанном уголовном деле в 2023–2024 гг. не противоречит требованиям законодательства и профессиональной этики, при этом какого-либо конфликта интересов между его доверителями не имеется. Незаконные цели при принятии поручения об оказании юридической помощи он не преследовал, в сговор с работниками следственных органов не вступал.

Совет при разрешении настоящего дисциплинарного производства исходит из следующих правовых и профессионально-этических предписаний.

Адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного ст. 11 Кодекса профессиональной

этики адвоката (подп. 10 п. 1 ст. 9 указанного Кодекса).

Пункт 1 ст. 11 того же Кодекса определяет, что адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу, а может лишь способствовать примирению сторон.

Из смысла и содержания приведенных норм профессиональной этики адвоката следует, что наличие или отсутствие конфликта интересов различных доверителей адвоката определяется исходя из позиции и интересов этих доверителей. Следовательно, выдвигание дисциплинарного обвинения в отношении адвоката в действиях в условиях конфликта интересов также относится к компетенции его доверителей.

Статья 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката содержит исчерпывающий перечень категорий лиц, которые относятся к доверителям адвоката.

Заявитель – адвокат Ш., а также его доверители – Б. и ее сын Шу. не являются доверителями адвоката Р. Данные обстоятельства не оспариваются и самим заявителем – адвокатом Ш.

В свою очередь, доверители адвоката Р. – Ш.Н. и АО «...» не уполномочивали адвоката Ш. выступать в их интересах, а в ходе дисциплинарного разбирательства представили письменные заявления, согласно которым какого-либо конфликта интересов между ними не имеется, как не имеется у них и каких-либо претензий к адвокату Р., в том числе и в связи с исполнением им поручений по соглашениям с каждым из них.

Кроме того, Совет, исходя из ранее выработанной им позиции по вопросу о пределах допустимости предмета жалобы адвоката в отношении другого адвоката (см. Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 28 фев-

раля 2020 г. № 28 по дисциплинарному производству, возбужденному по жалобе адвоката В. в отношении адвоката Н.), отмечает, что описанные выше фактические обстоятельства настоящего дисциплинарного производства не свидетельствуют о каких-либо публичных действиях (бездействии) адвоката Р., которые могли бы быть восприняты любым членом адвокатского сообщества как недопустимое профессиональное поведение другого члена этого же сообщества, наносящее вред авторитету адвокатуры.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что жалоба адвоката Ш. в рассматриваемой части не является допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства.

К такому же выводу приходит Совет и в отношении остальных дисциплинарных обвинений, выдвинутых заявителем в отношении адвоката Р.

Довод жалобы о заведомо незаконном характере поручения, принятого адвокатом Р., в нарушение требований подп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката не конкретизирован и не подтвержден указанием на конкретные фактические обстоятельства и подтверждающие их доказательства, свидетельствующие, по мнению заявителя, о заведомо незаконном характере какого-либо из принятых адвокатом Р. поручений. По этой причине данный довод также не может являться допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства.

Доводы о наличии у адвоката Р. цели незаконного завладения чужим имуществом и о его сговоре с работниками следственных органов, направленном на лишение доверителей адвоката Ш. права собственности на квартиры, не подлежат рассмотрению

дисциплинарными органами адвокатского самоуправления. Согласно Разъяснениям Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 28 января 2016 г. (Протокол № 3) и опубликованным на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <http://www.fparf.ru> (содержание которых заявителю Ш. как адвокату следует знать и руководствоваться ими), компетенция квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается УПК РФ, о чем адвокату Ш. также должно быть достоверно известно. Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, определенном УПК РФ. Таким образом, если адвокат Ш. считает, что адвокатом Р. совершено деяние, содержащее признаки преступления, то он может в установленном законодательством порядке обратиться с соответствующим заявлением в органы, осуществляющие уголовное преследование.

При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в полном объеме подлежит прекращению по основанию, предусмотренному подп. 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

1.11. Адвокат получил предупреждение за оставление доверителя в судебных заседаниях без квалифицированной юридической помощи.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием заявителя С.В. рассмотрев в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе С.В. от 14 июня 2024 г. в отношении адвоката Р.

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 07 августа 2024 года вынесла Заключение:

– о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Р. своих профессиональных обязанностей перед доверителем С.В., что выразилось в том, что он, приняв 7 марта 2024 г. поручение на осуществление представительства интересов доверителя С.В. на основании заключенного соглашения об оказании юридической помощи от 7 марта 2024 г., не явился 26 апреля 2024 г. без уважительной причины в судебные заседания Х. районного суда города Сочи по делам, в которых были рассмотрены жалобы С.В. на бездействие сотрудников правоохранительных органов и постановлены судебные акты об отказе доверителю С.В. в удовлетворении ее требований, в результате чего адвокат

и подп. 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Р. по жалобе заявителя – адвоката Ш. от 4 июня 2024 г., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Р. оставил доверителя С.В. в указанных судебных заседаниях без квалифицированной юридической помощи;

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, принятых на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 29 сентября 2014 г., исполнении адвокатом Р. своих профессиональных обязанностей перед доверителем С.В., выразившемся в том, что, заключив 7 марта 2024 г. с доверителем С.В. соглашение об оказании юридической помощи, адвокат Р. не выдал доверителю С.В. экземпляр данного соглашения;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Р. по жалобе С.В., в части ее требования о возврате адвокатом Р. ...руб. и в части ее оценки действий адвоката Р. по составлению им акта выполненных работ (оказанной юридической помощи) от 11 апреля 2024 г., который С.В. считает подложным, в связи с чем полагает, что действия адвоката Р. по оформлению данного акта содержат признаки совер-

шения им преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Р. по жалобе С.В., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Р., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, подал письменное заявление о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие, в котором также указал, что с Заключением Квалификационной комиссии не согласен в части признанных в его действиях нарушений. Получение доверителем С.В. экземпляра соглашения прямо подтверждено его пунктом и ее подписью в нем. Полагает, что позиция по жалобам, в том числе относительно его неявки в судебные заседания 26 апреля 2024 г., была согласована с доверителем, а выезд в эти судебные заседания не был ему оплачен. Кроме того, считает пропущенным срок рассмотрения Советом настоящего дисциплинарного производства и просит его прекратить.

Совет, учитывая указанные обстоятельства и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося адвоката Р.

Заявитель С.В. в заседании Совета пояснила, что Заключение Квалификационной комиссии получила, с его выводами согласна. Все приведенные в ее жалобе доводы соответствуют действительности, и она на них настаивает. Ей известно, что адвокат Р. имеет в городе Сочи свой офис, в котором работает на постоянной основе и ведет прием граждан, поэтому она не могла предположить, что он будет опровергать факт получения от нее денежных средств.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав заявителя С.В., признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но с ее выводами соглашается частично и считает необходимым изменить объем дисциплинарных обвинений. Делая такой вывод, Совет исходит из следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 7 марта 2024 г. заявитель С.В. обратилась за получением юридической помощи к адвокату Р., который в этот же день заключил с ней в простой письменной форме соглашение об оказании юридической помощи. Предметом соглашения являлось отстаивание интересов С.В. по ранее поданным заявлениям (обращениям), связанным с возможными неправомерными действиями со стороны А.

Согласно п. 3.1 указанного соглашения размер вознаграждения адвоката Р. составил ...руб., при этом денежная сумма в размере 50% от стоимости по настоящему соглашению удерживается адвокатом ежемесячно за текущий месяц и возврату не подлежит вне зависимости от сроков и объемов выполненной адвокатом работы.

Заявителем жалобы С.В. в отношении адвоката Р. выдвинуты дисциплинарные обвинения в том, что он:

без уважительной причины не явился в судебные заседания Х. районного

суда города Сочи 26 апреля 2024 г. по делам, в которых жалобы С.В. были рассмотрены по существу и вынесены постановления об отказе в их удовлетворении. Тем самым адвокат Р. оставил ее без квалифицированной юридической помощи в нарушение принятых им на себя обязательств по указанному соглашению;

не выдал С.В. ее экземпляр соглашения об оказании юридической помощи от 7 марта 2024 года, оформленный в установленном законом порядке;

получив от С.В. в оплату своего вознаграждения наличные денежные средства в размере ...руб., не выдал ей квитанции или расписки, подтверждающие получение им денежных средств;

не возвращает ...руб., переданных ею наличными адвокату Р. в качестве его вознаграждения по заключенному с ним соглашению;

подделал подпись доверителя С.В. на акте выполненных работ (оказанной юридической помощи) от 11 апреля 2024 г., и в его действиях содержатся признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в оставлении адвокатом Р. доверителя С.В. 26 апреля 2024 г. без квалифицированной юридической помощи в судебных заседаниях указанного районного суда при рассмотрении ее жалоб, в удовлетворении которых судом было отказано, Совет приходит к выводу о его обоснованности.

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства и указано выше, по соглашению от 7 марта 2024 г. адвокат Р. принял поручение по отстаиванию интересов С.В. по ранее поданным ею заявлениям (обращениям), связанным с возможными неправомерными действиями со стороны А. В. Х. районном суде г. Сочи подлежали рассмотрению два материала по жалобам

С.В., поданным в порядке ст. 125 УПК РФ на бездействие полиции. 11 апреля 2024 г. адвокат Р. совместно с С.В. участвовал в судебных заседаниях по указанным делам, а в судебные заседания по ним же 26 апреля 2024 г. не явился.

В этот день адвокат Р. подал в суд два идентичных ходатайства по каждому из дел, в которых указал следующее (орфография и пунктуация сохранены. – *Примечание Совета*): «Считаем, что факт бездействия со стороны, обжалуемого действий (бездействий) должностного лица, имел место быть, т.е., до начала судебного заседания, так и в ходе него, запрашиваемый материал фактически представлен не был, обжалуемое лицо в судебное заседание назначенного на 11.04.2024 года не явился, своих пояснений не представил, следовательно, заявленные требования подлежат удовлетворению в полном объеме». В просительной части ходатайств содержались просьбы об их рассмотрении и приобщении к материалам дела, о проведении судебного заседания «без нашего участия», об удовлетворении заявленных требований в полном объеме. При этом ни о своей неявке в суд, ни о подаче указанных ходатайств адвокат Р. доверителя С.В. в известность не поставил.

Заявитель С.В., будучи уверенной в явке и участии адвоката Р. 26 апреля 2024 г. в судебных заседаниях по обоим делам, в суд не явилась. В этот же день судом были вынесены постановления об отказе в удовлетворении обеих жалоб. С.В. стало известно об этом лишь 8 мая 2024 г. и не от адвоката Р., а от помощника судьи, которому С.В. позвонила по личной инициативе. Указанные обстоятельства адвокатом Р. не оспариваются. Вместе с тем, как следует из его объяснений в ходе дисциплинарного разбирательства, он полагает, что был вправе просить суд о рассмотрении материалов в свое отсутствие, и эти его действия не

образуют дисциплинарного нарушения. Кроме того, полагает, что при вынесении постановления суд основывается на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании, а не на том, присутствовал ли представитель в судебном заседании или нет.

Совет, отклоняя эти доводы адвоката Р. как несостоятельные, отмечает, что подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливают обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя. Данные законоположения подразумевают, что адвокат, оказывая юридическую помощь, обязан действовать в отношении с доверителем профессионально, квалифицированно и своевременно выполнять принятые на себя обязательства перед доверителем. По этой причине личное участие адвоката в судебных заседаниях по делу доверителя, с которым у него заключено соглашение об оказании юридической помощи в виде судебного представительства, является профессиональной обязанностью адвоката.

Включение адвокатом в соглашение с доверителем каких бы то ни было условий, противоречащих законодательству об адвокатской деятельности и адвокатуре, в том числе Кодексу профессиональной этики адвоката, во-первых, недопустимо, а во-вторых, ни в коей мере не освобождает адвоката от исполнения указанных обязательных требований. По этой причине ссылка адвоката Р. на подп. 2.2.3 соглашения от 7 марта 2024 г. об оказании юридической помощи С.В., согласно которому адвокат вправе просить суд о рассмотрении дела в отсутствие адвоката, несостоятельна и также отклоняется Советом.

Не менее ущербна и несостоятельна ссылка адвоката Р. на то, что суд основывает свое решение на исследованных доказательствах, а не исходя из того, присутствовал ли представитель в судебном заседании. Это заявление адвоката свидетельствует о непонимании им существа принципов состязательности и непосредственности судебного разбирательства и, как следствие, о непонимании того очевидного обстоятельства, что участник судебного разбирательства, игнорирующий свое участие в судебном заседании, лишает себя возможности своевременно узнать о представленных другими участниками доказательствах, их ходатайствах и заявлениях и своевременно и надлежащим образом отреагировать на них.

Помимо этого, Совет отмечает, что адвокат Р. не ссылается на какие-либо уважительные причины неявки в судебные заседания 26 апреля 2024 г. Неплата ему авансом расходов на поездку в суд к таким причинам заведомо относиться не может.

При указанных обстоятельствах Совет приходит к выводу об умышленной, в нарушение принятых им на себя обязательствах, неявке адвоката Р. без уважительных причин в указанные судебные заседания 26 апреля 2024 г., приведшей к оставлению доверителя С.В. без квалифицированной юридической помощи. Презумпцию добросовестности адвоката Р. в данной части Совет признает опровергнутой.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в невыдаче адвокатом Р. заявителю С.В. ее экземпляра соглашения об оказании юридической помощи от 7 марта 2024 г., Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о наличии в действиях адвоката Р. дисциплинарного нарушения. Правильно установив и изложив в Заключение соответствующие фак-

тические обстоятельства, Квалификационная комиссия дала им неверную правовую оценку.

Так, свой вывод о невыдаче адвокатом Р. доверителю С.В. надлежащим образом оформленного ее экземпляра соглашения Квалификационная комиссия обосновала лишь отсутствием расписки С.В. в его получении. Однако Комиссия не учла то обстоятельства, что из содержания п. 6.4 указанного соглашения, подписанного С.В., ясно следует, что она получила экземпляр соглашения: «...Доверитель экземпляр Соглашения, реквизиты счета для перечисления в адвокатскую палату “...” города Москвы получил». По мнению Квалификационной комиссии, единственным доказательством получения доверителем экземпляра соглашения может являться только расписка С.В., выполненная в виде отдельного документа либо на экземпляре соглашения, который находится у адвоката. Однако такая позиция не основана на требованиях законодательства и профессиональной этики, равно как и на содержании п. 1 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденных Советом 29 сентября 2014 г., согласно которому «...в соответствии со ст. 25 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” соглашение заключается между доверителем и адвокатом (адвокатами) в двух экземплярах. Получение, равно как и отказ в получении доверителем экземпляра соглашения должны быть подтверждены его подписью на экземпляре, остающемся у адвоката».

Как описано выше, это требование выполнено адвокатом Р. путем внесения в п. 6.4 соглашения приведенного выше подтверждения получения его экземпляра. При этом подпись доверителя С.В., подтверждающая ее согла-

сие в том числе и с данным подтверждением, на соглашении проставлена, и экземпляр этого соглашения имеется у адвоката Р. Из содержания п. 1 Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы, согласно его буквальному толкованию, не следует, что подтверждение доверителем получения экземпляра соглашения должно быть сделано лишь способом, указанным в Заключении Комиссии, а именно в качестве отдельной расписки.

Приведенное выше содержание п. 6.4 соглашения не вызывает сомнений в своей ясности, не представляет сложности в его понимании и при этом не противоречит каким-либо требованиям законодательства и профессиональной этики, а также указанного Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы. Соглашение подписано доверителем С.В., что ею не отрицается.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки Заклучению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в толковании норм Кодекса профессиональной этики, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Р. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Р., получив от С.В. в оплату причитающегося ему по соглашению вознаграждения в сумме ...руб., не выдал ей документ, подтверждающий получение этих денежных средств, Совет отмечает следующее. Адвокат Р. отрицает получение от С.В. денежных средств, а заявитель С.В. факт передачи ему денежных средств ничем, кроме собственных слов, не подтвердила. По этой причине Совет, согла-

шаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению, поскольку презумпция добросовестности адвоката не опровергнута.

Дисциплинарное обвинение в невозвращении адвокатом Р. ...руб., переданных в счет оплаты вознаграждения по соглашению об оказании юридической помощи, а также содержащаяся в жалобе С.В. просьба к Адвокатской палате города Москвы потребовать от него возратить ей излишне полученные денежные средства не могут быть рассмотрены по существу в настоящем дисциплинарном производстве в силу того, что находятся за пределами компетенции дисциплинарных органов адвокатского самоуправления.

Квалификационная комиссия и Совет Адвокатской палаты города Москвы не наделены полномочиями по разрешению возникшего между доверителем и адвокатом спора о размере выплаченного адвокату вознаграждения, обоснованности или необоснованности его размера. Подобные споры разрешаются путем переговоров либо судом в порядке гражданского судопроизводства. В связи с этим Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в том, что адвокат Р. подделал подпись С.В. на акте выполненных работ (оказанной юридической помощи) от 11 апреля 2024 г. и в его действиях содержатся признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ. Рассмотрение этого дисциплинарного обвинения также выходит за преде-

лы компетенции органов адвокатского самоуправления, что свидетельствует о недопустимости жалобы в этой части, поскольку Квалификационная комиссия и Совет адвокатской палаты города Москвы вправе устанавливать в действиях (бездействии) адвоката только признаки дисциплинарного проступка и применять к адвокату меры дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно наказуемого деяния возможно лишь в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. По этой причине С.В. вправе в установленном УПК РФ порядке обратиться с соответствующим заявлением в органы, осуществляющие уголовное преследование, если считает, что для этого имеются законные основания.

Совет отклоняет довод адвоката Р. о том, что настоящее дисциплинарное производство не может быть рассмотрено Советом в связи с истечением двухмесячного срока на его рассмотрение. Совет в этой связи отмечает, что двухмесячный срок, предусмотренный п. 1 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, не является пресекательным, при этом все права адвоката Р. как участника дисциплинарного производства, в том числе право на участие в дисциплинарном разбирательстве, ознакомление с заключением Квалификационной комиссии и на принесение возражений на него, соблюдены и реализованы им в полной мере по его усмотрению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Р. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание умышленный и грубый характер допущенного адвокатом дисциплинарного проступка, сопряженного с недопусти-

мым игнорированием профессионально-этических предписаний и причинением вреда интересам доверителя, а также авторитету адвокатуры.

Подобное профессиональное поведение адвоката Р. свидетельствует о его недопустимом отношении к исполнению профессиональных обязанностей и наносит вред авторитету адвокатуры.

Вместе с тем, учитывая незначительный адвокатский стаж Р. и то, что ранее он к дисциплинарной ответственности не привлекался, Совет предоставляет ему возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, Совет считает необходимым напомнить адвокату Р. о том, что постоянное совершенствование знаний самостоятельно и повышение профессионального уровня в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации, является законодательно установленной обязанностью адвоката (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Р. меру дисциплинарной ответственности в виде

предупреждения за ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем С.В., выразившееся в том, что он, приняв 7 марта 2024 г. поручение на представительство интересов доверителя С.В. на основании заключенного соглашения об оказании юридической помощи от 7 марта 2024 г., не явился 26 апреля 2024 г. без уважительной причины в судебные заседания Х. районного суда г. Сочи по делам, в которых были рассмотрены жалобы С.В. на бездействие сотрудников правоохранительных органов и постановлены судебные акты об отказе доверителю С.В. в удовлетворении ее требований. Тем самым адвокат Р. оставил доверителя С.В. в указанных судебных заседаниях без квалифицированной юридической помощи.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Р. по жалобе С.В. от 14 июня 2024 г.:

в части невозврата адвокатом Р. ...руб. и в части дисциплинарного обвинения в составлении им подложного акта выполненных работ (оказанной юридической помощи) от 11 апреля 2024 г., в связи с чем заявитель С.В. считает, что действия адвоката Р. содержат признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.12. Совет прекратил статус адвоката, вначале осуществлявшего защиту без заключения письменного соглашения, а затем самоустранившегося от защиты под предлогом расторжения соглашения в одностороннем порядке.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием адвоката Т. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе К.Р. и К.В. от 17 мая 2024 г. и по жалобам Благотворительного фонда содействия оказанию юридической помощи населению «...» (далее – Фонд) в лице директора В. от 13 и 29 августа 2024 г. в отношении адвоката Т.

Квалификационная комиссия 11 сентября 2024 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, пп. 1, 2, 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Т. своих профессиональных обязанностей перед доверителем – Фондом (разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу; вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского

образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением), выразившемся в том, что:

– приняв не позднее 13 сентября 2023 г. на основании устной договоренности с представителями Фонда поручение на осуществление защиты К.Р. в судах первой и апелляционной инстанций по уголовному делу в отношении О. и К.Р., находящемуся в производстве К. городского суда Владимирской области, адвокат Т. 20 октября 2023 г. вступил в данное уголовное дело и осуществлял защиту К.Р. без заключения письменного соглашения об оказании юридической помощи вплоть фактического прекращения ее осуществления 18 апреля 2024 г.;

– получив от доверителя – Фонда вознаграждение в размере ...руб. за осуществление защиты К.Р. в судах первой и апелляционной инстанций по уголовному делу в отношении О. и К.Р., находящемуся в производстве указанного суда, в форме совершения 26 сентября 2023 г. в интересах адвоката Т. обязательного отчисления за первый месяц членства в Адвокатской палате города Москвы на общие нужды палаты, адвокат Т. не внес полученное им вознаграждение в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдал доверителю финансовый документ по проведению операций с его денежными средствами (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

2) о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 6 п. 4 ст. 6, подп. 1, 4

п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12, п. 2 ст. 13, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства... следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции») во взаимосвязи с пп. 5, 8, 9, 10, 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., адвокатом Т. своих профессиональных обязанностей перед доверителями – Фондом и К.Р., выразившемся в том, что, приняв не позднее 13 сентября 2023 г. поручение на осуществление защиты К.Р. в судах первой и апелляционной инстанций по уголовному делу в отношении О. и К.Р., находящемуся в производстве указанного суда, адвокат Т.:

– самоустранился от осуществления защиты подсудимого К.Р. в судебных заседаниях данного суда, состоявшихся 5, 21, 25 марта и 1 апреля 2024 г.;

– с 18 апреля 2024 г. отказался от принятой на себя защиты подсудимого К.Р. по указанному уголовному делу под предлогом расторжения им в одностороннем порядке соглашения об оказании юридической помощи, заключенного между ним и Фондом на

защиту К.Р. в уголовном судопроизводстве;

3) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Т. по жалобе К.Р., К.С. от 17 мая 2024 г. и по жалобам Фонда от 13 и 29 августа 2024 г., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства:

– в части доводов заявителя К.В.;

– в части доводов Фонда об оказании адвокатом Т. неквалифицированной юридической помощи К.Р.

Заявитель К.Р. содержится под стражей в ФКУ СИЗО... УФСИН России по Владимирской области. Заявители К.В. и Фонд, представитель заявителей К.Р., К.В. и Фонда – адвокат Ч., надлежащим образом уведомленные о дне, времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства и своевременно получившие заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явились, подали письменное заявление о полном согласии с заключением Комиссии и просили применить к адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие заявителей и их представителя, поскольку они своевременно получили Заключение Квалификационной комиссии, ознакомились с ним, выразили свою позицию, а положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Адвокат Т. в заседании Совета сообщил, что получил Заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами Комиссии согласен. Отвечая на вопросы членов Совета, до-

полнительно сообщил, что он недавно стал членом Адвокатской палаты города Москвы, переехав из г. К., вел себя неосмотрительно в части оформления документов и выстраивания отношения с доверителями. За 23 года адвокатской деятельности он ни разу не привлекался к дисциплинарной ответственности и добивался вынесения оправдательных приговоров. Полагает, что его действия не причинили вреда К.Р., поскольку последний не остался без защиты. Его права и интересы защищал другой адвокат – Ч. Он же изначально не хотел вступать в это уголовное дело в качестве защитника и принимать участие в волоките. В связи с этим считает, что отсутствуют основания для применения в отношении него меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Просит Совет отнестись к нему снисходительно.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката Т., Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 10 октября 2023 г. в К. городской суд Владимирской области поступило уголовное дело в отношении О., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 210 УК РФ, и четырех преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, а также К.Р., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210 УК РФ и ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ.

20 октября 2023 г. по указанному уголовному делу проведено предварительное слушание, в которое явился адвокат Т., заявивший письменное ходатайство о «допуске» в качестве защитника К.Р. В обоснование этого ходатай-

ства адвокат Т. указал, что 13 сентября 2023 г. им было заключено «соглашение на представление интересов К.Р. в суде первой и апелляционной инстанций в качестве его защитника». В тот же день обвиняемый К.Р. заявил письменное ходатайство о допуске адвоката Т. к участию в уголовном деле в качестве его защитника.

В подтверждение принятия поручения на осуществление защиты К.Р. адвокат Т. представил ордер от 13 сентября 2023 г. № ... выданный ему К. городской коллегией адвокатов на осуществление защиты К.Р. с 13 сентября 2023 г. в судах первой и апелляционной инстанций. Основание выдачи данного ордера адвокатом Т. в ордере указано не было, однако в его корешке, представленном в материалы дисциплинарного производства К. городской коллегией адвокатов, в качестве основания выдачи ордера указано: «Согл. с...» [соглашение об оказании юридической помощи с Фондом. – *Примечание Совета*]. На выдачу указанного ордера на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного между адвокатом Т. и Фондом, указано также в письме председателя К. городской коллегии адвокатов Б., полученном в ответ на запрос Адвокатской палаты города Москвы. Вместе с тем как из указанного письма, так и из письма председателя М. городской коллегии адвокатов «...» Ч. от 29 августа 2024 г. следует, что соглашение об оказании юридической помощи, заключенное между адвокатом Т. и Фондом, не было зарегистрировано ни в документации К. городской коллегии адвокатов, членом которой адвокат Т. являлся на дату оформления указанного ордера, ни в документации М. городской коллегии адвокатов «...», в которой указанный адвокат осуществлял адвокатскую деятельность с 22 ноября 2023 г. по 24 июля 2024 г. Согласно

устным объяснениям адвоката Т. соглашение об оказании юридической помощи от 13 сентября 2023 г., предусматривающее оказание юридической помощи К.Р., было им изготовлено и передано для подписания доверителю – Фонду в двух экземплярах и впоследствии ему не было возвращено.

20 февраля 2024 г. адвокат Т. сообщил в судебном заседании, что защитник Ч. сломал ногу и готовится к операции. При обсуждении вопроса о продолжении судебного разбирательства в отсутствие защитника – адвоката Ч. подсудимый К.Р. просил об отложении судебного разбирательства. Указанное заявление поддержал адвокат Т., заявив следующее: *«В силу того, что я не участвовал на стадии предварительного следствия, а участвовал мой коллега Ч., они выработали способ защиты, свою правовую позицию. Я только вступил в это судебное дело на стадии судебного разбирательства. Полагаю, что мой коллега, который уже более года ведет это дело, с ним более-менее тесная связь имеется, выставлена [так указано в выписке из протокола судебного заседания. – Примечание Совета] правовая позиция, о которой я не знаю и не догадываюсь, поэтому я поддерживаю своего подзащитного в том, чтобы слушание дела отложить»*. Председательствующий постановил продолжить судебное заседание в отсутствие защитника Ч. ввиду того, что квалифицированной юридической помощью К.Р. обеспечен, поскольку один из его защитников участвует в судебном заседании. Впоследствии адвокатом Т. заявлено ходатайство о допуске в качестве защитника подсудимого К.Р. наряду с адвокатом иного лица – Р., которое было удовлетворено. В том же судебном заседании с его участниками, включая адвоката Т., судом было согласовано проведение судебного заседания в том

числе в следующие даты: 21 февраля, 5, 21, 25 марта и 1 апреля 2024 г.

В дальнейшем адвокат Т. в качестве защитника К.Р. принял участие в судебном заседании 21 февраля 2024 г.

Согласно выпискам из протокола судебного заседания от 5, 21 и 25 марта, 1 и 19 апреля 2024 г. адвокат Т. в судебное заседание не явился, доказательств уважительности причин своих неявок не представил.

18 апреля 2024 г. адвокат Т. подал в суд по электронной почте ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела его уведомления об отказе от исполнения соглашения возмездного оказания юридических услуг по защите К.Р., а также о рассмотрении данного ходатайства в суде 19 апреля 2024 г. без его участия *«в силу объявленного штормового предупреждения по Москве и Центральной России»*.

К указанному ходатайству были приложены копии следующих документов:

– уведомление адвоката Т. от 9 апреля 2024 г. об отказе от исполнения соглашения возмездного оказания юридических услуг, адресованное директору Фонда В., в котором было указано: *«13 сентября 2023 года между мной адвокатом К. городской коллегии адвокатов, именуемым в дальнейшем “Исполнитель” и Благотворительным фондом “...”, именуемым в дальнейшем “Заказчик”, было составлено соглашение и выписан ордер на представление интересов подсудимого К.Р. в суде в качестве его защитника. В соответствии с нормами ГК РФ, настоящим, уведомляю Вас о том, что адвокат Т. в одностороннем порядке расторгает вышеуказанное соглашение. Адвокат Т., состоящий в реестре Адвокатской палаты г. Москвы, просит считать указанное выше соглашение возмездного оказания юридических услуг от 13 сентября 2023 года расторгнутым с даты*

получения настоящего уведомления» (орфография и пунктуация сохранены. – *Примечание Совета*);

– письмо и.о. начальника государственной жилищной инспекции К. области Д. от 18 апреля 2024 г. № ... согласно которому «9-балльный шторм ожидается в Москве и Центральной России».

В судебном заседании 19 апреля 2024 г. председательствующий довел до сведения участников судебного заседания, что «согласно полученным накануне сведениям от адвоката Т., соглашение по защите адвокатом Т. К.Р. расторгнуто в одностороннем порядке», при этом адвокат Т. не может явиться в судебное заседание «из-за штормового предупреждения по Московской области и ряду других областей». В связи с неявкой в судебное заседание защитников К.Р. по соглашению – адвокатов Ч. и Т. подсудимому К.Р. в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, судом был назначен защитник – адвокат С. В этот же день с участием адвоката С. в порядке, установленном ст. 255 УПК РФ, срок содержания подсудимых О. и К.Р. под стражей продлен судом на три месяца. Апелляционную жалобу на это постановление суда защитник К.Р. – адвокат Т. не подавал.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в оказании адвокатом Т. юридической помощи К.Р. в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи, заключенного в письменной форме, Совет, основываясь на полном и правильном правовом обосновании, изложенном в заключении Квалификационной комиссии, приходит к выводу о том, что профессионально-этические предписания в части формализации отношений адвоката с доверителем были адвокатом Т. грубо нарушены. Последний признал отсутствие у него письменного соглашения об оказании юридической

помощи. Как указано выше, данное соглашение не было представлено в материалы дисциплинарного производства, оно также не было зарегистрировано и отсутствует в документации К. городской коллегии адвокатов, в которой адвокат Т. осуществлял адвокатскую деятельность на момент оформления ордера от 13 сентября 2023 г. на защиту К.Р. Не были адвокатом Т. приняты меры к устранению данного нарушения и после перехода в Адвокатскую палату города Москвы и учреждения Московской городской коллегии адвокатов «...», в документации которой данное соглашение также не зарегистрировано и не хранится. Эти обстоятельства подтверждаются письмами председателя К. городской коллегии адвокатов Б. и председателя Московской городской коллегии адвокатов «...» Ч. от 29 августа 2024 г., полученными в ответ на запросы Адвокатской палаты города Москвы.

Довод адвоката Т. о том, что соглашение об оказании юридической помощи К.Р. было им фактически составлено и передано в двух экземплярах в Фонд для подписания, однако впоследствии ему не возвращено, не подтвержден какими-либо доказательствами и не меняет оценки его профессионального поведения, поскольку адвокат во всех случаях обязан принять исчерпывающие меры для надлежащей формализации отношений с доверителем.

Как неоднократно указывали дисциплинарные органы адвокатского самоуправления города Москвы, в отсутствие письменного соглашения об оказании юридической помощи все разногласия, сомнения и противоречия трактуются в пользу доверителя, а ответственность как за ненадлежащее оформление отношений с доверителем, так и за оказание ему квалифицированной юридической помощи лежит

на адвокате как на профессиональном участнике этих правоотношений. Таким образом, Совет признает установленным, что адвокат Т. вступил 20 октября 2023 г. в уголовное дело в качестве защитника К.Р. и осуществлял его защиту в суде до 18 апреля 2024 г. в отсутствие письменного соглашения об оказании юридической помощи.

Вместе с тем Совет отмечает, что 22 сентября 2023 г. советом Фонда принято решение о выделении материальной помощи в размере ...руб. на оплату юридических услуг адвоката Т. с возложением на последнего обязанности передать К.Р. и К.В. под подпись копии заключенного с Фондом соглашения об оказании юридической помощи К.Р., а также финансовых документов за полученные денежные средства. Указанные сведения подтверждают непосредственное вступление Фонда в правоотношения с адвокатом Т. по оказанию юридической помощи К.Р. Кроме того, все существенные условия, связанные с защитой подсудимого К.Р. в К. городском суде Владимирской области, были заблаговременно согласованы между Фондом и адвокатом Т. до принятия советом Фонда решения о выделении денежных средств и передачи их адвокату Т. Последний также признал наличие у него договоренности с Фондом об оказании юридической помощи К.Р., а в своих упомянутых выше ходатайстве в суд и уведомлении директора Фонда В. прямо указал как о заключении, так и о последующем расторжении им в одностороннем порядке соглашения об оказании юридической помощи («соглашения возмездного оказания юридических услуг»), заключенного с Фондом на защиту К.Р. Учитывая, что на выдачу адвокату Т. ордера от 13 сентября 2023 г. «по соглашению» с Фондом указано в письме председателя К. городской коллегии адвокатов Б., Совет

приходит к выводу о том, что информация о заключении соглашения об оказании юридической помощи с Фондом адвокатом Т. была известна также и указанному адвокатскому образованию.

При таких обстоятельствах Совет признает установленным, что между адвокатом Т. и Р., действующей от имени Фонда, была достигнута устная договоренность об осуществлении защиты К.Р. «в судах первой и апелляционной инстанций». Приступив к осуществлению защиты К.Р. в отсутствие письменного соглашения об оказании юридической помощи, адвокат Т. как лицо, на котором лежала обязанность по надлежащей формализации правоотношений по оказанию юридической помощи, не исполнил профессиональные обязанности перед доверителем – Фондом надлежащим образом.

Доводы адвоката Т. о том, что не заключение письменного соглашения об оказании юридической помощи К.Р. с Фондом было связано с наличием у него доверительных отношений с сотрудниками Фонда, со сменой директора Фонда с 17 октября 2023 г. и с изменением им членства в Адвокатской палате К. области на членство в Адвокатской палате города Москвы в сентябре 2023 года, не влияют на оценку его профессионального поведения, поскольку адвокатом Т. не представлены какие-либо доказательства принятия мер к надлежащей формализации его отношений с Фондом вплоть до 18 апреля 2024 г., когда он уведомил суд о своем отказе от защиты К.Р. При этом риски негативных последствий отступления от профессионально-этических предписаний, включая невозможность или затруднительность дальнейшей формализации отношений с доверителем по общему правилу несет адвокат, допустивший такие отступления.

Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, пп. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителем – Фондом, выразившемся во вступлении при описанных обстоятельствах в уголовное дело в качестве защитника К.Р. и осуществлении его защиты без заключения письменного соглашения об оказании юридической помощи вплоть до фактического прекращения ее осуществления 18 апреля 2024 г.

Рассматривая группу дисциплинарных обвинений в неоприходовании денежных средств, полученных в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи К.Р., Совет отмечает, что согласно выписке из протокола внеочередного заседания совета Фонда от 22 сентября 2023 г. в указанном заседании было принято решение о выделении из средств Фонда материальной помощи в размере ...руб. «на оплату юридических услуг адвоката Т. по защите К.Р.», а также ...руб. «на оплату транспортных расходов адвоката Т., связанных с оказанием юридической помощи К.Р.».

Согласно доводам адвоката Т. в период принятия поручения на оказание юридической помощи К.Р. он осуществлял переход из Адвокатской палаты К. области в Адвокатскую палату города Москвы, в связи с чем обратился к Р. с просьбой о выплате ему вознаграждения за оказание юридической помощи К.Р. путем уплаты Фондом за него обязательного отчисления за первый месяц членства в Адвокатской палате города Москвы в размере ...руб. Фактически выплата указанного обязательного от-

числения за адвоката Т. была 26 сентября 2023 г. произведена К., действовавшим на основании доверенности, выданной Фондом. Совершение указанного платежа в его интересах в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи К.Р. адвокат Т. подтвердил в ходе дисциплинарного разбирательства.

Вместе с тем согласование адвокатом с доверителем конкретного способа получения вознаграждения за оказание юридической помощи не освобождает адвоката от исполнения универсальных предписаний п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Адвокат Т. был обязан в период действия соглашения об оказании юридической помощи внести в кассу либо на расчетный счет адвокатского образования сумму фактически выплаченного в его интересах вознаграждения, а также выдать доверителю финансовый документ по проведению операции с его денежными средствами (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Далее Совет отмечает, что в результате дисциплинарного разбирательства не было получено доказательств выплаты адвокату Т. Фондом, в том числе и через К.В., какого-либо вознаграждения помимо ...руб., уплаченных в интересах адвоката Т. в качестве обязательного отчисления за первый месяц членства в Адвокатской палате города Москвы. В заключении Квалификационной комиссии приведен подробный анализ совокупности обстоятельств, подтверждающий этот вывод, с которым Совет также соглашается.

Денежные средства в сумме ...руб., полученные адвокатом Т. тремя платежами в период с 12 октября 2023 г. по

28 января 2024 г. на счет банковской карты его дочери, были выплачены ему не в качестве вознаграждения, а в качестве компенсации расходов, связанных с оказанием юридической помощи.

В связи с этим Совет признает установленным факт получения адвокатом Т. вознаграждения за оказание юридической помощи К.Р. только в размере ...руб.

Согласно письмам председателя К. городской коллегии адвокатов Б. без даты и председателя Московской городской коллегии адвокатов «...» Ч. от 29 августа 2024 г. денежные средства в связи с оказанием адвокатом Т. юридической помощи К.Р. в кассу либо на расчетный счет указанных адвокатских образований не поступали.

Таким образом, предусмотренную п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» обязанность по оприходованию вознаграждения в размере ...руб. адвокат Т. не исполнил. Одновременно Совет отмечает, что соблюдение Фондом установленного порядка ведения наличных и безналичных расчетов предметом проверки в ходе настоящего дисциплинарного производства не является, в связи с чем соответствующие доводы адвоката Т. на профессионально-этическую оценку его поведения не влияют.

Дисциплинарные органы Адвокатской палаты города Москвы ранее уже неоднократно давали оценку фактам невнесения адвокатом в кассу или на расчетный счет адвокатского образования денежных средств, полученных от доверителя, и невыдачи доверителю документов по проведению операции с его средствами. Так, в Обзоре дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств

адвоката перед доверителем, а также в Обзоре дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за первое полугодие 2022 года по вопросам, связанным с исполнением адвокатом профессиональных обязанностей, указано следующее. Предусмотренная п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» публичная обязанность адвоката по внесению полученного вознаграждения на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования, применяемая в единстве с обязанностью адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), применительно к вопросам формализации отношений с доверителями означает обязанность адвоката обеспечивать получение доверителем финансовых документов, подтверждающих внесение денежных средств, уплаченных в счет вознаграждения адвоката, на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования. При этом действия и бездействие адвоката, выразившиеся в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, невыдаче доверителю документов по проведению операции с его средствами, подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации.

Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителем – Фондом, выразившемся в том, что, получив от него вознаграждение в размере ...руб. за осуществление защиты К.Р. в форме совершения 26 сентября 2023 г. в интересах адвоката Т. обязательного отчисления за первый месяц членства в Адвокатской палате города Москвы, адвокат Т. не внес полученное вознаграждение в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдал доверителю финансовых документов по проведению операций с его денежными средствами (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Переходя к рассмотрению дисциплинарного обвинения в самоустрашении адвоката Т. от осуществления защиты К.Р. с марта 2024 года и в последующем его отказе от принятой на себя защиты К.Р., Совет принимает во внимание установленные и описанные выше обстоятельства вступления адвоката Т. в уголовное дело в отношении О. и К.Р. в качестве защитника К.Р., а также выражения К.Р. в письменной форме 20 октября 2023 г. волеизъявления на осуществление его защиты адвокатом Т. Таким образом, адвокат Т. принял поручение на осуществление защиты К.Р. в уголовном судопроизводстве, а потому на него в полной мере распространялись как общие предписания подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Рос-

сийской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 1, 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и запрет на отказ от принятой на себя защиты, установленный подп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката и ч. 7 ст. 49 УПК РФ.

Вне зависимости от установленных в результате дисциплинарного разбирательства нарушений требований о надлежащей формализации правоотношений по оказанию юридической помощи адвокат Т., приняв с согласия К.Р. его защиту, был обязан обеспечить неукоснительное соблюдение как вышеуказанных норм, так и требований Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, содержащего минимальные требования к профессиональной деятельности адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу.

В частности, указанный стандарт предусматривает, что адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу. В этих целях адвокат, в том числе, «принимает меры к выяснению существа обвинения или подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться» (подп. «а» п. 5 Стандарта). Пункт 8 Стандарта предписывает, что в процессе осуществления защиты адвокат: консультирует подзащитного и разъясняет ему процессуальные права и обязанности, применяемые по делу нормы материального и процессуального права (подп. «а» п. 8 Стандарта); оказывает подзащитному помощь в ознакомлении с материалами дела, в написании ходатайств, жалоб и иных процессуальных документов или готовит

их самостоятельно (подп. «б» п. 8 Стандарта); использует иные средства и способы защиты, не запрещенные законодательством (подп. «в» п. 8 Стандарта). Согласно п. 9 Стандарта адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного. Пункт 10 Стандарта предусматривает, что защитник участвует в следственных и процессуальных действиях, проводимых с участием подзащитного либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника, а также в судебных заседаниях по уголовному делу, за исключением случаев, когда такое участие не является обязательным в силу закона и отсутствия просьбы подзащитного. Защитник должен знакомиться с протоколами процессуальных действий, проводимых с его участием, на всех стадиях уголовного процесса и при необходимости приносить на них замечания. Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты. При этом согласно п. 17 Стандарта адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты и участвует в уголовном деле до полного исполнения принятых им на себя обязательств, за исключением случаев, предусмотренных законодательством и (или) разъяснениями Комиссии Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов.

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, с момента вступления 20 октября 2023 г. в уголовное дело в качестве защитника К.Р. адвокат Т. принял участие в предвари-

тельном слушании 20 октября 2023 г. и в трех последующих судебных заседаниях – 11 декабря 2023 г., 20 и 21 февраля 2024 г., после чего перестал являться в судебное заседание, несмотря на согласование с ним судом дат судебного заседания.

Заблаговременное уведомление адвоката Т. о датах судебных заседаний по уголовному делу подтверждается выпиской из протокола судебного заседания от 20 февраля 2024 г.: в указанном судебном заседании с участием адвоката Т. судом было согласовано проведение судебного заседания в том числе 5, 21 и 25 марта и 1 апреля 2024 г. Однако судья по выпискам из протокола судебного заседания в эти дни адвокат Т. в судебное заседание не явился, не представив доказательств уважительности причин своих неявок ни суду, ни в материалы дисциплинарного производства. Адвокат Т. объяснил такое поведение требованиями защитников К.Р. – Р. и адвоката Ч. о затягивании судебного разбирательства вплоть до момента выздоровления адвоката Ч., находившегося на стационарном лечении. Совет также учитывает, что согласно вышеуказанным выпискам из протокола судебного заседания подсудимый К.Р. последовательно возражал против рассмотрения уголовного дела в отсутствие его защитника Ч. Однако ни указанная позиция подсудимого, ни предполагаемые требования других его защитников ни в коей мере не освобождали адвоката Т. от обязанности являться в судебные заседания для осуществления защиты К.Р., особенно принимая во внимание, что согласно ч. 3 ст. 50 УПК РФ в условиях неявки приглашенных К.Р. защитников суд был вправе предложить К.Р. пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению ему защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

Приведенные выше доводы адвоката Т. в поддержку позиции его подзащитного К.Р. о невозможности продолжения судебного заседания в отсутствие адвоката Ч., содержащиеся в протоколе судебного заседания от 20 февраля 2024 г., лишь подчеркивают его стремление к уклонению от надлежащего исполнения профессиональных обязанностей защитника. Так, в обоснование указанной позиции адвокат Т. заявил суду, что он *«не участвовал на стадии предварительного следствия»*, тогда как подсудимый К.Р. и осуществлявший его защиту со стадии предварительного расследования адвокат Ч. *«выработали способ защиты, свою правовую позицию»*, о которой адвокат Т. *«не знает и не догадывается»*. Более того, адвокат Т. фактически подтвердил, что вступил в уголовное дело в качестве защитника К.Р. как *«свадебный генерал»*, поскольку *«всю стратегию и тактику своей защиты К.Р. определял с адвокатом Ч.»*.

Таким образом, вместо незамедлительного согласования со своим доверителем позиции по делу, как это предписано вышеприведенными обязательными профессионально-этическими требованиями, адвокат Т. с 21 февраля 2024 г. фактически самоустранился от осуществления защиты К.Р. и участия в судебных заседаниях под явно надуманным и противоречащим профессионально-этическим требованиям предлогом.

Отдельную оценку Совет считает необходимым дать обстоятельствам неявки адвоката Т. в судебное заседание 19 апреля 2024 г. после представления в суд 18 апреля 2024 г. по электронной почте описанного выше ходатайства о приобщении к материалам уголовного дела его уведомления об отказе от исполнения соглашения возмездного оказания юридических услуг, а также о рас-

смотрении данного ходатайства в суде 19 апреля 2024 г. без его участия «в силу объявленного штормового предупреждения по Москве и Центральной России». Указанное ходатайство он рассматривает как ходатайство об освобождении от осуществления защиты К.Р. При этом с момента подачи указанного ходатайства адвокат Т. осуществление защиты К.Р. прекратил.

Между тем в материалах дисциплинарного производства отсутствуют (в том числе не поступили из суда в ответ на соответствующий запрос Адвокатской палаты города Москвы) как заявление К.Р. об отказе от защитника Т., так и процессуальное решение об освобождении адвоката Т. от осуществления защиты К.Р. Согласно выписке из протокола судебного заседания от 19 апреля 2024 г. после доведения судом до участников судебного разбирательства сведений о поступлении в суд от адвоката Т. вышеуказанного ходатайства защитник К.Р. – Р. сообщила: *«Расторжения не было. Я общалась вчера с директором фонда. Обязательства по защите К.Р. остались»*.

Совет отмечает, что приложенное к вышеуказанному ходатайству адвоката Т. его уведомление директора Фонда В. от 9 апреля 2024 г. об отказе от исполнения соглашения возмездного оказания юридических услуг не содержит ссылок на неисполнение Фондом обязательств перед адвокатом Т., равно как и сведений о каких-либо иных причинах принятия адвокатом Т. решения о расторжении соглашения об оказании юридической помощи, а сводится лишь к констатации факта расторжения соглашения об оказании юридической помощи адвокатом Т. в одностороннем порядке по своей инициативе. При этом, как указано выше, адвокат Т. вступил в уголовное дело на основании соглашения об оказании юридической

помощи, заключенного в устной форме с Фондом в пользу К.Р. Последний 20 октября 2023 г. письменно выразил согласие на осуществление его защиты адвокатом Т., который к оказанию юридической помощи приступил.

В соответствии с п. 1 ст. 430 ГК РФ договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу. При этом согласно п. 2 ст. 430 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица.

Учитывая, что адвокат Т. не получил согласие К.Р. на расторжение соглашения об оказании юридической помощи, заключенного в интересах последнего, указанное соглашение во всяком случае не могло быть расторгнуто по инициативе адвоката в одностороннем порядке еще и по этой причине.

В результате дисциплинарного разбирательства не установлено и наличие прочих условий, необходимых для расторжения соглашения об оказании юридической помощи по инициативе адвоката, предусмотренных Разъяснением Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 6 декабря 2022 г. по вопросам применения п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката (утверждено Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 декабря 2022 г.).

При этом адвокат Т., являющийся профессиональным участником право-

отношений с доверителем, не мог не знать, что по общему правилу расторжение соглашения об оказании юридической помощи ликвидирует само основание участия адвоката в уголовном судопроизводстве в силу общего правила о последствиях расторжения гражданско-правового договора, установленного п. 2 ст. 453 ГК РФ.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что, подав 18 апреля 2024 года в К. городской суд Владимирской области ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела в отношении подсудимого К.Р. уведомления от 9 апреля 2024 г. об отказе от исполнения соглашения возмездного оказания юридических услуг от 13 сентября 2023 г., в котором сообщалось о расторжении данного соглашения в одностороннем порядке, адвокат Т. фактически отказался от принятой на себя защиты К.Р.

В результате указанных действий адвоката Т. 19 апреля 2024 г. подсудимому К.Р. судом в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, был назначен защитник – адвокат С., после чего с его участием был продлен срок содержания К.Р. под стражей в порядке, предусмотренном ст. 255 УПК РФ.

Совет в этой связи подчеркивает, что и Фонд, заключивший с адвокатом Т. соглашение об оказании юридической помощи, и К.Р., являвшийся получателем этой помощи, были вправе рассчитывать на исполнение адвокатом Т. поручения в полном объеме, а потому вправе предъявлять к нему претензии в связи с самоустранением от исполнения принятого поручения об оказании юридической помощи в виде защиты по уголовному делу.

Ссылки адвоката Т. на возникновение у него с Фондом конфликта, связанного с оказанием юридической помощи по другим делам, не влияет на оценку

его профессионального поведения, результатом которого явилось оставление подсудимого К.Р., даже не являвшегося участником предполагаемого конфликта, без защиты вопреки его воле. При этом, как описано выше, адвокат Т. получил от доверителя как вознаграждение за исполнение принятого поручения, так и компенсацию затрат, связанных с его исполнением.

Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 6 п. 4 ст. 6, подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12, п. 2 ст. 13, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. 5, 8, 9, 10, 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителями – Фондом и К.Р., выразившемся в том, что, приняв не позднее 13 сентября 2023 г. поручение на осуществление защиты К.Р., адвокат Т. вначале самоустранился от осуществления его защиты подсудимого в судебных заседаниях 5, 21, 25 марта и 1 апреля 2024 г., а с 18 апреля 2024 г. отказался от принятой на себя защиты К.Р. под предлогом расторжения им в одностороннем порядке соглашения об оказании юридической помощи, заключенного между ним Фондом на защиту К.Р. в уголовном судопроизводстве.

При этом Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, не усматривает оснований для формулирования самостоятельных выводов по доводам К.Р. о нарушении указанными действиями адвоката Т. положений подп. 1, 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также о необжаловании адвокатом Т. постановления К. городского суда Владимирской области

от 19 апреля 2024 г. о продлении срока содержания О. и К.Р. под стражей, поскольку вывод об отказе адвоката Т. от защиты К.Р. полностью охватывает указанные претензии К.Р.

Не усматривает Совет оснований и для рассмотрения прочих претензий к качеству оказанной адвокатом Т. юридической помощи, изложенных в дополнительной жалобе Фонда от 29 августа 2024 г., поскольку получателем юридической помощи адвоката Т. являлся доверитель К.Р., который таких дисциплинарных обвинений не выдвигал. При этом, по смыслу положений ст. 6.1, п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, претензии к качеству юридической помощи, оказанной адвокатом, осуществляющим защиту по соглашению, вправе предъявлять лишь доверитель, являющийся получателем этой помощи. В связи с этим дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

По этому же основанию подлежит прекращению дисциплинарное производство в части доводов заявителя К.В., поскольку она не может рассматриваться ни в качестве доверителя, заключившего с адвокатом Т. соглашение об оказании юридической помощи, ни в качестве доверителя, являющегося получателем юридической помощи. Сведения о ведении К.В. с адвокатом Т. переговоров об осуществлении защиты К.Р., отраженные в протоколе опроса К.В. адвокатом Ч. от 29 августа 2024 г., не являются достаточным доказательством достижения адвокатом Т. устной договоренности об оказании юридической помощи именно с К.В. Из материалов дисциплинарного производства следует, что организацию оказания юридической помощи К.Р. осуществ-

влял Фонд, с представителями которого адвокат Т. согласовывал предмет принимаемого поручения, размер и порядок выплаты ему вознаграждения. Кроме того, именно директору Фонда В. адвокат Т. адресовал описанное выше уведомление от 9 апреля 2024 г. об отказе от исполнения «соглашения возмездного оказания юридических услуг» от 13 сентября 2023 г. Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о том, что К.В. доверителем адвоката Т. не являлась, а потому в части ее доводов настоящее дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Требование об обязанности адвоката Т. возратить выплаченные ему денежные средства в размере ...руб. также не может быть рассмотрено в настоящем дисциплинарном производстве. Споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи дисциплинарным органам адвокатской палаты субъекта Российской Федерации не подведомственны, поскольку находятся за пределами их компетенции. В случае возникновения разногласий относительно размера вознаграждения все спорные вопросы между адвокатом и доверителем разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Т. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их умышленный, тяжкий и злобный характер, сопряженный с явным и грубым игнорированием адвокатом обязательных и основополагающих профессиональных требований как по оформлению правоотношений с дове-

рителем, так и по осуществлению защиты по уголовному делу. Игнорирование адвокатом императивного нормативного запрета о невозможности отказа от принятой на себя защиты доверителя по уголовному делу наносит существенный вред как его правам и интересам, так и авторитету адвокатуры, и ни при каких обстоятельствах не может быть допустимым в силу явной несовместимости такого профессионального поведения со статусом адвоката.

Совет учитывает стаж работы адвоката Т., отсутствие у него предыдущих дисциплинарных взысканий и признание им допущенных нарушений при завершении дисциплинарного разбирательства.

Однако совокупность достоверно установленных и описанных выше обстоятельств, характеризующих профессиональное поведение адвоката Т., убедительно показывает, что он не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, а при осуществлении профессиональной деятельности преследует ненадлежащие цели, не соответствующие назначению адвоката.

При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката Т. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет не усматривает оснований для применения к адвокату Т. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что остав-

ление Т. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершенные им грубые нарушения профессиональных правил совместимы со статусом адвоката.

В соответствии с подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката, неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Т. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности Т., считает необходимым установить этот срок в 2 (два) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, пп. 4–5, подп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18, подп. 1, 8 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

1) ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1, 4 п. 1

ст. 7, пп. 1, 2, 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем – Фондом (разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу; вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением), выразившееся в том, что он:

приняв не позднее 13 сентября 2023 г. на основании устной договоренности с представителями Фонда поручение на осуществление защиты К.Р. в судах первой и апелляционной инстанций по уголовному делу в отношении О. и К.Р., находящемуся в производстве К. городского суда Владимирской области, 20 октября 2023 г. вступил в данное уголовное дело и осуществлял защиту К.Р. без заключения письменного соглашения об оказании юридической помощи вплоть до фактического прекращения ее осуществления 18 апреля 2024 г.;

получив от доверителя Фонда вознаграждение в размере ...руб. за осу-

ществование защиты К.Р. в судах первой и апелляционной инстанций указанному уголовному делу в отношении О. и К.Р. в форме совершения 26 сентября 2023 г. в интересах адвоката Т. обязательного отчисления за первый месяц членства в Адвокатской палате города Москвы на общие нужды палаты не внес полученное вознаграждение в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдал доверителю финансовый документ по проведению операций с его денежными средствами (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

2) неисполнение, вопреки предписаниям подп. 6 п. 4 ст. 6, подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12, п. 2 ст. 13, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства... следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пре-

делах их компетенции) во взаимосвязи с пп. 5, 8, 9, 10, 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., профессиональных обязанностей перед доверителями – Фондом и К.Р., выразившееся в том, что, приняв не позднее 13 сентября 2023 г. поручение на осуществление защиты К.Р. в судах первой и апелляционной инстанций по указанному уголовному делу в отношении О. и К.Р., он:

самоустранился от осуществления защиты подсудимого К.Р. в судебных заседаниях упомянутого суда, состоявшихся 5, 21, 25 марта и 1 апреля 2024 г.;

с 18 апреля 2024 г. отказался от принятой на себя защиты подсудимого К.Р. по данному уголовному делу под предлогом расторжения им в одностороннем порядке соглашения об оказании юридической помощи, заключенного между ним и Фондом на защиту К.Р. в уголовном судопроизводстве.

Установить срок, по истечении которого Т. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 2 (два) года.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Т. по жалобам К.Р. и К.В. от 17 мая 2024 г. и жалобам Фонда от 13 29 августа 2024 г., в части доводов заявителя К.В. и Фонда об оказании адвокатом Т. неквалифицированной юридической помощи К.Р. – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

1.13. Адвокат получил предупреждение за то, что без согласия доверителя заявил от его имени отказ от иска.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием заявителя Б. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-

связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам Б. от 27 июня и 29 августа 2024 г. в отношении адвоката Х.

Квалификационная комиссия 11 сентября 2024 г. вынесла Заключение:

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. 1 и 2 ст. 973 ГК РФ, исполнении адвокатом Х. профессиональных обязанностей перед доверителем Б., что выразилось в том, что 23 ноября 2023 г. в судебном заседании М. районного суда г. Москвы по гражданскому делу адвокат Х., не поставив в известность доверителя Б. и не получив ее одобрения, заявил от ее имени отказ от иска, в связи с чем судом было вынесено определение о прекращении производства по делу;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Х. по жалобам Б., в части ее утверждения о том, что адвокат Х., злоупотребив ее доверием и вступив в сговор с Т. и ответчиками по гражданскому делу, получил от ответчиков денежные средства за подачу заявления от ее имени об отказе от иска, в чем Б. усматривает признаки совершения адвокатом Х. уголовно наказуемого деяния (мошенничества), вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Заявитель Б. в заседании Совета полностью согласилась с заключением Квалификационной комиссии, пояснила, что в судебном заседании 23 ноября 2023 г., в котором она не присутствовала, адвокат Х. без согласования с ней заявил ходатайство об отказе от иска. В результате отказ от иска был принят судом, а производство по ее гражданскому делу было прекращено. Никаких указаний адвокату Х. об отказе от иска заявитель Б. не давала. Заявитель по-

просила Совет применить к адвокату Х. меру дисциплинарной ответственности с учетом нарушений, установленных Квалификационной комиссией.

Адвокат Х., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, причину неявки не сообщил, каких-либо ходатайств не заявил, участие представителя не обеспечил, свою позицию по отношению к выводам Квалификационной комиссии не выразил. Принимая во внимание указанные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося адвоката Х.

Рассмотрев данное дисциплинарное производство, выслушав заявителя, Совет соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

4 сентября 2023 г. адвокат Х. и Б. заключили соглашение об оказании юридической помощи, согласно условиям которого адвокат Х. должен был оказывать заявителю юридическую помощь в качестве представителя в М. районном суде г. Москвы по ее гражданскому делу и в МУ МВД России («...») по заявлению, зарегистрированному 21 марта 2023 г. № ...

По гражданскому делу, в котором рассматривался иск Б. к ответчикам А. и ООО «...», 23 ноября 2023 г. состоялось судебное заседание, в которое

Б. не явилась, а адвокат Х., действуя в качестве ее представителя, заявил отказ истца от иска, не согласовав данное действие со своей доверительницей Б. В жалобе заявитель Б. выдвинула предположение о том, что адвокат Х. совместно с Т., договорившись с противоположной стороной и получив от ответчиков А. и ООО «...» денежные средства за отказ от иска, злоупотребив доверием Б., совершил в отношении нее мошеннические действия.

В соответствии с п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Следовательно, действия адвоката должны осуществляться только в интересах доверителя.

Адвокат не может действовать в интересах представляемого им лица, не убедившись, что оно согласно с такими действиями, что прямо следует как из общих положений подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», так и из положений п. 5 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат Х. в ходе дисциплинарного производства пояснил, что Б. через своего представителя Т. обратилась к нему за правовой помощью в связи с тем, что после смерти ее сына Б.С. принадлежавшее ему движимое имущество (несколько промышленных станков) удерживалось третьим лицом. Спорное имущество находилось в цехе в арендованном помещении, принадлежащем гражданину А. и его фирме ООО «...». Т. поручил адвокату Х. подготовить и подать в суд заявление об отказе от

иска. Х. подготовил заявление, Т. на нем написал: «Прошу заявить отказ от иска», после чего расписался. У Т., по мнению адвоката Х., было полномочие заявлять отказ от иска согласно нотариальной доверенности от Б. По мнению адвоката Х., отказ от иска в данной ситуации соответствовал интересам Б. Перед судебным заседанием 23 ноября 2023 г. он связался по телефону с Б., которая заявила, что дальше судиться не имеет смысла.

Вместе с тем адвокат Х. ничем не подтвердил не только содержание, но и сам факт таких телефонных переговоров с Б. вплоть до 23 ноября 2023 г., ответив отказом на предложение Квалификационной комиссии представить такие доказательства. В свою очередь, Б. отрицает факт таких переговоров и дачи адвокату Х. согласия на отказ от иска.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, отклоняет как голословный довод адвоката Х. о согласовании отказа от иска с Б.

Совет в этой связи отмечает, что отказ от иска является одним из важных распорядительных процессуальных прав истца, которое может быть реализовано адвокатом-представителем не по своему личному усмотрению, а только по согласованию непосредственно с доверителем, в интересах которого заявлен иск. Согласно положениям пп. 1 и 2 ст. 973 ГК РФ поверенный обязан исполнять данное ему поручение в соответствии с указаниями доверителя, и он вправе отступить от указаний доверителя, если по обстоятельствам дела это необходимо в интересах доверителя и поверенный не мог предварительно запросить доверителя либо не получил в разумный срок ответа на свой запрос. Поверенный обязан уведомить доверителя о допущенных отступлениях, как

только уведомление стало возможным. Однако таких исключительных обстоятельств, позволяющих адвокату Х. отказаться от иска без согласования с доверителем Б., в результате дисциплинарного разбирательства не установлено.

Подпунктом 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката определено, что адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, что означает в рассматриваемой ситуации необходимость получения согласия от доверителя на совершение такого важного процессуального действия, как отказ от исковых требований.

Адвокат Х., действуя честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно, безусловно, должен был предоставить доверителю Б. все необходимые сведения о таких изменениях, проконсультировать ее по юридическим вопросам, связанным с дальнейшим рассмотрением ее иска судом, и предложить, исходя из изменившейся ситуации, возможные способы дальнейших действий.

Кроме того, на основании ст. 39 ГПК РФ истец вправе изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований либо отказаться от иска. Однако впоследствии повторная подача иска с указанием исковых требований, которые были указаны в предыдущем иске, невозможна в силу ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, согласно которой судья отказывает в принятии искового заявления в случае, если имеется вступившее в законную силу решение суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям или определение суда о прекращении производства по делу в связи с принятием отказа истца от иска.

Таким образом, адвокат Х. своими не согласованными с доверителем Б. процессуальными действиями лишил ее права также и на повторное предъявление иска к тем же лицам и по тем же основаниям.

При этом адвокат Х. не привел законных оснований, которые бы предоставляли ему право отказаться от иска без получения непосредственно от своего доверителя Б. письменного распоряжения на этот счет.

Руководствуясь подп. 2 п. 1 ст. 9 и п. 5 ст. 15 Кодекса о профессиональной этике адвоката, которыми предписано, что адвокат должен занимать позицию в деле, соответствующую интересам доверителя, и имея обязанность по соглашению оказать доверителю Б. квалифицированную юридическую помощь, адвокат Х. должен был свое процессуальное действие по отказу от иска надлежащим образом согласовать именно со своим доверителем Б. – истцом по делу. Согласование этого действия с какими-либо иными лицами не меняет оценки профессионального поведения адвоката Х., поскольку такое согласование в любом случае не освобождало его от обязанности получить ясно выраженное согласие Б., интересы которой он представлял.

С учетом установленных обстоятельств Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. 1 и 2 ст. 973 ГК РФ, исполнении адвокатом Х. профессиональных обязанностей перед доверителем Б. при описанных обстоятельствах. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Х. в данной части опровергнутой, а его вину в со-

вершении указанного дисциплинарного нарушения установленной.

К иному выводу пришел Совет при оценке предположительного довода заявителя о том, что адвокат Х. совместно с Т., договорившись с противоположной стороной и получив от ответчиков А. и ООО «...» денежные средства за отказ от иска, злоупотребив доверием Б., совершил в отношении нее мошеннические действия.

Разъяснением Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 28 января 2016 г. (Протокол № 3), предусмотрено, что пределы компетенции квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты ограничены установлением в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применением к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается УПК РФ (ст. 1 УПК РФ). Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, установленном УПК РФ, а дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению в связи с отсутствием допустимого повода для его возбуждения.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисципли-

нарной ответственности в отношении адвоката Х. за допущенное нарушение, Совет учитывает его грубый и умышленный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом обязательных требований законодательства об адвокатской деятельности и профессиональной этики. Совет также принимает во внимание причиненный дисциплинарным проступком адвоката вред правам и интересам заявителя. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет полагает необходимым применить к адвокату Х. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Х. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 1 и 2 ст. 973 ГК РФ, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившееся в том, что 23 ноября 2023 г. в судебном заседании М. районного суда г. Москвы по гражданскому делу он, не поставив в известность доверителя Б. и не получив ее одобрения, заявил от ее имени отказ от иска, в связи с чем судом было вынесено определение о прекращении производства по делу.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Х. по жалобам Б., в части ее утверждения о том, что адвокат Х., злоупотребив ее доверием и вступив в сговор с Т. и ответчиками по гражданскому делу, получил от ответчиков денежные средства за

подачу заявления от ее имени об отказе от иска, в чем Б. усматривает признаки совершения адвокатом Х. уголовно наказуемого деяния (мошенничества), вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

1.14. Совет объявил предупреждение адвокату, который не разъяснил подзащитному его право на приглашение защитника по соглашению, не ознакомился с материалами дела и подписал протокол допроса доверителя без учета его позиции.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием адвоката Ш., представителя заявителя П.К. – адвоката П.Г. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе П.К. от 24 мая 2024 г. в отношении адвоката Ш.

Квалификационная комиссия 11 сентября 2024 г. вынесла Заключение:

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению» и подп. «а» п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, исполнении адвокатом Ш. профессиональных обязанностей перед доверителем П.К. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя), что выразилось: 1) в принятии им участия 28 июня 2023 г. в предъявлении П.К. обвинения и его допросе в качестве обвиняемого в условиях нарушения права П.К. на свободный выбор защитника; 2) в отказе от фиксации в протоколе допроса

обвиняемого П.К. от 28 июня 2023 г. мотивированной позиции последнего по отказу от подписания данного процессуального документа и самостоятельном подписании указанного протокола без каких-либо заявлений и замечаний относительно хода проведения этого процессуального действия; 3) в осуществлении 28 июня 2023 г. на стадии предварительного расследования защиты П.К. без ознакомления с материалами уголовного дела, с которыми он имел право ознакомиться при вступлении в уголовное дело в качестве защитника обвиняемого П.К. по назначению следователя в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ш. по жалобе П.К. от 24 мая 2024 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Ш. в заседании Совета пояснил, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлен и согласен. После ознакомления с заключением признает, что допустил отмеченные в нем нарушения. Обязуется пересмотреть свое профессиональное поведение

ние и впредь подобных нарушений не допускать.

Заявитель П. К., извещенный надлежащим образом, содержится под стражей, на рассмотрении жалобы с его участием не настаивал, обеспечил участие представителя.

Представитель заявителя П.К. – адвокат П.Г. в заседании Совета пояснил, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлен и согласен. Считает, что адвокатом Ш. нарушены требования Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката. По поручению своего доверителя П.К. настаивает на применении к адвокату Ш. меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Представитель заявителя – адвокат Е., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, письменно уведомил о получении заключения Квалификационной комиссии, просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие.

Руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев дисциплинарное производство, заслушав адвоката Ш. и представителя заявителя – адвоката П.Г., Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

26 января 2018 г. следователем СЧ по РОПД СУ УВД по ...ГУ МВД России по г. Москве в отношении неустановленных лиц было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. 26 июня 2023 г. следователем указанного следственного органа К. по данному уголовному делу было вынесено постановление о привлечении П.К. в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. К этому моменту П.К. содержался в ФКУ СИЗО... УФСИН России по г. Москве в связи с назначенным ему 9 декабря 2020 г. С. городским судом Московской области по совокупности приговоров наказанием в виде 10 лет 2 месяцев лишения свободы.

20 июня 2023 г. в помещении следственного кабинета № ... ФКУ СИЗО... УФСИН России по г. Москве следователем К. «в присутствии адвоката Е.» обвиняемому П.К. было вручено уведомление следующего содержания: *«Настоящим уведомляю, что 26 июня 2023 года обвиняемому П.К. ...года рождения будет предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ по уголовному делу № ... Также разъясняю, что обвиняемый П.К. вправе самостоятельно пригласить защитника либо ходатайствовать перед следователем об обеспечении защитника в порядке ст. 51 УПК РФ».*

Данное уведомление содержит рукописную запись о его получении «на руки» П.К. 20 июня 2023 г., в 11.25 час., а также рукописную запись следователя К. о вручении данного уведомления в присутствии адвоката Е.

23 июня 2023 г. адвокатом Е. оформлен ордер № ... в соответствии с которым им принято поручение на защиту П.К. на стадии «предварительного следствия» в СЧ по РОПД СУ УВД по

...ГУ МВД России по г. Москве. Оригинал данного ордера был представлен следователю К. 28 июня 2023 г.

25 июня 2023 г. адвокатом Е. подано адресованное следователю К. ходатайство о принятии защиты П.К. по указанному уголовному делу. В ходатайстве содержалась информация об осведомленности адвоката Е. о том, что на 26 июня 2023 г. «без указания времени производства следственного действия» назначено предъявление обвиняемому П.К. обвинения, и указано, что адвокат Е. не сможет принять участие в этих действиях в указанный день в связи с иной профессиональной занятостью *«в ранее назначенных на эту дату судебных заседаниях Л. районного суда города Смоленска, К. районного суда Смоленской области, стороной которых является также и П.К., участие которого в судебных заседаниях будет обеспечиваться путем видеоконференц-связи, в связи с чем вывод его в следственный кабинет невозможен».*

Дополнительно адвокатом Е. в ходатайстве указывалось, что в связи с объявлением с 24 июня 2023 г. в г. Москве режима контртеррористической операции (КТО) 26 июня 2023 г. распоряжением мэра г. Москвы объявлено нерабочим днем. В этой связи адвокат Е. просил следователя перенести проведение следственных и иных процессуальных действий с обвиняемым П.К. *«на более позднюю дату»*, а в целях *«недопущения нарушения права на защиту П.К. ...заблаговременно уведомить... о необходимости явки в ФКУ СИЗО... УФСИН России по городу Москве с указанием даты и времени планируемого следственного действия».*

Каких-либо данных о получении этого ходатайства следователем К. не имеется.

В целях обеспечения 26 июня 2023 г. обвиняемого П.К. защитником по на-

значению следователя 22 июня 2023 г., в 18.43 час., следователем К.К. в АИС АПМ была размещена заявка № ... которая в 22.05 час. того же дня была распределена адвокату Ш.

26 июня 2023 г. председателем Коллегии адвокатов «...» адвокату Ш. был выдан ордер № ... с предметом поручения – защита с *«26 июня 2023 года П.К. в ...отделе СЧ ...ГУ МВД России по г. Москве»* и основанием выдачи – *«ст. 51 УПК РФ».*

Постановлением следователя К. от 26 июня 2023 г. обвиняемому П.К. назначен защитник – адвокат Ш., представивший указанный ордер.

Как следует из рапорта следователя К. (без даты), в связи с невозможностью проведения следственных и иных процессуальных действий с обвиняемым П.К. 26 июня 2023 г. следователем в адрес адвоката Е. было направлено уведомление о проведении таких *«действий 27 и 28 июня 2023 года и иные даты, однако Е. в указанное время не явился, о невозможности явки в указанные даты не сообщил. На неоднократные звонки не ответил».*

28 июня 2023 г. следователь К. в ФКУ СИЗО... УФСИН России по г. Москве с участием адвоката Ш. предъявил П.К. обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, а также допросил последнего в качестве обвиняемого. При этом до участия в указанных процессуальных действиях адвокат Ш. с материалами уголовного дела, которые должны были предъявляться защитнику, незнакомился, мерк такому ознакомлению не принимал.

В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого П.К. указал, что это постановление ему предъявлено в отсутствие адвоката. Кроме того, П.К. 28 июня 2023 г. подал следователю К. рукописное заявление об отказе от юридической помощи защитника по назна-

чению следователя – адвоката Ш. и о заключении соглашения с адвокатом Е. При допросе в качестве обвиняемого П.К. заявил, что показания желает давать после консультации с адвокатом Е., от подписания протокола допроса отказался. Адвокат Ш. данный протокол подписал без замечаний, каких-либо заявлений или ходатайств не подал.

В этот же день после выполнения указанных процессуальных действий следователь К. удовлетворил заявление П.К. об отказе от защитника – адвоката Ш.

Заявитель П.К. выдвигает в отношении адвоката Ш. дисциплинарное обвинение в том, что тот вступил в уголовное дело в качестве его защитника по назначению при наличии у него защитника по соглашению, принимал участие в следственных и иных процессуальных действиях в качестве его защитника по назначению помимо его воли, не ознакомившись с материалами уголовного дела, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться, и не посетив его предварительно в следственном изоляторе. Кроме того, П.К. в жалобе указывает, что адвокатом Ш. допущены нарушения при заполнении ордера, и что в ходе последующей встречи в следственном изоляторе адвокат Ш. выругался в его адрес нецензурной бранью.

Представитель заявителя П.К. – адвокат Е. в ходе дисциплинарного производства пояснял, что вступил в уголовное дело в качестве защитника П.К. по соглашению только 28 июня 2023 г., после проведения с участием П.К. и адвоката Ш. указанных выше процессуальных действий. Именно 28 июня 2023 г. адвокат Е. передал следователю подлинник ордера, до этого он отправлял ходатайство и копию ордера на служебный электронный адрес следователя К., что, по словам адвоката Е., подтверждается

его перепиской со следователем в «различных мессенджерах» и документами об отправке этой корреспонденции следователю.

Адвокат Ш., не соглашаясь с доводами жалобы П.К., ссылаясь на то, что 22 июня 2023 г. через АИС АПМ им принята заявка на участие в уголовном деле в качестве защитника П.К. В ходе допроса П.К. сообщил о наличии у него защитника по соглашению, в связи с чем следователь К. информировал Ш. о неявке адвоката Е. и предъявил протоколы уведомления и рапорт об извещении адвоката. Адвокат Ш. отмечает, что на протяжении всего времени проведения 28 июня 2023 г. с его участием следственных и иных процессуальных действий с П.К. какого-либо отказа со стороны П. К. от адвоката Ш. в качестве защитника в устной форме не поступало. Письменных подтверждений факта ознакомления адвоката Ш. с материалами уголовного дела, с которыми он имел право знакомиться в связи со своим вступлением в него в качестве защитника, не имеется. Однако, по словам адвоката Ш., он ознакомился с этими документами 26 июня 2023 г., когда проведение следственных и иных процессуальных действий с П.К. не состоялось. Нарушения при оформлении ордера на защиту П.К. и нецензурную брань в его адрес адвокат Ш. отрицал.

Как указано выше, после ознакомления с заключением Квалификационной комиссии адвокат Ш. вину в выявленных дисциплинарных проступках признал и дал обязательство пересмотреть свое профессиональное поведение.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Ш. вступил в уголовное дело в качестве защитника П.К. по назначению следователя при наличии у П.К. защитника по соглашению – адвоката Е., Совет приходит к выводу о том, что оно не нашло под-

тверждения в результате дисциплинарного разбирательства.

Согласно ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что на момент вступления 26 июня 2023 г. адвоката Ш. в уголовное дело в качестве защитника обвиняемого П.К. ордер адвоката Е., подтверждающий его полномочия как защитника обвиняемого П.К. по соглашению, следователю представлен не был, и, следовательно, адвокат Е. не вступил в дело в качестве защитника П.К. по соглашению.

Данный факт признан самим адвокатом Е., подтвердившим, что подлинник ордера был представлен им следователю К. только 28 июня 2023 г., уже после проведения с П.К. следственных и иных процессуальных действий с участием его защитника по назначению – адвоката Ш.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что на момент вступления адвоката Ш. в уголовное дело и его участия в следственных и иных процессуальных действиях с обвиняемым П.К. каких-либо достоверных сведений о наличии у последнего защитника по соглашению в материалах дела не имелось.

Тот факт, что ряд процессуальных документов (рапорт следователя К., его уведомления от 20 и 26 июня 2023 г.) содержит сведения об осведомленности следователя о наличии адвоката Е. как возможного защитника обвиняемого П.К., сам по себе не свидетельствует о том, что указанный адвокат в установленном законом порядке вступил в уголовное дело в этом качестве на момент вступления в дело адвоката Ш.

Причиной осведомленности следователя К. о наличии взаимосвязи между

обвиняемым П.К. и адвокатом Е. являлось то обстоятельство, что последний представлял интересы П.К. в иных судебных процессах, о чем также прямо указано в ходатайстве адвоката Е. от 25 июня 2023 г. на имя следователя К. Вместе с тем данные обстоятельства не свидетельствуют о наличии у адвоката Е. процессуального статуса защитника обвиняемого П.К. в уголовном деле, в которое вступил адвокат Ш.

Помимо этого, Совет отмечает, что в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 50 УПК РФ в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры к назначению защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов.

Как следует из уведомления, врученного следователем К. обвиняемому П.К. 20 июня 2023 г., в 11. 25 час., «*в присутствии адвоката Е.*», проведение с П.К. следственных и иных процессуальных действий планировалось на 26 июня 2023 г., т.е. на шестые сутки после указанного уведомления, в котором, в частности, было указано и на право пригласить защитника для участия в процессуальных действиях. Адвокатом Е. и заявителем П.К. ни факт получения данного уведомления в присутствии адвоката Е., ни содержание уведомления не отрицаются. Фактически же процессуальные действия с П.К. были произведены еще позднее – 28 июня 2023 г.

При таких обстоятельствах невступление адвоката Е. до 26 июня 2023 г. в уголовное дело в качестве защитника П.К. по соглашению создавало для адвоката Ш. законные основания для вступления в это уголовное дело в качестве защитника П.К. по назначению

следователя, которое было произведено в установленном порядке. По этой причине дисциплинарное обвинение в отношении адвоката Ш. в его вступлении и участии в уголовном деле в качестве «защитника-дублера» Совет признает необоснованным, а презумпцию добросовестности адвоката Ш. в этой части неопровергнутой.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Ш. принимал участие в следственных и иных процессуальных действиях в качестве защитника П.К. по назначению помимо воли последнего, Совет отмечает, что в силу подп. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ.

В Разъяснениях № 2 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в делах по назначению» указывается, что в случае, если обвиняемый (подозреваемый) заявляет об отказе от защитника по назначению, адвокат обязан потребовать от следователя вынесения постановления, разрешающего заявленное ходатайство в порядке, определенном правилами гл. 15 УПК РФ. При отказе следователя вынести соответствующее постановление адвокату следует подать следователю свое письменное ходатайство о рассмотрении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника с разъяснением причин, по которым адвокат не вправе до вынесения следователем постановления о разрешении заявленного обвиняемым ходатайства осуществлять его защиту. В случае отказа следователя рассмотреть ходатайство о вынесении постановления о разрешении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника адвокату следует заявить о невозможности продолжать участвовать в процессу-

альном действии и покинуть место его производства, незамедлительно обжаловав действия (бездействие) следователя в соответствии с гл. 16 УПК РФ, и сообщить о случившемся в Адвокатскую палату города Москвы, которая осуществляет представительство и защиту интересов адвокатов в органах государственной власти (п. 4 ст. 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). См.: Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2004. № 6 (8). С. 4–6, № 11–12 (13–14). С. 41–43; 2007. № 1 (39). С. 104–106. См. также: Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С. 109–111).

Правовой смысл обязанностей адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально исполнять свои обязанности, защищать права, свободы и интересы доверителей (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении (ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката) применительно к осуществлению защиты по назначению следователя раскрыт в решениях органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палаты города Москвы, исполнение которых является обязанностью адвоката (п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В силу п. 10.2 Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федера-

ции от 15 марта 2019 г. (Протокол № 4), на адвоката, которому адвокатской палатой распределено поручение о назначении защитника, возлагаются обязанности прибыть к месту проведения следственных или иных процессуальных действий в установленный срок, убедиться в отсутствии обстоятельств, исключающих или препятствующих его участию в производстве по данному уголовному делу в качестве защитника, и вступить в уголовное дело.

В соответствии с п. 4 Разъяснения № 13 Совета Адвокатской палаты города Москвы «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению», утвержденного Решением Совета от 30 сентября 2019 г. (Протокол № 11), адвокат, принявший поручение по осуществлению защиты по назначению, обязан явиться к инициатору заявки, представить ордер и предъявить удостоверение, после чего выяснить, имеется ли у обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) защитник по назначению или соглашению. Если у обвиняемого имеется защитник по соглашению, то адвокат обязан действовать в соответствии с Разъяснениями № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. Если у обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) ранее имелся защитник по назначению, то адвокату до участия в каких-либо процессуальных действиях следует принять меры (в том числе при проведении свидания с обвиняемым (подозреваемым) наедине) для выяснения причин замены этого защитника, при необходимости связавшись с ним. В случае, если прибывший для участия в деле адвокат удостоверится, что его назначение в качестве защитника осуществлено с нарушением установленных правил, либо прежний защитник не уведомлен надлежащим образом, либо отсутствует принятое в соответствии с требованиями

закона мотивированное процессуальное решение, исключающее возможность участия ранее назначенного защитника в уголовном деле, он обязан устраниться от участия в процессуальных действиях, сделав соответствующее заявление.

Эти обязательные требования к адвокатам являются универсальными и не предусматривают каких-либо исключений.

Однако профессиональное поведение адвоката Ш. этим требованиям не соответствовало.

Адвокат Ш. признает, что не выяснял у обвиняемого П.К. обстоятельств, связанных с наличием или отсутствием защитника по соглашению, несмотря на то, что его подзащитный П.К. как в соответствующем письменном заявлении, поданном следователю 28 июня 2023 г., так и в протоколе допроса, подписанном также и адвокатом Ш., указывал на наличие защитника по соглашению в лице адвоката Е. Адвокат Ш. был обязан проверить указанные сведения, самостоятельно получить соответствующую информацию, установить контакт с адвокатом Е. и с учетом полученной информации разъяснить подзащитному П.К. все юридически значимые обстоятельства, касающиеся реализации его права на защиту, включая вопрос о наличии или отсутствии у него защитника по соглашению по состоянию на 28 июня 2023 г.

Установив, что адвокат Е. не вступил в уголовное дело в качестве защитника П.К., адвокат Ш. был обязан разъяснить последнему его предусмотренное ч. 3 ст. 50 УПК РФ право пригласить иного защитника по соглашению, помочь составить письменное заявление об отказе от него (адвоката Ш.), потребовать от следователя вынесения постановления, разрешающего это заявление. А при отказе следователя вынести соответ-

ствующее постановление адвокату Ш. следовало подать следователю свое письменное ходатайство о рассмотрении заявления обвиняемого об отказе от защитника по назначению с разъяснением причин, по которым адвокат Ш. не вправе до вынесения следователем постановления о разрешении заявления обвиняемого осуществлять его защиту. В случае отказа или уклонения следователя от разрешения такого ходатайства путем вынесения мотивированного постановления адвокат Ш. был обязан заявить о невозможности дальнейшего участия в процессуальном действии и покинуть место его производства, незамедлительно обжаловав действия (бездействие) следователя, и сообщить о случившемся в Адвокатскую палату города Москвы.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что П.К. категорически возражал против участия адвоката Ш. в качестве его защитника по назначению следователя и именно по этой причине отказывался от дачи каких-либо показаний по существу предъявленного обвинения и подписания протокола допроса, а также сделал отметку в предъявленном ему 28 июня 2023 г. постановлении о привлечении в качестве обвиняемого от 26 июня 2023 г. о том, что данное постановление объявлено ему без адвоката, тогда как его защитник по назначению – адвокат Ш. присутствовал при совершении этих процессуальных действий.

Адвокат Ш. не отрицает факта описанного протестного поведения подзащитного П.К., однако каких-либо действий, направленных на оказание П.К. содействия в составлении надлежащего письменного заявления об отказе от его юридической помощи, отложение производства следственных и иных процессуальных действий для обеспечения явки адвоката Е. не предпринял,

собственных заявлений, направленных на фиксацию и поддержку мотивированной позиции своего подзащитного П.К., не сделал, каких-либо замечаний в протокол допроса П.К. в качестве обвиняемого не внес.

Самоустранение адвоката Ш. от выполнения всех вышеуказанных действий, которые он обязан был совершить, повлекло нарушение права П.К. на свободный выбор защитника, что дополнительно подтверждается постановлением следователя от 28 июня 2023 г., удовлетворившего отказ П.К. от защитника по назначению следователя – адвоката Ш., вынесенным после выполнения с участием П.К. и адвоката Ш. следственных и иных процессуальных действий.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Ш. профессиональных обязанностей перед доверителем П.К., развившемся в участии 28 июня 2023 г. в предъявлении П.К. обвинения и его допросе в качестве обвиняемого в условиях нарушения права П.К. на свободный выбор защитника, а также в отказе от фиксации в протоколе допроса обвиняемого П.К. от 28 июня 2023 года мотивированной позиции последнего по отказу от подписания этого процессуального документа и в самостоятельном подписании данного протокола без каких-либо заявлений и замечаний.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Ш. принял участие в следственных и иных процессуальных действиях в качестве защитника П.К., не ознакомившись с материалами

уголовного дела, Совет также приходит к выводу о его доказанности.

В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ с момента вступления в уголовное дело защитник вправе знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому.

Положения о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих обязанностей, активном отстаивании и защите прав, свобод и законных интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») применительно к участию в качестве защитника в уголовном судопроизводстве означают активную с момента вступления в дело реализацию адвокатом полномочий защитника, предусмотренных ст. 53 УПК РФ, что невозможно без ознакомления с материалами уголовного дела.

Приведенным требованиям ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» корреспондируют положения подп. «а» п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, утвержденного VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., которые также требуют от адвоката принять меры к ознакомлению с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться, имеющимися

в материалах уголовного дела до вступления адвоката в качестве защитника.

Совет отклоняет как голословный довод, выдвигавшийся адвокатом Ш. в ходе дисциплинарного разбирательства, о том, что он ознакомился с материалами уголовного дела, однако не может представить письменных подтверждений этого. В соответствии с Методическими рекомендациями по ведению адвокатского производства (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 11 июня 2010 г. (Протокол № 5), с изменениями и дополнениями, утвержденными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 г. (Протокол № 7), размещены на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по адресу: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/methodical-recommendations-on-the-maintenance-bar-production/>), у адвоката Ш. в случае его ознакомления с материалами уголовного дела должно было иметься адвокатское производство, в котором обязательно должны были находиться копия постановления о возбуждении уголовного дела или выписки из него, копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого, копии протоколов допросов подзащитного в качестве подозреваемого и обвиняемого либо выписки из них, в случае нахождения лица под стражей – копия постановления об избрании меры пресечения, о продлении срока содержания под стражей, жалобы на данное постановление и ответы (определения) судов, копии всех заявленных по делу ходатайств и ответы на них, копия обвинительного заключения. Однако адвокатом Ш. не представлены какие-либо документы, подтверждающие его ознакомление с материалами уголовного дела.

Кроме того, реализация адвокатом правомочия, предусмотренного п. 6 ч 1 ст. 53 УПК РФ, безусловно, требует от адвоката заявления соответствующего ходатайства, адресованного правоприменителю, в производстве которого находится уголовное дело. Однако каких-либо доказательств, подтверждающих как факт заявления адвокатом Ш. такого ходатайства, так и факт его ознакомления с материалами уголовного дела, также не представлено.

В заседании Совета адвокат Ш. признал, что ни с какими материалами уголовного дела не ознакомился и никаких мер к этому не предпринимал.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката и подп. «а» п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, исполнении адвокатом Ш. профессиональных обязанностей перед доверителем П.К., выразившемся в осуществлении защиты последнего 28 июня 2023 г. без ознакомления с материалами уголовного дела, с которыми он имел право ознакомиться при вступлении в уголовное дело в качестве защитника обвиняемого П.К. в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ.

В отношении дисциплинарного обвинения в непосещении адвокатом Ш. обвиняемого П.К. в следственном изоляторе и несогласовании с ним позиции по уголовному делу до начала следственных и иных процессуальных действий Совет отмечает, что заявитель П.К. категорически отказался от юридической помощи адвоката Ш. как защитника по назначению следователя. Такая позиция П.К. со всей очевидно-

стью является взаимоисключающей по отношению к рассматриваемому дисциплинарному обвинению, поскольку делает невозможным для адвоката Ш. установление доверительных отношений с П.К. и какое-либо обсуждение и согласование с ним позиции защиты как при отдельном свидании, так и непосредственно перед началом процессуальных действий 28 июня 2023 г.

По этой причине данное дисциплинарное обвинение оценивается Советом как явно надуманное.

Переходя к дисциплинарному обвинению в нарушениях, допущенных адвокатом Ш. при заполнении ордера от 26 июня 2023 г. № ... Совет отмечает, что отсутствие подписи адвоката Ш. в данном документе не являлось препятствием для вступления адвоката в уголовное дело. Кроме того, в соответствии с п. 2.4 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 4 декабря 2017 г. (Протокол № 8) и опубликованного на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по адресу: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-procedure-for-manufacturing-storing-and-issuing-orders-to-the-lawyers/>, ордер и корешок к нему подписываются руководителем адвокатского образования или иным уполномоченным лицом и скрепляются печатью адвокатского образования (филиала). Обязательность подписи адвоката на бланке ордера по состоянию на 26 июня 2023 г. корпоративными нормативными актами не предусматривалась.

Ордер от 26 июня 2023 г. № ... выданный адвокату Ш. Коллегией адвокатов «...», подписан руководителем данного адвокатского образования В. и содержит оттиск печати адвокатского

образования, что полностью соответствует вышеуказанным требованиям.

Довод заявителя о неправильном указании в названном ордере адреса адвокатского образования (указан номер дома 6 по... бульвару г. Москвы вместо номера 4) не подтверждается сведениями, содержащимися на официальном сайте Коллегии адвокатов «...», где указан ее адрес: город Москва ...бульвар, д.6, корп... полностью совпадающий с адресом, указанным адвокатом Ш. в названном выше ордере. При этом адвокат Ш. не может нести ответственность за иные сведения об адресе адвокатского образования, содержащиеся в других информационных ресурсах, которые он не контролирует.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что указанное дисциплинарное обвинение также не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Ш. при случайной встрече с П.К. в ФКУ СИЗО... УФСИН России по г. Москве «в присутствии другого адвоката и лиц, находящихся в коридоре следственных кабинетов», допустил в адрес П.К. нецензурные высказывания, вопреки требованиям подп. 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, не подтверждено заявителем какими-либо доказательствами. Адвокат Ш. данное дисциплинарное обвинение последовательно отрицал. При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ш. в данной части непровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ш. за допущенные нарушения, Совет учитывает их умышленный

и грубый характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом обязательных требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и профессиональной этики. Совет также принимает во внимание причиненный нарушением вред заявителю, заключающийся в нарушении его права на свободный выбор защитника. Подобное профессиональное поведение адвоката Ш. Совет признает недопустимым. Одновременно с этим Совет учитывает отношение адвоката Ш. к содеянному, выразившееся в признании нарушений и обещании не допускать их впредь, а также данные о его личности: имея длительный стаж адвокатской деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности адвокат Ш. не привлекался.

С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет полагает необходимым применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы от

2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению» и подп. «а» п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем П.К. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя), что выразилось 1) в принятии им участия 28 июня 2023 г. в предъявлении П.К. обвинения и его допросе в качестве обвиняемого в условиях нарушения права П.К. на свободный выбор защитника, 2) в отказе от фиксации в протоколе допроса обвиняемого П.К. от 28 июня 2023 г. мотивированной позиции последнего по отказу от подписания данного процессуального документа и самостоятельном подписа-

нии данного протокола без каких-либо заявлений и замечаний относительно проведения данного процессуального действия, 3) в осуществлении 28 июня 2023 г. защиты П. без ознакомления с материалами уголовного дела, с которыми он в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ имел право ознакомиться при вступлении в уголовное дело в качестве защитника обвиняемого П.К. по назначению следователя.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ш. по жалобе П.К. от 24 мая 2024 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.15. Совет прекратил дисциплинарное производство, так как дисциплинарные обвинения в незаконном вступлении адвоката в уголовное дело и участии в следственных и иных процессуальных действиях с задержанным до истечения 24-часового срока для явки приглашенного защитника не нашли подтверждения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам Б. от 21 июля 2024 г. и адвоката В. от 21 августа 2024 г. в отношении адвоката Г.

Квалификационная комиссия 9 октября 2024 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по жалобам Б. и адвоката В., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката и надлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем.

Заявитель Б., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, участие своего представителя в заседании не обеспечил.

Заявитель – адвокат В., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, письменно уведомил о получении Заключения Квалификационной комиссии и ознакомлении с ним, просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие.

Адвокат Г., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, письменно уведомила о получении Заключения Квалификационной комиссии, ознакомлении и согласии с ним, просила рассмотреть дисциплинарное производство в ее отсутствие.

Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка ко-

го-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

27 марта 2024 г., в период с 15.50 час. до 16.00 час., Б. был задержан сотрудниками полиции на месте совершения предполагаемого преступления в отношении несовершеннолетней Ж. В этот же день в отношении Б. был составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психотропных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах.

27 марта 2024 г., в период с 19.40 час. до 19.45 час., Б. был освидетельствован на предмет алкогольного опьянения. В акте медицинского освидетельствования указано об отказе Б. от его прохождения.

28 марта 2024 г., в 15.00 час., П... МРСО СУ по ВАО ГСУ СК РФ по г. Москве в отношении Б. возбуждено уголовное дело № по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ.

28 марта 2024 г. Б. подписал изготовленное компьютерным способом заявление на имя следователя К. указанного следственного отдела с просьбой «на-

значить... защитника в порядке ст. 51 УПК РФ по уголовному делу № ...», принятое следователем под расписку и удовлетворенное им в тот же день.

28 марта 2024 г., в 15.02 час., следователем К. для назначения защитника Б. в целях участия в этот же день, в 17.05 час., в следственных и иных процессуальных действиях по данному уголовному делу в АИС АПМ была размещена заявка, по которой в 16.23 час. поручение на защиту Б. было распределено адвокату Г., которой был оформлен ордер от 28 марта 2024 г. с предметом поручения «защита Б., П... МРСО» и основанием выдачи – «51 УПК РФ, № ...».

В соответствии с протоколом задержания подозреваемого Б. был задержан в порядке ст. 91, 92 УПК РФ 28 марта 2024 г., с 16.00 час. до 16.15 час. Данный протокол задержания Б. составлен с участием его защитника – адвоката Г. Каких-либо заявлений от Б. и его защитника – адвоката Г. протокол не содержит.

28 марта 2024 г. защитником подозреваемого Б. по назначению следователя – адвокатом Г. на имя следователя было подано ходатайство, изготовленное ею компьютерным способом с использованием заранее составленного шаблона и путем рукописного заполнения пустующих строк текстом следующего содержания [рукописное дополнение выделено подчеркнутым курсивом. – *Примечание Совета*]: «Следователю П... МРСО по ВАО ГСУ СК России по г. Москве К. В Вашем производстве находится уголовное дело № ... в отношении Б. На основании ч. 4 ст. 50 УПК РФ прошу отложить проведение следственных действий на 24 час». 28.03.2024. (подпись) Г. Принял следователь П... МРОСО г. Москвы К. 28.03.2024 (подпись)».

Постановлением следователя К. от 28 марта 2024 г. в удовлетворении

данного ходатайства было отказано со ссылками на необходимость неотложного проведения следственных действий.

28 марта 2024 года Б. заполнил шаблон заявления, представленного ему адвокатом Г. и адресованного ей, в котором указал свою фамилию как автора данного заявления, поставил дату и подпись под текстом следующего содержания: *«Желаю, чтобы мои интересы защищал адвокат Г. В соответствии со ст. 51 Конституции РФ никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. Защитника(ов) по соглашению не имею. Не возражаю на проведение следственных действий до 24 часов, то есть со момента фактического задержания. Не возражаю о проведении следственных действий в ночное время. Ст. ст. 51 Конституции РФ, 50 УПК РФ мне разъяснены и понятны».*

В этот же день постановлением следователя защитником Б. по данному уголовному делу была назначена адвокат Г.

Одновременно с этим Б. на имя следователя 28 марта 2024 г. было подано изготовленное компьютерным способом заявление, содержащее его согласие на проведение с ним следственных действий в ночное время.

В этот же день, с 16.25 час до 17.00 час., Б. был допрошен в качестве подозреваемого, а с 17.15 час. до 17.30 час. – в качестве обвиняемого. В каждом из допросов принимала участие защитник Б. – адвокат Г., которая задавала вопросы своему подзащитному, на которые от Б. поступали ответы. Эти вопросы и ответы занесены в протокол допроса, причем под вопросами адвоката Г. имеются ее подписи, а под ответами Б. – его подписи.

28 марта 2024 г., с 17.35 час. до 18.15 час., между обвиняемым Б.

и свидетелем М. была проведена очная ставка, в которой в соответствии с протоколом также участвовала защитник Б. – адвокат Г. Каких-либо замечаний от участников этого следственного действия протокол не содержит.

С 17.25 час. до 19.10 час. этого же дня между обвиняемым Б. и несовершеннолетней потерпевшей Ж. была проведена очная ставка, в которой в соответствии с протоколом участвовали защитник Б. – адвокат Г., законный представитель потерпевшей – Ка. и психолог З. Каких-либо замечаний от участников этого следственного действия протокол не содержит.

28 марта 2024 г., с 20.29 час. до 20.34 час., был проведен дополнительный допрос обвиняемого Б. с участием его защитника – адвоката Г., содержащий вопрос последней своему подзащитному и его ответ, отраженные в протоколе.

28 марта 2024 г., с 22.23 час. до 22.59 час., с участием Б. и его защитника – адвоката Г. была проведена проверка показаний обвиняемого на месте.

29 марта 2024 г. в судебном заседании П. районного суда г. Москвы с участием адвоката Г. состоялось рассмотрение постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании Б. меры пресечения в виде заключения под стражу. В ходе судебного заседания защитник Б. – адвокат Г. просила суд отказать в удовлетворении ходатайства следователя. В удовлетворении ходатайства следователя судом было отказано, в отношении Б. была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста.

Заявитель Б. выдвигает в отношении адвоката Г. дисциплинарные обвинения в том, что последняя незаконно вступила в уголовное дело в качестве его защитника, начала свое участие в следственных и иных процессуальных дей-

ствиях в этом статусе с 16.00 час., тогда как из отчета по заявке № ... следует, что она размещена в АИС АПМ 28 марта 2024 г., в 15.02 час., и только в 16.23 час. поручение на защиту Б. было распределено адвокату Г. Кроме того, Б. указывает, что какие-либо следственные действия с ним не проводились, следовательно принес ему уже подготовленные документы, которые он подписал в обмен на обещание следователя не заключать его под стражу. Адвокат Г. при этом не присутствовала.

Адвокат В., выдвигая в отношении адвоката Г. аналогичные обвинения, дополнительно указывает, что последняя приняла участие в проведении следственных и процессуальных действий с Б. до истечения предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часового срока для явки приглашенного защитника, не установила время фактического задержания подозреваемого, не провела с ним свидание в условиях конфиденциальности, не выяснила его волю на осуществление ею его защиты, чем нарушила требования подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат Г. все указанные дисциплинарные обвинения последовательно отрицала. Настаивала, что раньше времени получения заявки через АИС АПМ она к следователю не приезжала, а вероятно, не отследила правильность указания следователем времени в протоколе задержания. При этом она разъяснила Б. его права, провела с ним беседу наедине, заявила ходатайство об отложении следственных действий на 24 часа, а после отказа в удовлетворении данного ходатайства участвовала во всех следственных и процессуальных действиях по делу, в том числе проверке показаний на месте, что за-

фиксировано на видеозаписи. В ходе следственных и процессуальных действий она отстаивала права и законные интересы заявителя. В связи с этим наличие каких-либо нарушений со своей стороны отрицает.

Давая оценку выдвинутому дисциплинарному обвинению в незаконности вступления адвоката Г. в качестве защитника подозреваемого Б. по назначению следователя, Совет отмечает, что в силу подп. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда. В соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим обвиняемым (подозреваемым), так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого. В соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом. Дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов.

В случаях, предусмотренных пп. 1–5 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, участие защитника обеспечивается в порядке, установленном ч. 3 ст. 49 УПК РФ.

Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

– адвокатская палата субъекта Российской Федерации создается в том числе в целях обеспечения оказания квалифицированной юридической помощи, ее доступности для населения на всей территории данного субъекта

Российской Федерации, организации юридической помощи, оказываемой гражданам Российской Федерации бесплатно, контроля за соблюдением адвокатами Кодекса профессиональной этики адвоката (п. 4 ст. 29); при этом Совет адвокатской палаты «организует оказание юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в соответствии с порядком, определенным Советом Федеральной палаты адвокатов; доводит этот порядок до сведения указанных органов, адвокатов и контролирует его исполнение адвокатами» (подп. 5 п. 3 ст. 31);

– Федеральная палата адвокатов Российской Федерации как орган адвокатского самоуправления в Российской Федерации создается в целях координации деятельности адвокатских палат (п. 2 ст. 35); Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации координирует деятельность адвокатских палат, в том числе по вопросам оказания адвокатами юридической помощи гражданам Российской Федерации бесплатно в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи и их участия в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда либо в качестве представителя в гражданском или административном судопроизводстве по назначению суда (подп. 4 п. 3 ст. 37).

В соответствии с подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Решением от 15 марта 2019 г. утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, абз. 2 п. 4.1 которого установлено, что о принятом решении о назначении защитника в порядке, предусмотренном ст. 50 УПК РФ, дознаватель, следователь или суд уведомляют адвокатскую палату (представителей адвокатской палаты) с целью назначения в качестве защитника по уголовному делу того адвоката, которому адвокатская палата (представители адвокатской палаты) поручит участие в данном уголовном деле. Абзацем 2 п. 2.1 Порядка также установлено, что советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подп. 5 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают региональные правила с учетом региональных особенностей.

В городе Москве порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда, по состоянию на 28 марта 2024 г. был определен Правилами Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ,

ст. 54 КАС РФ, утвержденные Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176. В п. 3 Правил указано, что «обработка уведомлений дознавателей, следователей или судов (далее – инициаторов) о принятом решении о назначении адвокатов осуществляется Адвокатской палатой города Москвы (далее – Палатой) исключительно посредством Автоматизированной информационной системы Палаты (далее – АИС АПМ)» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2019. № 3 (146). С. 4–8).

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что вступление адвоката Г. в уголовное дело в качестве защитника Б. по назначению следователя было осуществлено в соответствии с вышеуказанными требованиями.

Из отчета по заявке № ... следует, что производство процессуальных действий с Б. по его уголовному делу планировалось начать с 17.05 час. 28 марта 2024 г., что согласовывается с принятием адвокатом Г. в 16.23 час. поручения на защиту Б.

Помимо этого, указанный отчет не содержит сведений о назначении по ней 28 марта 2024 г. какого-либо иного адвоката, а само поручение принято адвокатом спустя 1 час 21 мин. после размещения заявки в АИС АПМ, что свидетельствует об отсутствии каких-либо умышленных действий со стороны следователя и адвоката Г., направленных на создание искусственных оснований по назначению именно ее защитником Б.

Сама адвокат Г. утверждает, что время приема ею заявки через АИС АПМ полностью соответствует фактическим обстоятельствам, а для начала ее участия в следственных и иных процессуальных действиях в качестве защитника Б. по назначению следователя ей еще требовалось время, чтобы добраться до указанного выше следственного отдела.

Тот факт, что протокол задержания Б. в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, содержит изготовленный компьютерным способом текст об участии в данном процессуальном действии в качестве защитника Б. адвоката Г., свидетельствует об осведомленности следователя относительно адвоката, принявшего его заявку на участие в данном уголовном деле. При этом очевидно, что осведомленность следователя о распределении заявки адвокату Г. и ее принятии последней не могла иметь место ранее 16.23 час. 28 марта 2024 г.

Вместе с тем сам протокол задержания Б., полностью выполненный машинописным способом, содержит рукописные записи о времени его составления – с 16.00 час. по 16.15 час.

В соответствии со взаимосвязанными положениями ст. 38 и п. 1 ч. 3 ст. 166 УПК РФ в протоколе, составляемом следователем, указываются место и дата производства следственного действия, время его начала и окончания с точностью до минуты. Часть 1.1 ст. 92 УПК РФ устанавливает, что, в случае если защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, его участие в составлении протокола задержания обязательно.

Поскольку адвокат Г. участвовала в деле с момента составления следователем протокола задержания Б. в качестве подозреваемого, это обязывало ее принять участие и в составлении названного протокола.

Факт несоответствия времени, указанного в протоколе задержания подозреваемого Б., фактическому времени его составления (поскольку этот протокол, очевидно, не мог быть составлен ранее получения адвокатом Г. заявки на участие в уголовном деле и ее прибытия в следственный орган) свидетельствует о неисполнении требований уголовно-

процессуального закона уполномоченными должностными лицами, но не является основанием для дисциплинарной ответственности адвоката – защитника обвиняемого.

Совет отмечает, что ни жалоба Б., ни фактически дублирующая ее жалоба адвоката В. не содержат дисциплинарных обвинений в необращении адвокатом Г. внимания на неправильно указанное в протоколе задержания подозреваемого Б. время его составления. При этом дисциплинарное разбирательство осуществляется в пределах поданной жалобы (п. 4 ст. 23 и п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Дисциплинарное обвинение в том, что все следственные и иные процессуальные действия осуществлялись в отсутствие адвоката Г., Совет находит явно надуманным, так как все протоколы следственных и иных процессуальных действий с участием адвоката Г. содержат машинописный текст и подписи, подтверждающие ее участие в них. Протоколы допросов Б. в качестве подозреваемого и обвиняемого, как указано выше, содержат также вопросы защитника адвоката Г. и ответы на них Б., скрепленные их подписями. Ни в одном из протоколов никто из их участников, включая самого Б., не заявил об отсутствии адвоката Г. при проведении соответствующих процессуальных действий.

На видеозаписях следственных действий, проведенных с участием Б. и представленных в материалы дисциплинарного производства адвокатом Г., имеется видеофиксация ее участия в данных следственных действиях.

Оценивая представленные заявителем – адвокатом В. заключения специалиста Л. от 11 июля и 4 октября 2024 г., согласно которым рукописные записи и подпись от имени Б., изображения которых расположены в копии заявления

адвокату Г. от 28 марта 2024 г., а также подпись Б. в копии его заявления на имя следователя К. от 28 марта 2024 г. о назначении защитника выполнены не самим Б., а другим лицом с подражанием какой-то определенной подписи Б., Совет отмечает следующее.

Из указанных заключений невозможно установить, кто и в связи с чем являлся инициатором проведения исследования документов, а также кто и при каких обстоятельствах представил специалисту Л. копии документов, подлежащих исследованию, свободные и условно-свободные образцы почерка и подписи Б., кто и при каких обстоятельствах получил от Б. экспериментальные образцы подписи и почерка, представленные впоследствии специалисту. Сами документы, представленные неустановленным лицом специалисту Л. в качестве условно-свободных сравнительных образцов почерка и подписи Б., в материалах дисциплинарного производства отсутствуют.

Как следует из указанных заключений специалиста, предметом их исследования являлись копии документов, содержащие подписи Б. и выполненные им рукописные записи, тогда как подлинные документы специалистом не исследовались. Совет дополнительно отмечает, что факт написания и подачи заявления следователю о предоставлении защитника по назначению не отрицается ни Б., ни адвокатом В. в их жалобах, в связи с чем заключение специалиста о подложности подписи Б. на указанном документе противоречит позиции самих заявителей. Помимо этого, ими обоими указывается, что Б. не помнит многого из того, что с ним происходило 27 и 28 марта 2024 г. Аналогичную позицию Б. занимает и в ходе его дополнительного допроса в качестве обвиняемого от 24 мая 2024 г., проведенного с участи-

ем его защитника по соглашению – адвоката З.

При указанных обстоятельствах заключения специалиста Л. презумпцию добросовестности адвоката Г. не опровергают.

Таким образом, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений в незаконном вступлении адвоката Г. в уголовное дело в качестве защитника Б. по назначению следователя и в ее неучастии в следственных и процессуальных действиях по данному делу в связи с отсутствием в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащим исполнением адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

Переходя к анализу дисциплинарного обвинения о вступлении адвоката Г. в уголовное дело в качестве защитника Б. по назначению следователя до истечения предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часового срока с момента фактического задержания, Совет учитывает следующее.

В соответствии с ч. 4 ст. 50 УПК РФ, если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов. При отказе подозреваемого, обвиняемого от назначенного защитника следственные действия с участием подозреваемого, обвиняемого могут быть произведены без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пп. 2–7 ч. 1

ст. 51 УПК РФ. При этом, как следует из пп. 15 ст. 5 УПК РФ, под моментом фактического задержания понимается момент производимого в порядке, установленном данным кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. «По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 47 и части второй ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. М. Маслова» указывается, что понятие «задержанный» применительно к конституционному праву на защиту должно толковаться в его конституционно-правовом смысле, т.е. необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него (в том числе разъяснение в соответствии с ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации права не давать показания против самого себя).

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, направленная против Б. обвинительная деятельность правоохранительных органов была начата почти за сутки до возбуждения уголовного дела, а именно 27 марта 2024 г., около 16.00 час., когда

он был задержан сотрудниками правоохранительных органов.

В этот же день в отношении Б. был составлен протокол об административной правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ, а с 19.40 час. по 19.45 час. предпринималась попытка медицинского освидетельствования Б. на предмет алкогольного опьянения. Из постановления следователя от 28 марта 2024 г. о производстве предварительного следствия следственной группой следует, что с 15.50 час. до 16.00 час. 27 марта 2024 г. Б. совершил насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетней Ж. и был задержан сотрудниками полиции на месте преступления. В показаниях Б. также указывается, что 27 марта 2024 г., около 15.40–16.00 час. он был задержан сотрудниками правоохранительных органов на остановке общественного транспорта после совершения насильственных действий в отношении несовершеннолетней.

На момент составления протокола задержания Б. 28 марта 2024 г. в порядке ст. 91, 92 УПК РФ последний заявил о согласии с задержанием, был уведомлен об участии защитника по назначению следователя – адвоката Г., предварительно добровольно подав следователю заявление с просьбой обеспечить участие защитника по назначению следователя, а впоследствии своими действиями выразил полное согласие с участием в качестве его защитника по назначению следователя – адвоката Г.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в Разъяснениях от 24 сентября 2015 г. «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» указал, что «24-часовой срок явки приглашенного защитника с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиня-

емого под стражу является особым – как в силу своей сжатости, так и более жестких правил назначения защитника (без предложения пригласить другого защитника взамен неявившегося). Ситуация, в которой оказывается подозреваемый в первые часы после задержания, полностью исключает злоупотребление правом с его стороны... На основании изложенного Совет разъясняет: адвокат, назначенный защитником задержанного, подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, прибыв к дознавателю, следователю, обязан выяснить точное время фактического задержания, заключения под стражу, и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часового срока для явки приглашенного защитника, кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок. Невыполнение данного разъяснения будет расцениваться как нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав доверителя ходатайствовать об их устранении» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2015. № 3 (129). С. 39–42).

Как указано выше, свобода Б. была ограничена сотрудниками правоохранительных органов начиная с 15.50–16.00 час. 27 марта 2024 г., что под-

тверждается самим Б. Следовательно, 24-часовой срок для приглашения защитника истекал не позднее 16.00 час. 28 марта 2024 г. Адвокат Г. как защитник Б. по назначению следователя впервые приняла участие в указанном процессуальном статусе при составлении протокола задержания Б. в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, состоявшегося позднее 16.00 час. 28 марта 2024 г., т.е. после истечения 24-часового срока с момента фактического задержания Б.

Факт содержания Б. в правоохранительных органах более 24 часов без какого-либо процессуального оформления свидетельствует о возможном неисполнении требований уголовно-процессуального закона уполномоченными должностными лицами, что не должно влечь за собой снижение установленных законом процессуальных гарантий, исполнение которых возложено на профессиональных участников уголовного судопроизводства – адвокатов.

Восстановление прав подозреваемого, нарушенных при задержании, должно осуществляться путем признания незаконными соответствующих действий (бездействия) и решений должностных лиц, а не путем следования за процессуальными нарушениями при исчислении процессуальных сроков, в том числе времени фактического задержания.

Дополнительно Совет отмечает, что с момента фактического задержания до составления протокола задержания Б. не только не обращался с просьбой предоставить ему возможность сделать телефонный звонок и уведомить о своем местонахождении близких лиц, но и отказался от реализации этого права, в связи с чем, как следует из протокола его задержания в качестве подозреваемого от 28 марта 2024 г., уведомление супруги Б. о задержании последнего было осуществлено следователем. Бо-

лее того, 29 марта 2024 г., в ходе рассмотрения судом вопроса об избрании ему меры пресечения Б. каких-либо заявлений о наличии у него другого адвоката, помимо Г., равно как и о желании обратиться к иному защитнику и заключить с ним соглашение, не делал, выражая явное согласие на осуществление его защиты именно адвокатом Г.

Как следует из материалов дисциплинарного производства, соглашение на защиту впервые было заключено Б. только 31 марта 2024 г., что дополнительно свидетельствует о невозможности явки защитника по соглашению 28 марта 2024 г. ввиду отсутствия такового.

При подобных обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. в данной части непровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Оценивая утверждения адвоката В. о том, что адвокат Г. не провела конфиденциальной встречи с Б. и не выяснила время его фактического задержания, Совет отмечает, что доводы адвоката Г. о том, что все эти обязанности были ею исполнены, заявителем не опровергнуты. При этом в соответствии с требованиями подп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката именно на заявителя возлагается обязанность по представлению доказательств тех обстоятельств, на которые он ссылается в обоснование своих требований о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности. Дополнительно Совет отмечает, что в жалобе самого Б. доводов о непроведении с ним адвокатом Г. конфиденциального общения при ее вступлении в уголовное дело в качестве

его защитника по назначению следователя не содержится.

Таким образом, презумпция добросовестности адвоката Г. не опровергнута и в данной части.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1.16. В результате дисциплинарного разбирательства одному адвокату объявлено предупреждение за явку на допрос в качестве свидетеля в отсутствие судебного решения и предусмотренных законом оснований, а также за дачу показаний по уголовному делу в отношении его бывшего доверителя. В отношении второго адвоката производство прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушений.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием адвоката Ка., его представителя – адвоката Р, адвоката О., представителей заявителя С. – адвоката М. и Ку. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам С. от 26 мая 2024 г. в отношении адвокатов Ка. и О.

Квалификационная комиссия 18 сентября 2024 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом Ка. взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7, пп. 2 и 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 и 3 ст. 5 и п. 6 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката; адвокат не вправе давать свидетельские показания об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с исполнением профессиональных обязанностей), вызвавшимся в явке адвоката Ка.

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по жалобам Б. от 21 июля 2024 г. и адвоката В. от 21 августа 2024 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

25 мая 2023 г. в отсутствие судебного решения и предусмотренных законом оснований в ГСУ СК РФ для допроса в качестве свидетеля по уголовному делу в отношении бывшего доверителя С. и в сообщении в ходе указанного допроса при отсутствии к тому каких-либо оснований, предусмотренных п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, сведений, составляющих предмет профессиональной тайны, подлежащей сохранению адвокатом;

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката О. по жалобе С. от 26 мая 2024 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель С., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, поскольку содержится под стражей, обеспечила явку своих представитель – адвоката М. и Ку. Совет, принимая

во внимание изложенные обстоятельства и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие заявителя С.

Представители заявителя – адвокат М. и Ку. в заседании Совета выразили несогласие с Заключением Квалификационной комиссии в части вывода о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката О. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснили, что на основании показаний адвокатов Ка. и О. в отношении их доверителя С. по уголовному делу была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, ей предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ. Тем самым действиями адвокатов Ка. и О. нарушены ее права. Кроме того, адвокаты Ка. и О. разгласили в своих показаниях сведения, содержащие адвокатскую тайну. Полагают, что такие действия несовместимы со статусом адвоката.

Адвокат Ка. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключение Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии не согласился. Указал, что С. обращалась в следственные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении него по факту якобы совершенных им в ее отношении мошеннических действий, выразившихся в завладении ее имуществом посредством представления от ее имени в гражданские процессы, где он представлял интересы С., документов, подписание которых она отказывалась признавать. Исходя из позиции С., он видел реальный риск своего уголовного пре-

следования, в связи с чем полагал, что мог явиться на допрос в следственный орган в отсутствие судебного решения и согласия С. как его бывшего доверителя. В полном объеме поддержал письменные возражения своего представителя – адвоката Р.

Адвокат О. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключение Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласился.

Совет, рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Заключение Квалификационной комиссии, выслушав явившихся участников, признает фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией, однако считает необходимым изменить объем дисциплинарных обвинений в силу следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Ка. представлял интересы С. на основании устного соглашения в судах общей юрисдикции города Я. по девяти гражданским делам, по которым уже были вынесены судебные решения в ее пользу о взыскании денежных средств с ряда физических лиц, обращено взыскание на заложенное имущество. По данным делам С. уступала права требования физическим лицам Д. и Х. на общую сумму свыше ...руб. Основанием для замены взыскателя С. на указанных лиц послужили договоры уступки прав требования и ее расписки в получении предусмотренных ими денежных средств.

Для совершения указанных действий С. были выданы адвокату Ка. нотариально удостоверенные доверенности от 10 и 13 января 2018 г.

В дальнейшем С. обратилась в суды города Я. с исками о признании недействительными сделками переход прав

требований к Д. и Х., мотивируя это тем, что договоры с ними об уступке прав требования она не подписывала, адвоката Ка. не уполномочивала на совершение каких-либо действий от ее имени и в ее интересах. По данным обстоятельствам адвокат Ка. 25 июня 2021 г. вызывался в К. районный суд города Я. и допрашивался в качестве свидетеля.

Заключениями почерковедческой экспертизы все подписи на оспариваемых С. документах были признаны выполненными ею.

Решениями суда все исковые требования С. оставлены без удовлетворения.

В сентябре 2021 года С. обращалась в Адвокатскую палату города Москвы с жалобой в отношении адвоката Ка., в которой указывала, что никогда не давала ему никаких поручений относительно оказания ей какой-либо юридической помощи, соглашение на представление ее интересов с адвокатом Ка. она не заключала. Распоряжением Президента Адвокатской палаты города Москвы от 14 октября 2021 г. № ... в возбуждении дисциплинарного производства было отказано в связи с несоответствием жалобы установленным требованиям.

С. также обращалась в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении в отношении адвоката Ка. уголовного дела по тем же обстоятельствам. До настоящего времени уголовное дело в отношении адвоката Ка. не возбуждено.

В марте 2019 года по факту хищения путем растраты денежных средств и имущества ПАО Банк «...» в особо крупном размере ГСУ СК Российской Федерации было возбуждено уголовное дело в отношении неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. С указанным уголовным делом были соединены

еще несколько уголовных дел, возбужденных в 2020 и 2021 гг.

27 сентября 2023 г. по подозрению в совершении вышеуказанного преступления в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, была задержана С., в отношении которой постановлением Б. районного суда г. Москвы от 28 сентября 2023 г. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. 4 октября 2023 г. ей предъявлено обвинение в совершении ряда преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 160 УК РФ, связанных с хищением путем растраты денежных средств и имущества ПАО Банк «...».

25 апреля 2023 г. по вышеуказанному уголовному делу в качестве свидетеля был допрошен адвокат О., а 25 мая 2023 г. – адвокат Ка.

В ходе допросов адвокаты О. и Ка. сообщили следствию о фактах хищения путем растраты денежных средств и имущества ПАО Банк «...», а также о том, что владелицей данного банка являлась С. Адвокат Ка. также дал показания о том, что С. поручила ему представлять ее интересы в Управлении службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Я. области по вопросам, связанным со снятием залогов и других обременений на принадлежащее ей недвижимое имущество и в судах общей юрисдикции города Я. по вышеуказанным гражданским делам. В задачи адвоката Ка., согласно его показаниям, входило только представление в суд собственноручно подписанных С. отзывов на заявления о замене стороны в порядке правопреемства и поддержка ее позиции в суде. Адвокат Ка. также сообщил следствию о том, что под руководством С. в ПАО Банк «...» была организована схема по хищению денежных средств посредством оформления кредитов на физических лиц, которые в действительности денежные

средства не получали, и о том, что С. продала банку свое имущество по завышенной цене.

5 февраля 2024 г. по ходатайству С. между ней и адвокатом Ка. была проведена очная ставка, в ходе которой он подтвердил ранее данные им показания.

Адвокат О. сообщил следствию о фиктивной сделке по покупке ПАО Банк «...», выводу денежных средств банка на счета С., о его деятельности в качестве ликвидатора ООО «...», владелицей которой также являлась С.

Решением Совета от 28 февраля 2022 г. № ... «О дисциплинарном производстве в отношении адвокатов Ск. и О.» признано установленным отсутствие какого-либо соглашения между адвокатом О. и заявителем С. Данные выводы были основаны на Заключении Квалификационной комиссии от 8 декабря 2021 г., с которым заявитель С. была полностью согласна.

Заявителем С. в отношении адвокатов Ка. и О. выдвинуты дисциплинарные обвинения в том, что они в отсутствие судебного решения об их допросе в качестве свидетелей, а также согласия заявителя С. как их бывшего доверителя явились на допрос к следователю Следственного комитета Российской Федерации и дали свидетельские показания об обстоятельствах, которые им стали известны в связи с оказанием С. юридической помощи по заключенным с ней соглашениям, чем разгласили сведения, относящиеся к предмету адвокатской тайны. На основании этих показаний ей вменяется фактическое руководство ПАО Банк «...», что не соответствует действительности. Кроме того, полагает, что эти показания явились поводом для избрания в отношении нее меры пресечения в виде заключения под стражу.

Считает, что допущенные адвокатами О. и Ка. нарушения несовместимы со статусом адвоката.

Адвокат Ка. в ходе дисциплинарного разбирательства не отрицал оказание С. указанной юридической помощи, отмечая, что при ее оказании он «четко следовал воле С. и ни разу не вышел за пределы поставленных ему задач». Полагает, что был вызван следователем для допроса в качестве свидетеля в связи с заявлением С. о хищении им имущества (прав требования) последней в особо крупном размере посредством представления от ее имени по вышеуказанным гражданским делам в суды общей юрисдикции города Я. документов, от подписания которых С. в настоящее время отказывается. В ходе допроса адвокат Ка. был вынужден сообщить следователю об обстоятельствах получения от С. поручения на представление ее интересов в вышеуказанных судах, поскольку она прямо обвиняла его в представлении ее интересов без ее ведома и в передаче в суды якобы сфальсифицированных документов, в результате чего ей был причинен имущественный ущерб. При этом он не раскрыл следствию ни суть позиции С., ни содержание ее отзывов на заявления. Полагает, что подачей жалобы заявитель пытается поставить показания Ка. под сомнение, что позволит ей исключить соответствующие эпизоды по выводу имущества ПАО Банк «...» из предъявленного ей обвинения.

Из объяснений адвоката О. следует, что он считает жалобу С. недопустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства, поскольку она ссылается на материалы дисциплинарного производства 2021 года, где сама отрицала наличие какого-либо соглашения с ним об оказании ей юридической помощи. Адвокат О. указывает, что давал показания не как адвокат – представитель С., а как физическое лицо об обстоятельствах назначения его ликвидатором ООО «...». С. упоминается им

в показаниях на допросе только в той связи, что они знакомы с 2018 года. Полномочия, указанные в доверенности, представленной С. в материалы дисциплинарного производства, касались исключительно исполнения адвокатом О. поручения по представлению ее интересов по другому делу, что уже являлось предметом дисциплинарного производства в отношении него в 2021 году.

Давая оценку профессиональному поведению адвоката Ка. в связи с выдвинутыми в отношении него дисциплинарными обвинениями, Совет исходит из следующего.

В соответствии с п. 2 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием.

По общему правилу не подлежат допросу в уголовном судопроизводстве: а) адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием (п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ); б) адвокат – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с оказанием юридической помощи (п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ).

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в определении от 6 июля 2000 г. № 128-О «По жалобе гражданина В. В. Паршуткина на нарушение его конституционных прав п. 1 ч. 2 ст. 72 УПК РСФСР и ст. 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР», под адвокатским иммунитетом понимается освобождение адвоката от обязанности давать свидетельские показания об обстоятельствах, которые стали ему из-

вестны в связи с выполнением обязанностей защитника или представителя в уголовном деле и тем самым защищают конфиденциальность сведений, доверенных подзащитным адвокату в связи с выполнением последним своих профессиональных функций.

Изложенная позиция Конституционного Суда Российской Федерации не исключает право адвоката дать показания в тех случаях, когда сам адвокат или его подзащитный заинтересованы в раскрытии определенных сведений.

В случае, прямо предусмотренном законодательством, в том числе Кодексом профессиональной этики адвоката как актом делегированного законодательства, допускается исключение из общего правила, когда адвокат может в необходимом объеме разглашать адвокатскую тайну без согласия доверителя, а именно: когда адвокат считает это разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу (п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в определении от 28 апреля 2022 г. № 846-О, когда адвокату стали известны какие-либо обстоятельства или сведения, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, не в силу того, что они были ему доверены или стали ему известны исходя из его профессиональной деятельности или в связи с нею, а ввиду того, что он стал очевидцем определенных событий, когда участвовал в производстве следственных действий, обеспечивая защиту прав и законных интересов от возможных нарушений уголовно-процессуального

закона со стороны органов дознания и предварительного следствия, такие обстоятельства или сведения не могут быть расценены как адвокатская тайна.

В связи с изложенным Совет констатирует, что свидетельский иммунитет адвоката не распространяется на сведения, не содержащие адвокатскую тайну, а именно на сведения:

– об имевших место в отношении доверителя нарушениях требований уголовно-процессуального закона со стороны органов предварительного расследования и иных лиц;

– об отношениях адвоката и доверителя, выходящих за рамки оказания последнему юридической помощи;

– не связанные с оказанием адвокатом квалифицированной юридической помощи лицу, за ней обратившемуся.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Ка. представлял интересы С. в судах общей юрисдикции города Я. по девяти гражданским делам, по которым С. на основании соответствующих договоров уступала Д. и Х. права требования о взыскании денежных средств с ряда физических лиц и обращению взыскания на заложенное имущество. Однако, когда в дальнейшем С. обратилась в суды этого города с исками о признании недействительными сделками перехода прав требований к Д. и Х., адвокат Ка. ответчиком по этим искам С. не являлся.

Как указано выше, к моменту допроса адвоката Ка. в качестве свидетеля по уголовному делу по вышеуказанным искам были вынесены и вступили в законную силу судебные решения, которыми в удовлетворении исковых требований С. было отказано, а также имелись заключения почерковедческих экспертиз, согласно которым все подписи на оспариваемых С. документах были выполнены ею. Данные обстоятельства,

известные адвокату Ка., сами по себе исключали реальный риск его уголовного преследования, связанного с хищением денежных средств и имущества ПАО Банк «...» в соучастии с С. Кроме того, согласно неопровергнутым пояснениям представителя С. – адвоката М. эпизоды, связанные со сделками, в связи с которыми адвокат Ка. представлял интересы С., в составе предъявленного ей обвинения отсутствовали и предметом расследования не являлись.

Несмотря на то, что С. обращалась в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении адвоката Ка. по факту якобы совершенных им в отношении нее мошеннических действий по вышеуказанным гражданским делам, материалы дисциплинарного производства не содержат каких-либо подтверждений того, что адвокат Ка. был вызван на допрос в следственный орган именно в связи с заявлением С.

Как указано выше, в возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Ка. по жалобе С. было отказано еще 14 октября 2021 г.

Сопоставляя действия адвоката Ка. с приведенными выше обязательными требованиями и установленными в результате дисциплинарного разбирательства фактическими обстоятельствами, Совет признает, что адвокат Ка. был не вправе являться на допрос в качестве свидетеля в отсутствие судебного решения, поскольку между ним и заявителем С. отсутствовал гражданский спор, рассматриваемый судом, а также отсутствовал реальный риск его уголовного преследования или дисциплинарного разбирательства.

Вместе с этим, как следует из жалобы заявителя С., пояснений ее представителей – адвоката М. и Ку. в заседании Совета, на основании показаний адвокатов Ка. и О. С. было вменено факти-

ческое руководство ПАО Банк «...», а также хищение денежных средств и имущества указанного банка. Кроме того, Совет отмечает, что эти сведения не связаны с оказанием адвокатом Ка. квалифицированной юридической помощи С. по представлению ее интересов в судах общей юрисдикции города Я., не сообщались адвокату Ка. его доверителем С. в связи с оказанием ей юридической помощи, и по этим причинам не могут быть расценены как содержащие адвокатскую тайну.

Совет также отмечает, что даже если допустить, что адвокат Ка., вопреки всем известным ему и описанным выше обстоятельствам, свидетельствующим об отсутствии реального риска его уголовного преследования, усматривал такой риск, то и в этом случае он существенно превысил допустимые пределы сообщенной следственному органу информации. Тем самым адвокат Ка. совершил действия, направленные к подрыву доверия к нему и к адвокатуре.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в объеме дисциплинарных обвинений, квалифицирует действия адвоката Ка. как нарушение взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7, пп. 2, 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре), выразившееся в его явке 25 мая 2023 г. в отсутствие судебного решения и предусмотренных законом оснований в ГСУ СК РФ для допроса в качестве свидетеля по уголовному делу в отношении его бывшего дове-

рителя С. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ка. в части вышеуказанного дисциплинарного обвинения опровергнутой, а его вину в совершении данного нарушения установленной.

При этом Совет по указанным выше основаниям не усматривает в действиях адвоката Ка. нарушения п. 3 ст. 5 и п. 6 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Оценивая профессиональное поведение адвоката О., Совет отмечает, что материалы дисциплинарного производства не содержат доказательств наличия между ним и заявителем С. какого-либо соглашения об оказании юридической помощи. В ЗаклЮчении Квалификационной комиссии приведены достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет соглашается.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что дисциплинарные обвинения в отношении адвоката О. не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката О. неопровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению.

Помимо этого, Совет отмечает, что проверка доводов заявителя С. о совершении адвокатами Ка. и О. действий, связанных с дачей заведомо ложных показаний по уголовному делу в отношении нее, а равно о совершении ими хищения путем мошенничества имущества заявителя С., находится за пределами полномочий дисциплинарных органов адвокатского самоуправления. Такими полномочиями наделены только органы и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессио-

нальной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ка. за допущенное нарушение, Совет учитывает его умышленный и грубый характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом основополагающих требований профессиональной этики, причинивший вред интересам доверителя и авторитету адвокатуры. Подобное профессиональное поведение адвоката Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет принимает во внимание, что адвокат Ка. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Ка. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального

закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ка. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7, пп. 2, 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в его явке 25 мая 2023 г. в отсутствие судебного решения и предусмотренных законом оснований в ГСУ СК РФ для допроса в качестве свидетеля по уголовному делу №... в отношении его бывшего доверителя С.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката О. по жалобе С. от 26 мая 2024 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.17. Совет объявил замечание адвокату, поскольку тот не подал апелляционную жалобу на приговор суда.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе И. от 13 июня 2023 г. в отношении адвоката К.

Квалификационная комиссия 18 сентября 2024 г. вынесла Заключение:

1) о неисполнении адвокатом К., вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса

профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем И., что выразилось в неподаче им апелляционной жалобы на приговор П. районного суда г. Москвы от 22 июня 2023 г., которым И. признан виновным в совершении двух преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в от-

ношении адвоката К. по жалобе И., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, заявил письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие.

Заявитель И. отбывает наказание в виде лишения свободы в ФКУ ИК... правом на участие представителя не воспользовался.

Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией и соглашается с ее выводами.

Заявителем против адвоката К. выдвинуты дисциплинарные обвинения в том, что он не обжаловал в апелляционном порядке приговор указанного районного суда от 22 июня 2023 г., которым И. был осужден за совершение двух преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ, не провел конфиденциальной беседы с подзащитным, не согласовал с ним позицию по делу, в ходе судебного заседания был пассивен, не заявлял ходатайств и замечаний, не истребовал характеризующие личность подсудимого документы, не задавал потерпевшим вопросы, высту-

пил с ходатайством об оглашении показаний И., в прениях заявил, что он признает вину, не вел адвокатское досье.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве П. районного суда г. Москвы находилось уголовное дело по обвинению И. (ранее дважды судимого за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 и п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ) в совершении двух преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ. Защиту подсудимого И. осуществлял по назначению суда адвокат К., который 5 мая 2023 г. принял заявку АИС АПМ № ... В судебном заседании 18 мая 2023 г. адвокат К. заявил ходатайство о приобщении характеризующих личность подсудимого документов, которое было удовлетворено судом в части приобщения свидетельства о смерти матери И., однако в приобщении документов, подтверждающих перечисление сестрой подсудимого ...руб. для нужд специальной военной операции, отказано, поскольку подсудимый в момент денежного перевода находился под стражей.

И. последовательно признавал себя виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ, в последнем слове просил суд о снисхождении, а в судебном заседании 22 июня 2023 г. не возражал против удовлетворения ходатайства адвоката К. об оглашении своих показаний.

Приговором суда от 22 июня 2023 г. И. признан виновным в совершении двух преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на пять лет с отбыванием в исправительной колонии особого режима. Осужденный И. 10 июля 2023 г. в апелляционном порядке обжаловал пригово-

вор. Адвокат К. отказался от явки в заседание суда апелляционной инстанции по рассмотрению жалобы И. в связи с отсутствием соглашения об оказании юридической помощи на этой стадии судопроизводства.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда от 11 декабря 2023 г. приговор в отношении И. изменен, ему снижен срок наказания с пяти лет до четырех лет 10 месяцев лишения свободы. Суд апелляционной инстанции приобщил к уголовному делу документы о перечислении сестрой И. от его имени пожертвования в сумме ...руб. в АНО «...», установив, что данный взнос был сделан по его поручению, и это обстоятельство должно учитываться при назначении наказания как смягчающее обстоятельство.

Переходя к оценке выдвинутого заявителем дисциплинарного обвинения в неподаче адвокатом К. апелляционной жалобы на приговор, Совет соглашается с правовым обоснованием, приведенным Квалификационной комиссией.

Согласно п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, утвержденного VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного.

В соответствии с подп. 3 п. 4 абз. 1 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат-защитник обязан обжаловать приговор, если суд не разделил его позицию, а также при нали-

чий оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам.

Поскольку И. самостоятельно обжаловал приговор, Квалификационная комиссия обоснованно отвергла довод адвоката К. о том, что И. по его рекомендации не планировал такое обжалование, чтобы не спровоцировать обжалование приговора также и стороной обвинения, что могло ухудшить его положение.

Из апелляционного определения от 11 декабря 2023 г. усматривается, что И. не был согласен с приговором, поскольку просил о снисхождении и назначении минимально возможного наказания, а назначенное ему наказание считал чрезмерно суровым, полагая, что суд не в полной мере учел все смягчающие его вину обстоятельства, в том числе аморальное поведение потерпевших. Кроме того, суд при вынесении приговора не разделил позицию не только осужденного И., но и его защитника – адвоката К., высказанную последним в прениях, что также обязывало адвоката самостоятельно обжаловать приговор.

При этом, согласно п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату. Только фиксация письменным заявлением адвокату отказа подзащитного от обжалования являлась бы достаточным доказательством обсуждения данного вопроса между ними и отказа доверителя от реализации права на обжалование приговора. Однако такое заявление И. отсутствовало.

Кроме того, из письменных объяснений адвоката К. следовало, что он передал И. квитанцию об оплате его сестрой благотворительного взноса, разъяснил ему, что она может быть принята и учтена судом апелляционной инстан-

ции в качестве смягчающего обстоятельства, тем самым рекомендовав ему обжаловать приговор по благоприятным для подзащитного мотивам.

По этой причине Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката К. в данной части опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Совет также соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что в других действиях адвоката, в отношении которых заявителем выдвинуты дисциплинарные обвинения, отсутствуют нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Доводы жалобы о том, что адвокат К. не проводил никакой конфиденциальной беседы с И., не согласовал с ним позицию по уголовному делу, в судебном заседании 18 мая 2023 г. был пассивен, не заявлял каких-либо замечаний, ходатайств, в том числе об истребовании положительных характеристик, не вел адвокатское досье, не задавал потерпевшим вопросы по обстоятельствам дела, выступил с ходатайством об оглашении показаний подзащитного, данных в ходе предварительного расследования, а в ходе судебных прений заявил, что И. признает вину в инкриминируемых ему преступлениях, Квалификационная комиссия обоснованно признала надуманными, поскольку они ничем не подтверждены. Помимо этого, утверждения И. о пассивности адвоката К. в судебном заседании являются неконкретными, поскольку из них не усматривается, в какой именно момент, какие именно замечания и (или) ходатайства адвокат К. должен был, по мнению И., заявить, какие положительные характеристики истребовать.

Как указано выше, И. в суде последовательно признавал свою вину в предъявленном обвинении, поддержал ходатайство адвоката К. об оглашении его показаний, данных на предварительном следствии, извинялся перед потерпевшими, одному из которых частично компенсировал причиненный ущерб. Согласно подп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда он убежден в наличии самоговора своего подзащитного. Поэтому в ходе судебных прений адвокат К. обоснованно заявил, что И. признает вину в инкриминируемых ему преступлениях.

Квалификационная комиссия правильно указала и на то, что органы адвокатского самоуправления не считают допустимым вмешиваться в вопросы определения тактики защиты, избираемой адвокатом, который по своему статусу, закреплённому законодательно (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), является независимым профессиональным советником по правовым вопросам. В силу этого адвокат самостоятельно определяет тот круг юридически значимых действий, которые он вправе и обязан совершить в интересах доверителя. Самостоятельное и независимое толкование закона также является неотъемлемым правом адвоката.

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, адвокат К., получив от сестры И. документы, характеризующие личность последнего, ходатайствовал перед судом об их приобщении к материалам уголовного дела.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в том, что адвокат К. не прини-

мал участия в суде апелляционной инстанции, Квалификационная комиссия привела правильные правовые обоснования, основанные на Рекомендациях Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Об обеспечении непрерывности защиты» (утверждены Решением Совета ФПА РФ от 28 ноября 2019 г.) и Разъяснении № 13 Совета Адвокатской палаты города Москвы, утвержденном 30 сентября 2019 г. Обеспечение принципа непрерывности защиты в силу стадийности уголовного судопроизводства предопределяет обязанность адвоката – защитника по назначению принимать участие в рассмотрении дела судом первой инстанции. При этом адвокат обязан участвовать также в суде апелляционной инстанции при обжаловании промежуточных судебных решений. При осуществлении защиты по назначению в досудебном производстве адвокат обязан участвовать в судебно-контрольном производстве в первой и апелляционной инстанциях (при избрании, изменении и продлении меры пресечения, мер процессуального принуждения, обжаловании действий (бездействия) и решений в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, и др.).

При обжаловании итогового решения суда первой инстанции адвокат, осуществляющий защиту по назначению, имеет приоритет – преимущественное право продолжить осуществление защиты и на этой стадии судопроизводства. Однако адвокат не может быть принужден к реализации этого права, и отсутствие его согласия на принятие такого поручения является уважительной причиной замены защитника в суде апелляционной инстанции.

Вместе с тем Совет отмечает ошибочность мнения адвоката К. о том, что в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи адвокат, осу-

ществляя защиту по назначению дознавателя, следователя и суда, не обязан посещать подзащитного, находящегося под стражей, в следственном изоляторе. С учетом того, что тактика защиты определяется адвокатом самостоятельно, но при этом должна отвечать интересам подзащитного и быть с ним согласована, свидания защитника по назначению с подзащитным в следственном изоляторе не только возможны, но при определенных обстоятельствах необходимы.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К. за совершенное им умышленное дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание, что ранее он к дисциплинарной ответственности не привлекался, имеет длительный стаж адвокатской деятельности, нарушение не повлекло негативных последствий для его подзащитного, которому адвокатом были переданы документы, послужившие основанием для смягчения приговора в суде апелляционной инстанции, и даны рекомендации об их использовании. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде

замечания за неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем И., выразившееся в неподаче апелляционной жалобы на приговор П. районного суда г. Москвы от 22 июня 2023 г.,

1.18. Адвокат, ранее уже привлекавшийся к дисциплинарной ответственности, лишен статуса за то, что поставил себя в долговую зависимость от доверителя и скрыл от него факт своего банкротства.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием заявителя С. и адвоката К. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе С. в отношении адвоката К.

Квалификационная комиссия 18 сентября 2024 г. вынесла Заключение:

– о нарушении адвокатом К. положений п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат не должен ставить себя в долговую зависимость от доверителя), выразившемся в том, что он поставил себя в долговую зависимость от доверителя С., взяв у нее по Договору займа от 16 февраля 2022 г. ...руб. (17 февраля 2022 г. ...руб. и 18 февраля 2022 г. ...руб.) с условием возврата не позднее 16 апреля 2022 г. и взяв у нее по Договору займа от 29 марта 2022 г. еще ...руб. (29 марта 2022 г. ...руб. и 31 марта 2022 г. ...руб.) с условием возврата не позднее 29 апреля 2022 г. (всего ...руб.), однако долг доверителю С. до настоящего времени не возвратил;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе С.,

которым И. признан виновным в совершении двух преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе И. от 13 июня 2024 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. в заседании Совета сообщил, что получил Заключение Квалификационной комиссии и ознакомился с ним, поддержал свое письменное заявление о несогласии с Заключением Квалификационной комиссии. В указанном заявлении адвокат К. утверждает, что Квалификационная комиссия посчитала доказанным факт заключения договоров займа между ним и С., основываясь исключительно на доказательствах «обвинения» и игнорируя объяснения адвоката и представленные им доказательства того, что договоры займа им не заключались, а денежные средства С. выплачивала ему в счет задолженности по договору цессии, заключенному адвокатом К. с ООО «...» (далее также – Общество), по которому к К. перешло право требования Общества к С. Кроме того, адвокат К. в своем заявлении о несогласии с Заключением Квалификационной комиссии указывает на то, что, по его мнению, сроки привлечения его к дисциплинарной ответственности истекли, и выражает непонимание

предмета дисциплинарного обвинения: вступление в долговую зависимость от доверителя или невозвращение долга заявителю. Помимо этого, адвокат К. в заявлении указал, что инициатором поданной С. жалобы является гражданка И., которую он в 2022 году уволил по негативным основаниям, в связи с чем она совместно с К. (представитель заявителя С.) и Г. мстит адвокату К., в том числе и таким способом. Просит Совет вернуть дисциплинарное производство в Квалификационную комиссию для нового разбирательства с целью исследования оригиналов документов вместо их копий, представленных в дисциплинарное производство. Отвечая на вопросы членов Совета, сообщил, что доказательства уведомления С. о состоявшейся уступке права требования у него нет, а также затруднился указать причину непредставления имеющихся у него оригиналов документов, равно как и основания для сомнений в идентичности и достоверности их копий, имеющихся в материалах дисциплинарного производства.

Заявитель С. в заседании Совета сообщила, что Заключение Квалификационной комиссии она получила, ознакомилась с ним, с выводами Комиссии полностью согласна. Отвечая на вопросы членов Совета, сообщила, что никаких уведомлений от адвоката К. об уступке права требования к ней она не получала и ей ничего об этом неизвестно, с гражданкой И. она знакома только в связи с судебными заседаниями, в которых та участвовала вместо адвоката К. в 2021–2022 годах. После этого она с И. не общалась, о ее увольнении и ее обстоятельствах ничего не знает. Просила Совет применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката, обосновав это тем, что он повел себя крайне недобросовестно, а именно: яв-

ляясь ее представителем по делам о разделе имущества с бывшим супругом, заведомо знал, когда и какие денежные средства должен выплачивать бывший супруг в качестве компенсации, получил от нее в долг крупную денежную сумму в размере ... руб. и, как она теперь понимает, не собирался возвращать долг. С. полагает, что подобные действия недопустимы для адвоката, подрывают доверие как к адвокату, так и к адвокатуре в целом.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

С. в 2010 году вступила в брак с В. и в замужестве носила фамилию супруга. Брак был расторгнут решением К. районного суда г. Москвы от 25 января 2022 г. по гражданскому делу о разводе и разделе общего имущества супругов, возбужденному по иску заявителя к В. В соответствии со свидетельством о расторжении брака от 14 марта 2022 г. после расторжения брака заявителю была присвоена фамилия С.

21 июля 2021 г. С. заключила с ООО «...» Соглашение № ... об оказании консультационных (юридических) услуг и представлению интересов заказчика в судах РФ, в соответствии с пп. 1 и 2 которого исполнитель (Общество) принял на себя обязательство представлять интересы С. в судах по иску о расторжении брака, взыскании алиментов, разделе совместно нажитого имущества, в том числе «обеспечить участие квалифицированных специалистов (адвокатов) в качестве представителей С.». В эту же дату заявитель выдала адвока-

ту К. нотариальную доверенность, наделив его и иных указанных в доверенности лиц (И., М.) правом представлять свои интересы в судах со всем объемом полномочий, предусмотренных нормами процессуального законодательства Российской Федерации, включая в том числе право на обращение с иском, заключение мирового соглашения, представление интересов в исполнительном производстве.

Согласно условиям мирового соглашения по делу о разделе имущества супругов В., утвержденного определением К. районного суда г. Москвы от 25 января 2022 г., В. должен был выплатить С. ...руб. по следующему графику: до 11 февраля 2022 г. – ...руб., до 11 марта 2022 г. – ...руб., до 11 апреля 2022 г. – ...руб. и до 11 мая 2022 г. – оставшуюся сумму ...руб. Адвокат К. оказывал заявителю юридическую помощь по указанному делу о разводе и разделе общего имущества супругов В. и знал об этих условиях мирового соглашения.

8 января 2022 г. заявителем с адвокатом К. было заключено Соглашение № ... об оказании юридической помощи, которое заявителем расторгнуто не было.

Таким образом, заявитель С. в силу ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката являлась доверителем адвоката К. и как лицо, которому он оказывал юридическую помощь, и как лицо, с которым он заключил соглашение об оказании юридической помощи.

В период после заключения С. с адвокатом К. соглашения от 8 января 2022 г. и до истечения срока исполнения В. условий мирового соглашения между С. и адвокатом К. были заключены два договора займа (от 16 февраля и 29 марта 2022 г.), в соответствии с условиями которых С. выдала адвокату К. займы денежные средства в общей сумме ...руб., что подтверждается

чеками ПАО «...» от 17 и 18 февраля, 29 и 31 марта 2022 г., а также справкой ПАО «...». Из чеков и справки усматривается следующее назначение платежей, совершенных в феврале 2022 года: «Договор займа между физическими лицами».

Адвокат К. полученные в долг денежные средства заявителю не возвратил, а спустя полгода после истечения срока их возврата, 26 сентября 2022 г., обратился в Арбитражный суд г. Москвы с заявлением о признании себя несостоятельным (банкротом), не сообщив об этом доверителю С. и не внеся ее в список кредиторов в соответствии с требованиями п. 3 ст. 213.4 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

С. обращалась в Т. районный суд г. Москвы с иском о взыскании денежных средств по договорам займа, однако ее исковое заявление было оставлено без рассмотрения ввиду того, что к моменту ее обращения в суд адвокат К. уже был признан банкротом. После этого С. обратилась в Арбитражный суд г. Москвы в рамках дела о признании адвоката К. несостоятельным (банкротом) с заявлением о включении ее требований в реестр требований кредиторов. Определением арбитражного суда от 15 мая 2024 г. требования С. в размере ...руб. были признаны обоснованными, однако подлежащими удовлетворению за счет имущества, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов третьей очереди. Суд первой инстанции, рассматривая заявление С. о включении ее требований в реестр требований кредиторов должника К., указал на пропуск ею установленного п. 2 ст. 213.8 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» двухмесячного срока на подачу такого заявления и отказал в удовлет-

ворении ходатайства о восстановлении пропущенного срока. Постановлением ...арбитражного апелляционного суда от 21 августа 2024 г. указанное определение оставлено без изменения, а апелляционная жалоба К. без удовлетворения.

Заявитель С. выдвинула в отношении адвоката К. дисциплинарное обвинение в нарушении п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что он поставил себя в долговую зависимость от доверителя С., взяв у нее 16 февраля и 29 марта 2022 г. в долг на два месяца денежные средства в сумме ...руб., которые не вернул. По мнению С., умышленный отказ адвоката от погашения крупной задолженности приводит к подрыву доверия к нему и к адвокатуре.

Кроме того, в жалобе выдвинуто обвинение в том, что адвокат К. говорил по телефону с доверителем в неподобающих тоне и манере, обратился к С. на «ты» со словами «Кто ты такая?», а также в том, что адвокат К. обманул заявителя, заранее не намереваясь возвращать ей полученные в долг денежные средства.

Рассматривая дисциплинарное обвинение во вступлении адвоката К. в долговую зависимость от доверителя С., Совет приходит к выводу о его обоснованности.

Пунктом 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката установлено, что адвокат не должен ставить в себя в долговую зависимость от доверителя.

Как указано выше, С. в момент выдачи займов адвокату К. являлась доверителем последнего.

Действительность договоров займа и наличие задолженности адвоката К. перед займодавцем С., образовавшейся по этим договорам, установлены указанным выше определением Арбитражного суда г. Москвы от 15 мая 2024 г.

Это определение вступило в законную силу по результатам рассмотрения апелляционной жалобы адвоката К. Суд апелляционной инстанции, отказав постановлением от 21 августа 2024 г. в удовлетворении этой жалобы, указал помимо прочего, что отсутствие подписи займодавца С. на договорах займа не свидетельствует об их незаключенности, а факт передачи денег С. документально подтвержден.

Денежные средства были предоставлены С. адвокату К. в качестве займа в период, когда она являлась его доверителем.

Довод адвоката К. о наличии долга заявителя перед ним, якобы возникшего на основании уступки ему требования ООО «...» к С., какими-либо доказательствами не подтвержден. Более того, данный довод адвокатом К. в ходе разрешения арбитражными судами заявления С. о включении ее требований к нему в реестр требований кредиторов не заявлялся, доказательства уведомления С. об уступке права требования к ней от ООО «...» в пользу К. также отсутствуют, сама С. данные обстоятельства отрицает.

Представленная С. в материалы дисциплинарного производства переписка с адвокатом К. за 15–18 февраля и 17–31 марта 2022 г. подтверждает, что по истечении срока осуществления первых платежей по мировому соглашению в пользу С. адвокат К. обращался к ней с просьбой предоставить *«один-два миллиона сроком на один месяц, готов под процент»*, прислал ей оба договора займа со своей подписью, получал от нее копии чеков о переводах денежных средств по ним. Данная переписка представлена заявителем в составе заключений специалистов по исследованию цифровой информации, в которых подтверждается, что переписка не имеет

следов корректировки либо монтажа, и подлинность данной переписки адвокатом К. не отрицалась.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом К. положений п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката при описанных обстоятельствах.

Совет отклоняет как несостоятельные и надуманные доводы адвоката К. о неясности предмета данного дисциплинарного обвинения и об истечении срока применения к нему мер дисциплинарной ответственности, поскольку предмет дисциплинарного обвинения сформулирован к Заключению Квалификационной комиссии исчерпывающе ясно с приведением всех фактических обстоятельств и с указанием на являющийся характер этого нарушения, продолжающегося и в момент рассмотрения дисциплинарного производства Советом в силу невозвращения долга и, следовательно, продолжающейся недопустимой долговой зависимости адвоката от доверителя. Адвокат К. как профессиональный советник по правовым вопросам не может не осознавать этих очевидных обстоятельств. Совет также не находит оснований для направления дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства, поскольку, вопреки голословным утверждениям адвоката К., все фактические обстоятельства установлены Квалификационной комиссией с достаточной полнотой, а все ее выводы, в том числе о правовой оценке деяния адвоката, мотивированы и не содержат противоречий.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в неподобающей манере общения с С., Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает его необо-

снованным. Согласно подп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката жалоба в отношении адвоката должна содержать указание на конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им профессиональных обязанностей, и доказательства, подтверждающие соответствующие обстоятельства. Этим требованием рассматриваемое дисциплинарное обвинение не соответствует, в связи с чем дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

К такому же выводу Совет приходит в отношении довода жалобы о том, что адвокат К. обманул заявителя С., заранее не намереваясь возвращать ей денежные средства, поскольку в полномочия органов адвокатского самоуправления не входит оценка действий адвоката на предмет наличия в них состава уголовно наказуемого деяния. Такая оценка может быть дана только уполномоченными государственными органами в порядке уголовного судопроизводства, установленном УПК РФ.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К. за совершенное нарушение, Совет учитывает его умышленный и грубый характер, свидетельствующий о злостном игнорировании адвокатом К. основополагающих требований профессиональной этики, касающихся отношений адвоката с доверителем. Совет отмечает, что это нарушение совершено им сознательно и причинило существенный вред доверителю С., которая в условиях банкротства К. лишена возможности вернуть переданные ему займы денежные средства. Совет расценивает профессиональное поведение адвоката К. как недопустимое и причиняющие ущерб авторитету адвокатуры. Кроме

того, Совет принимает во внимание, что ранее его решением к адвокату К. уже была применена мера дисциплинарного взыскания в виде предупреждения за нарушение требований подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката. Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что недобросовестное и недопустимое профессиональное поведение адвоката К. носит систематический характер, и в силу этих причин оно несовместимо со статусом адвоката. При таких обстоятельствах Совет считает необходимым применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет не находит оснований для применения к адвокату К. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как с учетом систематического характера и тяжести нарушений, так и в силу того, что это могло бы создать ложное впечатление о совместимости подобного поведения с принадлежностью к адвокатскому сообществу.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей, нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката, неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого К. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет, учитывая все установленные обстоятельства, в том числе данные о личности и профессиональной деятельности К., считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 2 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, пп. 4–5, подп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение положений п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат не должен ставить себя в долговую зависимость от доверителя), выразившееся в том, что он поставил себя в долговую зависимость от доверителя С., взяв у нее по договорам займа ...руб., однако долг доверителю С. до настоящего времени не возвратил.

Установить в отношении К. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе С., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.19. Совет прекратил статус адвоката, который по доверенности продал доли своих доверителей в компании, не согласовав с ними условия сделки и действуя в интересах самих компаний, с которыми у него также было заключено соглашение.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием представителя адвоката Н. – адвоката К., заявителей П.О. и П.Е. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам П.О. и П.Е. в отношении адвоката Н.

Квалификационная комиссия 9 октября 2024 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне), исполнении адвокатом Н. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П.О., выразившемся в том, что, действуя в качестве ее представителя по доверенности от 1 августа 2023 г., удостоверенной А., временно исполняющей обязанности нотариуса Б. нотариального округа Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Т., и уполномочивающей адвоката Н. быть представителем П.О. во всех коммерческих и некоммерческих учреждениях и орга-

низациях любых форм собственности по вопросам продажи принадлежащей ей доли в уставном капитале ООО «...» в размере 49% за цену и на условиях по своему усмотрению, в том числе с правом подписать договор купли-продажи в нотариальной форме и получить причитающиеся П.О. деньги, адвокат Н.:

– продала принадлежащую П.О. долю в размере 49% уставного капитала ООО «...» покупателю С. по договору купли-продажи доли в уставном капитале ООО «...» от 7 августа 2023 г., заключенному между П.О. в лице представителя по доверенности – Н. и С., удостоверенному нотариусом г. Москвы Л., по несогласованной с доверителем П.О. цене, а именно за ...руб.;

– не сообщила доверителю П.О. о факте и условиях продажи принадлежащей П.О. доли в уставном капитале ООО «...» в размере 49% уставного капитала;

– не передала доверителю П.О. подлинный экземпляр указанного договора купли-продажи доли в уставном капитале ООО «...», заключенного между П.О. в лице представителя по доверенности – Н. и С.;

– не получила от покупателя С. для последующей передачи доверителю П.О. денежные средства в размере ...руб. по указанному договору купли-продажи, которые покупатель С. была обязана уплатить продавцу П.О. в лице представителя – адвоката Н. в наличной форме в дату заключения указанного договора, не проинформировав о данном обстоятельстве доверителя П.О.;

2) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокат-

ской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне), исполнении адвокатом Н. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П.Е., выразившемся в том, что, действуя в качестве представителя П.Е. по доверенности от 23 августа 2023 г., удостоверенной Ц., временно исполняющей обязанности нотариуса г. Москвы Л., и уполномочивающей адвоката Н. быть представителем П.Е. во всех судебных, административных и иных государственных и негосударственных учреждениях и организациях, независимо от формы собственности и ведомственной подчиненности по всем вопросам, касающимся П.Е. как участника ООО «С.», в том числе с правом продать за цену и на условиях по своему усмотрению принадлежащую П.Е. долю в уставном капитале ООО «С.» в размере 20% уставного капитала, а также с правом подписать договор купли-продажи в нотариальной форме и получить причитающиеся П.Е. деньги, адвокат Н.:

– продала принадлежащую П.Е. долю в размере 20% уставного капитала ООО «С.» покупателю С. по договору купли-продажи доли в уставном капитале ООО «С.» от 13 октября 2023 г., заключенному между П.Е. в лице представителя по доверенности – Н. и С., удостоверенному Ц., временно испол-

няющей обязанности нотариуса г. Москвы Л., по несогласованной с доверителем П.Е. цене, а именно за ...руб.;

– не сообщила доверителю П.Е. о факте и условиях продажи принадлежащей ей доли в уставном капитале ООО «С.» в размере 20% уставного капитала;

– не передала доверителю П.Е. подлинный экземпляр указанного договора купли-продажи, заключенного между П.Е. в лице представителя по доверенности – Н. и С.;

– не получила от покупателя С. для последующей передачи доверителю П.Е. денежные средства в размере ...руб. по упомянутому договору купли-продажи, которые покупатель С. была обязана уплатить продавцу П.Е. в лице представителя – адвоката Н. в наличной форме в дату заключения указанного договора, не проинформировав о данном обстоятельстве доверителя П.Е., а лишь выплатив ей 26 августа 2024 г. почтовым переводом денежные средства в размере ...руб., фактически полученные из кассы ООО «С.» 23 августа 2024 г.;

3) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Н. по жалобам П.О. и П.Е. в части доводов П.О. и П.Е. о совершении адвокатом Н. мошеннических действий и в части доводов П.Е. о нарушении адвокатом Н. прав Пов. вследствие отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Н. по жалобам П.О. и П.Е., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Н., уведомленная надлежащим образом о дате и времени рассмотрения дисциплинарного дела и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, обеспечила участие представителя, письменно ходатайствовала о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие, с выводами Квалификационной комиссии согласилась. Принимая во внимание эти обстоятельства, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившейся адвоката Н.

Представитель адвоката Н. – адвокат К. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Квалификационной комиссии согласился частично, при этом поддержал письменно выраженную позицию адвоката Н. о согласии с выводами Квалификационной комиссии, пояснив, что не знал о ней.

Заявитель П.Е. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Квалификационной комиссии согласилась. Выказала мнение о несовместимости поведения адвоката Н. со статусом адвоката, в результате действий которой ей был причинен материальный ущерб и она не получила ожидаемые денежные средства.

Заявитель П. О. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Квалификационной комиссии согласилась. Пояснила, что пострадала от

действий адвоката Н. – понесла убытки. Мера дисциплинарной ответственности оставила на усмотрение Совета.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства и Заключение Квалификационной комиссии, выслушав явившихся участников, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 1 августа 2023 г. П.О. выдала доверенность, удостоверенную А., временно исполняющей обязанности нотариуса Б. нотариального округа Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Т. (далее – доверенность от 1 августа 2023 г.), уполномочивающую Н. быть представителем П.О. во всех коммерческих и некоммерческих учреждениях и организациях любых форм собственности по вопросам продажи принадлежащей ей доли в уставном капитале ООО «...» в размере 49% за цену и на условиях по своему усмотрению, в том числе с правом подписать договор купли-продажи в нотариальной форме и получить причитающиеся П.О. деньги, срок действия доверенности – один год.

7 августа 2023 г. между П.О. в лице ее представителя Н., действующей на основании доверенности от 1 августа 2023 г., и С. заключен договор купли-продажи доли в уставном капитале ООО «...», удостоверенный нотариусом г. Москвы Л., по которому П.О. продала С. долю в уставном капитале ООО «...» в размере 49% уставного капитала за ... руб.

23 августа 2023 г. П.Е. выдала доверенность, удостоверенную Ц., временно исполняющей обязанности нотариуса г. Москвы Л. (далее – доверенность от 23 августа 2023 г.), уполномочивающую Н. быть представителем П.Е.

во всех судебных, административных и иных государственных и негосударственных учреждениях и организациях, независимо от формы собственности и ведомственной подчиненности, по всем вопросам, касающимся П.Е. как участника ООО «С.», в том числе с правом продать за цену и на условиях по своему усмотрению принадлежащую П.Е. долю в уставном капитале ООО «С.» в размере 20% уставного капитала, а также с правом подписать договор купли-продажи в нотариальной форме и получить причитающиеся П.Е. деньги, срок действия доверенности — пять лет.

13 октября 2023 г. между П.Е. в лице ее представителя Н., действующей на основании доверенности от 23 августа 2023 г., и С. заключен договор купли-продажи доли в уставном капитале ООО «С.» от 13 октября 2023 г., удостоверяющий Ц., временно исполняющей обязанности нотариуса г. Москвы Л., по которому П.Е. продала С. долю в уставном капитале ООО «С.» в размере 20% уставного капитала за ...руб.

В отношении адвоката Н. заявителями П.О. и П.Е. выдвинуты дисциплинарные обвинения:

в совершении действий против законных интересов доверителя П.О., выразившихся:

– в продаже принадлежащей П.О. доли в размере 49% уставного капитала ООО «...» С. по договору купли-продажи от 7 августа 2023 г., заключенному между П.О. в лице представителя по доверенности Н. и С., по не согласованной с доверителем П.О. заниженной цене;

– в неисполнении обязанности по передаче П.О. полученных по данному договору денежных средств в сумме ...руб.;

– в несообщении доверителю П.О. о факте и условиях продажи принад-

лежащей ей доли в уставном капитале ООО «...»;

– в неисполнении обязанности по передаче П.О. документов, полученных в связи с заключением договора купли-продажи от 7 августа 2023 г.;

в совершении действий против законных интересов доверителя П.Е., выразившихся:

– в продаже принадлежащей П.Е. доли в размере 20% уставного капитала ООО «С.» С. по договору купли-продажи доли в уставном капитале ООО «С.» от 13 октября 2023 г., заключенному между П.Е. в лице представителя по доверенности Н. и С., по не согласованной с доверителем П.Е. заниженной цене;

– в неисполнении обязанности по передаче П.Е. полученных по договору купли-продажи от 13 октября 2023 г. денежных средств в сумме ...руб.;

– в несообщении доверителю П.Е. о факте и условиях продажи принадлежащей ей доли в уставном капитале ООО «С.»;

– в неисполнении обязанности по передаче П.Е. документов, полученных в связи с заключением договора купли-продажи от 13 октября 2023 г.

Давая оценку этим дисциплинарным обвинениям, Совет принимает во внимание их схожесть, а также взаимосвязанность обстоятельств и отмечает следующее.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Н. не только была осведомлена о выдаче ей П.О. и П.Е. вышеуказанных доверенностей и объеме предоставленных ей полномочий, но и фактически реализовала эти полномочия, действуя в качестве представителя П.О. и П.Е. в правоотношениях с другими лицами при заключении договоров купли-продажи от имени П.О. и П.Е. от 7 августа 2023 г. и от 13 октября 2023 г. соответственно.

Порядок оказания адвокатами квалифицированной юридической помощи доверителям определяется Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 и 2 ст. 25 которого установлено, что адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

Надлежащее исполнение адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом. Это, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью. Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, обязанность честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем.

Кроме того, заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязан-

ности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения. Нарушение указанных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам, а как лица, которое, пользуясь своими связями, оказывает различного рода услуги неясной правовой природы. Все это, будучи тем или иным образом обнаружено, в конечном счете подрывает доверие граждан, общества и государства к адвокатам и адвокатуре как важнейшему правозащитному институту.

В силу приведенных выше профессионально-этических предписаний именно на адвокате Н. как профессиональном участнике правоотношений с доверителями П.О. и П.Е. лежала обязанность по обеспечению надлежащей формализации ее правоотношений с ними. По этой причине оказание юридической помощи этим доверителям без заключения и оформления с ними в простой письменной форме соглашений об оказании юридической помощи ни в коей мере не освобождало адвоката Н. от необходимости честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката.

При этом адвокат не вправе оказывать юридические услуги (правовую помощь) вне рамок адвокатской деятельности (п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката). Исключения, предусмотренные данной нормой Кодекса, не имеют отношения к характе-

ру правовой помощи, оказанной адвокатом Н. доверителям П.О. и П.Е. при представлении их интересов в описанных обстоятельствах.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что адвокат Н., действуя на основании выданных ей П.О. и П.Е. доверенностей и приступив к оказанию им юридической помощи, фактически вступила в правоотношения по оказанию юридической помощи П.О. и П.Е., которые в силу этого являлись доверителями адвоката Н.

Квалификационная комиссия также верно указала в Заключение, что положения ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не предусматривают исчерпывающего перечня видов оказываемой адвокатами юридической помощи. В этой связи Совет отмечает, что представление адвокатом интересов доверителя при заключении и исполнении договора купли-продажи его имущества вне разумных сомнений является самостоятельным видом юридической помощи. Следовательно, исполнение адвокатом такого поручения предполагает и исполнение им всего комплекса профессиональных обязанностей, возложенных на него законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

По этим причинам Совет отклоняет как несостоятельный, противоречащий вышеприведенным обязательным требованиям ранее высказывавшийся адвокатом Н. и ее представителем – адвокатом К. довод о том, что при заключении договоров купли-продажи от имени П.О. и от имени П.Е. адвокат Н. действовала лишь как «исполнитель», которая «не оказывала юридической помощи ни П.О., ни П.Е., действуя по доверенности как физическое лицо».

Адвокат Н. в ходе дисциплинарного разбирательства утверждала, что при заключении договора купли-продажи от 7 августа 2023 г. от имени П.О. и договора купли-продажи от 13 октября 2023 г. от имени П.Е. она должна была действовать и действовала не в их интересах, а в интересах ООО «С.» и ООО «...», поскольку между адвокатским кабинетом Н. и ООО «С.» заключен Договор от 1 августа 2023 г. № ... предусматривающий в качестве поручения сопровождение сделки в нотариальных органах по заключению договора купли-продажи доли в уставном капитале ООО «С.» от имени продавца П.Е. покупателю С. за ...руб., а также между адвокатским кабинетом Н. и ООО «...» заключен Договор от 3 августа 2023 г. № ... предусматривающий в качестве поручения обязательство по нотариальному удостоверению договора купли-продажи доли в уставном капитале ООО «...» на условиях, предварительно оговоренных учредителями С. и П.О.

Совет в этой связи, прежде всего, отмечает противоречивость позиции адвоката Н., заключившей с другими доверителями соглашение об оказании именно той юридической помощи, которую она не признавала таковой в своих отношениях с заявителями П.О. и П.Е. Кроме того, Совет отмечает, что, вопреки утверждениям адвоката Н., ее обязанность действовать именно и исключительно в интересах П.О. и П.Е. при представлении их интересов недвусмысленно усматривается из содержания указанных выше доверенностей от 1 и от 23 августа 2023 г., которыми адвокат Н. наделялась полномочиями по представлению интересов соответственно П.О. и П.Е. При этом согласно п. 1 ст. 185 ГК РФ доверенностью признается письменное уполномочие, выдаваемое одним лицом другому лицу или другим лицам для представитель-

ства перед третьими лицами. Согласно п. 1 ст. 182 ГК РФ сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого. Согласно п. 3 ст. 182 ГК РФ представитель не может совершать сделки от имени представляемого в отношении себя лично, а также в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является, за исключением случаев, предусмотренных законом. Таким образом, адвокат Н., действуя на основании доверенностей, выданных ей П.О. и П.Е., заведомо не могла действовать в интересах иных лиц.

Однако в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что, вопреки этим требованиям, при заключении договора купли-продажи от 7 августа 2023 г. и договора купли-продажи от 13 октября 2023 г. адвокат Н. действовала не в интересах доверителей П.О. и П.Е., а в интересах иных лиц – ООО «...» и ООО «С.».

Давая оценку доводу адвоката Н., выдвигавшемуся ею в ходе дисциплинарного разбирательства, о том, что условия договоров купли-продажи от 7 августа и от 13 октября 2023 г. были согласованы без ее участия и поэтому о цене продажи принадлежащих П.О. и П.Е. долей она узнала от генеральных директоров ООО «...» и ООО «С.», Совет отмечает следующее.

Доверенности, выданные адвокату Н. гражданами П.О. и П.Е., не содержали условия о конкретных ценах продажи принадлежащих им долей в уставных капиталах ООО «...» и ООО «С.». Предусмотренное в данных доверенностях полномочие адвоката Н. продать доли в уставных капиталах «за цену и на условиях по усмотрению представителя»

в контексте положений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре не может рассматриваться как право адвоката Н. произвольно и без согласования с П.О. и П.Е. определить такие цены. Адвокат Н., представляя интересы указанных доверителей, тем более была не вправе осуществить сделки купли-продажи их имущества на условиях, диктуемых ей иными лицами, в том числе генеральными директорами ООО «...» и ООО «С.».

Напротив, надлежащее исполнение профессиональных обязанностей перед доверителями П.О. и П.Е. требовало от адвоката Н. согласовать с ними как цены, так и иные существенные условия продажи принадлежащих им долей в уставных капиталах вышеуказанных обществ, а также получить от П.О. и П.Е. выраженное в недвусмысленной форме согласие на заключение вышеуказанных гражданско-правовых договоров в их интересах на конкретных условиях.

Доводы адвоката Н. о том, что по заключенным ею от имени П.О. и П.Е. договорам купли-продажи от 7 августа и от 13 октября 2023 г. она денежных средств не получала, договоры купли-продажи им лично не передавала, а условия отчуждения их имущества с ними не обсуждала, лишь свидетельствуют об уклонении адвоката Н. от исполнения вышеуказанных профессиональных обязанностей перед доверителями, тем более что доверенности от 1 и от 23 августа 2023 г. предусматривали полномочия адвоката Н. на получение денежных средств от продажи долей, а условия договоров купли-продажи от 7 августа и от 13 октября 2023 г. предусматривали как передачу продавцам (их представителю) денежных средств в день заключения каждого из них, так и вручение адвокату Н. как представителю продавцов экземпляров заключенных договоров.

Поэтому адвокат Н., действуя в качестве представителя своих доверителей П.О. и П.Е. разумно и добросовестно, оказывая им квалифицированную юридическую помощь на профессиональной основе, для обеспечения соблюдения прав и интересов доверителей была обязана проинформировать доверителей о заключении в их интересах договоров на конкретных условиях и получить их согласие на это, а также обеспечить получение и получить денежные средства от покупателя С. и передать своим доверителям как причитающиеся им денежные средства (...руб. П.О. и ...руб. П.Е.), так и подлинные экземпляры заключенных от их имени договоров.

Совет подчеркивает, что в силу универсальных положений подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката именно на адвокате Н. лежала обязанность по обеспечению надлежащей коммуникации с доверителями П.О. и П.Е. по всем перечисленным вопросам. Поскольку неисполнение (ненадлежащее исполнение) данных обязанностей не может рассматриваться как форма добросовестного поведения, адвокат в таких случаях несет риски предъявления к нему претензий со стороны доверителя. В связи с этим ссылки адвоката Н. на исполнение третьими лицами (не являющимися стороной заключенных договоров и не несущими никаких обязательств перед ее доверителями) возложенных на нее лично обязанностей по передаче П.О. и П.Е. денег и документов не влияют на оценку ее профессионального поведения.

Таким образом, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Н.: не согласовала с доверителями цену и иные условия

продажи принадлежащих им долей; не получила их одобрение на заключение договоров купли-продажи на предусмотренных ими условиях; после заключения договоров не проинформировала доверителей о факте и условиях их заключения, не передала им подлинные экземпляры заключенных от их имени договоров; не обеспечила получение от покупателя С. и последующую передачу доверителям П.О. и П.Е. денежных средств, полученных от продажи их имущества.

Вместо всего этого адвокат Н. действовала в интересах иных лиц, с которыми у нее были заключены соглашения – ООО «...» и ООО «С.», что явно противоречило законным интересам П.О. и П.Е., выходявших в силу заключения данных договоров из состава участников этих обществ.

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне.

Совокупность описанных выше обстоятельств, установленных в результате дисциплинарного разбирательства, свидетельствует о грубом нарушении адвокатом Н. этих требований и неисполнении ею основополагающих обязанностей перед доверителями П.О. и П.Е.

По этим причинам Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Н. в данной части дисциплинарных обвинений опровергнутой, а ее умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения доказанной.

В связи с приведенными в жалобах заявителей П.О. и П.Е. доводами о причинении им действиями адвоката Н.

убытков Совет разъясняет заявителям, что они не могут быть рассмотрены в ходе настоящего дисциплинарного производства, поскольку находятся за пределами компетенции дисциплинарных органов адвокатского самоуправления.

Заявители П. О. и П. Е. в своих жалобах также приводят доводы о совершении адвокатом Н. мошеннических действий. Однако установление в действиях адвоката признаков уголовно-наказуемого деяния также находится вне пределов полномочий дисциплинарных органов адвокатского самоуправления. Порядок уголовного судопроизводства на территории РФ устанавливается УПК РФ (ст. 1 УПК РФ). Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно-наказуемого деяния может быть решен только в порядке, установленном УПК РФ.

Это свидетельствует о недопустимости жалобы в данной части.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении выдвинутого П. Е. дисциплинарного обвинения в совершении адвокатом Н. действий против интересов Пов. Согласно подп. 1 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства является жалоба, поданная в адвокатскую палату доверителем адвоката. Поскольку в данном случае П. Е. представителем Пов. не является и не уполномочивалась им на подачу жалобы на действия (бездействие) адвоката Н., а сам Пов. с жалобой на адвоката Н. в Адвокатскую палату города Москвы не обращался, дисциплинарное производство в данной части также подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Совет также соглашается с выводом Квалификационной комиссии о недоказанности остальных дисциплинарных обвинений, выдвинутых заявителями. Квалификационной комиссией со ссылками на установленные ею обстоятельства и материалы дисциплинарного производства подробно приведены в заключении достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Н. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их многочисленный, умышленный, злостный и системный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом Н. основополагающих профессионально-этических требований, демонстрирующий очевидное пренебрежение адвокатом Н. правами и законными интересами доверителей П. О. и П. Е. Совершенные адвокатом Н. нарушения привели к необходимости обращения П. О. в суд за защитой своих законных интересов и восстановления нарушенных прав, а также причинили вред авторитету адвокатуры.

Совокупность описанных обстоятельств убедительно показывает, что адвокат Н. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, а при осуществлении профессиональной деятельности находится под воздействием давления извне, преследует ненадлежащие и недобросовестные цели, не соответствующие предназначению адвоката, руководствуется соображениями собственной выгоды. При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката Н. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообще-

ства и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не усматривает оснований для применения к адвокату Н. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление Н. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что подобное профессиональное поведение совместимо со статусом адвоката.

Совет учитывает, что в результате длительного дисциплинарного разбирательства и после ознакомления с Заключением Квалификационной комиссии адвокат Н. в своем обращении в Совет согласилась с выводами Комиссии, никак не обосновав такое изменение своей позиции и не сообщив о нем своему представителю. Однако это обстоятельство, с учетом сказанного выше, не свидетельствует о возможности применения к ней более мягкой меры дисциплинарной ответственности.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката, неисполнении или ненадлежащем исполнении

адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Н. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушения и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о ее личности и профессиональной деятельности, считает необходимым установить этот срок в два года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1 и 2 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, пп. 4–5, подп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18, подп. 1, 2, 8 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Н. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем П.О., выразившееся в том, что, действуя

в качестве представителя П.О. по доверенности от 1 августа 2023 г., удостоверенной А., временно исполняющей обязанности нотариуса Б. нотариального округа Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Т., и уполномочивающей ее быть представителем П.О. во всех коммерческих и некоммерческих учреждениях и организациях любых форм собственности по вопросам продажи принадлежащей ей доли в уставном капитале ООО «...» в размере 49% за цену и на условиях по своему усмотрению, в том числе с правом подписать договор купли-продажи в нотариальной форме и получить причитающиеся П.О. деньги, адвокат Н.:

– продала принадлежащую П.О. долю в размере 49% уставного капитала ООО «...» покупателю С. по договору купли-продажи доли в уставном капитале ООО «...» от 7 августа 2023 г., заключенному между П. в лице представителя по доверенности – Н. и С., удостоверенному нотариусом г. Москвы Л., по не согласованной с доверителем П.О. цене, а именно за ...руб.;

– не сообщила доверителю П.О. о факте и условиях продажи принадлежащей ей доли в уставном капитале ООО «...» в размере 49% уставного капитала;

– не передала доверителю П.О. подлинный экземпляр указанного договора купли-продажи от 7 августа 2023 г., заключенного между П.О. в лице представителя по доверенности – Н. и С., удостоверенного нотариусом г. Москвы Л.;

– не получила от покупателя С. для последующей передачи доверителю П.О. денежные средства в размере ...руб. по упомянутому договору купли-продажи от 7 августа 2023 г., заключенному между П. в лице представителя по доверенности – Н. и С., удостоверенному нотариусом г. Москвы Л., которые

покупатель С. была обязана уплатить продавцу П.О. в лице представителя – адвоката Н. в наличной форме в дату заключения указанного договора, не проинформировав о данном обстоятельстве доверителя П.О.;

ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем П.Е., выразившееся в том, что, действуя в качестве представителя П.Е. по доверенности от 23 августа 2023 г., удостоверенной Ц., временно исполняющей обязанности нотариуса г. Москвы Л., и уполномочивающей адвоката Н. быть представителем П.Е. во всех судебных, административных и иных государственных и негосударственных учреждениях и организациях, независимо от формы собственности и ведомственной подчиненности по всем вопросам, касающимся П.Е. как участника ООО «С.», в том числе с правом продать за цену и на условиях по своему усмотрению принадлежащую П.Е. долю в уставном капитале ООО «С.» в размере 20% уставного капитала, а также с правом подписать договор купли-продажи в нотариаль-

ной форме и получить причитающиеся П.Е. деньги, адвокат Н.:

– продала принадлежащую П.Е. долю в размере 20% уставного капитала ООО «С.» покупателю С. по договору купли-продажи доли в уставном капитале ООО «С.». от 13 октября 2023 г., заключенному между П.Е. в лице представителя по доверенности – Н. и С., удостоверенному Ц., временно исполняющей обязанности нотариуса г. Москвы Л., по не согласованной с доверителем П.Е. цене, а именно за ...руб.;

– не сообщила доверителю П.Е. о факте и условиях продажи принадлежащей ей доли в уставном капитале ООО «С.» в размере 20% уставного капитала;

– не передала доверителю П.Е. подлинный экземпляр договора купли-продажи от 13 октября 2023 г., заключенного между П.Е. в лице представителя по доверенности – Н. и С., удостоверенного Ц., временно исполняющей обязанности нотариуса г. Москвы Л.;

– не получила от покупателя С. для последующей передачи доверителю П.Е. денежные средства в размере ...руб. по указанному договору купли-продажи от 13 октября 2023 г., заключенному между П.Е. в лице представителя по доверенности – Н. и С.,

которые покупатель С. была обязана уплатить продавцу П.Е. в лице представителя – адвоката Н. в наличной форме в дату заключения указанного договора, не проинформировав о данном обстоятельстве доверителя П.Е., а лишь выплатив ей 26 августа 2024 г. почтовым переводом денежные средства в размере ...руб., фактически полученные из кассы ООО «С.» 23 августа 2024 г.

Установить в отношении Н. срок, по истечении которого она может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, продолжительностью в 2 (два) года.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Н. по жалобам П.О. и П.Е.:

в части доводов П.О. и П.Е. о совершении адвокатом Н. мошеннических действий и в части доводов П.Е. о нарушении адвокатом Н. прав Пов. – вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.20. Совет прекратил статус адвоката, который не исполнил обязательства по оказанию доверителю юридической помощи, перепоручив их исполнение другому лицу.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием представителя адвоката Ч. – К. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам Л. от 8 апреля, 15 и 23 июля 2024 г. в отношении адвоката Ч.

Квалификационная комиссия 18 сентября 2024 г. вынесла Заключение:

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 1 ст. 8, ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Ч. профессиональных обязанностей перед доверителем Л., выразившемся в том, что она не предприняла необходимых и достаточ-

ных действий, направленных на защиту права доверителя Л. на рассмотрение в разумные сроки гражданского дела по иску Л. к ООО УК ДЭЗ «...», которое 15 мая 2023 г. было принято к производству мирового судьи судебного участка № ... г. Москвы, затем определением мирового судьи от 14 июня 2023 г. (вступившим в законную силу 6 июля 2023 г.) передано по подсудности в Г. районный суд г. Москвы и поступило в данный суд только 1 февраля 2024 г., то есть спустя почти семь месяцев с даты вступления в законную силу указанного определения мирового судьи о передаче дела по подсудности;

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Ч. профессиональных обязанностей перед доверителем Л., выразившемся в перепоручении исполнения своих обязательств по представлению интересов доверителя Л. в судебных заседаниях судебной коллегии по гражданским делам М. городского суда 14 и 26 февраля 2024 г. по гражданскому делу № ... и в судебном заседании Н. районного суда г. Москвы 5 марта 2024 г. по гражданскому делу № ... иному лицу – К.;

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Ч. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Л., выразившемся в непредставлении доверителю Л. по ее просьбе с 20 марта 2024 г. и по дату рассмотрения дисциплинарного производства отчета о выполненной адвока-

том правовой работе по Соглашению об оказании юридической помощи № ... от 20 января 2023 г.;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ч., в части дисциплинарного обвинения в оказании ею юридической помощи Щ. при подаче его исковых заявлений в П. районный суд г. Москвы, которые не были приняты судом к производству и возвращены истцу Щ., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ч. по жалобам Л., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Ч., уведомленная надлежащим образом о дате и времени рассмотрения дисциплинарного дела и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась. Подала письменные возражения на Заключение Квалификационной комиссии и обеспечила участие представителя.

Представитель адвоката Ч. – К. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Квалификационной комиссии не согласился частично, поддержав письменные возражения адвоката Ч.

Заявитель Л., уведомленная надлежащим образом о дате и времени рассмотрения дисциплинарного дела и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в за-

седание Совета не явилась. Письменно ходатайствовала об отложении заседания Совета для подготовки уточненных возражений в случае необходимости в этом после изучения заверенной копии Заключения Квалификационной комиссии, а также направила письменные возражения о несогласии с Заключением Квалификационной комиссии.

Совет отказал в удовлетворении указанного ходатайства заявителя Л., поскольку ею своевременно получено по электронной почте Заключение Квалификационной комиссии и реализовано право принесения на него возражений, что само по себе свидетельствует об ознакомлении с ним. При этом никаких отличий в содержании электронной версии Заключения и его заверенной бумажной копии не имеется.

Принимая во внимание эти обстоятельства, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства и Заключение Квалификационной комиссии, выслушав представителя адвоката Ч., Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 1 февраля 2024 г. в Г. районный суд г. Москвы поступило исковое заявление Л. (представителем истца являлась Ч.) к ООО УК ДЭЗ «...», которое на дату подачи Л. жалобы в Адвокатскую палату города Москвы находилось в процессе судебного разбирательства (граж-

данское дело № ...). До поступления в данный суд это же гражданское дело по иску Л. к ООО УК ДЭЗ «...» с 15 мая по 6 июля 2023 г. находилось под № ... в производстве мирового судьи мирового участка № ... г. Москвы М.

Определение мирового судьи М. от 14 июня 2023 г. о передаче указанного дела по подсудности не было обжаловано и вступило в законную силу 6 июля 2023 г., после чего должно было быть исполнено. Следовательно, начиная с 6 июля 2023 г. мировым судьей М. должны были быть предприняты все необходимые законные действия, направленные на передачу всех материалов гражданского дела в Г. районный суд. Однако, как указано выше, дело поступило в этот суд только 1 февраля 2024 г., т.е. спустя почти семь месяцев с даты вступления в силу определения суда о передаче его по подсудности. Такая длительная и необоснованная задержка нарушила право Л. на рассмотрение ее иска в разумный срок.

Как утверждает в своей жалобе заявитель Л., иск был подан в указанный мировой судебный участок адвокатом Ч. За то время, пока дело ожидало передачи в районный суд для рассмотрения по существу, управляющая компания дважды пыталась через судебный приказ взыскать с нее деньги по незаконно начисленной задолженности за пользование 500 куб. м воды. Несколько раз она просила адвоката Ч. продублировать иск в районный суд, где та часто бывала по другим делам. Но эту просьбу, как и другие ее просьбы способствовать ускорению передачи дела, адвокат Ч. проигнорировала. В итоге иск поступил в районный суд лишь в феврале 2024 года. Л. предполагает, что адвокат Ч. намеренно затягивала рассмотрение дела.

Оценивая данное дисциплинарное обвинение, Совет отмечает, что предусмотренная подп. 1 п. 1 ст. 7 Феде-

рального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством способами предписывает адвокату в том числе предпринять все возможные действия по обеспечению права доверителя на рассмотрение в разумный срок гражданского дела, которое почти семь месяцев не передавалось по подсудности из одного суда в другой.

Согласно ч. 3 ст. 33 ГПК РФ передача дела по подсудности в другой суд осуществляется по истечении срока обжалования этого определения, а в случае подачи жалобы – после вынесения определения суда об оставлении жалобы без удовлетворения.

В соответствии с ст. 6.1 ГПК РФ судопроизводство должно осуществляться в разумные сроки, установленные нормами ГПК РФ, продление которых допустимо в случаях и порядке, установленных процессуальными нормами.

Участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случаях нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении (ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Таким образом, в сложившейся процессуальной ситуации адвокату Ч. при осуществлении защиты интересов доверителя Л., нарушенных необоснованной задержкой передачи гражданского дела и, следовательно, сроков его рассмотрения, необходимо было принять все доступные ей меры для ускорения передачи дела. Однако адвокат Ч., со-

гласно ее пояснениям, ограничилась лишь несколькими визитами к судьям, что, как следует из установленных Квалификационной комиссией обстоятельств, не привело к достижению положительного результата.

Описанное профессиональное поведение адвоката Ч. свидетельствует о ненадлежащем исполнении ею профессиональных обязанностей по оказанию юридической помощи доверителю Л. Являясь профессиональным советником по правовым вопросам, адвокат Ч. была обязана знать и применить все нормы процессуального закона, направленные на защиту права доверителя Л. на рассмотрение в разумные сроки ее гражданского дела, включая в том числе обжалование в установленном законом порядке бездействия судьи и сотрудников аппарата суда. По этим причинам Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката Ч. о том, что она как представитель истца не могла влиять на сроки передачи дела по подсудности, поскольку эти действия находятся в компетенции суда.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ч. в данной части опровергнутой, а ее умышленную вину в дисциплинарном нарушении доказанной.

В отношении адвоката Ч. заявителем Л. также выдвинуто дисциплинарное обвинение в том, что она без согласования с Л. не участвовала в судебных заседаниях суда апелляционной инстанции 14 и 26 февраля 2024 г. по гражданскому делу № ... и 5 марта 2024 г. в судебном заседании в Н. районного суда г. Москвы по гражданскому делу № ... а вместо нее в качестве представителя Л. участвовало иное лицо – К.

Факты неучастия адвоката Ч. в указанных судебных заседаниях, как и участия в них К. в качестве представителя Л. достоверно установлены

в результате дисциплинарного разбирательства и никем из его участников не оспариваются.

Давая оценку этому дисциплинарному обвинению, Совет отмечает, что приведенные выше требования подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, безусловно, предполагают личное исполнение адвокатом поручения доверителя, принятого в соответствии с соглашением об оказании юридической помощи. Поэтому уклонение адвоката от личного участия в судебных заседаниях по принятому поручению доверителя с перепоручением такого участия иному лицу нарушает права и интересы доверителя и свидетельствует о ненадлежащем исполнении адвокатом профессиональных обязанностей перед ним.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката Ч. о том, что Л., выдав 25 января 2023 г. К. нотариально удостоверенную доверенность с полномочием представлять ее интересы в судебном разбирательстве, тем самым дала согласие на такое его участие. Вопреки этому утверждению адвоката Ч., такое волеизъявление Л. ни в коей мере не освобождало саму адвоката Ч. от надлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед доверителем, включая обязанность лично участвовать в судебных заседаниях. Подобное участие адвоката Ч. могло иметь место наряду с иным лицом, уполномоченным доверителем, однако данное обстоятельство не позволяло ей перепоручить участие иному лицу и устранилась от него самой.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом Ч.

профессиональных обязанностей перед доверителем, выразившемся в том, что, не явившись 14 и 26 февраля 2024 г. в заседания суда апелляционной судебной коллегии и 5 марта 2024 г. в заседание Н. районного суда по упомянутым гражданским делам и поручив участие в указанных заседаниях своему сыну К., она тем самым фактически перепоручила последнему исполнение своих обязанностей перед доверителем Л.

Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ч. и в данной части опровергнутой, а ее умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения доказанной.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения в том, что адвокат Ч., несмотря на неоднократные просьбы доверителя Л., не предоставила ей отчет о проделанной по Соглашению об оказании юридической помощи от 20 января 2023 г. № ... работе, Совет отмечает, что согласно п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан при отмене или по исполнению поручения предоставить доверителю по его просьбе такой отчет.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что заявитель Л. 20 марта 2024 г. прислала адвокату Ч. на ее электронный почтовый ящик сообщение, содержащее требование о предоставлении отчета по указанному соглашению.

Адвокат Ч., получив это требование, не представила Л. отчет в виде отдельного документа, оформленного надлежащим образом, что не отрицается самой адвокатом Ч. и ее представителем.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным ненадлежащее исполнение адвокатом Ч. профессиональных обязанностей перед доверителем Л., выразившееся

в непредставлении последней отчета о проделанной работе при описанных обстоятельствах. Презумпцию добросовестности адвоката Ч. в этой части Совет также признает опровергнутой.

Заявителем Л. также выдвинуто в отношении адвоката Ч. дисциплинарное обвинение в том, что она не смогла вовремя и корректно подать в суд подготовленный Л. в декабре 2022 г. иск к Департаменту городского имущества и ГБУ «А.» по общедомовому имуществу (подвал). Суд четыре раза выносил определение о возвращении иска в связи с неустранимостью недостатков.

Однако в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что получателем юридической помощи в подаче всех указанных исков являлся Щ., а не заявитель Л., которая также не заключала с адвокатом Ч. в простой письменной форме, как это предусмотрено ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», соглашение об оказании такой юридической помощи в пользу Щ. Юридическая помощь по соглашению об оказании юридической помощи от 20 января 2023 г. оказывалась адвокатом Ч. исключительно Л. Оказание юридической помощи каким-либо иным лицам этим соглашением не предусмотрено.

При таких обстоятельствах Л., согласно ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката, не является доверителем адвоката Ч. в данной части и поэтому не вправе предъявлять к ней какие-либо претензии в связи с оказанием юридической помощи иному лицу – Щ., и дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Рассматривая остальные многочисленные дисциплинарные обвинения, выдвинутые заявителем Л. в отношении адвоката Ч. (в частности, в неявке в судебные заседания: 11 марта 2024 г. в Г. районный суд, 19 и 21 марта 2024 г. – в Н. районный суд по ее гражданским делам; неприятии мер по уточнению иска и представлению суду расчета начислений, затребованного судьей в заседании 20 февраля 2024 г. по ее гражданскому делу, несообщении о том, что адвокат Ч. не будет готовиться к судебному процессу 19 апреля 2024 г. и не явится в него; передаче заявителю материалов дела к заседаниям 19 и 21 марта 2024 г.; удержании и невозвращении документов; несвоевременной подаче апелляционной жалобы на решение Г. районного суда от 6 июня 2023 г. по ее гражданскому делу; подаче искового заявления с нарушением правил подсудности; в невыполнении плана работы, согласно которому адвокату Ч. необходимо было получить акты в УК «А.», подать досудебную претензию в УК и подать исковое заявление в суд; неподаче кассационной жалобы по арбитражному делу; ненадлежащем исполнении поручений с февраля 2023 года (*«полностью заморозила рассмотрение судебных процессов, не подала ни жалобы, ни иски, ни заявления на судебные расходы, ни запросы, не получила и не подала исполнительные листы»*)), в результате чего срок для подачи жалоб и исков был пропущен, тем самым Л. утратила право на судебную защиту и понесла убытки; в неприятии мер по привлечению злостного неплательщика алиментов к ответственности и необжаловании бездействия приставов в прокуратуру или в суд), Совет соглашается с Квалификационной комиссией, которая со ссылками на установленные ею обстоятельства и материалы дисциплинарного

производства подробно мотивировала в Заключении вывод о необоснованности и неконкретности данных дисциплинарных обвинений.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ч. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их многочисленный, умышленный и злостный характер, свидетельствующий о систематическом игнорировании адвокатом Ч. основополагающих требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также профессиональной этики. Совет также учитывает, что к адвокату Ч. ранее Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 15 августа 2024 г. № ... была применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за аналогичные дисциплинарные нарушения, что в совокупности с нарушениями, установленными в результате настоящего дисциплинарного разбирательства, свидетельствует о систематическом характере их совершения. При вынесении решения по предыдущему дисциплинарному производству Совет учел, что адвокат Ч. имеет значительный стаж профессиональной деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась, заверила Совет в том, что впредь будет следовать решениям органов адвокатского самоуправления, и предоставил ей возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества. Однако она, вопреки данному Совету обещанию, свое отношение к исполнению профессиональных обязанностей не пересмотрела и не скорректировала, поскольку в настоящем дисциплинарном разбирательстве вновь утверждает о до-

пустимости перепоручения иному лицу исполнения своих обязанностей по представлению интересов доверителя в суде. Такое поведение адвоката Ч. свидетельствует об устойчивом характере игнорирования ею основополагающих требований по надлежащему исполнению профессиональных обязанностей, требований законодательства и профессиональной этики.

Совокупность описанных обстоятельств убедительно показывает, что адвокат Ч. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами. При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката Ч. недобросовестным, недопустимым и несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и вследствие этого приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не усматривает оснований для применения к адвокату Ч. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку это не только не отвечало бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, но и могло бы дать основание полагать, что подобное профессиональное поведение совместимо со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при неиспол-

нении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката, неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Ч. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена, Совет с учетом тяжести нарушений, их количества и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о ее личности и профессиональной деятельности, считает необходимым установить этот срок в один год.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1 и 2 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, пп. 4–5, подп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18, подп. 1, 2, 8 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ч. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 1 ст. 8, ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Л., выразившееся в том, что она не предприняла необходимых и достаточных действий, направленных на защиту права доверителя Л. на рассмотрение в разумные сроки гражданского дела по иску Л. к ООО УК ДЭЗ «Г.», которое 15 мая 2023 г. было принято к производству

мирового судьи судебного участка № ... г. Москвы, затем определением мирового судьи от 14 июня 2023 г., вступившим в законную силу 6 июля 2023 г., передано по подсудности в Г. районный суд г. Москвы и поступило данный суд только 1 февраля 2024 г., то есть спустя почти семь месяцев с даты вступления в законную силу определения мирового судьи указанного судебного участка о передаче дела по подсудности;

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Л., выразившееся в перепоручении исполнения своих обязательств по представлению интересов доверителя Л. в судебных заседаниях судебной коллегии по гражданским делам М. городского суда 14 и 26 февраля 2024 г. по гражданскому делу № ... и в судебном заседании Н. районного суда г. Москвы 5 марта 2024 г. по гражданскому делу № ... иному лицу – К.;

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем Л., выразившееся в непредставлении доверителю Л. по ее просьбе с 20 марта 2024 г. и по дату рассмотрения дисциплинарного производства отчета о выполненной адвокатом правовой работе по Соглашению об оказании юридической помощи № ... от 20 января 2023 г.

Установить в отношении Ч. срок, по истечении которого она может быть до-

пущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, продолжительностью в 1 (один) год.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ч.:

в части дисциплинарного обвинения в оказании ею юридической помощи Щ. при подаче его исковых заявлений в П. районный суд г. Москвы, которые не были приняты судом к производству

и возвращены истцу Щ., – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.21. Адвокат лишен статуса за то, что на основании отмененной доверенности заявил в суд исковые требования об установлении факта принятия заявителем наследования, при формулировании которых уменьшил долю заявителя, сокрыл информацию о вынесении судом решения, а также с опозданием отправил заявителю отмененную доверенность.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием адвоката З., заявителя Б., его представителя Шл. (допущена по устному ходатайству заявителя Б.) рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам Б. от 29 мая, 13 июня, 15 и 16 августа 2024 г. в отношении адвоката З.

Квалификационная комиссия 9 октября 2024 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом З. положений пп. 2 и 3 ст. 5 (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката) и подп. 1 п. 1 ст. 9 (адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды) Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся:

– в заявлении 21 ноября 2022 г. от имени Б., без согласования с ним и без его ведома на основании отмененной доверенности, в Л. районный суд го-

рода Ч. исковых требований к Управлению федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Ч. области об установлении факта принятия наследства, а именно ½ доли в праве общей долевой собственности на квартиру, расположенную по адресу...; в формулировании исковых требований в целях уменьшения причитающейся Б. как собственнику и наследнику по закону доли в указанном имуществе и перераспределения долей в упомянутом имуществе в интересах своей супруги З.М., а также в сокрытии от Б. информации о рассмотрении Л. районным судом гражданского дела и вынесении 28 марта 2023 год. решения;

– в заявлении 7 февраля 2023 г. от имени Б., без согласования с ним и без его ведома на основании отмененной доверенности, в 3-ий городской суд Ч. области исковых требований к М.П. (отцу) о взыскании денежных средств в размере ...руб. и процентов за пользование чужими денежными средствами, а также в сокрытии от Б. в целях придания видимости законного характера разделу принадлежащего Б.О. на

момент смерти имущества – $\frac{1}{2}$ доли в праве общей долевой собственности на упомянутую выше квартиру, – информации о рассмотрении указанным судом гражданского дела и вынесении 17 августа 2023 г. решения;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («При отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю... доверенность...»), исполнении адвокатом З. профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившемся в том, что, узнав не позднее мая 2024 года об отмене Б. нотариальной доверенности, выданной им 4 июня 2021 г., адвокат З. направил в адрес доверителя Б. указанную доверенность почтовым отправлением лишь 8 октября 2024 г.

Адвокат З. в заседании Совета сообщил, что Заключение Квалификационной комиссии им своевременно получено, с выводами, изложенными в ЗаклЮчении Комиссии, он не согласен, поддержал свои письменные возражения на Заключение Квалификационной комиссии от 17 декабря 2024 г.

В своих возражениях адвокат З. указал на то, что 3/16 доли в праве на квартиру по оценке 2024 года стоит ...руб., что, по его мнению, меньше «присужденной» Б. суммы в ...руб.; повторил свои ранее выдвигавшиеся им при разбирательстве в Квалификационной комиссии доводы о том, что заявленные им в интересах Б. исковые требования были обсуждены и согласованы на «семейном совете» и Б. был осведомлен о всех действиях адвоката З., связанных с предъявлением от имени Б. исков в суды. Полагает, что если

им была допущена ошибка при формулировании исковых требований в части расчета долей, то суд должен был эту ошибку исправить; отмечает, что презумпция уведомления об отмене доверенности всех заинтересованных лиц на следующий день после размещения об этом сведений в реестре нотариальных действий была сформулирована Верховным Судом РФ 14 ноября 2023 г, т.е. спустя полтора года после отмены Б. доверенности, в связи с чем полагает, что Б. был обязан уведомить его об отмене доверенности, но не сделал этого. Считает, что представитель Б. в настоящем дисциплинарном производстве – Шл., ранее представлявшая противоположную сторону, полностью подчинила себе волю Б., действует против его интересов, заставила подарить принадлежащую Б. долю в квартире другому своему клиенту, является действительным автором жалоб в Адвокатскую палату и тем самым мстит адвокату З. за ранее проигранные ему суды. Вместе с тем просил Совет учесть, что он осознал свои ошибки в выстраивании взаимоотношений с Б. и сделал необходимые выводы.

Отвечая на вопросы членов Совета, адвокат З. сообщил, что после смерти Б.О. между ее наследниками – Б. и З.М. произошел конфликт, связанный с выявившимся у нотариуса наличием завещания в пользу З.М., при этом затруднился сообщить дату якобы состоявшегося «семейного совета», на котором с его участием между Б. и З.М. как наследниками Б.О. было согласовано распределение долей в праве собственности на упомянутую выше квартиру.

Заявитель Б. и его представитель Шл. в заседании Совета сообщили, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлены, с выводами Комиссии полностью согласны. Б., кроме того, со-

общил, что, по его мнению, адвокат З. продолжает его «терроризировать» и писать на него доносы в прокуратуру и участковому инспектору, просил Совет прекратить статус адвоката З. за недобросовестные действия и обман.

Отвечая на вопросы членов Совета, заявитель и его представитель пояснили, что никакого «семейного совета» и распределения на нем наследственных долей, о котором говорит адвокат З., никогда не было. О действиях последнего от его имени в судах Б. ничего не знал, выяснилось это уже после вынесения судебных решений, с которыми он не согласен. В настоящее время решение Л. районного суда г. Ч. им обжаловано в апелляционном порядке, ему восстановлен срок на обжалование, и дело будет пересмотрено судом апелляционной инстанции. Решение суда о взыскании в его пользу денег уже отменено в апелляционном порядке.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

22 апреля 1989 г. между Б. и О. был заключен брак, после регистрации брака О. присвоена фамилия Б. Брачный договор между ними не заключался.

1 апреля 2019 г. между М.П. (сыном), действующим на основании доверенности от имени своего отца – М.П. (отца), и Б.О. был оформлен договор купли-продажи упомянутой выше квартиры общей площадью 40,2 кв. м.

23 января 2020 г. истцы М.П. (отец) и М.М. обратились в Л. районный суд г. Ч. с иском к Б.О. и М.П. (сыну), в котором просили признать недействитель-

ными доверенность, выданную 24 февраля 2014 г., и упомянутый договор купли-продажи квартиры. В обоснование иска М.П. (отец) и М.М. указали, что на основании договора участия в долевом строительстве от 6 апреля 2011 г. истец М.П. (отец) являлся собственником квартиры по указанному адресу. С согласия истца в квартире проживал М.П. (сын). 31 декабря 2019 г. ответчик М.П. (сын) сообщил, что, действуя на основании доверенности, продал квартиру Б.О. Фактически денежные средства в размере ...руб. истцу не передавались. Отчуждать квартиру у истцов намерения не было, она была приобретена ими для личных целей. При заключении договора « долевого строительства квартиры» М.М. давала нотариальное согласие на заключение данного договора, однако согласие на распоряжение спорной квартирой она не давала. Выдавая доверенность, истец М.П. (отец) подразумевал лишь передачу права управления квартирой, а не распоряжения ею. Истцы просили признать сделку недействительной, ссылаясь на ч. 3 ст. 35 СК РФ, а также ч. 1 ст. 170 ГК РФ.

Решением Л. районного суда от 21 июля 2020 г. по гражданскому делу в удовлетворении исковых требований М.П. (отца) и М.М. отказано. Определением судебной коллегии по гражданским делам Ч. областного суда от 15 декабря 2020 г. это решение в части отказа в удовлетворении исковых требований М.М. о признании недействительным спорного договора купли-продажи квартиры отменено и принято новое решение, которым указанный договор признан недействительным в части продажи $\frac{1}{2}$ доли «в праве собственности на квартиру». Применены последствия недействительности сделки, а именно прекращено право собственности Б.О. на $\frac{1}{2}$

доли в праве собственности на данную квартиру; исключена из Единого государственного реестра недвижимости запись о государственной регистрации права собственности Б.О. на указанную квартиру; внесена в Единый государственный реестр недвижимости запись о праве общей долевой собственности Б.О. на $\frac{1}{2}$ доли «указанной квартиры»; признана за М.М. $\frac{1}{2}$ доли в праве общей долевой собственности на квартиру. В удовлетворении исковых требований М.М. в остальной части отказано.

4 июня 2021 г. Б. выдал адвокату З. доверенность, которой в числе прочего уполномочил того представлять свои интересы в судах со всем объемом полномочий, предусмотренных процессуальным законодательством Российской Федерации, включая право на подписание и подачу искового заявления, предъявление встречного иска, полный или частичный отказ от исковых требований, уменьшение их размера, признание иска, изменение предмета или основания иска. Доверенность была удостоверена нотариусом нотариального округа К. городского округа Ч. области С.

16 августа 2021 г. скончалась супруга Б. – Б.О., и открылось наследство к имуществу умершей.

20 августа 2021 г. между М.И. и З. был заключен брак, после регистрации брака М.И. присвоена фамилия З.М.

1 февраля 2022 г. нотариусом нотариального округа Ч. городского округа Ч. области Ш. заведено наследственное дело Б.О. Наследниками Б.О. являлись: ее дочь З.М., которой Б.О. 5 июня 2014 г. завещала все принадлежащее ей движимое и недвижимое имущество, а также Б. – переживший ее супруг ...года рождения, имеющий право на обязательную долю в наследстве в соответствии со ст. 1149 ГК РФ. Оба наследника обратились к нотариусу Ш.

с заявлениями о принятии наследства.

24 февраля 2022 г. Б. отменил доверенность, выданную адвокату З. 4 июня 2021 г., о чем в эту же дату в базу данных сервиса проверки доверенностей (<https://reestr-dover.ru/>) была внесена соответствующая запись.

3 марта 2022 г. нотариус Ш. выдала Б. свидетельства о праве на наследство по закону (на причитающиеся ему по закону доли в праве общей долевой собственности на гараж и две квартиры), а также свидетельства о праве собственности на доли в общем имуществе супругов, выдаваемые пережившему супругу, в отношении указанного имущества. На причитающиеся Б. доли в праве общей долевой собственности на квартиру, расположенную по указанному выше адресу, свидетельство о праве на наследство по закону, а также свидетельство о праве собственности на долю в общем имуществе супругов, выдаваемое пережившему супругу, выданы не были в связи с отсутствием в ЕГРН записи о том, что $\frac{1}{2}$ доли в праве общей долевой собственности на эту квартиру принадлежала Б.О. на дату ее смерти. По этой же причине свидетельство о праве на наследство по завещанию не было выдано З.М.

21 ноября 2022 г. адвокат З., действуя на основании уже отмененной доверенности, обратился от имени Б., а также от имени З.М. в Л. районный суд г. Ч. с иском к Управлению федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Ч. области о признании права собственности в порядке наследования.

В исковом заявлении адвокат З. просил суд:

установить факт принятия Б. и З.М. наследства, открывшегося после смерти Б.О., а именно $\frac{1}{2}$ доли «в общей долевой собственности квартиры», по указанному адресу;

признать за Б. право собственности на долю в размере $\frac{1}{4}$ в совместно нажитом имуществе – в $\frac{1}{2}$ доле «в общей долевой собственности квартиры» по указанному адресу;

признать за З.М. право собственности на долю в размере $\frac{3}{4}$ в совместно нажитом имуществе – в $\frac{1}{2}$ доле «в общей долевой собственности квартиры» по указанному адресу.

На имеющемся в материалах гражданского дела исковом заявлении содержится собственноручная запись З.М. следующего содержания: «... с иском ознакомлена, копию получила». Аналогичной записи, выполненной Б., исковое заявление не содержит. Каких-либо иных доказательств осведомленности и согласия Б. с этим иском в материалах дисциплинарного производства также не содержится.

Решением Л. районного суда от 28 марта 2023 г. (мотивированное решение изготовлено 4 апреля 2023 г.) по гражданскому делу иски Б. и З.М. о признании имущества совместной собственностью, об установлении факта принятия наследства, о признании права собственности на долю «в общей долевой собственности» на жилое помещение в порядке наследования удовлетворены. Судом установлен факт принятия Б. и З.М. наследства, открывшегося после смерти Б.О., – $\frac{1}{2}$ доли «в общей долевой собственности квартиры», расположенной по указанному выше адресу, общей площадью 40,2 кв. м. За Б. признано право собственности на долю в размере $\frac{1}{4}$ доли в совместно нажитом имуществе – в $\frac{1}{2}$ доле «общей долевой собственности квартиры», расположенной по упомянутому адресу, – «открытого после смерти супруги – Б.О.». За З.М. признано право собственности на долю в размере $\frac{3}{4}$ доли в $\frac{1}{2}$ доле «в общей долевой собственности квартиры»,

в порядке наследования после смерти матери – Б.О.

Решение вступило в законную силу 5 мая 2023 г.

Из содержания указанного решения суда усматривается, что заявленные совместно Б. и З.М. исковые требования суд расценил как распределение ими долей в наследственном имуществе, а именно в $\frac{1}{2}$ доле в праве общей долевой собственности на вышеуказанную квартиру. При этом в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в рамках наследственного дела каких-либо соглашений о распределении долей в наследственном имуществе между Б. и З.М. не заключалось. Обращаясь к нотариусу Ш. с заявлениями о принятии наследства, Б. отметил, что принимает по закону все наследство, оставшееся после смерти супруги – Б.О., указав в составе наследуемого имущества и квартиру, расположенную по обозначенному выше адресу

29 ноября 2022 г. адвокат З., действуя на основании уже отмененной доверенности, обратился от имени Б. в Ме. районный суд г. Ч. с иском о взыскании с М.П. (отца) денежных средств в размере ...руб., составляющих половину стоимости указанному квартире, уплаченной Б.О. при заключении договора купли-продажи от 1 апреля 2019 г., а также процентов за пользование чужими денежными средствами.

Доказательств осведомленности и согласия Б. с этим иском в материалах дисциплинарного производства не содержится.

5 декабря 2022 г. исковое заявление было возвращено Б. в связи с тем, что дело не подсудно данному суду. 7 февраля 2023 г. адвокат З., действуя на основании отмененной доверенности, повторно обратился от имени Б. с аналогичными исковыми требованиями, но уже в 3-ий городской суд Ч. области.

В обоснование заявленных требований адвокат З. сослался на то, что 1 апреля 2019 г. между Б.О. и М.П. (отцом) был заключен договор купли-продажи вышеуказанной квартиры. От имени продавца выступал М.П. (сын). Стоимость квартиры была определена сторонами в размере ...руб. Денежные средства были переданы покупателем представителю продавца, о чем составлена расписка. Решением Л. районного суда от 21 июля 2020 г. по гражданскому делу, с учетом апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Ч. областного суда от 15 декабря 2020 г., договор купли-продажи «в части ½ доли в праве собственности» был признан недействительным. При рассмотрении данного дела доказательств мнимости сделки купли-продажи квартиры предоставлено не было. Б.О. умерла, ее наследником является Б. – супруг наследодателя. В связи с прекращением права собственности Б.О. на ½ доли «в праве собственности на квартиру» продавец обязан возвратить половину полученной денежной суммы по сделке купли-продажи. На основании ст. 395 ГК РФ с ответчика в пользу Б. подлежат взысканию также проценты за пользование чужими денежными средствами в сумме ...руб.

17 августа 2023 г. 3-ким городским судом было вынесено решение по гражданскому делу, которым иски требования Б. были удовлетворены. С М.П. (отца) в пользу Б. взысканы ...руб. и проценты за пользование чужими денежными средствами в сумме ...руб., в общей сложности ...руб. Решение вступило в законную силу 29 сентября 2023 г.

Каких-либо действий по исполнению судебного решения адвокатом З. или заявителем Б. предпринято не было.

В своих жалобах заявитель Б. выдвинул против адвоката З. следующие дисциплинарные обвинения:

– в заявлении в собственных интересах (интересах супруги адвоката З. – З.М.) от имени Б., без согласования с ним и без его ведома, на основании отмененной доверенности, в 3-кий городской суд исковых требований к М.П. (отцу) о взыскании денежных средств в размере ...руб. и процентов за пользование чужими денежными средствами, а также в сокрытии от Б. в целях завладения указанными денежными средствами информации о рассмотрении 3-ким городским судом гражданского дела и вынесении 17 августа 2023 г. решения;

– в заявлении в собственных интересах (интересах супруги адвоката З. – З.М.) от имени Б., без согласования с ним и без его ведома, на основании отмененной доверенности, в Л. районный суд исковых требований к Управлению федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Ч. области об установлении факта принятия наследства, а именно ½ доли в праве общей долевой собственности на упомянутую квартиру; в формулировании исковых требований в целях уменьшения доли в указанном имуществе, причитающейся Б. как собственнику и наследнику по закону, а также в сокрытии от Б. информации о рассмотрении указанным судом гражданского дела и вынесении 28 марта 2023 г. решения;

– в невозврате доверенности, выданной им 4 июня 2021 г. адвокату З., после ее отмены 24 февраля 2022 г.

Возражая против выдвинутых дисциплинарных обвинений, адвокат З. пояснил, что оказывал Б. юридическую помощь на основании соглашения на оказание юридической помощи, заключенного 10 марта 2021 г. с З.М. Предметом указанного соглашения было представление интересов самой З.М., а также ее матери – Б.О. и отчима – Б. в судах всех

инстанций и государственных органах. 4 июня 2021 г. заявителем Б. адвокату З. была выдана доверенность на представление его интересов в судах. Предъявление от имени Б. указанных выше исков в 3-ий городской суд и в Л. районный суд обсуждалось и было согласовано на семейном совете с участием Б. Иски были предъявлены адвокатом З. в целях раздела наследственного имущества – ½ доли в праве общей долевой собственности на квартиру, а также причитающихся с М.П. (отца) денежных средств в сумме ...руб. Именно о таком разделе наследственного имущества была достигнута договоренность между Б. и З.М. на семейном совете. О том, что Б. отменил доверенность, он уведомил адвоката З. по телефону только в мае 2024 года. Об указанных гражданских делах Б. знал, так как получал судебные повестки и иные документы, направляемые в его адрес судами.

В подтверждение своей защитительной позиции адвокатом З. представлено Соглашение № ... на оказание юридической помощи от 10 марта 2021 г., зарегистрированное в документации ассоциации адвокатов «...», а также письменные объяснения З.М. Иных доказательств, подтверждающих приведенные защитительные доводы, в материалах дисциплинарного производства не содержится.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в обращении адвоката З. с вышеуказанными исками в суды в собственных интересах, без получения согласия Б. и на основании отмененной доверенности, Совет приходит к следующим выводам.

Доводы адвоката З. о том, что Б. знал о рассматриваемых гражданских делах, поскольку судами в его адрес направлялись судебные повестки и процессуальные документы, которые тот получал, не нашли подтверждения, поскольку

все письма, направленные из судов в адрес Б., были возвращены отправителям.

В материалах гражданского дела, рассмотренного Л. районным судом, имеется рукописное заявление истцов от 28 марта 2023 г. о рассмотрении дела в их отсутствие, которое подписано З.М. лично и адвокатом З. за Б. по доверенности. Все общение суда с Б. по указанному гражданскому делу осуществлялось через его представителя – адвоката З. путем направления последнему извещений на электронный почтовый адрес.

Согласно п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

Соглашение № ... на оказание юридической помощи от 10 марта 2021 г. было заключено не с Б., а с З.М. как в ее интересах, так и в интересах Б. (т.е. в порядке, предусмотренном ст. 430 ГК РФ).

Предмет соглашения был сформулирован сторонами следующим образом: «Доверитель поручает, а Адвокат принимает на себя обязательства совершать от имени и за счет Доверителя определенные юридические действия в соответствии с действующим законодательством РФ по защите прав и законных интересов М.И., Б.О., Б. и оказанию юридической помощи в объеме и на условиях, установленных настоящим Соглашением, а именно: вести все их дела, представлять и защищать интересы М.И., Б.О., Б. в любых государственных, правоохранительных, административных органах, в мировых судах и судах общей юрисдикции всех инстанций».

Заключение указанного соглашения не с заявителем Б., а в его интересах с иным лицом обязывало адвоката З. совершить комплекс действий, направ-

ленных на установление доверительных отношений непосредственно с Б., поскольку в их отсутствие оказание юридической помощи возможно лишь в исключительных случаях. При этом согласно п. 2 ст. 430 ГК РФ, «если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица». В силу данных положений, а также установленного для адвокатов универсального запрета действовать вопреки воле и законным интересам доверителя (подп. 1, 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката) исполнение соглашения об оказании юридической помощи, заключенного в пользу третьего лица (получателя юридической помощи), предполагает обязательное выражение таким лицом намерения воспользоваться своим правом на получение юридической помощи, а также согласование с ним предмета и существа этой помощи. Из этого следует, что установление доверительных отношений с получателем юридической помощи в условиях заключения в его интересах соглашения об оказании юридической помощи иным лицом предполагает обязательное конфиденциальное общение адвоката с получателем юридической помощи, в ходе которого он должен ознакомить такого доверителя с существенными условиями соглашения, включая предмет поручения, получив его верифицируемое согласие на оказание ему предусмотренной соглашением юридической помощи. Ознакомление доверителя с существенными условиями соглашения об оказании юридической помощи является обязательным элементом по-

лучения его согласия на оказание ему юридической помощи.

Доказательств уведомления адвокатом З. доверителя Б. о заключении в его интересах соглашения на оказание юридической помощи в материалы дисциплинарного производства не представлено.

С учетом неопределенно широкого предмета поручения, сформулированного в указанном соглашении, адвокату З. надлежало получить верифицируемое согласие Б. на обращение в суды от его имени с вышеуказанными исками.

Сам по себе факт выдачи Б. 4 июня 2021 г. судебной доверенности адвокату З., на который последний ссылается как на достаточное доказательство получения такого согласия, в действительности таковым не является, тем более с учетом того обстоятельства, сообщенного самим адвокатом З. в заседании Совета, что после смерти Б.О. 16 августа 2021 г. между Б. и З.М. произошел конфликт, связанный с разделом наследственной массы. Более того, в условиях такого конфликта адвокат З., действуя разумно и добросовестно, должен был рассмотреть вопрос о возможности дальнейшего представления интересов конфликтующих доверителей.

Довод адвоката З. о том, что такое согласие было получено от Б. устно на семейном совете, достаточными доказательствами не подтвержден. При этом сам Б. дачу такого согласия категорически отрицает, заявляя, что из-за недоверия к адвокату З. он еще 24 февраля 2022 г. отменил выданную ему нотариальную доверенность. Эти пояснения заявителя согласуются и с пояснениями самого адвоката З. о конфликте, возникшем между Б. и З.М. в связи с разделом наследственной массы.

Письменные объяснения З.М., представленные адвокатом З., Совет, соглашаясь с Квалификационной комис-

сией, не может признать достаточным доказательством довода адвоката З. о получении устного согласия Б. на семейном совете, поскольку З.М. не только является супругой адвоката З., но и лицом, лично заинтересованным в разрешении конфликта в свою пользу, поскольку вышеуказанные иски были заявлены адвокатом З. в ее интересах. Кроме того, в своих объяснениях З.М. ничего не сообщает о якобы достигнутом с Б. устном соглашении о разделе наследственного имущества, указывая лишь, что осенью 2022 года во время встречи с адвокатом З. и ее отчимом Б. в г. Ч. они решили обратиться в суд с целью получения Б. компенсации с продавца квартиры М.П. (отца).

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что у адвоката З. отсутствовали полномочия на подписание и подачу в суд вышеуказанных исковых заявлений от имени Б., поскольку еще 24 февраля 2022 г. тот отменил судебную доверенность.

Довод адвоката З. о неисполнении Б. требований п. 1 ст. 189 ГК РФ, обязывающего лицо, выдавшее доверенность и впоследствии отменившее ее, известить об отмене доверенное лицо, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, отклоняет как несостоятельный, поскольку отмена доверенности была произведена Б. 24 февраля 2022 г. путем оформления соответствующего распоряжения, удостоверенного нотариусом нотариального округа К. городского округа Ч. области С., а информация об отмене доверенности в этот же день была размещена нотариусом в общедоступной базе данных сервиса проверки доверенностей, оператором которого является Федеральная нотариальная палата (<https://reestr-dover.ru/>).

Адвокат З. как профессиональный советник по правовым вопросам, заве-

домо зная о возникшем между Б. и З.М. конфликте по вопросу распределения наследственного имущества, должен был убедиться в том, что на момент обращения с вышеуказанными исками в суд выданная ему Б. доверенность является действующей.

Согласно ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему (п. 1); адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре (п. 2); злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката (п. 3).

Подпункт 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката содержит запрет для адвоката действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокатом З. эти основополагающие профессионально-этические требования проигнорированы и нарушены.

После смерти Б.О. заявителю Б. принадлежала супружеская доля в совместно нажитом имуществе – $\frac{1}{2}$ доли в праве общей долевой собственности на квартиру по указанному выше адресу, т.е. $\frac{1}{4}$ доли в общей долевой собственности на эту квартиру. Кроме того, в соответствии со ст. 1149 ГК РФ Б. как нетрудоспособный супруг наследодателя Б.О. должен был унаследовать не менее половины доли, которая причиталась бы ему при наследовании по закону (обязательная доля) – $\frac{1}{4}$ доли от оставшейся $\frac{1}{4}$ ($\frac{1}{2} : 2$) доли в об-

щей долевой собственности на вышеуказанную квартиру, или $1/16$ доли.

Таким образом, Б. должен был получить в собственность $5/16$ доли в праве общей долевой собственности на вышеуказанную квартиру, а З.М. – лишь $3/16$ доли.

В результате совершения адвокатом З. с использованием статуса адвоката действий по обращению с иском в Л. районный суд Б. была присуждена лишь $1/4$ доли в $1/2$ доле в праве общей долевой собственности на вышеуказанную квартиру, т.е. всего $2/16$ доли в праве общей долевой собственности на квартиру, а З.М. – $3/4$ доли в $1/2$ доле в праве общей долевой собственности на квартиру, то есть $6/16$ доли в праве общей долевой собственности на квартиру. Таким образом, в результате действий адвоката З. доля, причитающаяся его супруге З.М. в праве общей долевой собственности на квартиру, была неправомерно увеличена в два раза за счет доли, причитающейся Б.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что адвокат З., заявляя от имени Б. в 3-ий городской суд Ч. области иск к М.П. (отцу) о взыскании денежных средств, не преследовал цели завладеть денежными средствами Б., а лишь хотел придать видимость законного характера своим действиям по разделу $1/2$ доли в праве общей долевой собственности на указанную квартиру между своей супругой – З.М. и ее отчимом – Б.

Довод адвоката З. о том, что, заявляя иск о взыскании денежных средств, он действовал в интересах Б., Совет отклоняет как несостоятельный как с учетом описанных выше обстоятельств, так и с учетом того, что каких-либо действий, направленных на реальное взыскание присужденной Б. денежной суммы, адвокатом З. так и не было предпринято.

Оценивая довод адвоката З., приведенный им в письменных возражениях на заключение Квалификационной комиссии, о том, что $3/16$ доли в праве на квартиру по оценке 2024 года стоит ...руб., что меньше присужденных Б. ...руб., Совет отмечает, что Б. как пережившему супругу принадлежала $1/2$ доли в праве требования к М.П. (отцу) о взыскании денежных средств, то есть в размере ...руб. и соответствующих процентов. Кроме того, как наследнику по закону, имеющему обязательную долю в наследстве, Б. также принадлежала $1/8$ доли в праве требования к М.П. (отцу) о взыскании денежных средств, т.е. в размере ...руб. и соответствующих процентов, а всего ...руб. и соответствующих процентов. При таких обстоятельствах взыскание в пользу Б. ...руб. и соответствующих процентов в обмен на $3/16$ доли в праве общей долевой собственности на вышеуказанную квартиру вместо причитающихся ему по закону и ...руб. с соответствующими процентами, а также $3/16$ доли в праве общей долевой собственности на вышеуказанную квартиру (стоимостью ...руб. по оценке самого адвоката З. на 2024 год) явно не соответствовало интересам Б.

С учетом установленных обстоятельств Совет вне разумных сомнений признает презумпцию добросовестности адвоката З. опровергнутой, а его умышленную вину в нарушении требований пп. 2 и 3 ст. 5 и подп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики установленной.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в невозврате адвокатом З. доверенности, выданной ему Б. 4 июня 2021 г., Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что и в данной части презумпция добросовестности адвоката З. опровергнута.

Согласно п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката при отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю все полученные от последнего подлинные документы по делу и доверенность.

Адвокат З. признал, что узнал от Б. об отмене доверенности в мае 2024 года. Письменных доказательств извещения адвоката З. об отмене доверенности заявителем Б. в материалы дисциплинарного производства не представлено.

Вместе с тем первая жалоба Б. поступила в Адвокатскую палату города Москвы еще 5 июля 2024 г., а меры по возврату заявителю доверенности были предприняты адвокатом З. лишь 8 октября 2024 г.

Кроме того, как указано выше, адвокат З. был обязан удостовериться в действующем статусе доверенности перед подачей исков от имени Б.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом З. профессиональных обязанностей перед доверителем Б. в рассматриваемой части.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката З. за совершенные нарушения, Совет учитывает их умышленный и грубый характер, свидетельствующий о злостном игнорировании адвокатом З. основополагающих требований законодательства, профессиональной этики и правил профессионального поведения. Совет признает, что нарушения, совершенные им сознательно и в личных интересах (в интересах своей супруги), подрывают доверие к нему как адвокату, а также причинили существенный вред доверителю Б. и авторитету адвокатуры. Профессиональное поведение адвоката З., сопряженное со злоупо-

треблением доверием, Совет, руководствуясь п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, оценивает как недопустимое и несовместимое со статусом адвоката. При таких обстоятельствах Совет считает необходимым применить к адвокату З. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет не находит оснований для применения к адвокату З. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как с учетом тяжести нарушений и необходимости обеспечения требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что это могло бы создать ложное впечатление о совместимости подобного поведения с принадлежностью к адвокатскому сообществу.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем; нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого З. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет, учитывая

все установленные по настоящему дисциплинарному делу обстоятельства, в том числе данные о личности и профессиональной деятельности З., считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 1 (один) год.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1 и 2 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, пп. 4–5, подп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18, подп. 1 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату З. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

нарушение требований пп. 2 и 3 ст. 5 (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката) и подп. 1 п. 1 ст. 9 (адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды) Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся:

– в заявлении 21 ноября 2022 г. от имени Б., без согласования с ним и без его ведома, на основании отмененной доверенности, в Л. районный суд города Ч. исковых требований к Управлению федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Ч. области об установлении факта принятия наследства, а именно $\frac{1}{2}$ доли в праве общей долевой собственности на квартиру, расположенную по адресу... в формулировании исковых требований в целях уменьшения причитающейся Б. как собственнику и наследнику по закону доли в указанном имуществе и пе-

рераспределения долей в указанном имуществе в интересах своей супруги З.М., а также в сокрытии от Б. информации о рассмотрении указанным судом гражданского дела и вынесении 28 марта 2023 г. решения;

– в заявлении 7 февраля 2023 г. от имени Б., без согласования с ним и без его ведома на основании отмененной доверенности, в 3-ий городской суд Ч. области исковых требований к М.П. (отцу) о взыскании денежных средств в размере ...руб. и процентов за пользование чужими денежными средствами, а также в сокрытии от Б. в целях придания видимости законного характера разделу принадлежащего Б.О. на момент смерти имущества – $\frac{1}{2}$ доли в праве общей долевой собственности на упомянутую квартиру – информации о рассмотрении указанным судом гражданского дела и вынесении 17 августа 2023 г. решения;

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («При отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю... доверенность...»), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившееся в том, что, узнав не позднее мая 2024 года об отмене Б. нотариальной доверенности, выданной им 4 июня 2021 г., он направил в адрес доверителя Б. указанную доверенность почтовым отправлением лишь 8 октября 2024 г.

Установить в отношении З. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 1 (один) год.

1.22. Совет прекратил статус адвоката, которая, заключив с доверителем несколько соглашений об оказании юридической помощи, не совершила каких-либо предусмотренных этими соглашениями действий.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием заявителя В. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе В. от 23 июля 2024 г. в отношении адвоката Л.

Квалификационная комиссия 13 ноября 2024 г. вынесла Заключение:

1) о неисполнении адвокатом Л., вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем В., предусмотренных соглашениями об оказании юридической помощи № ... от 31 января 2024 г., об оказании бесплатной юридической помощи № ... от 9 февраля 2024 г. и об оказании юридической помощи № ... от 19 февраля 2024 г., что выразилось в несовершении каких-либо действий по оказанию юридической помощи, предусмотренной этими соглашениями;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по жалобе В., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Л., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, о причинах неявки не сообщила, своего отношения к Заклчению не выразила. Совет, принимая во внимание

изложенные обстоятельства и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившейся адвоката Л.

Заявитель В. в заседании Совета пояснил, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлен и согласен, доводы своей жалобы поддерживает. Ни по одному из трех заключенных с ним соглашений адвокат Л. ничего не сделала. Последняя его встреча с ней состоялась 1 июля 2024 г., в ходе которой он просил ее вернуть полученные от него по соглашениям денежные средства. После этой встречи адвокат Л. перестала выходить с ним на связь, он неоднократно ей звонил и писал, но безуспешно, все его сообщения остались без ответа. Уплаченные им адвокату Л. денежные средства были получены им в банке в кредит. До настоящего времени адвокат Л. денежные средства ему не вернула. Он является инвалидом второй группы, его жена – инвалидом первой группы, а сын – инвалидом третьей группы. Поведением адвоката Л. его интересам причинен значительный вред, и он настаивает на лишении ее статуса адвоката.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав заявителя В., Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено следующее.

25 декабря 2023 года адвокат Л., находясь в приемной по оказанию бесплатной юридической помощи Адвокатской палаты города Москвы, осуществляла прием граждан, в числе которых был заявитель В. В ходе приема адвокат Л. разъяснила ему, что по интересующим его вопросам бесплатная юридическая помощь оказана быть не может.

31 января 2024 г. адвокат Л. заключила с заявителем В. Соглашение № ... об оказании юридической помощи. В соответствии с п. 1 указанного соглашения адвокат Л. приняла на себя обязательство оказать В. следующую юридическую помощь: «юридическая консультация, правовой анализ ситуации с изучением документов, представление интересов при ознакомлении с материалами двух наследственных дел у нотариуса, подготовка и подача искового заявления по вопросу наследства, представление интересов в двух судебных заседаниях по делу». Пунктом 3.1 указанного соглашения вознаграждение адвоката Л. было установлено в размере ...руб. Пункт 3.3 соглашения предусматривал возмещение В. адвокату Л. ее почтовых расходов, стоимости проезда в суды Московской области (если потребуется), подтвержденные квитанциями.

31 января 2024 г. В. выдал нотариальную доверенность, которой уполномочил адвоката Л. представлять его интересы во всех судах судебной системы Российской Федерации со всеми полномочиями, предоставленными истцу, ответчику, третьему лицу.

9 февраля 2024 г. адвокат Л. заключила с заявителем В. Соглашение № ... об оказании бесплатной юридической помощи. В соответствии с п. 1 указанного соглашения адвокат Л. приняла на себя обязательство по оказанию доверителю бесплатной для него юридической помощи в рамках

государственной системы бесплатной юридической помощи в виде правового консультирования в письменной форме, составления заявления, жалобы, ходатайства, иных документов по вопросу предоставления жилого помещения по договору социального найма или представления интересов гражданина в судах, государственных или муниципальных органах, организациях по вопросу предоставления жилого помещения по договору социального найма.

19 февраля 2024 г. адвокат Л. заключила с заявителем В. Соглашение № ... об оказании юридической помощи. В соответствии с п. 1.1 указанного соглашения адвокат Л. приняла на себя обязанность оказать В. юридическую помощь по подготовке заявления о банкротстве физического лица. В соответствии с п. 3.1 этого соглашения вознаграждение адвоката за оказание юридической помощи было установлено в размере ...руб. Кроме того, п. 3.3 соглашения было предусмотрено, что доверитель возмещает адвокату расходы, связанные с исполнением соглашения: почтовые расходы, подтвержденные почтовыми квитанциями.

Заявитель В. в период с 26 января по 22 февраля 2024 г. оплатил адвокату Л. следующие суммы: 26 января 2024 г. (до заключения соглашения с адвокатом Л.) ...руб. – перечислением на счет Коллегии адвокатов «...», членом которой является адвокат Л., с указанием в назначении платежа «за 26.01.2024, для Л.»; 31 января 2024 г. – ...руб. перечислением на счет упомянутой коллегии с указанием в назначении платежа «для адвоката Л.»; 12 февраля 2024 г. – ...руб. перечислением на банковский счет адвоката Л.; 19 февраля 2024 г. – ...руб. перечислением на счет упомянутой коллегии с указанием в назначении платежа «для Л. по соглашению

от 31.01.2024 г. № ...»; 19 февраля 2024 г. – ...руб. перечислением на счет коллегии с указанием в назначении платежа «для Л. по соглашению от 19.02.2024 № ...»; 22 февраля 2024 г. – ...руб. на банковский счет адвоката Л.

Общая сумма перечисленных заявителем В. адвокату Л. денежных средств составила ...руб.

Заявителем В. в отношении адвоката Л. выдвинуты следующие дисциплинарные обвинения:

в бездействии, а именно в несовершении каких-либо действий по оказанию юридической помощи по всем перечисленным соглашениям об оказании юридической помощи;

в сообщении В. не соответствующих действительности сведений о рассмотрении судами дел по его искам.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в бездействии адвоката Л., Совет отмечает следующее.

Адвокат Л. своевременно и надлежащим образом была уведомлена Адвокатской палатой города Москвы о возбуждении в отношении нее дисциплинарного производства по жалобе В., ей неоднократно предлагалось представить пояснения по существу выдвинутых в отношении нее заявителем дисциплинарных обвинений, представить материалы адвокатского производства.

18 сентября 2024 г. от адвоката Л. поступило электронное сообщение следующего содержания: *«Прошу приобщить к делу в Квалификационной комиссии 3 скриншота моей переписки в ватсапе с В., подтверждающие, что его переводы мне 12.02.2024 г. (2 скриншота) и 22.02.2024 г. (один скриншот) были на почтовые расходы»*. 13 ноября 2024 г. от адвоката поступило заявленное в электронной форме ходатайство следующего содержания: *«Прошу приобщить к материалам дисциплинарно-*

го производства по жалобе В. документ об оплате мной взносов в Адвокатскую палату города Москвы». Каких-либо иных пояснений по существу выдвинутых заявителем В. дисциплинарных обвинений, а также материалов адвокатского производства от адвоката Л. в Адвокатскую палату города Москвы не поступило.

При этом Квалификационной комиссией по ходатайствам адвоката Л. дважды переносилась дата разбирательства по вышеуказанному дисциплинарному производству с целью предоставления ей возможности личного участия в заседании Комиссии и дачи пояснений. Однако предоставленной ей возможностью адвокат Л. воспользоваться не желала, в заседание Квалификационной комиссии так и не явилась, пояснений не дала, материалы адвокатского производства или иные доказательства оказания В. юридической помощи не представила.

Как указано выше, в заседание Совета она также не явилась, будучи заблаговременно извещена о его дате и времени, своего отношения к Заключению Квалификационной комиссии не выражала.

Учитывая характер выдвинутого заявителем В. в отношении адвоката Л. дисциплинарного обвинения в ее полном бездействии по трем заключенным с ним соглашениям об оказании юридической помощи, т.е. в фактическом оставлении В. без таковой, Совет отмечает, что обязанность по доказыванию факта оказания юридической помощи В. в данном случае лежит на адвокате Л. и не может быть возложена на заявителя В., поскольку отрицательные факты (несовершенные действия, несостоявшиеся события), как правило, не оставляют материальных следов, что делает фактически невозможным представить какие-либо доказательства этому.

Совет отмечает, что в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на портале судов общей юрисдикции города Москвы, на портале «Электронное правосудие», а также на официальном сайте Единого федерального реестра сведений о банкротстве какие-либо сведения о поданных В. заявлениях, ходатайствах или иных процессуальных документах отсутствуют.

Как указано выше, одно из трех заключенных адвокатом Л. с заявителем В. соглашений об оказании юридической помощи, а именно Соглашение от 9 февраля 2024 г. № ... было заключено в рамках системы бесплатной юридической помощи. Таким образом, в соответствии с ч. 7 ст. 18 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» адвокат Л. должна была представить в Адвокатскую палату города Москвы отчет об оказании В. бесплатной юридической помощи. Однако такой отчет ею представлен не был, что также подтверждает ее бездействие по указанному соглашению.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что с момента заключения с В. трех указанных выше соглашений об оказании юридической помощи и до настоящего времени адвокат Л. не обращалась в суды с какими-либо исковыми заявлениями от имени В., в Арбитражный суд г. Москвы – с заявлением от имени В. о признании его банкротом. Она также не обращалась в многофункциональные центры оказания государственных услуг города Москвы с заявлением от имени В. о его банкротстве во внесудебном порядке. Не представлено адвокатом Л. и доказательств совершения каких-либо иных действий, направленных на исполнение принятых на себя

перед В. обязательств, предусмотренных вышеуказанными соглашениями об оказании ему юридической помощи. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Л. в указанной части дисциплинарных обвинений опровергнутой, а ее вину в неисполнении профессиональных обязанностей перед доверителем В. по заключенным с ним соглашениям установленной. Тем самым адвокат Л. не исполнила требования подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката: честно, разумно, добросовестно, квалифицированно исполнять свои обязанности, активно защищать интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами.

Рассматривая довод жалобы В. о сообщении ему адвокатом Л. не соответствующих действительности сведений о рассмотрении судами дел по его искам, Совет отмечает, что заявителем не представлено каких-либо доказательств этого дисциплинарного обвинения. В связи с этим Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Л. за совершенные ею дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание, что они являются умышленными и злостными, повлекли существенное нарушение интересов доверителя и причинили вред авторитету адвокатуры.

Установленные в ходе рассмотрения дисциплинарного производства и описанные выше обстоятельства убедительно свидетельствуют о том, что ад-

вокат Л. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, ее профессиональное поведение характеризуется крайней степенью недобросовестности, прямо противоречит призванию и назначению адвоката, а также фундаментальным требованиям к адвокатской деятельности. Совет особо отмечает, что при заключении с заявителем В. соглашений об оказании ему юридической помощи адвокату Л. заведомо было известно о том, что он является инвалидом второй группы, не имеющим возможности самостоятельно отстаивать свои права и интересы и доверившим их оставление ей как независимому профессиональному советнику по правовым вопросам. Однако адвокат Л., получив от В. авансом вознаграждение по заключенным с ним соглашениям об оказании юридической помощи в размере ...руб., не предприняла каких-либо действий, направленных на исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем. Совет также отмечает, что адвокат Л. проигнорировала все предоставленные ей дисциплинарными органами Адвокатской палаты города Москвы возможности дать пояснения относительно выдвинутых в отношении нее тяжелых дисциплинарных обвинений. Такое поведение адвоката Л. Совет рассматривает как дополнительное подтверждение отсутствия у нее необходимых для осуществления адвокатской деятельности профессиональных и этических качеств.

Учитывая совокупность указанных обстоятельств, Совет приходит к выводу о несовместимости профессионального поведения адвоката Л. с принадлежностью к адвокатскому сообществу и, следовательно, о необходимости применения к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения

статуса адвоката. Совет считает, что применение к ней более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката не только не отвечало бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, но и создавало бы ложную видимость того, что адвокатское сообщество считает подобное профессиональное поведение адвоката допустимым.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката, неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Л. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести допущенных адвокатом Л. нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности адвоката Л., считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1 и 2 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, пп. 4–5,

подп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Л. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем В., предусмотренных соглашениями об оказании юридической помощи от 31 января 2024 г. № ... об оказании бесплатной юридической помощи от 9 февраля 2024 г. № ...

1.23. Адвокату объявлено предупреждение за неправомерное выполнение функций «защитника-дублера» в судебном заседании. Совет также указал, что адвокат обязан реагировать на нарушение следователем установленного законом срока обращения в суд с ходатайством о продлении срока содержания под стражей, поскольку это нарушение существенно ограничивает право на защиту.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе М. от 17 июня 2024 г. в отношении адвоката Г.

Квалификационная комиссия 18 сентября 2024 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О “двойной защите”» и Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по

и об оказании юридической помощи от 19 февраля 2024 г. № ... выразившееся в несовершении каких-либо действий по оказанию юридической помощи, предусмотренной этими соглашениями.

Установить срок, по истечении которого Л. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Л. по жалобе В. от 23 июля 2024 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

назначению», исполнении адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившемся в неправомерном выполнении 8 марта 2024 г. функций «защитника-дублера» в судебном заседании Х. районного суда г. Москвы по рассмотрению ходатайства органа следствия о продлении обвиняемому М. срока содержания под стражей при наличии у того защитников по соглашению – адвокатов Х. и М.И.;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по жалобе М., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Содержащийся под стражей заявитель М., извещенный надлежащим

образом, явку своего представителя в заседание Совета не обеспечил. Адвокат Х., действующий в интересах заявителя, заявил письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства без его участия, определение меры дисциплинарной ответственности оставил на усмотрение Совета.

Адвокат Г., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, заявил письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие, с Заключением Квалификационной комиссии согласился, признал свою вину в выполнении функций «защитника-дублера», обязался впредь не допускать подобных нарушений.

Учитывая указанные обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве Х. МРСО СУ по ... СК РФ по г. Москве находилось уголовное дело, возбужденное 9 декабря 2023 г. в отношении М. по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Его защиту с 13 декабря 2023 г. на основании соглашений осуществляли адвокаты Х. и М.И.

13 декабря 2023 г. Х. районным судом г. Москвы в отношении М. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Срок содержания М. под стражей 6 февраля 2024 г. был продлен до 9 марта 2024 г. Ходатайство следственного органа о продлении срока содержания под стражей М., поступившее 4 марта 2024 г. в указанный суд, 7 марта 2024 г. было оставлено судом без рассмотрения в связи с недоставлением обвиняемого М., а также неявкой остальных участников процесса.

В материалах дисциплинарного производства имеются рапорты следователя указанного следственного отдела Б. от 7 марта 2024 г. об осуществлении звонков защитникам по соглашению – адвокатам Х. и М.И. с целью их оповещения о судебном заседании, назначенном на 7 марта 2024 г., а потом, согласно информации в рапорте, «перенесенном» на 8 марта 2024 г. Имеются также тексты уведомления следователем от 7 марта 2024 г. защитников по соглашению о назначении судебных заседаний на 17.00 час. 7 марта 2024 г. и 15.30 час. 8 марта 2024 г.

Вместе с тем следователем в 19.54 час. 7 марта 2024 г. размещена в АИС АПМ заявка № ... об обеспечении защитника в порядке ст. 50, 51 УПК РФ обвиняемому М. в судебном заседании в 22.55 час. 7 марта 2024 г., по которой защитником назначен адвокат Г. Само ходатайство о продлении срока содержания обвиняемого М. под стражей поступило в районный суд 8 марта 2024 г., его рассмотрение было назначено на тот же день.

В судебном заседании 8 марта 2024 г. обвиняемый М. отказался от защитника по назначению – адвоката Г. в связи с наличием у него защитников по соглашению, что было поддержано адвокатом Г. Постановлением суда от 8 марта 2024 г. в удовлетворении заявления

об отказе от защитника по назначению отказано со ссылкой на отсутствие оснований, предусмотренных ст. 72 УПК РФ, и на факт неявки извещенных защитников по соглашению, не представивших документов, подтверждающих невозможность их явки в судебное заседание.

Постановление суда от 8 марта 2024 г. о продлении срока содержания М. под стражей обжаловано в апелляционном порядке защитником по назначению – адвокатом Г. и защитником по соглашению – адвокатом Х. Апелляционным постановлением М. городского суда от 3 апреля 2024 г. указанное постановление отменено, материал направлен на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе суда в связи нарушением права обвиняемого на защиту, поскольку ходатайство следователя рассмотрено в отсутствие защитников по соглашению, не извещенных надлежащим образом.

Заявитель М. выдвинул против адвоката Г. дисциплинарные обвинения:

в выполнении 8 августа 2024 г. функций «защитника-дублера» в указанном судебном заседании Х. районного суда при наличии защитников по соглашению – адвокатов Х. и М.И.;

в нарушении порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве;

в неознакомлении с материалом, обосновывающим ходатайство органа следствия о продлении срока содержания под стражей;

в незаявлении о грубом нарушении следователем, прокурором и судом норм УПК РФ, касающихся сроков представления следователем в суд ходатайства о продлении срока содержания под стражей;

в отказе от принятой на себя защиты, что выразилось в неучастии в судебном заседании М. городского суда по рассмо-

трению апелляционной жалобы адвоката Г.

Оценивая профессиональное поведение адвоката Г. в описанной ситуации, Совет исходит из следующего.

В силу п. 10.2 Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г. (Протокол № 4), на адвоката, которому адвокатской палатой распределено поручение о назначении защитника, возлагаются обязанности принять меры по информированию в разумный срок судьи о принятом поручении в целях согласования организационных и иных вопросов, прибыть к месту проведения судебного заседания в установленный срок, убедиться в отсутствии обстоятельств, исключающих или препятствующих его участию в производстве по данному уголовному делу в качестве защитника, и вступить в уголовное дело.

Согласно подп. «а» и «в» п. 4 и п. 7 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.) в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует выяснить наличие обстоятельств, препятствующих поручению на защиту или исключающих участие данного защитника в производстве по уголовному делу. Кроме того, адвокат обязан уведомить о своем участии в деле иных адвокатов подзащитного при их наличии.

В п. 4 Рекомендаций Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.) указано: «Адвокат, принявший поручение по осу-

ществлению защиты по назначению, обязан явиться к инициатору заявки, представить ордер и предъявить удостоверение, после чего выяснить, имеется ли у обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) защитник по назначению или соглашению. Если у обвиняемого имеется защитник по соглашению, то адвокат обязан удостовериться в его надлежащем уведомлении в установленный законом срок и потребовать копию процессуального решения, в котором надлежащим образом мотивировано назначение адвоката в порядке статей 50, 51 УПК РФ при наличии защитника по соглашению».

В п. 1 Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О “двойной защите”» (с изменениями и дополнениями, внесенными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.) указано на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублеров, т.е. при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же решением (абз. 1 п. 2.1) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать участие в защите лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений. Участие в деле наряду с защитником по соглашению защитника по назначению допустимо лишь в том случае, если отклонение отказа от него следователь или суд мотивируют имен-

но злоупотреблением со стороны обвиняемого либо приглашенного защитника своими полномочиями и выносятся о таком злоупотреблении обоснованное постановление (определение)...».

В пп. 2, 3 Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» указано, что недопустимо осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случая, указанного в п. 3 данных разъяснений. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе, продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адво-

катской палаты города Москвы подчеркивает, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Защитнику по назначению, отказ от которого, заявленный в установленном законом порядке, не принят дознавателем, следователем или судом с вынесением соответствующего процессуального решения, необходимо исходить из того, что само по себе наличие у указанных субъектов уголовного судопроизводства предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ права не принять отказ от защитника не означает, что они могут пользоваться этим правом произвольно либо в целях, не соответствующих конституционным требованиям и назначению уголовного судопроизводства. В соответствии с требованиями ст. 11, 16, 243 УПК РФ именно на орган или должностное лицо, осуществляющее от имени государства производство по уголовному делу, возложена обязанность обеспечить всем участникам судопроизводства реализацию их прав и законных интересов.

Основываясь на этих требованиях закона и правовых позициях Конституционного Суда РФ, сформулированных в постановлении от 17 июля 2019 г. № 28-П и постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29, Совет полагает, что дознаватель, следователь или суд могут не принять отказ от защитника по назначению лишь в случае, когда процессуальное поведение защитника по соглашению либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно

недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства, представляя собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, т.е. направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

В подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката содержатся требования о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих обязанностей, активном отстаивании и защите прав, свобод и законных интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Г. достоверно знал о наличии у М. защитников по соглашению – адвокатов Х. и М.И., что признается и им самим. Он также признал, что не сделал соответствующего заявления о невозможности осуществления им защиты по назначению наряду с защитниками по соглашению и не покинул зал судебного заседания.

Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии об отсутствии в судебном материале информации о надлежащем уведомлении защитников обвиняемого М. по соглашению о месте, дате и времени судебного заседания. Кроме того, данный факт установлен апелляционным постановлением М. городского суда от 3 апреля 2024 г., отменившим постановление суда первой инстанции. Вывода о злоупотреблении защитниками М. по соглашению своими правами Х. рай-

онным судом сделано не было, какие-либо конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие их недобросовестное поведение, не приведены. Несмотря на это и вопреки указанным выше обязательным требованиям, адвокат Г. исполнил функцию «защитника-дублера».

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. опровергнутой в части описанного дисциплинарного обвинения, а его умышленную вину в совершении этого дисциплинарного нарушения установленной.

Установленные Квалификационной комиссией обстоятельства подачи 4 марта 2024 г. следователем другого ходатайства о продлении срока содержания М. под стражей, оставленного 7 марта 2024 г. судом без рассмотрения, не имеют значения для определения виновности Г., поскольку он не являлся в тот момент участником уголовного дела.

Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии об отсутствии нарушения в незападении адвокатом Г. суду о грубом нарушении срока, установленного ч. 8 ст. 109 УПК РФ, а также с приведенными в Заключении Комиссии доводами о том, что подобное бездействие адвоката Г. не повлекло ограничения права обвиняемого М. на защиту и может быть отнесено к вопросам определения адвокатом тактики защиты, в которую органы адвокатского самоуправления по общему правилу не считают допустимым вмешиваться.

Вопреки этим доводам Квалификационной комиссии, положения ч. 8 ст. 109 УПК РФ предписывают органу следствия представлять в суд ходатайство о продлении обвиняемому срока содержания под стражей не позднее чем за 7 суток до его истечения. Несмотря на

то, что данный процессуальный срок не является пресекательным, а его нарушение следственным органом само по себе не исключает обязанность суда рассмотреть ходатайство, Совет отмечает, что нарушение этого процессуального срока в рассматриваемых обстоятельствах имело иное существенное значение, о котором и должен был заявить суду адвокат Г.

Предусмотренный ч. 8 ст. 109 УПК РФ срок в 7 суток предназначен для обеспечения нормальной организации судебного заседания с заблаговременным, соответствующим требованиям ст. 50 УПК РФ уведомлением участвующих в деле защитников не менее чем за 5 суток до даты судебного заседания, надлежащей подготовки ими позиции по делу, проведения консультаций с обвиняемым и совершения других необходимых действий по оказанию ему юридической помощи (сборание документов, подготовка возражений, ходатайств и т.п.). Нарушение следственным органом предусмотренного ч. 8 ст. 109 УПК РФ срока в случае неявки защитников по соглашению, надлежащее уведомление которых становится невозможным, и отказа обвиняемого от назначенного ему защитника вообще лишает суд возможности вынести законное решение, поскольку рассмотрение ходатайства о продлении срока содержания под стражей в этой ситуации будет неизбежно сопряжено с нарушением права на защиту. Именно такая ситуация и сложилась в рассматриваемом случае, и адвокат Г., безусловно, был обязан заявить суду о существенном значении нарушения этого процессуального срока, повлекшего нарушение прав его подзащитного.

Вместе с тем, учитывая, что негативные последствия этого нарушения были устранены вышестоящим судом путем отмены решения суда первой инстан-

ции, Совет полагает, что бездействие адвоката Г. в данной части не требует самостоятельной квалификации, но подлежит учету в качестве негативного последствия выполнения им функций «защитника-дублера», которое означает его незаконное участие в судебном заседании в целом.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что в других действиях адвоката Г., в отношении которых заявителем выдвинуты дисциплинарные обвинения, отсутствуют нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Назначение адвоката Г. защитником произведено с соблюдением Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., и Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176 и согласованных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 г. Принятая адвокатом Г. заявка АИС АПМ от 7 марта 2024 г. № ... не содержала сведений о нарушении положений ст. 50 УПК РФ и указанного выше Порядка. Сведения о номере уголовного дела и лице, нуждающемся в оказании юридической помощи, были отражены

в заявке достоверно. Множественного размещения заявок в АИС АПМ с искаженными данными, иных способов обхода АИС АПМ не имелось. Приглашения для принятия заявки были направлены АИС АПМ различным адвокатам.

Учитывая описанные выше фактические обстоятельства настоящего дисциплинарного производства, Совет вновь подчеркивает, что размещение защитниками по соглашению заявлений о принятой защите в соответствующем разделе личного кабинета адвоката в АИС АПМ способствует своевременному оповещению об этом назначенных по заявкам адвокатов, облегчая выявление возможных нарушений со стороны дознавателя, следователя и суда и препятствий для вступления назначенного защитника в дело. При этом необходимо учитывать, что согласно п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката на факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей, распространяются правила сохранения профессиональной тайны, что требует от адвоката соответствующего согласования с доверителем вопроса о размещении информации в АИС АПМ с учетом складывающейся в конкретном деле ситуации.

Дисциплинарное обвинение в неознакомлении адвоката Г. с материалом, обосновывающим ходатайство органа следствия о продлении обвиняемому М. срока содержания под стражей, правильно признано Квалификационной комиссией необоснованным, поскольку в результате дисциплинарного разбирательства не были опровергнуты объяснения адвоката Г. о том, что он ознакомился с указанным материалом. Более того, адвокат Г. указал на конкретные фактические обстоятельства, которые могли стать ему известны только в результате ознакомления с материалом

(обстоятельства задержания М., наличие у него на иждивении пятерых несовершеннолетних детей, содержание его показаний, отношение к предъявленному обвинению, его место работы и данные о потерпевших, приведенные в апелляционной жалобе адвоката Г.).

Совет также соглашается с выводом Квалификационной комиссии о непоследовательности позиции заявителя М., который сначала обвиняет адвоката Г. в незаконном участии в заседании Х. районного суда 8 марта 2024 г., а затем – в том, что он не принял участие в заседании суда апелляционной инстанции 3 апреля 2024 г. После 8 марта 2024 г. и обращения 11 марта 2024 г. с апелляционной жалобой на постановление суда адвокат Г. не оказывал М. юридической помощи, зная, что последний от него отказался, а его защиту по соглашению осуществляют другие адвокаты. Квалификационной комиссией дана правильная оценка тому, что в условиях установленного ею выполнения адвокатом Г. функций «защитника-дублера» совершение им в дальнейшем действий по осуществлению защиты М., включая участие в судебном заседании М. городского суда, лишь усугубило бы допущенное им нарушение права М. на свободный выбор защитника.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Г. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его грубый характер, свидетельствующий об умышленном игнорировании адвокатом обязательных правил вступления в уголовное дело в качестве защитника по назначению следователя и запрета на осуществление «двойной защиты».

Подобное профессиональное поведение адвоката Г., повлекшее существенное нарушение прав доверителя, Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что ранее адвокат Г. к дисциплинарной ответственности не привлекался, нарушение признал, раскаялся, предпринял действия по устранению негативных последствий для доверителя путем подачи апелляционной жалобы, в результате рассмотрения которой незаконное судебное решение было отменено. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О “двойной защите”» и Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению», исполнение профессиональных обязанностей перед доверите-

лем М., выразившееся в неправомерном выполнении 8 марта 2024 г. функций «защитника-дублера» в судебном заседании Х. районного суда г. Москвы по рассмотрению ходатайства органа следствия о продлении срока содержания обвиняемого М. под стражей при наличии у того защитников по соглашению – адвокатов Х. и М.И.

1.24. Адвокату объявлено предупреждение за выполнение функций «защитника-дублера» при наличии у обвиняемой защитника по соглашению. Совет также указал, что адвокат, назначенный защитником, не наделен полномочиями по самостоятельной оценке поведения защитника по соглашению как недобросовестного. Таким правом обладает только следователь или суд путем вынесения мотивированного процессуального решения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием адвоката К. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката Ж. от 18 августа 2024 г. в отношении адвоката К.

Квалификационная комиссия 23 октября 2024 г. вынесла Заключение о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О “двойной защите”» и Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению», исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившемся в неправомерном выполнении 15 августа 2024 г. функций «защитника-дублера» в судебном заседании М. городского суда по рассмотрению ходатайства органа след-

ствия о продлении обвиняемой П. срока содержания под стражей при наличии у обвиняемой П. защитника по соглашению – адвоката Ж.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по жалобе М. от 17 июня 2024 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

ствия о продлении обвиняемой П. срока содержания под стражей при наличии у обвиняемой П. защитника по соглашению – адвоката Ж.

Заявитель – адвокат Ж., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, заявил письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие. Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося адвоката Ж.

Адвокат К. в заседании Совета не согласился с Заключением Квалификационной комиссии. Признав факты невыполнения им обязанности связаться с защитником по соглашению и самоустраниться от защиты, вплоть до покидания зала судебного заседания, в то же время утверждал, что такое его поведение не образует состава дисципли-

плинарного нарушения, поскольку данное нарушение, по его мнению, имеет материальный состав, а неблагоприятных последствий для подзащитной не наступило, так как он обеспечил ее юридической помощью, в то время как поведение ее защитника по соглашению – адвоката Ж. было оценено адвокатом К. как недобросовестное.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката К., соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полностью установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве второго отдела СЧ по РОПД УВД по ...ГУ МВД России по г. Москве находилось уголовное дело, возбужденное 19 мая 2023 г. в отношении неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ. 12 июля 2023 г. П. задержан в порядке ст. 91 и 92 УПК РФ по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ, а 14 июля 2023 г. К. районным судом города М. в отношении нее избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Срок содержания П. под стражей неоднократно продлевался, последний раз – до 19 августа 2024 г. Защиту П. по соглашению осуществлял адвокат Ж.

Рассмотрение ходатайства следственного органа о продлении срока содержания обвиняемой П. под стражей, поступившего в М. городской суд 12 августа 2024 г., было назначено на 14 августа 2024 г., а впоследствии отложено на 15 августа 2024 г. в связи с отсутствием доставки в суд некоторых обвиняемых, а также неявкой некоторых адвокатов, в том числе адвоката Ж.

В материалах дисциплинарного производства имеются уведомления след-

ственного органа адвокату Ж. от 12 и 14 августа 2024 г. о необходимости явки в судебные заседания указанного суда соответственно 14 и 15 августа 2024 г.

По заявке № ... следователя второго отдела СЧ по РОПД СУ УВД по ...ГУ МВД России по г. Москве Л., поступившей в АИС АПМ в 17.32 час. 14 августа 2024 г., для осуществления защиты П. в порядке ст. 50, 51 УПК РФ назначен адвокат К., который участвовал в указанном судебном заседании 15 августа 2024 г.

В этом судебном заседании П. отказалась от адвоката К. в связи с наличием у нее защитника по соглашению – адвоката Ж. Протокольным постановлением городского суда отказ от защитника по назначению удовлетворен не был со ссылкой только на его необязательность для суда, после чего в том же судебном заседании с участием адвоката К. срок содержания обвиняемой П. под стражей был продлен. Указанное постановление обжаловано в апелляционном порядке и оставлено без изменения судом апелляционной инстанции.

Заявителем – адвокатом Ж. выдвинуто против адвоката К. дисциплинарное обвинение в выполнении 15 августа 2024 г. функций «защитника-дублера» обвиняемой П. в указанном судебном заседании при наличии у нее защитника по соглашению – адвоката Ж.

Оценивая профессиональное поведение адвоката К. в описанной ситуации, Совет исходит из следующего.

В силу п. 10.2 Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г. (Протокол № 4), на адвоката, которому адвокатской палатой распределено поручение о назначении защитника, возлагаются обязанно-

сти принять меры по информированию в разумный срок судьи о принятом поручении в целях согласования организационных и иных вопросов, прибыть к месту проведения судебного заседания в установленный срок, убедиться в отсутствии обстоятельств, исключающих или препятствующих его участию в производстве по данному уголовному делу в качестве защитника, и вступить в уголовное дело.

Согласно подп. «а» и «в» п. 4 и п. 7 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.) в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует выяснить наличие обстоятельств, препятствующих поручению на защиту или исключающих участие данного защитника в производстве по уголовному делу. Также адвокат обязан уведомить о своем участии в деле иных адвокатов подзащитного при их наличии. Согласно п. 7 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве адвокат обязан уведомить о своем участии в деле иных адвокатов подзащитного при их наличии.

Частью 3 ст. 50 УПК РФ установлено, что в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов.

В п. 4 Рекомендаций Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федера-

ции от 28 ноября 2019 г.) указано: «Адвокат, принявший поручение по осуществлению защиты по назначению, обязан явиться к инициатору заявки, представить ордер и предъявить удостоверение, после чего выяснить, имеется ли у обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) защитник по назначению или соглашению. Если у обвиняемого имеется защитник по соглашению, то адвокат обязан удостовериться в его надлежащем уведомлении в установленный законом срок и потребовать копию процессуального решения, в котором надлежащим образом мотивировано назначение адвоката в порядке статей 50, 51 УПК РФ при наличии защитника по соглашению».

В п. 1 Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 года «О “двойной защите”» (с изменениями и дополнениями, внесенными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.) указано на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублеров, т.е. при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же решением (абз. 1 п. 2.1) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать участие в защите лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений. Участие в деле наряду с защитником по соглашению защитника по назначению допустимо лишь в том

случае, если отклонение отказа от него следователь или суд мотивируют именно злоупотреблением со стороны обвиняемого либо приглашенного защитника своими полномочиями и выносят о таком злоупотреблении обоснованное постановление (определение)...».

В п. 2, 3 Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» указано, что недопустимо осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случая, указанного в п. 3 данных разъяснений. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место

процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адвокатской палаты города Москвы подчеркивает, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Защитнику по назначению, отказ от которого, заявленный в установленном законом порядке, не принят дознавателем, следователем или судом с вынесением соответствующего процессуального решения, необходимо исходить из того, что само по себе наличие у указанных субъектов уголовного судопроизводства предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ права не принять отказ от защитника не означает, что они могут пользоваться этим правом произвольно либо в целях, не соответствующих конституционным требованиям и назначению уголовного судопроизводства. В соответствии с требованиями ст. 11, 16, 243 УПК РФ именно на орган или должностное лицо, осуществляющие от имени государства производство по уголовному делу, возложена обязанность обеспечить всем участникам судопроизводства реализацию их прав и законных интересов.

Основываясь на этих требованиях закона и правовых позициях Конституционного Суда РФ, сформулированных в постановлении от 17 июля 2019 г. № 28-П, и Пленума Верховного Суда РФ – в постановлении от 30 июня 2015 г. № 29, Совет полагает, что дознаватель, следователь или суд могут не принять отказ от защитника по назначению лишь в случае, когда процессуальное поведение защитника по соглашению либо поведение подозреваемого, обви-

няемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства, представляя собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, т.е. направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

В подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката содержатся требования о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих обязанностей, активном отстаивании и защите прав, свобод и законных интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат К. достоверно знал о наличии у П. защитника по соглашению – адвоката Ж., доказательств надлежащего уведомления которого представленный следователем материал не содержал, поскольку верифицировать факт направления двух уведомлений следователя от 12 и 14 августа 2024 г. и их получения адвокатом Ж. не представлялось возможным.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

При оценке действий адвоката К. Совет также учитывает его объяснения, приведенные выше, которые свидетельствуют о незнании и непонимании им требований законодательства об ад-

вокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, а также обязательных требований, содержащихся в разъяснениях органов адвокатского самоуправления. В этой связи Совет подчеркивает, что правом квалификации действий обвиняемого и его защитника по соглашению как недобросовестного поведения в рассматриваемой ситуации был наделен только суд, который такой оценки не дал и не указал на конкретные факты такого их поведения, которое нарушало конституционные права других участников судопроизводства и приводило к дезорганизации хода судопроизводства. При этом адвокат К., самостоятельно оценив поведение адвоката Ж. как недобросовестное, принял решение участвовать в судебном заседании вопреки позиции обвиняемой П. и в ущерб ее праву на свободный выбор защитника, что недопустимо. При этом незнание и непонимание адвокатом К. указанных обязательных требований не освобождает его от ответственности за допущенные нарушения, а, напротив, усугубляет его вину, поскольку свидетельствует о неисполнении им законодательно установленной обязанности адвоката постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Совет также вновь подчеркивает, что размещение защитниками по соглашению заявления о принятой защите в соответствующем разделе личного кабинета адвоката в АИС АПМ способствует своевременному оповещению об этом назначенных по заявкам адво-

катов, облегчая выявление возможных нарушений со стороны дознавателя, следователя и суда и препятствий для вступления назначенного защитника в дело. При этом необходимо учитывать, что согласно п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката на факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей распространяются правила сохранения профессиональной тайны, что требует от адвоката соответствующего согласования с доверителем вопроса о размещении информации в АИС АПМ с учетом складывающейся в конкретном деле ситуации.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его грубый характер, свидетельствующий об умышленном и злом игнорировании адвокатом обязательных правил вступления в уголовное дело в качестве защитника по назначению следователя и запрета на осуществление «двойной защиты» и сопряженный с нарушением прав доверителя. Подобное профессиональное поведение адвоката Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что ранее адвокат К. к дисциплинарной ответственности не привлекался. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату К. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики

адвоката. Совет также полагает необходимым указать адвокату К. на необходимость исполнения профессиональной обязанности, предусмотренной подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а именно: постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О “двойной защите”» и Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившееся в неправомерном выполнении 15 августа 2024 г. функций «защитника-дублера» в судебном заседании М. городского суда по рассмотрению ходатайства органа следствия о продлении срока содержания обвиняемой П. под стражей при наличии у обвиняемой П. защитника по соглашению – адвоката Ж.

2. Дисциплинарные производства, возбужденные по обращениям судей и Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве

2.1. Совет, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии, прекратил дисциплинарное производство, признав, что адвокат не уклонялся и не отказывался от участия в судебных прениях, а добивался соблюдения прав своего доверителя.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием адвоката Б. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению мирового судьи судебного участка № ... Б. судебного района Московской области Б.А., исполняющего обязанности мирового судьи судебного участка № ... Б. судебного района Московской области, в отношении адвоката Б.

Квалификационная комиссия 19 июня 2024 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом Б. взаимосвязанных положений подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности; соблюдать Кодекс профессиональной этики и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции; участвуя... в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»), что выразилось в отказе адвоката Б. как защитника подсудимого К. 2 мая 2024 г. от участия в судебных прениях по уголовному делу № ... рассматривавшемуся в судебном участке № ... Б. судебного

района Московской области под председательством мирового судьи Б.А.

От адвоката Б. поступили письменные возражения на Заключение Квалификационной комиссии, в которых он, не соглашаясь с Заключением, обращает внимание на то, что предметом обращения мирового судьи Б.А. является уклонение адвоката Б. от судебных прений, а не отказ от участия в них, как указала Комиссия в ЗаклЮчении. Давая оценку его действиям и усмотрев в них нарушение законодательства и Кодекса профессиональной этики адвоката, Комиссия не дала оценки его действиям как протестному поведению в ответ на действия председательствующего судьи, которыми адвокат Б. защищал права подсудимого. Комиссия при вынесении ЗаклЮчения не приняла во внимание и то, что адвокат Б. заявил в суде под протокол, что не может отказаться и не отказывается от участия в судебных прениях. Однако как защитник он связан позицией своего подзащитного, который в случае своего желания участвовать в прениях должен выступать перед ним, так как защитник должен знать позицию подзащитного и исходить из нее. Поэтому считает свои действия в судебном заседании верными, направленными на соблюдение прав и интересов его доверителя К.

В заседании Совета адвокат Б. подтвердил, что Заключение Квалификационной комиссии получил, с ним ознакомился и не согласен, поддержал доводы своих письменных возражений.

Дополнительно пояснил, что его подзащитный К. заявил суду, что желает участвовать в судебных прениях, но ему необходимо больше времени на подготовку к ним, поскольку предоставленных мировым судьей нескольких минут явно недостаточно. Суд подсудимому в этом отказал. По этой причине адвокат Б., не отказываясь от участия в прениях и заявив об этом суду, считал для себя недопустимым выступать раньше своего подзащитного К. Выступив в судебных прениях в условиях, когда его подзащитному не дали к этим прениям подготовиться и изложить свою позицию, адвокат Б. фактически согласился бы с правильностью действий суда, не позволившего его доверителю К. надлежащим образом изложить свою позицию, которая при этом могла измениться в прениях по сравнению с предыдущей. В результате могла сложиться ситуация, при которой защитник высказал бы в судебных прениях позицию, не соответствующую позиции подзащитного. Нарушать законодательство об адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, адвокат Б. не намеревался, от участия в судебных прениях не отказывался и не уклонялся, а лишь действовал в защиту интересов своего подзащитного. По этой причине просил Совет прекратить дисциплинарное производство.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката Б., Совет признаёт фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводом о совершении адвокатом Б. дисциплинарного нарушения не соглашается и полагает необходимым прекратить дисциплинарное производство. Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 14 марта

2024 г. в судебный участок Б. судебного района Московской области поступило уголовное дело № ... по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ. Защиту подсудимого осуществлял адвокат Б. на основании соглашения.

В судебном заседании 2 мая 2024 г. суд поставил перед сторонами вопрос об окончании судебного следствия и переходе к прениям сторон. Государственный обвинитель и представитель потерпевшего подтвердили суду свою готовность к прениям. Обвиняемый К. сообщил суду, что к судебным прениям не готов, и для подготовки ему нужно 3–5 дней, заявил ходатайство об отложении судебного заседания на 5 дней. Защитник Б. ходатайство своего подзащитного поддержал.

Выслушав позиции сторон, суд объявил перерыв до 18.30 час. этого же дня для подготовки сторон к судебным прениям. После возобновления судебного заседания суд перешел к выслушиванию выступлений в судебных прениях государственного обвинителя и представителя потерпевшего. На вопрос председательствующего к подсудимому К. о его готовности выступить в прениях тот вновь ответил, что не готов, и повторно заявил ходатайство об отложении судебного заседания для подготовки к прениям. Суд предоставил защитнику подсудимого – адвокату Б. возможность выступить в судебных прениях, на что тот заявил, что, поскольку подсудимый К. в судебных прениях еще не выступал и его позиция защитнику неизвестна, он как защитник не может выступать в судебных прениях до выступления своего подзащитного. В противном случае это может привести к нарушению права подсудимого на защиту. Одновременно адвокат Б. заявил отвод председательствующему судье, который судьей был оставлен без

удовлетворения. После этого суд вновь предложил адвокату Б. выступить в судебных прениях, на что тот ответил, что желает выступить в прениях, но не может этого сделать ранее выступления своего подзащитного, который изъявил желание выступить в судебных прениях, но попросил предоставить ему время на подготовку. При этом адвокат Б. неоднократно указывал суду на то, что своими действиями суд нарушает право подзащитного К. на защиту, не давая ему возможности подготовиться к судебным прениям.

После очередного перерыва в судебном заседании, объявленного судом на несколько минут, председательствующий судья вновь предложил адвокату Б. выступить в прениях, не дожидаясь выступления его подзащитного, а по сути – вместо него, поскольку суд отказал К. в предоставлении необходимого ему времени на подготовку к выступлению. Адвокат Б. в очередной раз заявил суду, что не отказывается от выступления в прениях, но вместе с тем считает, что не вправе это сделать до выступления в судебных прениях его подзащитного К.

Реагируя на занятую адвокатом Б. позицию, государственный обвинитель заявил ему отвод в связи с нарушением адвокатом права подзащитного на защиту отказом от участия в судебных прениях по надуманным основаниям. Судом указанное заявление государственного обвинителя было удовлетворено, и протокольным постановлением принято решение об отводе защитника – адвоката Б., о назначении К. защитника в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ, и об отложении судебного заседания на 16 мая 2024 г.

Заявителем в отношении адвоката Б. выдвинуто дисциплинарное обвинение в том, что тот при описанных обстоятельствах уклонился от выступления

в судебных прениях, при этом на какие-либо объективные причины невозможности своего выступления в прениях не сослался. По мнению заявителя, уклонение адвоката Б. от участия в судебных прениях лишало подзащитного К. права на квалифицированную юридическую помощь, гарантированную Конституцией Российской Федерации и УПК РФ.

Давая оценку выдвинутому дисциплинарному обвинению, Совет прежде всего обращает внимание на процессуальную ситуацию, сложившуюся в судебном разбирательстве к моменту окончания судебного следствия. Так, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в судебном заседании 2 мая 2024 г. государственный обвинитель отказался от вызова и допроса свидетелей, попросив суд изменить порядок исследования доказательств, а именно исключить из ранее установленного порядка допрос свидетелей. Судом был установлен следующий порядок исследования доказательств: исследование письменных материалов дела, допрос подзащитного, разрешение вопроса о дополнениях судебного следствия и его окончании.

Таким образом, суд, согласившись с государственным обвинителем, т.е. приняв его отказ от допроса свидетелей и изменив порядок исследования доказательств, по существу лишил подзащитного и его защитника возможности реализовать гарантированное им ч. 3 ст. 278 УПК РФ право допросить свидетелей обвинения, задав им вопросы и получив на них ответы, которые могли прояснить обстоятельства дела, в том числе иные, неизвестные суду, и, возможно, повлиять на итоговое решение суда по уголовному делу.

При таких обстоятельствах у адвоката Б. возникла необходимость внесения корректировок в тактику осуществ-

вляемой им защиты подсудимого К., включая оценку доказательств по делу, а следовательно, и внесение соответствующих корректировок в содержание выступлений стороны защиты в судебных прениях. Все эти корректировки, в свою очередь, требовали обсуждения и согласования с подзащитным.

Однако, как указано выше, неоднократно заявленные суду как самим подсудимым К., так и его защитником – адвокатом Б. ходатайства об отложении судебного заседания для предоставления им времени на подготовку к прениям были отклонены председательствующим судьей.

Кроме того, ч. 7 ст. 292 УПК РФ наделяет подсудимого и его защитника правом по окончании прений сторон, но до удаления суда в совещательную комнату представить суду в письменном виде предлагаемые ими формулировки решений по вопросам, указанным в пп. 1–6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, на подготовку которых подсудимому и его защитнику также требуется время. В этой связи Совет отмечает, что предоставленных судом подсудимому К. и его защитнику Б. двух коротких перерывов, по несколько минут каждый, было явно недостаточно для полноценной подготовки к прениям. При этом суд, не предоставив стороне защиты не только ни одного дня (чего с учетом объема уголовного дела было бы достаточно), но даже нескольких часов на подготовку к прениям в описанной ситуации, в то же время посчитал возможным отложить судебное заседание на две недели – до 16 мая 2024 г., устранив избранного подсудимым защитника от участия в деле.

Не входя в оценку такой реакции суда на активную позицию адвоката Б., направленную на защиту прав и интересов его доверителя – подсудимого К., Совет в то же время не может согласиться с тем, что профессиональное

поведение адвоката Б. в описанной ситуации дает основания как для вывода о его уклонении или отказе от участия в судебных прениях, так и для вывода о ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей по оказанию доверителю К. квалифицированной юридической помощи.

Прежде всего Совет отмечает факт отсутствия каких-либо претензий к адвокату Б. со стороны его подзащитного К., что само по себе исключает возможность законной и обоснованной постановки иными участниками судопроизводства вопроса о ненадлежащем оказании К. квалифицированной юридической помощи избранным им защитником Б., осуществляющим его защиту на основании соглашения.

Совет соглашается с доводом Квалификационной комиссии о том, что участие в судебных прениях подсудимого является его правом, а участие в них защитника – безусловной обязанностью последнего. Однако из этой правильной констатации вовсе не следует, что адвокат-защитник вправе игнорировать желание своего подзащитного реализовать право на участие в прениях, неотъемлемой составляющей которого является надлежащая подготовка к ним. Напротив, защитник должен отстаивать перед судом соблюдение этого права доверителя так, как этого требуют предписания подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В этой связи Совет отмечает, что последовательные пояснения адвоката Б., что он не отказывался и не уклонялся от выступления в судебных прениях, неоднократно и ясно заявив об этом суду, а лишь добивался реализации права своего доверителя на участие в прениях после надлежащей подготовки, ничем

не опровергнуты. Более того, эти пояснения подтверждаются аудиозаписью судебного заседания.

Помимо этого, согласно п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката применение мер дисциплинарной ответственности может повлечь лишь такое нарушение адвокатом законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и указанного Кодекса, которое совершено умышленно или по грубой неосторожности. Совет не находит оснований для вывода о том, что адвокатом Б. при описанных обстоятельствах были умышленно или по грубой неосторожности совершены уклонение либо отказ от участия в судебных прениях. По этой причине Совет, вопреки заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката и толковании Кодекса профессиональной этики адвоката, признаёт презумпцию добросовестности адвоката Б. неопровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению вследствие отсутствия в действиях адвоката нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, в том числе Кодекса профессиональной этики адвоката.

2.2. Дисциплинарное производство в отношении адвоката прекращено в связи отсутствием допустимого повода: суд не наделен полномочиями по выдвиганию в отношении адвоката, осуществляющего защиту по соглашению, дисциплинарного обвинения в ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда от 13 июня 2024 г. № ... в отношении адвоката Я.

При этом Совет, признавая право адвоката Б. на выражение в надлежащей форме протеста против ущемления судом прав и интересов его доверителя, отмечает, что наряду с этим выражением протеста адвокату Б. как независимому профессиональному советнику по правовым вопросам следовало обсудить и согласовать с доверителем К. корректировку позиции последнего в сторону сокращения количества времени, реально необходимого ему для подготовки к выступлению в прениях. Такой разумный компромисс мог бы позволить избежать возникшего острого конфликта с судом без ущерба для прав и интересов стороны защиты.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы, решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Б. по обращению мирового судьи Б., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Квалификационная комиссия 17 июля 2024 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Я. по обращению судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда от 13 июня 2024 г. № ... вследствие обнаружившегося в ходе

разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Адвокат Я., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, просила о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие. Принимая во внимание указанные обстоятельства, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившейся адвоката Я.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в период с 10 июля 2023 г. по 11 апреля 2024 г. адвокатом Я. осуществлялась защита Т., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ. Соглашение об оказании юридической помощи Т. было заключено адвокатом Я. с его супругой – Г.

23 октября 2023 г. по уголовному делу в отношении Т. и других был провозглашен обвинительный приговор, на который адвокатом Я. была подана апелляционная жалоба. В жалобе были приведены доводы о невиновности Т. Адвокат Я. просила суд оправдать своего подзащитного. Избранная позиция соответствовала позиции Т., который в суде апелляционной инстанции поддержал апелляционную жалобу Я.

11 апреля 2024 г. в ходе очередного судебного заседания Т. указал на наличие расхождения позиций с защитником по соглашению адвокатом Я., объяснив это тем, что в ходе консультации в следственном изоляторе она отказалась заявить в суде апелляционной инстанции о наличии, по его, Т., мнению, признаков преступления в действиях судьи, рассматривавшей уголовное дело по первой инстанции, а также ходатайствовать о приобщении доказательств в подтверждение этого заявления. Кроме того, Т. заявил, что, вопреки его позиции, адвокат Я. указала ему на необходимость отказаться от доводов о его невиновности и просить суд апелляционной инстанции о смягчении наказания. По этим причинам Т. заявил об отказе от дальнейшего осуществления его защиты адвокатом Я. и о расторжении с ней соглашения в одностороннем порядке.

Судебная коллегия приняла отказ осужденного Т. от адвоката Я. и освободила последнюю от дальнейшего участия в суде апелляционной инстанции. Судебное заседание было отложено для обеспечения Т. другим защитником.

В обращении судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда против адвоката Я. выдвигаются дисциплинарные обвинения в нарушении ею требований ст. 8 и 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в отказе от заявления ходатайств в интересах осужденного Т., а также в «призывах занять позицию о смягчении наказания, которая противоречит позиции Т. за весь период разбирательства по делу, а также позиции самой адвоката Я., изложенной в ее апелляционной жалобе».

Адвокат Я., не соглашаясь с выдвинутыми в отношении нее дисциплинарными обвинениями, указала, что при посещении ею Т. в следственном изоляторе с ним действительно неоднократно рассматривались различные варианты

его защиты, в том числе и по смягчению наказания, и по признанию вины, а также обсуждались ходатайства, подлежащие заявлению в суде апелляционной инстанции. При этом Т. многие ходатайства заявлялись по собственному усмотрению. Кроме того, она указала на отсутствие у Т. претензий к качеству оказанной ему юридической помощи несмотря на то, что он решил заменить адвоката и скорректировать свою позицию по делу. Полагает, что обращение суда в Адвокатскую палату города Москвы вызвано не озабоченностью соблюдением прав Т., а тем, что судебные заседания неоднократно откладывались, при этом срок давности привлечения Т. к уголовной ответственности истекал 26 мая 2024 г.

Эти объяснения адвоката Я. ничем не опровергнуты.

В соответствии со взаимосвязанными положениями ч. 1 ст. 450.1 ГК РФ и п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Т. в любой момент имел возможность воспользоваться правом на односторонний отказ от соглашения на его защиту, заключенного с адвокатом Я.

В этой связи Квалификационная комиссия пришла к правильному выводу о том, что, заявив 11 апреля 2024 г. в судебном заседании суда апелляционной инстанции об отказе от адвоката Я. и о расторжении с ней соглашения в одностороннем порядке, Т. реализовал свое право, предусмотренное ч. 1 ст. 450.1 ГК РФ. В сложившейся ситуации дальнейшее участие адвоката Я. в уголовном деле в качестве защитника Т. было невозможно в связи с отсутствием у нее правовых оснований для этого, а не по причине расхождения в позиции между адвокатом Я. и ее подзащитным, на что указала судебная коллегия по уголовным делам М. городского суда в протоколе судебного заседания от 11 апреля 2024 г.

Вместе с тем Совет отмечает, что суд не наделен полномочиями по выдвижению в отношении адвоката, осуществляющего защиту по соглашению, дисциплинарного обвинения в ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем. Каких-либо жалоб в отношении адвоката Я. от Т. и его супруги Г., заключившей с адвокатом Я. соглашение на оказание Т. юридической помощи, в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

Напротив, 8 июля 2024 г. в Адвокатскую палату города Москвы от Г. поступило письменное обращение, в котором положительно оценивается качество оказанной адвокатом Я. юридической помощи Т., отмечается отсутствие у Г. как доверителя каких-либо претензий к адвокату Я., высказывается мнение об отсутствии в действиях адвоката Я. каких-либо нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Я. по обращению судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда от 13 июня 2024 г. вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

2.3. Адвокату объявлено замечание: неявка в судебное заседание после перерыва не может быть мотивирована тактикой защиты, но является неуважением к суду.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием адвоката С., ее представителя – адвоката Л. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи М. городского суда Д. от 5 июня 2024 г. № ... в отношении адвоката С.

Квалификационная комиссия 17 июля 2024 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом С. положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду»), выразившемся в неявке адвоката С. 5 июня 2024 г. в судебное заседание суда апелляционной инстанции М. городского суда по уголовному делу № ... после получения в перерыве судебного заседания устной информации осужденного Б. об отказе от ее юридической помощи.

Адвокат С. и ее представитель – адвокат Л. в заседании Совета подтвердили получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии не согласились. Адвокат С. не отрицала, что по завершении перерыва в судебном заседании она в зал суда не вернулась, поскольку ее подзащитный Б. принял решение отказаться от нее. Отвечая на вопросы членов Совета, адвокат С. и ее представитель пояснили, что покидание ею судебного заседания после перерыва было обусловлено тактикой защиты Б., поскольку в зале судебного заседания присутствовал конвой, и адвокат С. стремилась предотвратить заключение ее подзащитного под стражу. При этом, по ее мнению, 30 июня 2024 г. истекали

сроки давности привлечения Б. к уголовной ответственности. Полагает, что такими действиями она предотвратила наступление большего вреда для интересов подзащитного, чем вред от покидания ею судебного заседания. В дальнейшем Б. был освобожден от наказания в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности.

Рассмотрев и обсудив заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, заслушав адвоката С. и ее представителя – адвоката Л., Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что судьей апелляционной инстанции М. городского суда Д. единолично рассматривалось уголовное дело в отношении Б., осужденного М. районным судом г. Москвы по ч. 1 ст. 285 УК РФ.

Защиту Б. осуществляла адвокат С. на основании Соглашения от 27 октября 2023 г. № ... заключенного между адвокатским бюро города Москвы «П.» и ООО «В.» в лице его генерального директора Б. об оказании юридической помощи как указанному Обществу, так и его генеральному директору Б., и дополнительных соглашений к нему. Адвокат С. представила суду удостоверение адвоката и ордер от 27 апреля 2024 г. № ...

В судебном заседании 5 июня 2024 г. адвокат С. ходатайствовала о его отложении в связи с подачей ею дополнительных апелляционных жалоб на приговор в отношении Б., которые суд апелляционной инстанции не получил. В удовлетворении заявленного ходатай-

ства адвокату С. было отказано. В этой связи осужденным Б. было заявлено ходатайство об объявлении в судебном заседании перерыва для консультации с защитником, которое было удовлетворено судом. По завершении перерыва адвокат С. в зал суда не вернулась, а осужденный Б. сообщил суду, что принял решение отказаться от нее.

Ввиду отсутствия у Б. защитника суд принял решение об отложении судебного заседания на 11 июня 2024 г. и назначении защитника в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ.

По окончании судебного заседания адвокат С. обратилась к судье Д. с просьбой вернуть ей удостоверение адвоката, на что получила отказ с комментарием о направлении удостоверения вместе с представлением в Адвокатскую палату города Москвы.

В обращении заявителя против адвоката С. выдвигаются дисциплинарные обвинения в том, что она 5 июня 2024 г., после завершения объявленного судом пятиминутного перерыва, без объяснения причин и при отсутствии уважительных причин не явилась в судебное заседание, «самовольно покинув здание суда, что привело к невозможности рассмотрения дела судом апелляционной инстанции и отложению судебного заседания» на 11 июня 2024 г., а также в отказе от защиты Б.

Согласно ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле.

В соответствии со ст. 52 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый вправе в любой момент производства по уголовному делу отказаться от помощи защитника. Такой отказ допускается только по инициативе подозреваемого или обвиняемого. Отказ от защитника заявляется

в письменном виде и не обязателен для дознавателя, следователя и суда.

В соответствии с Разъяснениями № 3 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката (опубликованы на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/elucidate/5515/>, а также в Вестнике Адвокатской палаты города Москвы. 2007. № 4–5 (42–43). С. 15–18; Сборнике нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С. 117–121) доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент производства по уголовному делу, что ликвидирует само основание участия адвоката в уголовном судопроизводстве в силу общего правила о последствиях расторжения гражданско-правового договора, установленного п. 2 ст. 453 ГК РФ, «при расторжении договора обязательства сторон прекращаются».

В отличие от отказа обвиняемого (подозреваемого) от защитника, который подлежит разрешению судом, прокурором, следователем и дознавателем, расторжение соглашения является юридическим фактом, лишаящим адвоката права осуществлять какие-либо процессуальные действия в интересах своего бывшего подзащитного (подписывать процессуальные документы, участвовать в проведении следственных действий, выступать в прениях и т. д.). Если доверителем адвоката является не подзащитный, а иное лицо, то при расторжении им заключенного с адвокатом соглашения об оказании юридической помощи назначенному доверителем лицу (подозреваемому, обвиняемому) мнение бывшего подзащитного, желающего, чтобы адвокат продолжал его защиту, не может служить основанием для продолжения участия адвоката

в деле. В такой ситуации адвокат может обсудить с обвиняемым возможность заключения нового соглашения и только после претворения этой возможности в жизнь получить правовое основание для возобновления прерванной защиты.

Обязанность обеспечивать право на защиту лежит на субъектах уголовно-процессуальной деятельности, осуществляющих производство по уголовному делу. Они должны обладать своевременной информацией об обстоятельствах, препятствующих реализации этого конституционного права обвиняемого. Адвокат обязан незамедлительно направить суду, прокурору, следователю или дознавателю письменное уведомление о расторжении соглашения и о прекращении на этом основании своего дальнейшего участия в деле. Отсутствие в материалах уголовного дела такого уведомления приводит к тому, что суд или органы предварительного расследования в течение неопределенного (порой весьма длительного) времени пребывают в заблуждении относительно круга участвующих в деле защитников.

Направление письменного уведомления о расторжении доверителем соглашения можно предварить телефонограммой, но низкий уровень верифицируемости не позволяет признать ее достаточным (надежным) способом коммуникации по вопросу участия адвоката в судопроизводстве. Полномочия адвоката удостоверяются письменным документом (ордером), следовательно, и сообщение о прекращении этих полномочий в конкретном деле должно быть облечено в письменную форму.

Материалы дисциплинарного производства не содержат доказательств надлежащего (письменного) заявления осужденным Б. отказа от помощи защитника С. и осведомленности суда о расторжении с 5 июня 2024 г. Соглашения от 27 октября 2023 г. № ... на его

защиту на момент покидания адвокатом С. зала суда.

Вместе с этим Совет отмечает, что получение устной информации от осужденного Б. об отказе от ее юридической помощи не освобождало адвоката С. от необходимости явки в судебное заседание после окончания перерыва для оказания подзащитному Б. квалифицированной помощи в обеспечении надлежащей формы реализации права на отказ от защитника и выражения суду своего отношения к такому отказу. После выполнения этих обязательных действий адвокату С., в зависимости от сложившейся в судебном заседании ситуации, следовало принять обоснованное решение о возможности дальнейшего участия в нем.

Сопоставив приведенные выше правовые положения и обязательные требования с установленными и описанными выше обстоятельствами, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом С. положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в ее неявке 5 июня 2024 г. в судебное заседание суда апелляционной инстанции при описанных обстоятельствах.

Факт последующего оформления документов между адвокатским бюро города Москвы «П.» и ООО «В.» в лице его генерального директора Б. о расторжении с 5 июня 2024 г. Соглашения от 27 октября 2023 г. № ... не влияет на оценку профессионального поведения адвоката С. в судебном заседании. Совет также соглашается и с иными доводами Квалификационной комиссии в данной части, приведенными в ее Заключение.

Совет принимает во внимание доводы адвоката С. и ее представителя о мотивах принятого ею решения о покидании зала судебного заседания, связанных с защитой интересов доверителя. Вместе с тем Совет отмечает, что, как указано выше, у адвоката С. имелась

альтернативная возможность действовать в этих же целях, но без покидания зала суда явочным порядком в нарушение требований законодательства.

Совет также соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что дисциплинарное обвинение в отказе адвоката С. от защиты осужденного Б. не подлежит оценке в настоящем дисциплинарном производстве, поскольку суд не наделен полномочиями по выдвижению такого дисциплинарного обвинения в отношении адвоката, осуществляющего защиту по соглашению, а от доверителя адвоката С. – Б. каких-либо жалоб в ее отношении не поступало. Помимо этого, Совет отмечает, что приведенные выше пояснения адвоката С. о том, что она действовала исключительно в целях защиты интересов доверителя, ничем не опровергнуты.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката С. за допущенное нарушение, Совет учитывает, что она, хотя и проявила неуважение к суду, и ее действия повлекли отложение судебного заседания, но мотивом этих ее действий была защита интересов доверителя. Одновременно с этим Совет принимает во внимание, что адвокат С. не имеет

дисциплинарных взысканий. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату С. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду»), выразившееся в ее неявке 5 июня 2024 г. в судебное заседание суда апелляционной инстанции М. городского суда по уголовному делу № ... после получения в перерыве судебного заседания устной информации осужденного Б. об отказе от ее юридической помощи.

2.4. Совет прекратил дисциплинарное производство вследствие малозначительности проступка – незначительного опоздания в судебное заседание, признав остальные дисциплинарные обвинения необоснованными. Совет также отметил, что адвокат самостоятельно определяет приоритеты при совпадении времени процессуальных действий по разным делам, непредоставление защитнику возможности ознакомиться с материалами дела не позволяет ему оказать доверителю квалифицированную юридическую помощь, а ответственность за негативные последствия несоблюдения судом порядка назначения защитников не может быть возложена на адвокатов.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинар-

ное производство, возбужденное по обращению судьи Т. районного суда г. Москвы Б. от 24 мая 2024 г. в отношении адвокатов И. и Н.

Квалификационная комиссия 17 июля 2024 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом Н. положений ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен... проявлять уважение к суду... адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции») во взаимосвязи с Разъяснением № 01/18 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам «По вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью» (утверждено Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 16 февраля 2018 г. (Протокол № 1)), выразившемся в том, что, участвуя в качестве защитника подсудимого Н.А. по находящемуся в производстве Т. районного суда г. Москвы уголовному делу в отношении Во., Л., Ви., Ме., Ни., Вор., Мр., Ко, Ев., Б., Щ., адвокат Н. не явилась 15 мая 2024 г. в судебное заседание данного суда по вышеуказанному уголовному делу, необоснованно отдав предпочтение участию в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного расследования в качестве защитника З. по уголовному делу, находящемуся в производстве ГСУ СК России;

2) о нарушении адвокатом Н. положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду...»), выразившемся в ее опоздании 23 мая 2024 г. в судебное заседание указанного суда по уголовному делу в отношении Во., Л., Ви., Ме., Ни., Вор., Мр., Ко., Ев.,

Б., Щ., в котором адвокат Н. участвует в качестве защитника подсудимого Ни., на срок 10 минут в отсутствие уважительной причины;

3) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Н. по обращению судьи Б., вследствие состоявшихся ранее заключения Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы от 20 марта 2024 г. и решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 мая 2024 г. по производству с теми же участниками по тому же предмету и основанию в части доводов о неявке адвоката Н. для осуществления защиты подсудимого Ни. в судебное заседание по находящемуся в производстве указанного суда по упомянутому уголовному делу в отношении Во., Л., Ви., Ме., Ни., Вор., Мр., Ко., Ев., Б., Щ. 18 и 20 сентября, 4, 9, 18, 25 октября, 8, 27, 29 ноября, 4, 6, 11, 13, 20, 25 декабря 2023 г., 15, 24, 29, 30 января, 5, 7 февраля 2024 г.;

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Н. по обращению судьи Б., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

5) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката И. по обращению судьи Б., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокаты И. и Н., извещенные надлежащим образом и своевременно получившие Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не

явились, заявили письменные ходатайства о рассмотрении дисциплинарного производства в их отсутствие, в которых адвокат И. согласился с Заключением Квалификационной комиссии, а адвокат Н. возражала против вывода Квалификационной комиссии о неявке без уважительных причин в судебное заседание 15 мая 2024 г., представив пояснения и письменные документы.

Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами соглашается частично в силу следующего.

Заявителем выдвинуты следующие дисциплинарные обвинения:

против адвоката Н. – в нарушении законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в связи с систематическими неявками в судебное заседание 22, 24, 25, 27 апреля, 2, 6, 8, 15, 16, 17, 23 мая 2024 г.;

против адвоката И. – в нарушении законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в связи с самоустранением от осуществления защиты подсудимого Ни. после 15 мая 2024 г.

Кроме того, в обращении заявителя содержатся доводы о систематических неявках адвоката Н. в судебное заседание по тому же уголовному делу 18, 20 сентября, 4, 9, 18, 25 октября, 8, 27, 29 ноября, 4, 6, 11, 13, 20, 25 декабря 2023 г., 15, 24, 29, 30 января, 5, 7, 8, 14, 26 февраля, 11 апреля 2024 г. Однако

указанные дисциплинарные обвинения уже были рассмотрены в дисциплинарном производстве с вынесением Советом решений от 30 мая и 15 августа 2024 г. В связи с этим Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в этой части, поскольку согласно подп. 1 п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката обстоятельством, исключающим возможность дисциплинарного производства, является состоявшееся ранее решение Совета по дисциплинарному производству с теми же участниками по тому же предмету и основанию.

В оставшейся части в результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве Т. районного суда г. Москвы в составе председательствующего судьи Б. с 20 мая 2020 г. находилось уголовное дело, представляющее особую сложность, связанную с длительностью судебного разбирательства, наличием 11 подсудимых – Во., Л., Ви., Ме., Ни., Вор., Мр., Ко., Ев., Б., Щ., часть из которых содержалась под стражей, многоэпизодным обвинением в совершении тяжких и особо тяжких преступлений.

Адвокат Н. участвовала в уголовном деле в качестве защитника подсудимого Ни. по назначению суда на основании заявки АИС АПМ № ... от 31 августа 2021 г., представив ордер от 1 сентября 2021 г. № ...

Адвокатом Н. 15 апреля 2024 года в приемную указанного суда подано письменное уведомление об отпуске с 22 апреля по 8 мая 2024 г. Таким образом, ее неявки в судебные заседания 22, 24, 25, 27 апреля, 2, 6, 8 мая 2024 г. были связаны с ее нахождением в отпуске. Факт подачи 15 апреля 2024 г. указанного уведомления подтвержден решением

Совета от 15 августа 2024 г. № ... которым оно было признано заблаговременным и не образующим дисциплинарного нарушения.

Совет считает необходимым вновь отметить, что п. 3 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката прямо предусматривает возможность реализации адвокатом права на отпуск (отдых) при условии принятия им мер к обеспечению законных прав и интересов доверителя. На недопустимость умаления конституционного права каждого на отдых, гарантированного ч. 5 ст. 37 Конституции РФ, в том числе и в профессиональной деятельности адвоката, неоднократно указывалось как в дисциплинарной практике органов адвокатского самоуправления, так и в судебной практике. Например, на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <<https://fparf.ru>> опубликована информация о положении «Об отпусках адвокатов», утвержденном решением Совета Адвокатской палаты Новгородской области 24 ноября 2011 г. (протокол № 16), где отпуск адвоката рассматривается как форма его временного освобождения от обязанности исполнять требования закона об обязательном участии в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда и подтверждено право адвоката ссылаться на нахождение в свое временно оформленном отпуске при выдвигении в отношении него обвинения в нарушении указанной обязанности. Аналогичные положения утверждены решениями советов адвокатских палат иных субъектов Российской Федерации. Апелляционным постановлением Новосибирского областного суда от 10 января 2024 г. по делу № 22К-189/2024 (22К-6970/2023) удовлетворена жалоба адвоката П. на частное постановление

Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 5 октября 2023 г. о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности за неявку в судебное заседание во время отпуска.

По этим причинам Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу об отсутствии дисциплинарного проступка в неявках адвоката Н. в перечисленные выше судебные заседания.

Адвокат Н. не явилась 15 мая 2024 г. в судебное заседание по указанному уголовному делу в связи с участием в этот день в следственных действиях в ФКУ СИЗО... УФСИН России по г. Москве по другому уголовному делу на стадии предварительного следствия в качестве защитника обвиняемого З. по соглашению. Адвокат Н. письменно уведомила суд 13 мая 2024 г. об указанной занятости, подав через приемную суда и личный кабинет адвоката на официальном портале судов общей юрисдикции города Москвы письменное ходатайство об отложении судебного заседания, назначенного на 15 мая 2024 г.

Свой выбор приоритета, предопределивший невозможность ее явки в судебное заседание 15 мая 2024 г., адвокат Н. объяснила реальным риском принятия следователем процессуального решения о назначении ее подзащитному З. защитника вместо нее в случае ее неявки. Реальность наступления этого риска определялась как прямой угрозой следователя принять такое решение, так и ранее имевшим место аналогичным фактом назначения обвиняемому З. защитника в период ее нахождения в отпуске.

Комиссия, правильно установив описанные фактические обстоятельства, в качестве правового основания для оценки действий адвоката Н. применила Разъяснение № 01/18 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Россий-

ской Федерации по этике и стандартам «По вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью» (утверждено Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 16 февраля 2018 г. (Протокол № 1). Вместе с тем Совет, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии, не усматривает в этих действиях адвоката Н. нарушения требований законодательства об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку Комиссией не учтено, что в соответствии с указанным Разъяснением приоритет участия адвоката в судебных заседаниях перед участием в процессуальных действиях на досудебной стадии отдается по общему правилу, а следовательно, может предусматривать исключения. При этом адвокат самостоятельно принимает решение о выборе приоритета в конкретной ситуации и несет ответственность за этот выбор. Сложившаяся в данном случае ситуация признается Советом обоснованным исключением из этого общего правила, поскольку адвокатом Н. были правильно оценены описанные выше негативные последствия для ее подзащитного по другому уголовному делу в сочетании с принципиально важным характером процессуальных действий, назначенных следователем на 15 мая 2024 г. – предъявлении ему обвинения и допросе в качестве обвиняемого. Без юридической помощи своего защитника по соглашению, осведомленного об обстоятельствах дела и о позиции защиты по нему, обвиняемый мог быть существенно ограничен в реализации своих прав, предусмотренных ст. 47 УПК РФ: возражать против обвинения и давать показания по предъявленному обвинению.

Совет также отмечает, что подзащитные адвоката Н. по обоим делам

каких-либо претензий в ее адрес не высказывают.

Кроме того, Совет учитывает, что адвокат Н. предпринимала попытки перенести следственные действия на другую дату, заявив следователю соответствующее ходатайство, в ответ на которое он и сообщил ей о своем намерении назначить вместо нее защитника в случае ее неявки. Факт указанной попытки адвоката Н. согласовать со следователем перенос времени процессуальных действий подтверждается тем, что она заявила суду ходатайство об отложении судебного заседания не в заседании 13 мая 2024 г., а позднее в этот же день.

Ссылка Квалификационной комиссии на неистечение 5 суток с даты уведомления о предстоящем предъявлении обвинения не меняет вывод об обоснованном выборе приоритета адвокатом Н. с учетом описанной категоричной позиции следователя.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката и толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката, признает презумпцию добросовестности адвоката Н. неопровергнутой в данной части.

Совет соглашается с выводами Комиссии об отсутствии нарушений в действиях адвоката Н. в части ее неявки 16 мая 2024 г. в судебное заседание Т. районного суда г. Москвы, поскольку в эту дату она принимала участие в судебном заседании апелляционной инстанции М. городского суда по вопросу о возвращении прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ, другого уголовного дела в отношении другого ее подзащитного – Х. Дата судебного заседания городского суда была назначена ранее даты заседания районного

суда, который был заблаговременно уведомлен адвокатом Н. о ее профессиональной занятости. Помимо этого, адвокат Н. 16 мая 2024 г. после окончания судебного заседания городского суда прибыла в районный суд и была готова участвовать в его заседании.

Дисциплинарное обвинение в неявке адвоката Н. в судебное заседание 17 мая 2024 г. не было доказано заявителем, на которого возлагается соответствующее бремя. Сведения о проведении в этот день судебного разбирательства по указанному уголовному делу на официальном портале судов общей юрисдикции города Москвы и в представленных судом выписках из протоколов судебного заседания отсутствуют, а адвокат Н. указала, что на 17 мая 2024 г. судебное заседание не назначалось, и этот ее вывод заявителем не опровергнут.

Квалификационной комиссией установлен и адвокатом Н. не оспаривается факт ее опоздания на 10 минут в судебное заседание 23 мая 2024 г., произошедшего вследствие неверного расчета ею времени, необходимого для выезда в П. районный суд г. Москвы для ознакомления с материалами другого уголовного дела в период объявленного в Т. районном суде перерыва в судебном заседании из-за неявки других участников.

Соглашаясь с этим выводом Квалификационной комиссии, Совет полагает, что допущенное адвокатом Н. незначительное опоздание в судебное заседание формально содержит признаки нарушения ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката. Вместе с тем это опоздание не является умышленным и обусловлено неправильным расчетом при распределении рабочего времени, т.е. не свидетельствует о недобросовестном отношении адвоката Н. к своим профессиональным обязанностям. При таких обстоятельствах Совет

полагает, что это деяние в силу малозначительности не порочит честь и достоинство адвоката, не умаляет авторитет адвокатуры и не привело к срыву судебного заседания, в связи с чем полагает возможным применить положения п. 2 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым подобное деяние адвоката не может повлечь применение к нему мер дисциплинарной ответственности.

Приходя к такому выводу, Совет также учитывает данные о личности и профессиональной деятельности адвоката Н., в том числе отсутствие у нее дисциплинарных взысканий, длительность участия в указанном уголовном деле в качестве защитника по назначению.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения в отношении адвоката И., Совет отмечает следующее.

Адвокат И. вступил в указанное уголовное дело по назначению суда наряду с адвокатом Н. на основании заявки АИС АПМ от 7 мая 2024 г. № ... в качестве защитника Ии., представив ордер от 8 мая 2024 г. № ... В судебном заседании 8 мая 2024 г. судом удовлетворено его ходатайство об отложении судебного разбирательства для ознакомления с материалами уголовного дела. В судебном заседании 15 мая 2024 г. адвокат И. вновь заявил такое ходатайство, так как предоставленного времени было недостаточно из-за большого объема дела. Однако поскольку судом было отказано в удовлетворении данного ходатайства, адвокат И. покинул зал судебного заседания, предварительно сделав заявление о невозможности осуществления защиты без надлежащего ознакомления с материалами дела.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что вне зависимости от степени активности ознакомления с материалами уголовного

дела адвокат И. в срок до 15 мая 2024 г. (шесть рабочих дней) не мог надлежащим образом ознакомиться с материалами уголовного дела объемом более 200 томов.

При этом Комиссией дано правильное правовое обоснование, а именно: согласно ч. 3 ст. 248 УПК РФ в случае замены защитника суд предоставляет вновь вступившему в уголовное дело защитнику время для ознакомления с материалами уголовного дела и подготовки к участию в судебном разбирательстве. Исходя из положений п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ ознакомление с материалами уголовного дела является не правом, а полномочием защитника, т.е. средством исполнения его процессуальных обязанностей, наделяющих функцию защиты процессуальным значением. По смыслу подп. «а» п. 5 и подп. «б» п. 8 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г. См.: Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2 (57). С. 140–142) ознакомление с материалами дела также является обязательной составляющей исполнения адвокатом профессиональных обязанностей как по согласованию с подзащитным позиции по делу, так и по дальнейшему осуществлению защиты, которая, исходя из положений п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, должна осуществляться квалифицированно и активно.

Согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» «в силу конституционного положения об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Кон-

ституции Российской Федерации) суд по каждому делу обеспечивает равенство прав участников судебного разбирательства по представлению и исследованию доказательств и заявлению ходатайств». Не основанная на осведомленности о содержании материалов дела активность защитника, равно как и вызванная неознакомлением с материалами уголовного дела вынужденная пассивность не может рассматриваться как надлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей. Вне зависимости от избранной адвокатом тактики осуществления защиты, его неознакомление с материалами уголовного дела препятствует реализации подсудимым права на квалифицированную юридическую помощь и подрывает состязательность и равноправие сторон.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката И. в отношении выдвинутого против него дисциплинарного обвинения непровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению.

Комиссией правильно указано и на невозможность участия адвоката И. в качестве защитника подсудимого Ни. по назначению в порядке, предусмотренном ст. 50, 51 УПК РФ, в отсутствие процессуального решения суда о замене ранее назначенного указанному подсудимому защитника – адвоката Н. В выписках из протокола судебного заседания от 8, 15, 16, 23 мая 2024 г. адвокат Н. указана в качестве защитника подсудимого Ни. наряду с адвокатом И. Сам заявитель в обращении сообщает, что адвокат И. фактически был назначен в качестве защитника наряду с адвокатом Н.

В этой связи Совет полагает необходимым отметить следующее.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации своим Решением от 15 марта 2019 г. (Протокол № 4) утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (далее – Порядок). Абзацем 2 п. 2.1 Порядка установлено, что советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подп. 5 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают региональные правила с учетом региональных особенностей.

В городе Москве порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда, определен Правилами Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176 и согласованными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 г. (далее – Правила).

Совет уже указывал в своих решениях, что, хотя уголовно-процессуальный закон не содержит запрета на осуществ-

ление защиты одного подсудимого несколькими защитниками по назначению, в отсутствие регламентации осуществления такой коллективной защиты в Правилах назначение нескольких защитников для одновременной защиты одного подсудимого без соблюдения процессуального порядка замены защитника, равно как и в нарушение Порядка и Правил, является произвольным, а потому недопустимым. Применение судом не предусмотренного Порядком и Правилами механизма организации защиты по назначению породило правовую неопределенность относительно наличия у каждого из перечисленных защитников подсудимого Ни. профессиональной обязанности по личному участию в судебных заседаниях с 15 мая 2024 г., что само по себе содержит риск дезорганизации судопроизводства. Однако во всех случаях ответственность за негативные последствия таких действий и решений суда при назначении защитников не может быть возложена на адвокатов. Действия адвокатов, назначенных в качестве защитников, в сложившейся ситуации не могут быть квалифицированы как нарушение ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, а именно как проявление неуважения к суду и (или) несоблюдение требований уголовно-процессуального законодательства.

При этом не предусмотренное Правилами назначение второго адвоката защитником того же лица, наряду с ранее назначенным ему адвокатом, было бы технически невозможно, если бы судом была соблюдена Инструкция инициатора по работе в АИС АПМ, утвержденная приказом Президента Адвокатской палаты города Москвы от 24 марта 2023 г. № 05/К, опубликованная на официальном сайте палаты по адресу: <https://www.advokatymoscow.ru/upload/files/ais_apm_initiator_guide.pdf>, в п. 2.2

которой инициаторам рекомендовано указание предыдущих номеров уголовного дела, а согласно п. 4.2.2 для замены адвоката не предполагается создание новой заявки, что было нарушено при назначении адвоката И.

Указание в заявке АИС АПМ, по которой был назначен адвокат И., неверного наименования инициатора с использованием трех букв «н» («Тверской районный суд города Москвы») не имело существенного значения, поскольку дубли заявок определяются по совпадению фамилии, имени отчества обвиняемого (подозреваемого) и номера дела.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 18, подп. 2 и 7 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Н. по обращению судьи Т. районного суда г. Москвы Б.:

в части нарушения положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики

2.5. Адвокаты нарушили принцип непрерывности защиты: одна уклонилась от участия в деле, незаконно организовав свою замену, а другая по ее просьбе вступила в уголовное дело в отсутствие законных оснований. Совет объявил адвокатам предупреждение и замечание соответственно, указав на недопустимость фрагментарного участия адвоката в качестве защитника в уголовном деле.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием адвоката Л. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи М. районного суда города Москвы К. от 14 мая 2024 г. в отношении адвокатов Г. и Л.

Квалификационная комиссия 19 июня 2024 г. вынесла Заключение:

адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду...»), выразившегося в ее опоздании 23 мая 2024 г. в судебное заседание указанного суда по уголовному делу в отношении Во., Л., Ви., Ме., Ни., Вор., Мр., Ко., Ев., Б., Щ., в котором адвокат Н. участвует в качестве защитника подсудимого Ни., на срок 10 минут в отсутствие уважительной причины, – вследствие малозначительности совершенного проступка. Указать адвокату Н. на допущенное нарушение;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Н. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката И. по обращению судьи Б., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1) о нарушении адвокатом Г. положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле...»), выразившемся в том, что, участвуя в уголовном судопроизводстве в качестве защитника подсудимого А.А. по назначению в по-

рядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, по находящемуся в производстве указанного районного суда уголовному делу № ... в отношении А.А., А.К., Г.З., С.А., Х.А., адвокат Г. не явилась без уважительной причины 27 марта и 10 апреля 2024 г. в судебное заседание по вышеуказанному уголовному делу для осуществления защиты подсудимого А.А.;

2) о нарушении адвокатом Г. положений ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле... адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции») во взаимосвязи с п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., выразившемся в том, что, участвуя в уголовном судопроизводстве в качестве защитника подсудимого А.А. по назначению в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, по названному уголовному делу в отношении указанных выше лиц, адвокат Г., не явившись 10 апреля 2024 г. в судебное заседание для осуществления защиты подсудимого А.А., организовала свою замену в качестве защитника подсудимого А.А. адвокатом Л. в нарушение принципа непрерывности осуществления защиты в уголовном судопроизводстве;

3) о нарушении адвокатом Л. положений п. 1 ст. 25 Федерального закона об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокатская деятельность осуществляется на основе

соглашения между адвокатом и доверителем; участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле... адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции») во взаимосвязи с п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., выразившемся в ее вступлении 10 апреля 2024 г. в указанное уголовное дело в качестве защитника подсудимого А.А. в отсутствие установленных для этого правовых оснований (соглашения об оказании юридической помощи, заключенного в простой письменной форме), в нарушение принципа непрерывности осуществления защиты в уголовном судопроизводстве, лишь в целях фрагментарного участия в данном уголовном деле в качестве защитника подсудимого А.А., заменяющего в этом качестве адвоката Г.

Адвокат Г., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, заявила письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие, в котором согласилась с выводами Комиссии. Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившейся адвоката Г.

Адвокат Л. в заседании Совета подтвердила своевременное получение За-

ключения Квалификационной комиссии, сообщила о своем несогласии с его выводами, сославшись на обстоятельство, ранее рассмотренные Комиссией.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката Л., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве М. районного суда города Москвы в составе председательствующего судьи К. находилось уголовное дело № ... по обвинению А.А., А.К., Г.И., С.А., Х.А. Защиту подсудимого А.А. по назначению суда на основании заявки от 2 ноября 2023 г. № ... осуществляла адвокат Г., предъявившая ордер от 2 ноября 2023 г. № ... В судебном заседании 13 марта 2024 г. с участием адвоката Г. судебное разбирательство было отложено на 27 марта 2024 г. Адвокат Г. в судебное заседание 27 марта 2024 г. не явилась, сведений об уважительности причин своей неявки суду не представила. В следующее судебное заседание, 10 апреля 2024 г., в качестве защитника подсудимого А.А. явилась адвокат Л., представившая ордер от 10 апреля 2024 г. № ... выданный на осуществление его защиты на основании соглашения. Адвокат Г. в это судебное заседание не явилась. Согласно выписке из протокола судебного заседания от 10 апреля 2024 г., подсудимый А.А. сообщил суду, что соглашения с адвокатом Л. не заключал, а на вопрос председательствующей судьи адвокат Л. ответила, что заменяет адвоката Г., под ссылкой на соглашение в ордере имеется в виду «соглашение с коллегой».

Заявителем выдвинуты следующие дисциплинарные обвинения:

– против адвоката Г. – в неявках в судебные заседания по указанному уголовному делу для защиты подсудимого А.А. 27 марта и 10 апреля 2024 г.;

– против адвокатов Г. и Л. – в согласованном между ними вступлении адвоката Л. в указанное уголовное дело в качестве защитника подсудимого А.А. в отсутствие предусмотренных для этого правовых оснований и в целях фрагментарного участия адвоката Л. в судебном разбирательстве 10 апреля 2024 г. в качестве защитника вместо адвоката Г.

Оценивая профессиональное поведение адвокатов Г. и Л. в описанной ситуации, Совет исходит из следующего.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Согласно п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции. Согласно ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соот-

ветствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении. Согласно п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании или следственном действии, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для их проведения адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд или следователя, а также сообщить об этом другим адвокатам, участвующим в процессе, и согласовать с ними время совершения процессуальных действий.

Согласно Разъяснениям № 3 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О неявках в судебное заседание», «если разбирательство дела откладывается в связи с непредвиденными или чрезвычайными обстоятельствами в жизни адвоката, о которых он сообщает суду срочным звонком либо через своих коллег, родственников или иных лиц, ему следует затем представить суду официальный или личный документ, подтверждающий уважительность его неявки, даже если суд не обращает к нему подобной просьбы. Такое поведение адвоката свидетельствует об уважении судебной власти, оно также ограждает судью при длительном рассмотрении дела от возможных упреков в волоките, а самого адвоката от сообщений в адвокатскую палату о срывах судебного разбирательства, поскольку судья может запомнить не зафиксированную в протоколе судебного заседания причину неявки адвоката» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2007. № 4–5 (42–43). С. 15–18).

Совет соглашается с Квалификационной комиссией, признавшей несостоятельными доводы адвоката Г. о неполучении ею надлежащего уведомления суда о дате и времени судебных заседаний 27 марта и 10 апреля 2024 г., поскольку об отложении судебного заседания на 27 марта 2024 г. адвокату Г. стало известно в судебном заседании 13 марта 2024 г., в котором она участвовала, а дату и время следующего после 27 марта 2024 г. судебного заседания она (тем более с учетом своей неявки 27 марта 2024 г.) должна была отследить самостоятельно, используя информацию портала ГАС «Правосудие» и официального портала судов общей юрисдикции города Москвы либо выяснив это путем непосредственного обращения в суд. На наличие подобной обязанности адвоката указано в Разъяснении № 01/18 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам «По вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью» (утверждено Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 16 февраля 2018 г., Протокол № 1).

Доказательств наличия уважительных причин неявки в судебные заседания 27 марта и 10 апреля 2024 г. адвокат Г. не представила ни суду, ни в материалы дисциплинарного производства, равно как не заявила суду ходатайств об отложении судебного заседания.

Кроме того, подтверждением осведомленности адвоката Г. о судебном заседании 10 апреля 2024 г. является согласованная с ней явка в это судебное заседание адвоката Л. в качестве защитника подсудимого А.А.

Совет также отклоняет как несостоятельные объяснения адвоката Л. о том,

что в выписке из протокола судебного заседания неправильно отражено содержание ее пояснений суду о том, что соглашение на защиту А.А. заключено ею «с коллегой» и «на одно заседание», а также содержание заявления подсудимого А.А. суду об отсутствии соглашения с ней. При этом в заседании Совета адвокат Л. частично изменила свою позицию, пояснив, что сама «неправильно выразилась» в суде, но продолжая настаивать на наличии соглашения на защиту А.А., заключенного с его женой К.С. 9 апреля 2024 г.

Эти противоречивые и непоследовательные объяснения адвоката Л. и представленные ею письменные доказательства опровергаются содержанием аудиозаписи судебного заседания от 10 апреля 2024 г., свидетельствующим как о правильности содержания выписки из протокола судебного заседания, так и об однозначном, не предполагающем иного понимания содержании заявлений адвоката Л. о том, что она вступила в уголовное дело только для участия в одном судебном заседании для замены коллеги, у которой произошла «накладка». 10 апреля 2024 г. адвокат Л. не располагала датированным 9 апреля 2024 г. соглашением с К.С. об оказании юридической помощи А.А., сообщив суду о наличии соглашения только «с коллегой».

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что представленные адвокатом Л. документы о формализации отношений с доверителями К.С. в интересах А.А. явно противоречат ее собственным заявлениям в судебном заседании 10 апреля 2024 г. и не могут рассматриваться в качестве доказательств, опровергающих рассматриваемое дисциплинарное обвинение, а являются защитительной позицией адвоката Л. Совет также учи-

тывает, что уже в судебном заседании 10 апреля 2024 г. председательствующая судья К. заявила о намерении направить в Адвокатскую палату города Москвы обращение по поводу действий адвоката Л. по вступлению в уголовное дело в отсутствие законных оснований и для фрагментарного участия.

При этом, поскольку ни А.А., ни К.С. как доверители адвоката Л. каких-либо дисциплинарных обвинений против нее не выдвигали, очевидные пороки последующей формализации адвокатом Л. правоотношений с ними, включая указание в качестве стороны соглашения об оказании юридической помощи не адвоката, а адвокатского образования («Адвокатский кабинет адвоката Л.»), не могут являться предметом правовой оценки в настоящем дисциплинарном производстве.

Вместе с тем само вступление адвоката Л. в уголовное дело в качестве защитника А.А. при данных обстоятельствах затронуло публично-правовые интересы правосудия и авторитет адвокатуры. Согласованные действия адвокатов Л. и Г., которая не заявляла каких-либо возражений в отношении их оценки, указывают на нарушение ими требований профессиональной этики и привели к существенной дезорганизации судебного разбирательства.

Согласно ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основании соглашения между адвокатом и доверителем, которое представляет собой гражданско-правовой договор в простой письменной форме на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

Само по себе фрагментарное участие адвоката в качестве защитника подсудимого в одном из судебных засе-

даний противоречит самому существу профессиональной обязанности адвоката по оказанию квалифицированной юридической помощи обвиняемому по уголовному делу. В Разъяснении № 6 Совет Адвокатской палаты города Москвы отметил, что круг полномочий защитника в уголовном судопроизводстве, в отличие от полномочий представителя в гражданском и арбитражном судопроизводстве, определяется непосредственно уголовно-процессуальным законом и не может быть произвольно ограничен гражданско-правовым соглашением между адвокатом и доверителем, а заключение соглашения, не предполагающего защиту подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) на всем протяжении конкретной стадии уголовного судопроизводства, противоречит самой сути гарантированного ст. 48 Конституции РФ права каждого подвергнутого уголовному преследованию лица на получение квалифицированной юридической помощи (См.: Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2013. № 6, 7).

В Разъяснении № 13 «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению», утвержденном Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. (Протокол № 11), указано, что эффективная квалифицированная юридическая помощь при защите по уголовному делу подразумевает постоянное и системное оказание ее обвиняемому (подозреваемому) с учетом стадийного построения уголовного судопроизводства. В соответствии с п. 17 Стандарта осуществления защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, «адвокат участвует в уголовном деле до полного исполнения принятых на себя обязательств, за исключением случаев, предусмотренных законодательством и (или) разъяснениями Комиссии по

этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов».

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что согласованным между адвокатами Г. и Л. вступлением в уголовное дело под предлогом наличия фактически отсутствующего соглашения об оказании юридической помощи адвокат Л. не только нарушила требования закона и принцип непрерывности защиты, но и спровоцировала процессуальное решение суда об освобождении ранее назначенной в качестве защитника А.А. адвоката Г. от участия в уголовном деле, поскольку дублирование функций защиты по общему правилу недопустимо, а защита по соглашению имеет приоритет по сравнению с защитой по назначению. По этой причине Совет признаёт презумпцию добросовестности адвокатов Г. и Л. в отношении выдвинутого против них дисциплинарного обвинения опровергнутой, а их умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Г. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет учитывает грубый характер совершенного ею нарушения, свидетельствующий об умышленном игнорировании ею правил осуществления адвокатом защиты обвиняемого по назначению суда. Совет также принимает во внимание, что ранее она дважды привлекалась к дисциплинарной ответственности: Решением Совета от 30 января 2024 г. № ... ей объявлено предупреждение за выполнение функций «защитника-дублера», а Решением Совета от 29 февраля 2024 г. № ... – замечание за неявку в судебное заседание.

Подобное профессиональное поведение Совет признаёт недопустимым и наносящим ущерб авторитету адвокатуры. Вместе с тем Совет полагает необходимым предоставить адвокату Г. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Учитывая, что адвокат Л. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась, доверителями А.А. и К.С. самостоятельных дисциплинарных обвинений в отношении нее не выдвигалось, Совет, отмечая умышленный и грубый характер совершенного ею по инициативе адвоката Г. дисциплинарного нарушения и недопустимость подобного профессионального поведения, считает необходимым применить к адвокату Л. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1, 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– нарушение положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адво-

ката («участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле...»), выразившееся в том, что, участвуя в уголовном судопроизводстве в качестве защитника подсудимого А.А. по назначению в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, по находящемуся в производстве М. районного суда города Москвы уголовному делу № ... в отношении А.А., А.К., Г.З., С.А., Х.А., она не явилась без уважительной причины 27 марта и 10 апреля 2024 г. в судебное заседание этого суда по указанному уголовному делу для осуществления защиты подсудимого А.А.;

– нарушение положений ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле... адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции») во взаимосвязи с п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., выразившееся в том, что, участвуя в уголовном судопроизводстве в качестве защитника подсудимого А.А. по назначению в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, по указанному выше делу, она, не явившись 10 апреля 2024 г. в судебное заседание М. районного суда города Москвы для осуществления защиты подсудимого А.А., организовала свою замену в качестве защитника подсудимого А.А. адвокатом Л. в нарушение принципа непрерывности осуществления защиты в уголовном судопроизводстве.

Применить к адвокату Л. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение положений п. 1 ст. 25 Федерального закона об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле... адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их ком-

2.6. Совет прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката, который отказался высказать позицию по апелляционной жалобе его коллеги, поскольку ему неизвестна позиция самого осужденного, не явившегося в судебное заседание. При этом Совет указал адвокату на необходимость более активных действий по выяснению позиции доверителя.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда от 19 июня 2024 г. № ... в отношении адвоката З.

Квалификационная комиссия 7 августа 2024 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката З. по обращению указанной судебной коллегии, вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат З., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификацион-

петенции») во взаимосвязи с п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., выразившееся в ее вступлении 10 апреля 2024 г. в упомянутое уголовное дело в качестве защитника подсудимого А.А. в отсутствие установленных для этого правовых оснований (соглашения об оказании юридической помощи, заключенного в простой письменной форме), в нарушение принципа непрерывности осуществления защиты в уголовном судопроизводстве, лишь в целях фрагментарного участия в данном уголовном деле в качестве защитника подсудимого А.А., заменяющего в этом качестве адвоката Г.

ной комиссии, в заседание Совета не явился, заявил письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие, в котором согласился с выводами Комиссии. Совет, принимая во внимание изложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией и соглашается с ее выводами.

Заявителем против адвоката З. выдвинуто дисциплинарное обвинение в том, что он отказался поддержать

апелляционную жалобу адвоката К. на приговор Ч. районного суда г. Москвы от 27 февраля 2023 г. в отношении М., ссылаясь на то, что ему неизвестна позиция самого осужденного, который в судебное заседание не явился. Таким образом, адвокат З., по мнению заявителя, не исполнил своих профессиональных обязанностей по защите М., фактически самоустранившись от защиты осужденного и лишив его права на защиту, а также сорвал рассмотрение указанного дела в суде апелляционной инстанции.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Защитником М. по соглашению – адвокатом К. 20 марта 2023 г. в апелляционном порядке обжалован приговор Ч. районного суда г. Москвы от 27 февраля 2023 г., которым М. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год условно с испытательным сроком 1 год 6 месяцев. Соглашение на защиту М. в суде апелляционной инстанции не заключалось.

В целях обеспечения права осужденного М. на защиту по заявке судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда в АИС АПМ от 24 мая 2024 г. № ... его защитником назначен адвокат З., который вступил в уголовное дело 6 июня 2024 г., представив ордер от 6 июня 2024 года № ... и ознакомился с его материалами.

13 июня 2024 г. в судебное заседание осужденный М. не явился, а явившийся в него адвокат З. жалобу адвоката К. не поддержал, мотивировав это тем, что ему неизвестна позиция осужденного М. При рассмотрении данного уголовного дела в суде первой инстанции адвокат З. не участвовал. Несмотря на

то, что М. в ходе судебного разбирательства не признавал своей вины, а в апелляционной жалобе ставился вопрос о его оправдании, он самостоятельной жалобы не подавал, был приговорен к лишению свободы условно.

Адвокат З. также пояснил, что в материалах уголовного дела не имелось сведений об отношении М. к поданной в его защиту апелляционной жалобе, что не позволяло быть однозначно уверенным в позиции подзащитного.

В судебном заседании 13 июня 2024 г. был обсужден вопрос о возможности рассмотрения уголовного дела в отсутствие неявившихся осужденного М. и автора апелляционной жалобы адвоката К. Позицию адвоката З. о невозможности выразить свое отношение к апелляционной жалобе без выяснения позиции М. суд апелляционной инстанции посчитал самоустраниением от защиты. При этом суд не воспользовался правом, предоставленным ему п. 2 ч. 1 ст. 389.12 УПК РФ, признать необходимым участие осужденного М. в судебном заседании, а принял решение отвести адвоката З. и назначить нового защитника.

Несмотря на то, что адвокат З. каких-либо самостоятельных действий по выяснению позиции М. в отношении апелляционной жалобы не предпринял, Совет исходит из того, что таких дисциплинарных обвинений заявителем не выдвигалось, осужденный М. с жалобой на адвоката З. также не обращался, а дисциплинарное разбирательство осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении, обращении, изменении предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается (п. 4 ст. 23, п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Переходя к оценке выдвинутого заявителем дисциплинарного обвинения,

Совет соглашается с правовым обоснованием, приведенным Квалификационной комиссией.

Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 15 июля 2008 г. № 456-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Плотникова Игоря Валентиновича и Хырхырьяна Максима Арсеновича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указал, что «сообщение суда (судьи) в адрес адвокатской палаты является одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката (подпункт 4 пункта 1 статьи 20 принятого Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции от 5 апреля 2007 года). Установление же оснований для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности отнесено законодателем к компетенции органов адвокатского сообщества, для которых частное определение или постановление суда не имеет преюдициальной силы (подпункт 9 пункта 3, пункт 7 статьи 31, пункт 7 статьи 33 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)».

В соответствии с ч. 7 ст. 49 УПК РФ, подп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого.

В п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, утвержденного VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., также указано, что адвокат не вправе отказаться от принятой на себя

защиты. Адвокат участвует в уголовном деле до полного исполнения принятых им на себя обязательств, за исключением случаев, предусмотренных законодательством и (или) разъяснениями Комиссии Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов.

Вместе с тем подп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает, что адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного. Аналогичные положения закреплены Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (подп. 3 и 4 п. 4 ст. 6).

Установленные в результате дисциплинарного разбирательства и описанные выше фактические обстоятельства свидетельствуют о том, что адвокат З., вопреки доводам заявителя, не отказывался поддержать апелляционную жалобу адвоката К. и не допустил самоустранения от защиты М., повлекшего нарушение права последнего на защиту и срыв рассмотрения указанного уголовного дела в суде апелляционной инстанции.

Несмотря на то, что защитник является самостоятельным субъектом уголовного судопроизводства и наделен значительным объемом процессуальных прав, его процессуальная самостоятельность имеет границы, поскольку он связан позицией доверителя и представляет его интересы. Самостоятельность защитника при выборе процессуальных средств и тактики осуществления защиты не исключает производного характера его деятельности. От воли доверителя зависят не только выбор защитника,

но и реализация избранных им средств защиты. В установленных законом пределах защитник свободен в формах и методах осуществления защиты, но не вправе делать ничего, что могло бы даже в малейшей степени ухудшить положение подзащитного. Иначе право на юридическую помощь защитника утрачивает всякий смысл.

В сложившейся по уголовному делу ситуации суд апелляционной инстанции по своей инициативе устранил адвоката З. от дальнейшего участия в защите по назначению и отложил судебное заседание, но не для выяснения позиции М., а для замены адвоката З. и назначения другого защитника.

При таких обстоятельствах, достоверно установленных Квалификационной комиссией, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката З. непровергнутой и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем Совет считает необходимым обратить внимание адвоката З. на то, что, ознакомившись с материалами дела, ему следовало, не дожидаясь начала судебного заседания, установить контакт с М. и в ходе конфиденциального общения обсудить с ним позицию защиты в суде апелляционной инстанции. Кроме того, адвокат З. был вправе заявить ходатайство об отложении судебного заседания для выяснения позиции М., однако он не сделал и этого.

Совет не может согласиться с позицией судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда по вопросу оплаты труда защитника по назначению. Так, в обращении судебной коллегии указано, что ознакомление с мате-

риалами уголовного дела адвокатом З. и его участие в судебном заседании не могут быть признаны должным оказанием юридической помощи подзащитному, а дело было рассмотрено с участием другого адвоката. По этим причинам судом было отказано в удовлетворении заявления адвоката З. об оплате выполненной им работы. Совет в этой связи отмечает, что суд, назначая защитника обвиняемому, выполняет публичную функцию по обеспечению права на защиту за счет государства, однако он не наделен правом ставить оплату труда защитника в зависимость от избранной им тактики защиты или других вопросов, принятие решения по которым осуществляется стороной защиты самостоятельно. Иной подход, в том числе примененный судом в рассматриваемой ситуации, может вызывать «замораживающий» эффект и препятствовать полноценной работе адвоката, порождая необоснованную зависимость от органов или должностных лиц, назначивших его защитником, что в итоге может привести к нарушению права обвиняемого на защиту, т.е. препятствовать достижению целей уголовного судопроизводства.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката З. по обращению судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда от 19 июня 2024 г. № ... вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.7. Совет прекратил дисциплинарное производство в отношении группы адвокатов – защитников по назначению, покинувших зал судебного заседания в связи с наличием у их доверителей защитников по соглашению. Совет также отметил, что ответственность за негативные последствия несоблюдения судом порядка назначения защитников не может быть возложена на адвокатов.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда от 13 июня 2024 г. № ... в отношении адвокатов К., Сл., С. и Ф.

Квалификационная комиссия 7 августа 2024 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвокатов К., Сл., С. и Ф. по обращению указанной судебной коллегии, в связи с отсутствием в действиях (бездействии) указанных адвокатов нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокаты К., Сл., С. и Ф., извещенные надлежащим образом и своевременно получившие Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явились, заявив письменные ходатайства о рассмотрении дисциплинарного производства в их отсутствие, в которых также согласились с выводами Комиссии. Совет, принимая во внимание изложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признаёт фактические

обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией и соглашается с ее выводами.

Заявителем против каждого из перечисленных адвокатов выдвинуто дисциплинарное обвинение в нарушении требований ст. 8 и 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в покидании 25 апреля 2024 г. зала судебного заседания суда апелляционной инстанции без разрешения председательствующего и вопреки распоряжению судебной коллегии вследствие уклонения от осуществления защиты.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

1 февраля 2024 г. в апелляционную инстанцию М. городского суда поступило уголовное дело в отношении шести осужденных, в том числе Г., И. и Ц.

Защиту осужденной И. в апелляционной инстанции на основании заключенных соглашений осуществляли адвокаты Сп. и Б., защиту осужденного Г. на основании заключенного соглашения осуществлял адвокат М., а защиту осужденного Ц. с 26 апреля 2023 г. осуществлял по назначению Л. районного суда г. Москвы адвокат К.

В судебном заседании 11 апреля 2024 г. протокольным определением судебной коллегии совокупные действия стороны защиты были признаны злоупотреблением правом в целях затягивания рассмотрения уголовного дела, и было принято решение о назначении всем осужденным защитников в порядке ст. 51 УПК РФ, мотивированное необходимостью соблюдения разумных сроков судопроизводства. Конкретных

сведений относительно того, чьи и какие именно действия со стороны защиты рассматриваются судом как злоупотребление правом, протокольное определение не содержало, при этом защитники всех осужденных участвовали в судебном заседании 11 апреля 2024 г. и во всех иных судебных заседаниях апелляционной инстанции.

Несмотря на эти обстоятельства, судом апелляционной инстанции в АИС АПМ были размещены заявки, по которым были назначены: защитником И. – адвокат С. по заявке от 11 апреля 2024 г.; защитником Ц. – адвокат Сл. по заявке от 12 апреля 2024 г.; защитником Г. – адвокат Ф. по заявке от 15 апреля 2024 г.

Все указанные защитники явились в судебное заседание 18 апреля 2024 г. наряду с уже участвующими в деле защитниками. Кроме того, в этом заседании Ц. сделал заявление об отказе от назначенных ему судом защитников – адвокатов К. и Сл. в связи с заключением соглашения с адвокатом М., которое в этом заседании судом разрешено по существу не было.

В следующее судебное заседание – 25 апреля 2024 г., помимо защитников осужденных И., Г., Ц. по соглашению, явились также защитники по назначению – адвокаты К., Сл., С., Ф.

Повторное заявление Ц., а также заявления Г. и И. об отказе от назначенных им защитников, поддержанные последними, были рассмотрены судом, и в их удовлетворении отказано со ссылкой на ранее принятое решение о признании совокупных действий стороны защиты злоупотреблением правом, направленным на затягивание рассмотрения уголовного дела. После удаления суда в совещательную комнату для рассмотрения ходатайства осужденного Т. о назначении судебной криминалистической экспертизы документов адвокаты К., Сл., С. и Ф. покинули зал судебного заседания,

оставшись в коридоре суда. После возвращения суда из совещательной комнаты в ответ на предложение суда занять свои места в зале указанные адвокаты еще раз заявили суду о невозможности их участия в судебном заседании в качестве защитников осужденных Г., И. и Ц. по назначению суда, поскольку в судебном заседании участвовали защитники каждого из этих лиц по соглашению.

Переходя к оценке выдвинутого заявителем дисциплинарного обвинения, Совет соглашается с правовым обоснованием, приведенным Квалификационной комиссией.

Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 15 июля 2008 г. № 456-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Плотникова Игоря Валентиновича и Хырхырьяна Максима Арсеновича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указал: «Сообщение суда (судьи) в адрес адвокатской палаты является одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката (подпункт 4 пункта 1 статьи 20 принятого Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции от 5 апреля 2007 года). Установление же оснований для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности отнесено законодателем к компетенции органов адвокатского сообщества, для которых частное определение или постановление суда не имеет преюдициальной силы (подпункт 9 пункта 3, пункт 7 статьи 31, пункт 7 статьи 33 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)».

В соответствии с ч. 1 ст. 16 УПК РФ подозреваемому и обвиняемому обе-

спечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя. Часть третья этой же уголовно-процессуальной нормы устанавливает, что в случаях, предусмотренных УПК РФ, обязательное участие защитника и (или) законного представителя подозреваемого или обвиняемого обеспечивается должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу. Статья 50 УПК РФ предусматривает, что защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить несколько защитников. По просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом.

В соответствии с п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» при осуществлении защиты несколькими приглашенными адвокатами неявка кого-либо из них при надлежащем уведомлении о дате, времени и месте судебного разбирательства не препятствует его проведению при участии хотя бы одного из адвокатов.

Поскольку каждый из осужденных, для защиты которых были назначены адвокаты К., Сл., С. и Ф., был обеспечен защитником по соглашению, в том числе и в судебном заседании 25 апреля 2024 г., покидание перечисленными адвокатами данного судебного заседания не создало каких-либо препятствий для дальнейшего рассмотрения уголовного дела, не повлекло и не могло повлечь ни срыва производства по уголовному делу, ни нарушения права на

защиту осужденных, отказавшихся от назначенных им защитников. Именно этими обстоятельствами, а также недопустимостью исполнения функций «защитников-дублеров» адвокаты К., Сл., С. и Ф. мотивировали свое решение покинуть судебное заседание, сделав соответствующие заявления суду.

В Адвокатскую палату города Москвы не поступало каких-либо жалоб от Г., И., Ц. относительно самоустранения адвокатов К., Сл., С. и Ф. от их защиты.

Поскольку действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает обязательное участие в заседании суда апелляционной инстанции адвоката – автора апелляционной жалобы, довод заявителя о том, что адвокат К. являлся автором апелляционной жалобы в защиту Ц., не влияет на оценку профессионального поведения этого адвоката.

Признание «совокупных» действий стороны защиты злоупотреблением правом без приведения подтверждающих это фактических обстоятельств и дифференциации действий каждого из участников судопроизводства не может рассматриваться в качестве надлежащего основания участия в деле защитников по назначению наряду с защитниками по соглашению.

Кроме того, назначив осужденному Ц. в качестве второго защитника адвоката Сл. наряду с его ранее назначенным защитником – адвокатом К., суд применил механизм организации защиты, не предусмотренный Порядком назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденным Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., и основанными на нем Правилами, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176. Это породило неопреде-

ленность относительно наличия у каждого из указанных адвокатов профессиональной обязанности по участию в судебном заседании 25 апреля 2024 г., что само по себе содержит риск дезорганизации судопроизводства. Во всех случаях ответственность за негативные последствия таких действий и решений суда при назначении защитников не может быть возложена на адвокатов.

Помимо этого, адвокаты К., Сл., С. и Ф. в сложившейся ситуации действовали в соответствии с указанными выше и иными решениями органов адвокатского самоуправления, принятыми в пределах их компетенции, что в соответствии с п. 3 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката исключает возможность привлечения адвокатов к дисциплинарной ответственности.

При таких обстоятельствах, достоверно установленных Квалификационной комиссией, Совет признает презумпцию добросовестности каждого из адвокатов неопровергнутой и прихо-

дит к выводу о прекращении дисциплинарного производства вследствие отсутствия в их действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвокатов К., Сл., С. и Ф., возбужденное по обращению судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда от 13 июня 2024 г. № ... в связи с отсутствием в действиях (бездействии) каждого из адвокатов нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.8. Дисциплинарное производство прекращено, поскольку покидание зала судебного заседания адвокатом, действующим в соответствии с разъяснениями органов адвокатского самоуправления, не является нарушением.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи Б. районного суда г. Москвы В. от 22 марта 2024 г. в отношении адвоката С.

Квалификационная комиссия 11 сентября 2024 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката С. по обращению (частному постановлению) судьи В. от 22 марта 2024 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката на-

рушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат С., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, заявила письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие. Совет, принимая во внимание изложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует раз-

бирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией и соглашается с ее выводами.

Заявителем против адвоката С. выдвинуто дисциплинарное обвинение в том, что 22 марта 2024 г. она без разрешения председательствующего самовольно покинула судебное заседание, тем самым проявила неуважение к суду и лицам, участвующим в деле, дезорганизовала ход судебного заседания и не обеспечила реализацию права обвиняемого О. на защиту, отказавшись от исполнения своего профессионального долга.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве ГСУ СК РФ находилось уголовное дело, возбужденное 24 мая 2022 г. по признакам преступлений, предусмотренных ст. 210.1, чч. 1, 1.1 и 2 ст. 282.2, ч. 1 ст. 282.3 УК РФ. По подозрению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210, п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ, в порядке, предусмотренном ст. 91 и 92 УПК РФ, задержан О., которому 1 февраля 2024 г. К. городским судом Республики Тыва избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В связи с поступлением 15 марта 2024 г. в Б. районный суд г. Москвы ходатайства следователя о продлении срока содержания обвиняемого О. под стражей, рассмотрение которого судом назначено на 22 марта 2024 г., следователем ГСУ СК РФ Х. 18 марта 2024 г. в АИС АПМ размещена заявка № ... по которой защитником назначена адвокат С.

Адвокат С. за несколько дней до судебного заседания явилась в указан-

ный районный суд, предъявила ордер от 19 марта 2024 г. № ... ознакомилась с материалом № ... в котором информация о наличии у обвиняемого О. защитника по соглашению отсутствовала. Перед началом судебного заседания 22 марта 2024 г. адвокат С., получив в ходе беседы с подзащитным О. информацию о наличии у него защитника по соглашению – адвоката Т., связалась с последним и получила от него через мессенджер WhatsApp копии документов, подтверждающие представление адвокатом Т. следователю 20 марта 2024 г. ордера от 20 марта 2024 г. № ... на защиту О.

В судебном заседании 22 марта 2024 г. адвокат С. передала суду документы, подтверждающие наличие у обвиняемого О. защитника по соглашению, а сам О. подтвердил этот факт. После отказа председательствующего судьи в удовлетворении ходатайства адвоката С. об освобождении от защиты О. она покинула зал судебного заседания, сделав заявление о невозможности осуществления защиты в сложившейся ситуации. Позднее в этот же день вопрос о продлении срока содержания обвиняемого О. под стражей был рассмотрен судом с участием защитника по соглашению – адвоката Т.

24 июля 2024 г. адвокат С. обжаловала в апелляционном порядке частное постановление Б. районного суда г. Москвы от 22 марта 2024 г.

Переходя к оценке выдвинутого заявителем дисциплинарного обвинения, Совет соглашается с правовым обоснованием, приведенным Квалификационной комиссией.

Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 15 июля 2008 г. № 456-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Плотникова Игоря Валентиновича и Хырхырьяна Максима Арсеновича на

нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указал, что «сообщение суда (судьи) в адрес адвокатской палаты является одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката (подпункт 4 пункта 1 статьи 20 принятого Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции от 5 апреля 2007 года). Установление же оснований для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности отнесено законодателем к компетенции органов адвокатского сообщества, для которых частное определение или постановление суда не имеет преюдициальной силы (подпункт 9 пункта 3, пункт 7 статьи 31, пункт 7 статьи 33 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)».

В соответствии с п. 10.2 Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 15 марта 2019 г., при вступлении в уголовное дело по назначению адвокат обязан убедиться в отсутствии обстоятельств, исключающих его участие в производстве по данному уголовному делу в качестве защитника или препятствующих такому участию. Согласно подп. «а» и «в» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, утвержденного VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу, надлежит проверить в рамках первого свидания с подозреваемым (обвиняемым).

Эти требования были исполнены адвокатом С., которая при ознакомлении с судебным материалом не обнаружила в нем информацию о наличии у О. защитника по соглашению.

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентября 2013 года утвердил решение «О двойной защите» (действует с изменениями и дополнениями, внесенными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.), в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублеров, т.е. при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. В подп. 2.1 п. 2 этого же решения указано о допустимости участия наряду с защитником по соглашению защитника по назначению лишь в том случае, если отклонение отказа от него следователь или суд мотивирует именно злоупотреблением со стороны обвиняемого либо приглашенного защитника своими полномочиями и выносят о таком злоупотреблении обоснованное постановление (определение).

В Разъяснениях № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» (утверждены Решением Совета от 18 января 2016 г.) отмечается, что навязывание юридической помощи подозреваемому, обвиняемому недопустимо как со стороны адвоката, так и со стороны органов и лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в отсутствие законных оснований для назначения защитника, права подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника должны неукоснительно соблюдаться.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 17 июля 2019 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности ст. 50 и 52 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Ю. Ю. Кавалерова» указал, что ч. 2 ст. 52 УПК РФ, не наделяя отказ от защитника свойством обязательности для дознавателя, следователя и суда, не предполагает возможности навязывания лицу конкретного защитника, от которого оно отказалось, исключает принуждение лица к реализации его субъективного права вопреки его воле. Осуществление права пользоваться помощью защитника на любой стадии процесса не может быть поставлено в зависимость от произвольного усмотрения должностного лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело. Оставление без удовлетворения заявления лица об отказе от защитника по назначению допускается лишь при злоупотреблении правом на защиту со стороны этого лица, а также приглашенного защитника, критерии наличия которого выработаны судебной практикой.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 18 постановления от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» указал, что суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц. Правоприменительная практика также свидетельствует, что непринятие отказа подозреваемого, обвиняемого

от назначенного ему защитника может быть продиктовано необходимостью обеспечить разумные сроки производства по делу, угроза нарушения которых вызвана злоупотреблением правом на защиту, когда процессуальное поведение подозреваемого, обвиняемого или приглашенного защитника, будучи недобросовестным, ущемляет конституционные права иных участников судопроизводства. Подобная практика согласуется с интересами правосудия и направлена на реализацию предписаний ч. 3 ст. 17, ч. 1 ст. 46 и ст. 48 Конституции Российской Федерации в ситуации, когда подозреваемый, обвиняемый, его защитник по соглашению злоупотребляют правом на защиту и такое злоупотребление дезорганизует ход досудебного либо судебного процесса, направлено на срыв производства по делу.

При рассмотрении судом вопроса о продлении срока содержания обвиняемого О. под стражей обстоятельства, свидетельствующие о каких-либо злоупотреблениях со стороны защиты, не устанавливались, мотивированное постановление о наличии таких злоупотреблений не выносилось. При таких обстоятельствах у адвоката С., назначенной защитником О., отсутствовали законные основания осуществлять его защиту наряду с защитником по соглашению – адвокатом Т.

Представление адвокатом Т. 20 марта 2024 г. ордера следователю не напрямую, а через приемную ГСУ СК РФ не меняет этого вывода, поскольку адвокатом использован законный способ представления ордера, при этом контактная информация для прямой связи со следователями ГСУ СК РФ в свободном доступе отсутствует и по заявлениям адвокатов не предоставляется.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о право-

мерном профессиональном поведении адвоката С., покинувшей зал судебного заседания в качестве реакции на описанную процессуальную ситуацию. Совет отмечает, что такие действия адвоката С. соответствуют приведенным выше требованиям, содержащимся в Разъяснениях № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению». Покидание адвокатом в подобных случаях места процессуальных действий после соответствующего заявления не может расцениваться как отказ от защиты, поскольку направлено на обеспечение права доверителя на свободный выбор защитника и является не только правомерным, но и обязательным действием.

Согласно п. 3 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат, действовавший в соответствии с разъяснениями Совета относительно применения положений данного кодекса, не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности.

2.9. Совет объявил замечание адвокату, которая в обращении к Генеральному прокурору РФ и в ордере указала не соответствующие действительности сведения о наличии у нее соглашения на представление интересов компании. При этом Совет отметил, что действиями адвоката права и интересы этой компании не нарушены.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве Е. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 16 августа 2024 г. № ... в отношении адвоката Т.

Квалификационная комиссия 18 сентября 2024 г. вынесла Заключение:

По этим причинам Совет признает презумпцию добросовестности адвоката С. непровергнутой и приходит к выводу о прекращении настоящего дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. по обращению (частному постановлению) судьи Б. районного суда г. Москвы В. от 22 марта 2024 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

– о нарушении адвокатом Т. взаимосвязанных положений подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя), что выразилось в указании ею в тексте обращения от 6 февраля 2024 г. на имя Генерального прокурора Российской Федерации и в ордере № ... от 6 февраля 2024 г. не соответствующих действительности сведений о на-

личии у нее соглашения на представление интересов ООО «...»;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Т. по представлению ГУ Минюста России по г. Москве, вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

На указанное Заключение адвокат Т. представила письменные пояснения от 26 ноября 2024 г., в которых подтвердила получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. Согласилась с выводами Комиссии, признала факт допущенного нарушения, указала на неосторожную форму вины в его совершении и отметила, что содержание ее обращения в Генеральную прокуратуру Российской Федерации было не в защиту ООО «...», а в интересах участников данного общества, которые являлись ее доверителями. Просила прекратить дисциплинарное производство в силу малозначительности и заявила ходатайство о его рассмотрении без ее участия. В заседании Совета адвокат Т., уведомленная надлежащим образом, не явилась. Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившейся адвоката Т.

В заседании Совета представитель ГУ Минюста России по г. Москве Е. подтвердила получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Комиссии согласилась, возражала против прекра-

щения дисциплинарного производства в силу малозначительности, оценила дисциплинарный проступок как умышленный, направленный во вред интересам ООО «...», с руководством которого адвокат Т. не согласовала свою позицию, настаивала на объявлении ей предупреждения.

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, выслушав представителя заявителя, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 25 сентября 2021 г. между Адвокатским бюро «...» и индивидуальным предпринимателем С. заключено Соглашение № ... об оказании юридической помощи участникам ООО «...», в том числе С. и К. В этот же день между указанным адвокатским бюро и адвокатом Т. заключено соглашение, в соответствии с которым адвокат привлекалась к оказанию юридической помощи доверителям по Соглашению от 25 сентября 2021 г. № ... С. и К., которые были письменно уведомлены об этом и дали свое письменное согласие.

30 января 2024 г. решением Совета Адвокатской палаты города Москвы адвокат Т. была принята в члены Адвокатской палаты города Москвы в связи с изменением членства в Адвокатской палате Л. области, о чем в этот же день палатой направлено уведомление ей и в ГУ Минюста России по г. Москве.

6 февраля 2024 г. адвокат Т. в ходе личного приема подала письменное обращение, адресованное Генеральному прокурору Российской Федерации, в котором указала, что оно подается в «защиту интересов ООО «...» и потерпевшего по уголовному делу № ... К.». Однако еще 5 марта 2021 г. решени-

ем Арбитражного суда ...области по делу № ... ООО «...» признано несостоятельным (банкротом), в отношении него введено конкурсное производство, конкурсным управляющим утвержден Т.Д., который согласно выписке из Единого государственного реестра юридических лиц от 14 августа 2024 г. является единственным лицом, имеющим право без доверенности действовать от имени ООО «...».

Адвокат Т. также указала в обращении, что она осуществляет деятельность в адвокатском кабинете Т. и имеет реестровый номер в реестре адвокатов Л. области. В подтверждение своих полномочий адвокат Т. приложила к обращению ордер от 6 февраля 2024 г. № ... с поручением с 6 февраля 2024 г. «представления интересов К. и ООО “...” в Генеральной прокуратуре РФ». В качестве основания выдачи ордера было указано «соглашение». В сведениях об адвокате Т. в ордере было указано, что она имеет регистрационный номер... в реестре адвокатов Л. области и удостоверение № ... выданное Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Л. области. В ордере также указан адрес для корреспонденции: г. Москва...

21 февраля 2024 г. адвокату Т. из ГУ Минюста России по г. Москве направлено письменное уведомление о том, что распоряжением Главного управления от 2 февраля 2024 г. № ... сведения о ней внесены в региональный реестр адвокатов г. Москвы с присвоением регистрационного номера... а также о готовности к выдаче оформленного 9 февраля 2024 г. на ее имя удостоверения адвоката г. Москвы. Указанное адвокатское удостоверение было получено адвокатом Т. 28 февраля 2024 г., и 27 марта 2024 г. она избрала форму осуществления адвокатской деятельности в виде адвокатского кабинета.

Оценивая дисциплинарное обвинение в необоснованном указании адвокатом Т. в ордере и в обращении к Генеральному прокурору Российской Федерации сведений о представлении ею интересов ООО «...», Совет отмечает, что в соответствии с п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. В п. 2 этой же нормы закона указано, что соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами) на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

Однако в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокатом Т. не заключалось (в том числе и с третьим лицом) никакого соглашения об оказании юридической помощи ООО «...». Ей также было известно о введении в отношении ООО «...» с марта 2021 года конкурсного производства и об исполнении конкурсным управляющим функций единоличного исполнительного органа данного общества. Наличие соглашения от 25 декабря 2021 г., в соответствии с которым адвокат Т. представляла участников указанного общества С. и К., не давало ей полномочий по представлению интересов самого этого юридического лица.

В связи с изложенным Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом Т. взаимосвязанных положений подп. 1 п. 1 ст. 7, пп. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката при описанных обстоятельствах.

Вместе с тем Совет отмечает, что изложенные обстоятельства не дают оснований для вывода о нарушении адвокатом Т. требований подп. 1 и 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, а равно для оценки ее действий как направленных к подрыву доверия к адвокату или адвокатуре.

Из содержания текста обращения адвоката Т. к Генеральному прокурору Российской Федерации следует, что ее действия были обусловлены защитой интересов К., полагавшего, что в отношении имущественного комплекса ООО «...», участником которого он являлся, совершаются «спланированные действия по его недружественному захвату (рейдерские действия), в том числе через инициацию процедуры банкротства Общества». Не входя в анализ обоснованности таких утверждений К., Совет отмечает, что именно по его заявлению было возбуждено уголовное дело, по которому 5 августа 2022 г. он был признан потерпевшим.

Действия адвоката Т. по представлению К., защищавшего как участник ООО «...» в том числе и имущественные интересы данного общества, не могут рассматриваться как подрывающие доверие к адвокату или адвокатуре, а равно как действия, совершенные вопреки законным интересам и воле доверителя.

Поскольку адвокат Т. не являлась представителем ООО «...», а указанное юридическое лицо не являлось ее доверителем и, соответственно, между ними не устанавливались соответствующие доверительные (фидуциарные) отношения, исключалась также и возможность подрыва доверия к ней как к адвокату со стороны ООО «...» и его конкурсного управляющего Т.Д.

Оценивая дисциплинарное обвинение в нарушении адвокатом Т. пп. 1.1, 1.2, 2.5 Порядка изготовления, хра-

нения и выдачи ордеров адвокатами, утвержденного Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 4 декабря 2017 г. (Протокол № 8, далее – Порядок выдачи ордеров) и приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 10 апреля 2013 года № 47 «Об утверждении формы ордера» (далее – приказ Минюста России № 47), выразившегося в указании в ордере от 6 февраля 2024 г. № ... информации о ее принадлежности к Адвокатской палате Л. области и регистрационном номере... а также об удостоверении № ... выданном Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Л. области 28 октября 2015 г., тогда как на дату оформления ордера адвокат Т. являлась членом Адвокатской палаты города Москвы и не имела указанного выше адвокатского удостоверения, Совет отмечает, что данные фактические обстоятельства подтвердились в результате дисциплинарного разбирательства.

При этом в соответствии с п. 3.2 Порядка выдачи ордеров ответственность за полное и правильное заполнение ордеров и корешков к ним несет адвокат.

Утвержденная упомянутым выше приказом Министерства юстиции Российской Федерации форма ордера предусматривает указание в нем адвокатом своего регистрационного номера в реестре адвокатов конкретного субъекта Российской Федерации, данные об удостоверении адвоката с указанием его номера и сведений об органе и дате его выдачи, а также полное наименование адвокатского образования, выдавшего ордер, его адрес и телефон.

В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат, принявший решение об изменении членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской

палате другого субъекта Российской Федерации, уведомляет об этом заказным письмом совет адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой он является. Об указанном решении адвоката совет уведомляет территориальный орган юстиции в 10-дневный срок со дня получения уведомления адвоката. Территориальный орган юстиции исключает сведения об адвокате из регионального реестра не позднее чем через месяц со дня получения уведомления совета. При этом адвокат обязан сдать свое удостоверение в территориальный орган юстиции. Взамен сданного адвокатом удостоверения территориальный орган выдает адвокату документ, подтверждающий статус адвоката. В данном документе указываются дата внесения сведений об адвокате в региональный реестр и дата исключения сведений об адвокате из регионального реестра. Адвокат в месячный срок со дня исключения сведений о нем из регионального реестра заказным письмом обязан уведомить об этом совет адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой он намерен стать. Совет адвокатской палаты соответствующего субъекта Российской Федерации в месячный срок со дня получения от адвоката уведомления проверяет сведения об адвокате и выносит решение о его приеме в члены адвокатской палаты. Об этом решении совет уведомляет территориальный орган юстиции и адвоката в десятидневный срок со дня принятия решения. Территориальный орган юстиции в месячный срок со дня получения уведомления от совета вносит сведения об адвокате в региональный реестр и выдает адвокату новое удостоверение.

Как указано выше, 30 января 2024 г. Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы адвокат Т. была принята в члены Адвокатской палаты города

Москвы в связи с изменением членства в Адвокатской палате Л. области, о чем в этот же день ей и в Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве было направлено уведомление № ... Данные сведения стали известны адвокату Т. в день принятия Советом Адвокатской палаты города Москвы указанного решения.

В соответствии с абз. 4 п. 1 Порядка изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации и урегулирования некоторых вопросов реализации адвокатом права на осуществление адвокатской деятельности на территории Российской Федерации предусмотрено, что в период изменения членства адвокат вправе осуществлять профессиональную деятельность в ранее избранном им адвокатском образовании. При этом абз. 2 п. 2 данного порядка установлено, что изменение членства в адвокатской палате представляет собой единую процедуру, которая инициируется направляемым адвокатом уведомлением и завершается вынесением решения о принятии в члены адвокатской палаты субъекта Российской Федерации по месту регистрации.

В соответствии с п. 2.5 Порядка выдачи ордеров адвокат не вправе использовать не полностью заполненный ордер.

Вместе с тем форма ордера, утвержденная приказом Минюста России № 47, имеет следующие формулировки граф, требующих заполнения адвокатом: «Адвокату _____ (фамилия, имя, отчество (при наличии)), имеющему регистрационный номер _____ в реестре адвокатов _____ (наименование субъекта Российской Федерации), удостоверение _____ (номер, кем и когда выдано),

ордер выдан _____ (полное наименование адвокатского образования), адрес _____».

С учетом этого Совет считает, что адвокат Т. по состоянию на 6 февраля 2024 г. в силу правовой неопределенности не имела реальной возможности заполнить ордер в строгом соответствии с требованиями приказа Минюста России № 47 и Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам.

Доводы заявителя о том, что адвокат Т. вместо сведений о своем регистрационном номере в реестре адвокатов конкретного субъекта Российской Федерации и данных ее удостоверения адвоката должна была указать сведения из справки, выданной ей Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Л. области, не имеет под собой какого-либо нормативного обоснования, так как такое требование не содержится ни в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности в Российской Федерации», ни в приказе Минюста России № 47, ни в решениях органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции, включая Порядок изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам.

В соответствии с п. 1 ст. 20 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» формами адвокатских образований являются адвокатский кабинет, коллегия адвокатов, адвокатской бюро и юридическая консультация. В п. 2 этой же статьи установлено, что адвокат вправе в соответствии с данным федеральным законом самостоятельно избирать форму адвокатского образования и место осуществления адвокатской деятельности. Об избранной форме адвокатского образования и месте осуществления адвокатской деятельности адвокат обязан уведомить совет адвокатской палаты в порядке,

установленном указанным Федеральным законом.

В силу п. 6 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в редакции Федерального закона от 20 декабря 2004 г. № 163-ФЗ, действовавшей на период оформления адвокатом Т. ордера от 6 февраля 2024 г. № ... адвокат со дня присвоения статуса адвоката либо внесения сведений об адвокате в региональный реестр после изменения им членства в адвокатской палате был обязан уведомить совет адвокатской палаты об избранной им форме адвокатского образования в трехмесячный срок со дня наступления указанных обстоятельств.

В соответствии с абз. 5 ст. 5 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» территориальный орган юстиции в месячный срок со дня получения уведомления совета вносит сведения об адвокате в региональный реестр и выдает адвокату новое удостоверение. Из уведомления ГУ Минюста России по г. Москве от 21 февраля 2024 г. № ... следует, что сведения об адвокате Т. внесены в региональный реестр адвокатов г. Москвы с присвоением ей регистрационного номера... распоряжением указанного управления от 2 февраля 2024 г. № ... что обязывало адвоката Т. проинформировать Совет Адвокатской палаты города Москвы об избранной форме адвокатского образования в срок до 2 мая 2024 г. Эта обязанность адвокатом Т. исполнена досрочно – 27 марта 2024 г.

При таких обстоятельствах Совет и в этой части констатирует наличие правовой неопределенности в регламентации рассматриваемого вопроса, так как ни в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности в Российской Федерации», ни в приказе

Минюста России № 47, ни в решениях органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции, включая Порядок изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, не указано, какое наименование адвокатского образования должен указать адвокат в ордере в период решения вопроса об избрании формы адвокатского образования после изменения членства в одной адвокатской палате на другую.

В соответствии с п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката применение мер дисциплинарной ответственности к адвокату может иметь место только в случае совершения им нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре умышленно или по грубой неосторожности.

Совет не усматривает в профессиональном поведении адвоката Т. в сложившихся обстоятельствах умысла или грубой неосторожности при оформлении ордера и констатирует, что при любом способе его оформления не могли быть полностью соблюдены все формальные требования действующих нормативных предписаний. В связи с этим дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

В части дисциплинарного обвинения в незаконном указании адвокатом Т. в том же ордере сведений об осуществлении адвокатской деятельности в адвокатском кабинете по адресу: г. Москва... Совет также соглашается с Квалификационной комиссией и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства, поскольку таких сведений в указанном ордере не содержится. Данный адрес в ордере указан адвокатом Т. в качестве адреса получения корреспонденции, а не места нахождения адвокатского образования. При этом указание адвокатом Т. в ордере сведений о московском адресе полу-

чения ею корреспонденции какого-либо нарушения не образует, тем более что на момент оформления ордера она являлась членом Адвокатской палаты города Москвы.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Т. за допущенное ею дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его совершение по грубой неосторожности, а также длительный стаж адвокатской деятельности адвоката Т., отсутствие ранее у нее дисциплинарных взысканий, признание ею дисциплинарного проступка, а также заявление о недопущении подобного впредь. При таких обстоятельствах Совет считает необходимым применить к адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В то же время Совет не усматривает признаков малозначительности в допущенном адвокатом Т. дисциплинарном проступке, поскольку он затрагивает одну из существенных привилегий адвокатской профессии – возможность вступления в дело на основании ордера, заполняемого адвокатом самостоятельно, без его заверения каким-либо третьим лицом. В основе данной профессиональной привилегии лежит доверие к адвокатуре, что требует от каждого адвоката особой тщательности при заполнении ордера и строгого соблюдения требований закона и иных нормативных положений к его содержанию.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение взаимосвязанных положений подп. 1 п. 1 ст. 7, пп. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя), выразившееся в указании ею в тексте обращения от 6 февраля

2.10. Дисциплинарное производство прекращено, поскольку адвокат отказался от участия в судебном заседании во избежание выполнения функций «защитника-дублера».

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (жалобе) судьи Д. районного суда г. Москвы Р. в отношении адвоката Л.

Квалификационная комиссия 13 ноября 2024 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом Л. подп. 2 п. 1 ст. 7 («Адвокат обязан... исполнять требования закона об обязательном участии адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению... суда») Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 1 ст. 12 («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен проявлять уважение к суду...»), пп. 6 и 7 ст. 15 («Адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции», «Адвокат обязан участвовать лично или материально в оказании юридической помощи бесплатно в случаях, предусмотренных законода-

2024 г. к Генеральному прокурору Российской Федерации и в ордере от 6 февраля 2024 г. № ... не соответствующих действительности сведений о наличии у нее соглашения на представление интересов ООО «...».

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Т. по представлению ГУ Минюста России по г. Москве от 16 августа 2024 г. № ... вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

тельством, или по назначению... суда в порядке, определяемом решением совета Федеральной палаты адвокатов и принимаемыми в соответствии с ним решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации») Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с ч. 3 ст. 50 УПК РФ, Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г. и Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176 (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 мая 2024 г. № 139), что выразилось в отказе при отсутствии уважительных причин от выполнения обязанности по осуществлению защиты Я. 27 августа 2024 г. по уголовному делу, находящемуся в производстве Д. районного суда, по назначению суда на основании распределенной заявки АИС АПМ № ... от 26 августа 2024 г.

Адвокат Л., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не

явился, заявил письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие, в котором не согласился с заключением Квалификационной комиссии в части вывода о проявлении им неуважения к суду, просил не применять к нему строгое наказание, обязался впредь принимать меры по недопущению подобных ситуаций. Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося адвоката Л.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводом о нарушении адвокатом Л. норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, не соглашается в силу следующего.

Заявителем выдвинуты дисциплинарные обвинения в неявке адвоката Л. 27 августа 2024 г., в 14.00 час., в судебное заседание по уголовному делу для осуществления защиты подсудимого Я., в неуведомлении суда о причинах неявки в указанное судебное заседание и в непредставлении документов, подтверждающих сведения об уважительности причины его неявки в данное судебное заседание.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве судьи Д. районного суда г. Москвы Р. находилось уголовное дело в отношении подсудимого Я., обвиняемого в совершении преступлений,

предусмотренных ч. 4 ст. 159, пп. «а», «б» ч. 4 ст. 174.1, ч. 2 ст. 210, п. «а» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, и еще в отношении 19 лиц, обвиняемых в совершении ряда преступлений. Защиту подсудимого Я. по соглашению осуществляла адвокат Б. на основании ордера № ... от 6 мая 2022 г.

По заявке № ... размещенной судом в АИС АПМ 5 февраля 2024 г., защитником подсудимого Я. был назначен адвокат Л. Из его объяснений, не опровергнутых в результате дисциплинарного разбирательства, следует, что в назначенный для судебного заседания день, 6 февраля 2024 г., он ордер суду не представлял и от вступления в уголовное дело в качестве защитника подсудимого Я. отказался в связи с наличием у того защитника по соглашению, т.е. для исключения выполнения функций «защитника-дублера».

12 февраля 2024 г. судом в АИС АПМ размещена заявка № ... об обеспечении на 13 февраля 2024 г. защитника подсудимому Я. в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ, по которой директивно, без направления приглашений другим адвокатам, назначен адвокат Л. Данная заявка 14 февраля 2024 г. отменена судом по основанию вступления в уголовное дело защитника по соглашению – «рок окоао (...)» (такие данные были внесены в АИС АПМ инициатором. – *Прим. Совета*).

После этого судом в АИС АПМ последовательно размещены две заявки: 2 марта 2024 г. – заявка № ... и 26 августа 2024 года – заявка № ... об обеспечении соответственно на 5 марта и 27 августа 2024 г. защитника подсудимому Я. в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ, по которым вновь директивно, без направления приглашений другим адвокатам, был назначен адвокат Л.

В судебные заседания 13 февраля, 5 марта и 27 августа 2024 г. адвокат Л.

не являлся, пояснив, что об указанных датах судебных заседаний узнал только после обращения судьи Р. в Адвокатскую палату города Москвы, а информации из суда по данным судебным заседаниям ему не поступало. В отношении неявки в судебное заседание 27 августа 2024 года адвокат Л. дополнительно пояснил, что не увидел заявку, а кроме того, сослался на имевшуюся у него занятость в этот день в другом судебном процессе, о которой он Д. районный суд не информировал.

Судом в АИС АПМ 2 сентября 2024 г. в порядке замены адвоката Л. размещена заявка № ... по которой в качестве защитника подсудимого Я. назначена адвокат К.

Переходя к оценке выдвинутого заявителем дисциплинарного обвинения, Совет исходит из того, что Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 15 июля 2008 г. № 456-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Плотникова Игоря Валентиновича и Хырхырьяна Максима Арсеновича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указал, что «...сообщение суда (судьи) в адрес адвокатской палаты является одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката (подпункт 4 пункта 1 статьи 20 принятого Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции от 5 апреля 2007 года). Установление же оснований для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности отнесено законодателем к компетенции органов адвокатского сообщества, для которых частное определение или постановление суда не имеет преюдициальной силы (подпункт 9 пункта 3, пункт 7 статьи 31, пункт 7 статьи 33 Фе-

дерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»).

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентября 2013 г. утвердил Решение «О “двойной защите”» (с изменениями и дополнениями, внесенными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.), в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками в качестве дублеров, т.е. при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же решением (абз. 1 п. 2.1) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать участие в защите лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений. Участие в деле наряду с защитником по соглашению защитника по назначению допустимо лишь в том случае, если отклонение отказа от него следователь или суд мотивирует именно злоупотреблением со стороны обвиняемого либо приглашенного защитника своими правомочиями и выносят о таком злоупотреблении обоснованное постановление (определение)...».

Мотивируя причины своего отказа от вступления в уголовное дело 6 февраля 2024 г. в качестве защитника подсудимого Я. по назначению суда, адвокат Л. сослался на данное обязательное для всех адвокатов требование в письменных объяснениях от 17 сентября 2024 г.,

давая устные объяснения в заседании Квалификационной комиссии 9 октября 2024 г., а ранее, 6 февраля 2024 г., в 11.20 час., – в направленном им через личный кабинет в АИС АПМ «Обращении по заявке № ...» (дословно в обращении по заявке указано: «По прибытии в судебное заседание секретарь суда пояснил, что адвокат требуется для дублирования адвоката по соглашению и только на одно судебное заседание 06.01.2024. Я отказался от вступления в дело»). При этом заявителем не выдвигалось дисциплинарных обвинений в неявке адвоката Л. в судебные заседания, назначенные на 6 и 13 февраля, 5 марта 2024 г.

Квалификационная комиссия правильно установила описанные фактические обстоятельства, но дала неправильную правовую оценку поведению адвоката Л., так как не учла наличия нескольких причин, по которым АИС АПМ может осуществляться директивное назначение адвоката по заявке инициатора. Комиссия исходила из того, что директивное назначение адвоката по заявке осуществляется в случае, если после направления приглашений адвокатам никто из них не откликнулся и не принял заявку. Однако АИС АПМ осуществляет директивное распределение заявки адвокату без осуществления рассылки приглашений другим адвокатам также и в случае размещения инициатором дублирующих заявок, в которых указаны те же номер уголовного дела и фамилия, имя, отчество подзащитного. Именно такое директивное назначение адвоката Л. имело место по заявкам от 12 февраля, 2 марта и 26 августа 2024 г., которые дублировали заявку от 6 февраля 2024 г.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что судом после отказа адвоката Л. от вступления 6 февраля 2024 г. в уголовное дело

предпринимались действия по его замене в качестве защитника подсудимого Я. Однако установленный порядок замены адвоката через АИС АПМ по процессуальному решению инициатора был нарушен.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации своим решением от 15 марта 2019 г. (Протокол № 4) утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (далее – Порядок). Абзацем 2 п. 2.1 Порядка установлено, что советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подп. 5 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей.

В городе Москве порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда, определен Правилами Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176 и согласованными Решением

Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 г. (далее – Правила).

Согласно п. 18 Правил их неотъемлемой частью является Инструкция инициатора по работе в АИС АПМ, которая вместе с дополнениями и изменениями утверждается приказами Президента Адвокатской палаты города Москвы с незамедлительным размещением действующих редакций инструкций на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу <advokatymoscow.ru> (далее – Инструкция).

В разделе 2.2 Инструкции указывается, что, «если заполненные ФИО подзащитного и номер дела уже ранее указывались в заявке, зарегистрированной в Системе, и заявка находится в работе, Вы увидите предупреждение о дублирующей заявке с предложением воспользоваться функцией замены адвоката», создание новых заявок для информирования о последующих процессуальных действиях и судебных заседаниях не предусмотрено, о них адвокат уведомляется в обычном порядке, предусмотренном процессуальным законодательством. В разделе 4.1.2 Инструкции предусматривается возможность отмены заявки в связи с вступлением в дело адвоката по соглашению, при этом инициатору необходимо заполнить поля с фамилией, именем, отчеством адвоката по соглашению, его реестровым номером, номером и датой ордера, а также приложить файл ордера. Возможность внесения недостоверных сведений об адвокате по соглашению Инструкцией не предусмотрена. Для замены адвоката на основании процессуального решения инициатору необходимо выполнить в АИС АПМ действия, предусмотренные разделом 4.2.2 Инструкции, которые выражаются в нажатии «Замена

адвоката» на странице «Просмотра заявки» и выбора в выпадающем списке пункта «Смена адвоката».

Из установленных в результате дисциплинарного разбирательства обстоятельств следует, что судом как инициатором порядок действий в АИС АПМ для замены адвоката Л. был соблюден только 2 сентября 2024 г. при размещении заявки № ... когда инициатор запустил процедуру замены адвоката Л. и поиск нового адвоката: в АИС АПМ была размещена новая заявка № ... об обеспечении на 14.00 час. 3 сентября 2024 г. подсудимому Я. защитника по назначению, и 2 сентября 2024 г., в 14.21 час., заявка была распределена системой АИС АПМ адвокату К.

14 февраля 2024 г., фактически желая произвести замену адвоката Л. (заявка № ... от 12 февраля 2024 г.), суд как инициатор вместо использования опции «замена по процессуальному решению» ошибочно применил опцию «отмена заявки в связи с вступлением в дело адвоката по соглашению». Кроме того, при ошибочном применении этой опции суд как инициатор допустил дополнительное нарушение Инструкции, что выразилось в размещении в АИС АПМ недостоверной информации о фамилии, имени, отчестве адвоката по соглашению и его реестровом номере: «рок ооаоа (...)». Поскольку «отмена заявки в связи с вступлением в дело адвоката по соглашению» (в отличие от заявки о «замене по процессуальному решению») не предусматривает замены ранее назначенного защитника, то при размещении в АИС АПМ новой заявки в связи с неявкой адвоката по соглашению производится директивное назначение по ней предыдущего адвоката.

Учитывая, что адвокат Л. от вступления в уголовное дело по первоначальной заявке № ... от 5 февраля 2024 г. отказался еще 6 февраля 2024 г., а судом

как инициатором впоследствии неоднократно (12 февраля, 2 марта и 26 августа 2024 года) был нарушен предусмотренный в АИС АПМ порядок «замены по процессуальному решению», Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии об обязанности адвоката Л. явиться в судебное заседание 27 августа 2024 г. после фактического признания судом необходимости замены адвоката Л. путем размещения 12 февраля 2024 г. заявки № ... о назначении подсудимому Я. нового адвоката-защитника.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката и толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката, признает презумпцию добросовестности адвоката Л. неопровергнутой.

Вместе с тем Совет отмечает, что согласно п. 14 Правил адвокат, избравший форму личного участия в делах по назначению, самостоятельно и за свой счет обеспечивает возможность постоянного взаимодействия с АИС АПМ посредством информационно-

телекоммуникационной сети «Интернет». Адвокат Л. признал факт неполучения в АИС АПМ информации о неоднократно распределявшихся ему заявках. Поскольку соответствующих дисциплинарных обвинений в отношении него не выдвигалось, Совет не дает правовой оценки его поведению в данной части, однако указывает адвокату Л. на недопустимость подобных действий и необходимость корректировки своего профессионального поведения в данной части.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 18, подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Л. по обращению (жалобе) судьи Д. районного суда г. Москвы Р., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.11. Дисциплинарное производство прекращено, поскольку дисциплинарные обвинения в неявке адвокатов в судебное заседание и отказе от участия в судебном заседании в качестве защитника не нашли подтверждения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи М. районного суда г. Москвы Из. от 27 августа 2024 г. в отношении адвокатов И. и К.

Квалификационная комиссия 23 октября 2024 г. вынесла Заключение:

1) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, воз-

бужденного в отношении адвоката И. по обращению судьи Из., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по обращению судьи Из., вследствие отсутствия в действиях (бездействии)

адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокаты И. и К., извещенные надлежащим образом и своевременно получившие Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явились, просили о рассмотрении дисциплинарного производства в их отсутствие. Принимая во внимание указанные обстоятельства, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся адвокатов И. и К.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве СО ЛУ МВД России на станции... г. Москвы находится уголовное дело, возбужденное 1 мая 2024 г. по признакам преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. 2 мая 2024 г. по подозрению в совершении вышеуказанного преступления в порядке ст. 91, 92 УПК РФ был задержан Ю., защиту которого осуществляет защитник по назначению – адвокат И. 3 мая 2024 г. в отношении Ю. М. районным судом г. Москвы была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста.

23 августа 2024 г. в указанный суд поступило ходатайство следственного органа о продлении срока содержания Ю. под домашним арестом. Рассмотрение

указанного ходатайства было назначено судом на 26 августа 2024 г. В это судебное заседание адвокат И. не явился в связи с участием в ранее назначенных судебных заседаниях М. городского суда по рассмотрению его апелляционных жалоб по другим уголовным делам.

24 августа 2024 г., в 12.47 час., следователем указанного следственного отдела Ф. в АИС АПМ была создана заявка № ... об обеспечении обвиняемого Ю. защитником по назначению, которая в этот же день, в 14.58 час., была распределена адвокату К.

26 августа 2024 г. адвокат К. явился в суд для защиты Ю., который отказался от него, был не согласен на замену защитника и желал, чтобы его защиту продолжал осуществлять адвокат И. Адвокат К. связался с адвокатом И., который подтвердил ему эту информацию. В судебном заседании адвокат К. заявил ходатайство о приобщении заявления обвиняемого Ю. об отказе от него по указанным выше причинам, а также заявил собственное ходатайство об освобождении его от участия в судебном заседании в связи с указанными обстоятельствами.

Поскольку суд не принял отказ Ю. от защитника – адвоката К., не мотивировав это свое решение фактически обоснованным выводом о недобросовестном поведении обвиняемого или его защитника, направленном на срыв судопроизводства, либо иными обстоятельствами, исключающими возможность участия ранее назначенного защитника в уголовном деле, адвокат К. самоустранился из судебного заседания, сделав соответствующее заявление.

В обращении заявителя против адвоката И. выдвигаются дисциплинарные обвинения в том, что 26 августа 2024 г. он не явился в указанное судебное заседание, об уважительности причины своей неявки не сообщил, принял по-

ручения на оказание юридической помощи в количестве заведомо большем, чем в состоянии выполнить, оставил обвиняемого Ю. без юридической помощи.

Против адвоката К. выдвигаются дисциплинарные обвинения в том, что он самовольно покинул зал судебного заседания, несмотря на неоднократные разъяснения председательствующего о том, что он не освобожден от дальнейшего участия в судебном заседании, оставив без юридической помощи обвиняемого Ю., при этом неоднократно пререкался с председательствующим.

В обращении также указано, что указанные действия (бездействие) адвокатов И. и К. повлекли за собой отложение судебного заседания.

В результате дисциплинарного разбирательства также установлено, что 23 августа 2024 г. следователь указанного выше следственного отдела С. устно уведомила адвоката И. о назначенном на 26 августа 2024 г. судебном заседании по рассмотрению ходатайства органа следствия о продлении срока содержания Ю. под домашним арестом. Однако на этот день М. городским судом уже были назначены судебные заседания по рассмотрению апелляционных жалоб адвоката И. по другим уголовным делам. Участие в этих судебных заседаниях имело приоритетное значение для адвоката И., поскольку они были назначены раньше судом более высокой инстанции. Об этом адвокат И. уведомил следователя С. и судью М. районного суда Из., а также сообщил, что сможет принять участие в судебном заседании по рассмотрению ходатайства органа следствия о продлении срока содержания Ю. под домашним арестом либо вечером 26 августа, либо 27 августа 2024 г. В этот же день, 23 августа 2024 г., следователь С. в АИС АПМ инициировала замену адвоката И., которому в 16.28 час.

поступило СМС-уведомление о том, что он больше не является защитником Ю.

26 августа 2024 г. адвокату И. позвонил адвокат К. и сообщил, что обвиняемый Ю. отказывается от его (адвоката К.) юридической помощи, поэтому в судебном заседании адвокат К. поддерживает этот отказ. После этого адвокату И. позвонила следователь С. и сообщила, что обвиняемый Ю. настаивал на участии в судебном заседании адвоката И., поэтому судья Изотова Т. Ю. отложила судебное заседание на 09.00 час. 27 августа 2024 г. и попросила адвоката И. явиться.

26 августа 2024 г., в 15.28 час., адвокату И. поступило СМС-уведомление о его восстановлении в качестве защитника Ю. по заявке АИС АПМ № ...

27 августа 2024 г., в 09.00 час., адвокат И. принял участие в судебном заседании по рассмотрению ходатайства органа следствия о продлении срока содержания Ю. под домашним арестом.

Адвокат К., не соглашаясь с дисциплинарными обвинениями, объяснил свои действия следующими обстоятельствами. В связи с наличием у обвиняемого Ю. защитника по назначению, который не был уведомлен надлежащим образом о месте, дате и времени судебного заседания, а также отсутствием мотивированного процессуального решения, исключающего возможность участия ранее назначенного защитника в уголовном деле, у него не имелось оснований продолжать участие в судебном заседании в качестве защитника обвиняемого Ю. Поскольку суд не принял отказ Ю. от адвоката К., он самоустранился из судебного заседания в целях соблюдения права Ю. на защиту и принципа непрерывности защиты.

Эти объяснения адвокатов И. и К. ничем не опровергнуты.

Согласно Разъяснениям № 01/18 Комиссии Федеральной палаты адвокатов

Российской Федерации по этике и стандартам «По вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью» (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 16 февраля 2018 г., Протокол № 1), имея в производстве несколько дел от доверителей, адвокат, не дожидаясь официального уведомления суда о назначении судебного заседания, обязан следить за их движением и по возможности согласовывать (заблаговременно) с судом даты судебных заседаний в целях исключения назначения их на одну дату. При отложении судом разбирательства дела и решении вопроса о назначении судебного заседания на новую дату адвокат обязан по возможности сообщить суду о своей занятости в судебных заседаниях по иным делам, назначенным к рассмотрению. В том случае, если, несмотря на предпринятые адвокатом меры, дела, которые ведет адвокат, назначены к рассмотрению в разных судах на одну дату, адвокат, отдавая приоритет своего участия по одному из них, должен учитывать следующие обстоятельства:

- отложение разбирательства дела в связи с невозможностью явки адвоката в судебное заседание может повлечь для его доверителя, в том числе подзащитного, наступление неблагоприятных последствий, нарушение разумных сроков рассмотрения дела судом, в том числе и по причине неоднократного отложения разбирательства дела в связи с неявкой адвоката в судебное заседание, а также нарушение прав иных участников процесса;

- тяжесть предъявленного подзащитному обвинения;

- длительность содержания обвиняемого под стражей;

- сложность административного, гражданского дела и т.п.

С момента, когда адвокату стало известно о совпадении дат рассмотрения дел, он обязан при возможности заблаговременно уведомить суд о невозможности своей явки в судебное заседание по уважительной причине, а также сообщить об этом адвокатам, участвующим в данном деле (ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Одновременно адвокат должен сообщить суду информацию о назначенных с его участием делах с целью исключения отложения судом разбирательства дела на указанные адвокатом даты.

По общему правилу при совпадении даты следственных действий с датой судебного заседания адвокат должен отдать приоритет участию в судебном заседании, заблаговременно уведомив об этом дознавателя, следователя и согласовав с ними новую дату проведения следственных действий.

Как указано выше, причиной неявки адвоката И. 26 августа 2024 г. в судебное заседание М. районного суда послужила его профессиональная занятость в ранее назначенных судебных заседаниях М. городского суда по двум другим уголовным делам, о чем адвокат И. уведомил следователя и суд, как только узнал о назначении судебного заседания на ту же дату.

В соответствии с положениями ст. 107, 109 УПК РФ ходатайство о продлении срока содержания под стражей (домашним арестом) должно быть представлено в суд не позднее чем за 7 суток до его истечения.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что между поступлением материала в суд и датой судебного заседания прошло всего 3 дня при том, что срок содержания обвиняемого Ю. под домашним арестом истек только 1 сентября 2024 г. Это обстоятельство само по себе исключало возможность надлежащего извещения

адвоката И. Кроме того, заявителем не представлены доказательства как невозможности его явки в судебное заседание в течение 5 суток, так и иных законных оснований для его процессуальной замены.

В этой связи Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу об уважительной причине неявки адвоката И. в судебное заседание 26 августа 2024 г. и об отсутствии оснований для его замены в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 50 УПК РФ.

В соответствии с п. 1 и 4 Разъяснений № 13 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» (утверждены Решением Совета от 30 сентября 2019 г., Протокол № 11) эффективная квалифицированная юридическая помощь при защите по уголовному делу подразумевает постоянное и системное оказание ее обвиняемому (подозреваемому) с учетом стадийного построения уголовного судопроизводства. В соответствии с п. 17 Стандарта осуществления защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., «адвокат участвует в уголовном деле до полного исполнения принятых на себя обязательств, за исключением случаев, предусмотренных законодательством и (или) разъяснениями Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов».

В соответствии с п. 8 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката «обязанности адвоката, установленные действующим законодательством, при оказании им юридической помощи бесплатно в случаях, предусмотренных законодательством, или по назначению органа дознания, органа предваритель-

ного следствия или суда не отличаются от обязанностей при оказании юридической помощи за гонорар».

Исходя из этих принципиальных требований, действующий в городе Москве порядок назначения адвокатов в качестве защитников и осуществления ими защиты основан на принципе непрерывности защиты, который, в частности, означает участие одного и того же адвоката в уголовном деле с момента назначения до полного исполнения принятых им на себя обязательств.

Адвокат, принявший поручение по осуществлению защиты по назначению, обязан явиться к инициатору заявки, представить ордер и предъявить удостоверение, после чего выяснить, имеется ли у обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) защитник по назначению или соглашению.

Если у обвиняемого имеется защитник по соглашению, то адвокат обязан действовать в соответствии с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. № 11 (см.: Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2015. № 4 (130). С. 17–21; 2016. № 3 (133). С. 85–90).

Если у обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) ранее имелся защитник по назначению, то адвокату до участия в каких-либо процессуальных действиях следует принять меры (в том числе при проведении свидания с обвиняемым (подозреваемым) наедине) для выяснения причин замены этого защитника, при необходимости связавшись с ним. В случае, если прибывший для участия в деле адвокат удостоверится, что его назначение в качестве защитника осуществлено с нарушением установленных правил, либо прежний защитник не уведомлен надлежащим образом, либо отсутствует принятое в соответствии с требованиями закона мотивированное процессуальное ре-

шение, исключаящее возможность участия ранее назначенного защитника в уголовном деле, он обязан устранившись от участия в процессуальных действиях, сделав соответствующее заявление.

В соответствии с п. 3 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат, действовавший в соответствии с разъяснениями Совета относительно применения положений данного кодекса, не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности.

Сопоставив приведенные выше правовые положения с установленными и описанными выше обстоятельствами, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвокатов И. и К. неопровергнутой и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства вследствие отсутствия

2.12. Дисциплинарное производство прекращено в связи с отсутствием конкретных фактов неуважительного отношения адвоката к суду и лицам, участвующим в деле. Неявка же адвоката в судебное заседание была продиктована необходимостью подготовки заявления об отводе судьи, о чем адвокат заранее проинформировала суд через подзащитного.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи П. городского суда Псковской области М. от 21 августа 2024 г. в отношении адвоката Л.

Квалификационная комиссия 23 октября 2024 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по обращению судьи М., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвокатов И. и К. по обращению судьи М. районного суда г. Москвы Из. от 27 августа 2024 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Л., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, письменно уведомила о получении Заключения Квалификационной комиссии, ознакомлении и согласии с ним, просила рассмотреть дисциплинарное производство в ее отсутствие.

Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на

правильно и полно установленных обстоятельств дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве П. городского суда Псковской области находится уголовное дело по обвинению Ж. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ.

Защиту обвиняемого Ж. по указанному уголовному делу на основании заключенного соглашения осуществляет адвокат Л.

По ходатайству защиты в судебное заседание 6 августа 2024 г., в 10.00 час., был вызван и явился свидетель Жи. После его удаления из зала и продолжения судебного разбирательства адвокат Л. ходатайствовала о дополнительном допросе также явившегося специалиста А. Указанное ходатайство было удовлетворено. Прибывший ранее свидетель Жи. допрошен в судебном заседании не был. В связи с ходатайством адвоката Л. о постановке перед специалистом А. дополнительного вопроса ей было объявлено замечание председательствующим судьей «за нарушение регламента судебного заседания». Государственный обвинитель Г. заявила отвод специалисту А. В этот же день, в 11.41 час., председательствующий огласила вводную и резолютивную части постановления об отводе специалиста А., после чего в судебном заседании был объявлен перерыв до 14.00 час. этого же дня.

После продолжения судебного заседания в 14.11 час. 6 августа 2024 г. адвокатом Л. было заявлено ходатайство об отложении судебного заседания, мотивированное тем, что копия постановления судьи об отводе специалиста А. была вручена ей лишь в 12.13 час., в связи с чем ей не хватило времени для подготовки письменного заявления об отводе судьи. В ответ на указание судьи

на то, что в суд приглашен свидетель по ходатайству адвоката Л., последняя пояснила, что сторона защиты самостоятельно определяет порядок представления доказательств, и без рассмотрения заявления об отводе судьи продолжение рассмотрения уголовного дела невозможно. Однако в удовлетворении ходатайства об отложении судебного разбирательства было отказано.

В связи с указанным процессуальным решением адвокат Л. 6 августа 2024 г. неоднократно возражала против действий председательствующего, ссылаясь на невозможность продолжения судебного следствия и допроса свидетеля Жи. без предоставления ей достаточного времени и возможности для подготовки письменного заявления об отводе судьи.

После этого председательствующий судья разрешил свидетелю Жи. покинуть зал судебного заседания, объявив в 14.21 час. 6 августа 2024 г. перерыв до 15.00 час. этого же дня.

После возобновления судебного заседания адвокат Л. в него не явилась, о чем суду сообщил подсудимый Ж., пояснивший, что она в настоящее время готовит заявление об отводе председательствующего, поскольку на подготовку такого заявления ей не хватило времени.

Судебное заседание было отложено на 7 августа 2024 г. В этот день адвокат Л. лично объяснила в судебном заседании свою неявку в судебное заседание 6 августа 2024 г. подготовкой письменного заявления об отводе председательствующего, которое было ею заявлено и приобщено к материалам уголовного дела. Согласно протоколу судебного заседания от 7 августа 2024 г. адвокату Л. было объявлено замечание «за нарушение регламента судебного заседания» в ответ на ее ходатайство о вручении ей копии постановления

об отказе в удовлетворении заявления об отводе судьи. В этом же судебном заседании адвокату Л. было объявлено председательствующим еще одно замечание в связи с заявлением о том, что государственный обвинитель вводит суд в заблуждение относительно заявлений подсудимого Ж.

Заявитель в своем обращении выдвигает в отношении адвоката Л. дисциплинарные обвинения в том, что та:

1) перебивает председательствующего и государственного обвинителя, без разрешения делает заявления, задает вопросы председательствующему, в том числе касающиеся оценки судом доказательств, требуя немедленного ответа; на многочисленные замечания по поводу соблюдения распорядка судебного заседания должным образом не реагирует; перебивает допрашиваемых свидетелей, комментирует их ответы, вступает с ними в полемику, не дает полностью ответить на вопросы; зачастую задает свидетелям вопросы, состоящие из нескольких многосложных предложений, содержащих ее собственные пояснения и комментарии; многократно повторяет одни и те же вопросы; игнорирует предложения формулировать вопросы свидетелям ясно, кратко и корректно;

2) 6 августа 2024 г. настояла на дополнительном допросе специалиста, а затем на объявлении в судебном заседании перерыва для подготовки заявления об отводе судьи, в связи с чем суд не смог приступить к допросу явившегося в этот день, в 10.00 час., свидетеля, вызванного по ходатайству стороны защиты;

3) 6 августа 2024 г., после объявления судом перерыва в судебном заседании до 14.00 час. того же дня, опоздала в судебное заседание на 11 минут;

4) 6 августа 2024 г., после объявления судом перерыва в судебном заседа-

нии до 15.00 час. того же дня, не явилась в судебное заседание, не сообщив суду об уважительности причин своей неявки, что привело к отложению судебного разбирательства на 7 августа 2024 г.

Адвокат Л. выдвинутые дисциплинарные обвинения последовательно отрицала, настаивала, что каких-либо нарушений норм УПК РФ, требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также профессиональной этики ею не допущено. 6 августа 2024 г. она в строгом соответствии с ч. 1 ст. 274 УПК РФ, согласно которой последовательность исследования доказательств определяется стороной, представляющей доказательства суду, настаивала на допросе явившегося специалиста до допроса свидетеля. В судебное заседание 6 августа 2024 г., назначенное на 14.00 час., она не опаздывала. Заседание было начато с поддержкой по иным причинам. В дальнейшем она не смогла явиться в судебное заседание к 15.00 час., поскольку ей не хватило времени на подготовку заявления об отводе судьи, а, кроме того, в городе ухудшились погодные условия, из-за чего все улицы были затоплены. О своем отсутствии она сообщила подзащитному Ж., а в ходе следующего судебного заседания лично объяснила причины неявки суду.

Рассматривая первую группу выдвинутых против адвоката Л. дисциплинарных обвинений, Совет отмечает их неконкретность. Из обращения заявителя не усматривается ни время совершения адвокатом Л. действий, которые им рассматриваются в качестве дисциплинарных проступков, ни описание этих действий. Заявителем не указано, когда именно адвокат Л. перебивала председательствующего, государственного обвинителя, допрашиваемых свидетелей, когда и какие именно делала заявления и задавала вопросы без разрешения

председательствующего, когда и какие именно вопросы «многократно повторяя». Не приводится в рассматриваемом обращении и сведений о том, когда были адвокату Л. объявлены «многочисленные замечания по поводу соблюдения порядка судебного заседания», в чем именно выразилось поведение адвоката Л., оцениваемое заявителем как «комментирование ответов свидетелей» и «вступление в полемику со свидетелями» и как «недолжное реагирование» на замечания и предложения председательствующего. При этом адвокат Л. в ходе дисциплинарного разбирательства последовательно настаивала на том, что при постановке перед свидетелями вопросов, а также реализации ею прочих полномочий защитника в уголовном судопроизводстве она руководствовалась нормами уголовно-процессуального закона, требованиями профессиональной этики адвоката и интересами своего доверителя – подсудимого Ж.

Совет отмечает, что конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Такой позиции придерживается и высшая судебная инстанция. Так, в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2016 г. № 226-О отмечено, что обвинение отражает фактические обстоятельства преступного деяния и указывает на конкретные признаки состава преступления в том виде, в каком они установлены органами предварительного расследования и сформулированы в специальном процессуальном документе (постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении). Применяя указанные положения по аналогии, Совет считает правильным исполь-

зование в дисциплинарной практике органов адвокатского самоуправления и в данном конкретном случае подхода, в соответствии с которым уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении.

В данном случае к обращению заявителя не были приложены какие-либо документы, а в ответ на запрос Адвокатской палаты города Москвы, содержащий в том числе просьбу о предоставлении документов в обоснование изложенных в обращении доводов, в материалы дисциплинарного производства поступил протокол судебного заседания лишь в части двух дат судебного заседания – 6 и 7 августа 2024 г. Из содержания этих частей протокола судебного заседания следует, что 6 августа 2024 г. замечание «за нарушение регламента судебного заседания» объявлено адвокату Л. в связи с ее ходатайством о постановке перед специалистом А. дополнительного вопроса. 7 августа 2024 г. замечание «за нарушение регламента судебного заседания» адвокату Л. объявлено в ответ на ее ходатайство о вручении ей копии постановления об отказе в удовлетворении заявления об отводе судьи. В тот же день аналогичная реакция председательствующего последовала на заявление адвоката Л. о том, что государственный обвинитель вводит суд в заблуждение относительно заявлений подсудимого Ж. Однако заявителем не указано, какие именно сведения, содержащиеся в соответствующих частях протокола судебного заседания, рассматриваются им как доказательства выдвинутых против адвоката Л. дисциплинарных обвинений. Это не позволя-

ет прийти к выводу о том, что дисциплинарные претензии заявителя вызвали именно вышеуказанные ходатайства и заявления адвоката Л. Самостоятельное отыскание фактических оснований дисциплинарных обвинений не входит в полномочия органов адвокатского самоуправления и противоречит п. 4 ст. 23 и п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет не усматривает из представленных заявителем частей протокола судебного заседания высказываний, свидетельствующих о проявлении адвокатом Л. неуважения к суду и лицам, участвующим в деле. Процессуальная реакция заявителя на поведение адвоката сама по себе не может определять привлечение адвоката к дисциплинарной ответственности. В соответствии со ст. 243 УПК РФ председательствующий руководит судебным заседанием и обеспечивает соблюдение его распорядка, однако для целей дисциплинарного производства придаваемая им поведению защитника-адвоката процессуальная квалификация не имеет для органов адвокатского самоуправления преюдициального значения. В свою очередь, Совет не усматривает в вышеупомянутых ходатайствах и заявлении адвоката Л. нарушений норм профессиональной этики адвоката. Они направлены на защиту прав и интересов ее доверителя – подсудимого Ж., сделаны в корректной форме, в пределах полномочий защитника, предусмотренных ст. 53 УПК РФ. Регламент судебного заседания предусмотрен ст. 257 УПК РФ, и заявителем не указано, в чем именно заключались его нарушения при реализации адвокатом Л. вышеуказанных полномочий.

Из взаимосвязанных положений ст. 2, 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 5, 8 Кодекса про-

фессиональной этики адвоката следует, что адвокат свободен в выборе тактики защиты и обязан согласовывать ее только со своим подзащитным. Предусмотренный ст. 278 УПК РФ порядок допроса свидетелей не содержит специальных требований к содержанию задаваемых свидетелям вопросов, тогда как в силу требований ст. 17 УПК РФ судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Таким образом, порядок, предмет и стилистическое построение задаваемых свидетелю вопросов определяются адвокатом как независимым профессиональным советником по правовым вопросам, исходя из интересов своего доверителя, а потому реализация адвокатом избранной им тактики допроса в отсутствие проявления неуважения к суду и лицам, участвующим в деле, не может рассматриваться как дисциплинарный проступок.

Учитывая изложенное, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о необоснованности рассматриваемой группы дисциплинарных обвинений.

Переходя к рассмотрению доводов заявителя о том, что адвокат Л. 6 августа 2024 г. настояла на дополнительном допросе специалиста, а затем на объявлении в судебном заседании перерыва для подготовки заявления об отводе судьи, в связи с чем суд не смог приступить к допросу явившегося свидетеля, вызванного по ходатайству стороны защиты, Совет отмечает, что из обращения заявителя, а также из протокола судебного заседания от 6 августа 2024 г. усматривается, что сторона защиты в этот день приступила к представлению доказательств. При этом согласно ч. 1 ст. 274 УПК РФ очередность ис-

следования доказательств определяется стороной, представляющей доказательства суду. Таким образом, адвокат Л. как защитник подсудимого Ж. имела право самостоятельно определять очередность представления доказательств в соответствии с выработанной ею тактикой осуществления защиты вне зависимости от фактической явки в судебное заседание свидетеля Жи.

Не образуют дисциплинарного проступка и возражения адвоката Л. против допроса свидетеля Жи., заявленные после того, как судом было удовлетворено заявление государственного обвинителя об отводе специалиста А. В силу п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах «каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения как минимум на следующие гарантии на основе полного равенства: <...> иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником» (подп. «б»). Согласно ч. 3 ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе защищать свои права и законные интересы и иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите. Реализация этих процессуальных прав является важной составляющей права на защиту и предполагает создание судом условий для исполнения защитником его процессуальных обязанностей, что прямо предусмотрено ч. 3 ст. 15 УПК РФ. В связи с этим заявление адвокатом Л. ходатайств сначала о выдаче ей копии постановления об отводе специалиста А., а затем об отложении судебного заседания для подготовки заявления об отводе председательствующего судьи не могут рассматриваться в качестве действий, дезорганизующих судебное разбирательство, поскольку они направлены на исполнение адвокатом

профессиональных обязанностей перед доверителем и создание условий для оказания ему квалифицированной юридической помощи.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что невозможность приступить к допросу явившегося 6 августа 2024 г. в судебное заседание свидетеля Жи. была обусловлена процессуальной ситуацией, сложившейся помимо воли адвоката Л., – в связи с удовлетворением судом заявления государственного обвинителя об отводе специалиста А. и необходимостью реагирования на данное процессуальное решение в соответствии с избранной адвокатом Л. тактикой защиты подсудимого Ж.

Совет вновь повторяет, что не считает допустимым вмешиваться в тактику, определяемую самим адвокатом при ведении конкретного дела. Являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам (абз. 1 п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), адвокат самостоятельно определяет тот круг юридически значимых действий, которые он вправе и обязан совершить в интересах доверителя на основании заключенного с последним соглашения об оказании юридической помощи. Общими ориентирами при этом для адвоката служат положения п. 2 ст. 2 и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также предписания соответствующего отраслевого (процессуального) законодательства. Совет также считает, что самостоятельное и независимое толкование закона является неотъемлемым правом адвоката как независимого советника по правовым вопросам. Верховный Суд Российской Федерации в определении от 12 февраля 2007 г. № 83-006–23СП

высказал аналогичную позицию, указав, что тактику защиты адвокат, допущенный к участию в деле в качестве защитника, определяет самостоятельно, согласуя позицию со своим подзащитным.

При указанных обстоятельствах презумпция добросовестности адвоката Л. в данной части признается Советом неопровергнутой.

Давая оценку дисциплинарному обвинению в нарушении адвокатом Л. положений ст. 12 и 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в ее опоздании в судебное заседание 6 августа 2024 г. на 11 минут, Совет отмечает следующее.

Адвокат Л. факт своего опоздания в судебное заседание последовательно отрицала. При этом из протокола судебного заседания от 6 августа 2024 г. не усматривается ни то, что в 14.00 час. заседание было продолжено, ни то, что председательствующим обсуждался вопрос о возможности рассмотрения уголовного дела при фактической явке. Таким образом, доводы адвоката Л. о том, что она с 14.00 час. 6 августа 2024 г. находилась у входа в зал судебного заседания, которое было продолжено лишь в 14.11 час. по причинам, не связанным с ее опозданием, не опровергнуты. Указание же в протоколе судебного заседания на то, что оно продолжено в 14.11 час. «из-за опоздания защитника», является декларативным утверждением, которое не может быть положено в основу вывода о несвоевременной явке адвоката Л.

По этим причинам Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Л. неопровергнутой и в данной части.

Давая оценку обстоятельствам неявки адвоката Л. в судебное заседание 6 августа 2024 г. после объявления перерыва в нем до 15.00 час., Совет отмечает, что согласно Разъяснениям № 3

Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О неявках в судебное заседание», «если разбирательство дела откладывается в связи с непредвиденными или чрезвычайными обстоятельствами в жизни адвоката, о которых он сообщает суду срочным звонком либо через своих коллег, родственников или иных лиц, ему следует затем представить суду официальный или личный документ, подтверждающий уважительность его неявки, даже если суд не обращает к нему подобной просьбы» (см.: Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2007. № 4–5(42–43). С. 15–18).

По смыслу вышеуказанных разъяснений информирование суда о причинах неявки адвоката в судебное заседание возможно через коллег адвоката, его родственников или иных лиц. В данном случае таким лицом являлся подсудимый Ж. Так, из протокола судебного заседания от 6 августа 2024 г. усматривается, что после продолжения судебного заседания в 15.11 час. этого же дня судом установлена неявка в судебное заседание защитника – адвоката Л. В ходе обсуждения вопроса о возможности рассмотрения уголовного дела в ее отсутствие подсудимый Ж. пояснил, что адвокат Л. «пишет ходатайство», а также что она сообщила ему, что «нужно было откладывать судебное заседание, ей столько времени недостаточно, она готовится, пишет». На вопрос председательствующего «Где защитник пишет ходатайство?» подсудимый Ж. сообщил, что адвокат Л. «находится в гостинице». Таким образом, суд был проинформирован подсудимым Ж. о причине неявки адвоката Л. в судебное заседание и ее местонахождении.

Кроме того, из протокола судебного заседания от 7 августа 2024 г. усматривается, что уже на следующий день адвокат Л. лично объяснила суду причи-

ну своей неявки в судебное заседание к 15.00 час. 6 августа 2024 г., сообщив, что ей было необходимо время для подготовки письменного заявления об отводе судьи, которое «получилось объемным» и могло быть распечатано только в гостинице.

Исходя из установленных и описанных выше обстоятельств настоящего дисциплинарного производства поведение адвоката Л. было продиктовано необходимостью надлежащего исполнения возложенных на нее профессиональных обязанностей по оказанию квалифицированной юридической помощи подсудимому Ж. Так, после объявления судом перерыва в судебном заседании она покинула здание суда для подготовки и распечатывания письменного заявления об отводе судьи, поскольку необходимая для этого оргтехника находилась в гостинице. Указанные доводы адвоката Л. подтверждаются представленным ею в материалы дисциплинарного производства заявлением об отводе судьи от 6 августа 2024 г. на шести листах. Своевременность и активность защиты прав и законных интересов доверителя являются обязательными условиями реализации его конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, а председательствующий по смыслу положений ч. 3 ст. 15, ч. 2 ст. 16, ч. 1 ст. 243 УПК РФ должен способствовать обеспечению получения подсудимым такой юридической помощи. Таким образом, действия адвоката Л., фактически направленные на квалифицированную подготовку процессуального документа, в данном случае были обусловлены как исполнением обязанностей перед доверителем Ж., так и публично-правовых обязанностей перед правосудием. Вызванная лишь следованием профессиональному долгу причина неявки адвоката Л.

в судебное заседание являлась уважительной. При этом Совет учитывает, что длительность перерыва в судебном заседании была установлена председательствующим без учета мнения адвоката Л. о времени, необходимом ей для подготовки заявления об отводе судьи, что и стало одним из факторов, обусловивших последующее отложение судебного разбирательства на 7 августа 2024 г.

Кроме того, нашли подтверждение и объяснения адвоката Л. о резком ухудшении погодных условий в городе в указанный день около 15 часов. В заключении Квалификационной комиссии приведены соответствующие доказательства этого факта.

Такая совокупность обстоятельств исключает возможность оценки профессионального поведения адвоката Л. в данной части как направленного на дезорганизацию судебного разбирательства и образующего нарушение требований ст. 12 и (или) 14 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Л. по жалобе судьи П. городского суда Псковской области М. от 21 августа 2024 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

2.13. Дисциплинарное производство прекращено в связи с отсутствием в действиях адвоката признаков неуважения к суду, умаления чести и достоинства участников судебного разбирательства и нарушений уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении дела с участием присяжных заседателей.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному определению) суда апелляционной инстанции – А. областного суда от 5 сентября 2024 г. в отношении адвоката М.

Квалификационная комиссия 23 октября 2024 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по обращению (частному определению) указанного суда от 5 сентября 2024 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат М., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, письменно уведомил о получении Заключения Квалификационной комиссии, ознакомлении и согласии с ним, просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие.

Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

К. районным судом А. области с участием присяжных заседателей рассмотрено уголовное дело по обвинению Л. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 112, ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 105 УК РФ. Защиту подсудимого Л. в судебном заседании, наряду с другим защитником, осуществлял на основании заключенного соглашения адвокат М.

На протяжении судебного разбирательства адвокат М., осуществляя защиту Л. и оспаривая выдвинутое обвинение, неоднократно, в том числе с использованием образов и сравнений, доводил до присяжных заседателей сведения, которые, по мнению председательствующего судьи, не должны были до них доводиться, задавал допрашиваемым лицам вопросы, которые председательствующим снимались, в связи с чем ему неоднократно объявлялись замечания.

Приговором суда, постановленным на основании вердикта коллегии присяжных заседателей от 23 июля 2024 г., Л. оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Апелляционным определением А. областного суда от 5 сентября 2024 г. указанный приговор отменен, уголовное дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции со ссылками в том числе на систематическое и грубое нарушение адвокатами М. и Ма. требований уголовно-процессуального закона при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей.

В обращении (частном определении) суда апелляционной инстанции от 5 сентября 2024 г. в отношении адвоката М. выдвинуты дисциплинарные обвинения в том, что тот в ходе судебного разбирательства по указанному уголовному делу допустил следующие высказывания:

– в судебном заседании 17 июля 2024 г. заявил, что *«вопрос применения физической силы является имеющим значение для уголовного дела...»*¹; задавал вопросы свидетелю В., являющемуся участковым уполномоченным полиции отдела МВД России по К. району, относительно обстоятельств процессуального оформления сотрудниками полиции действий Л., которые ему *«не вменялись»*, а также причин несооставления *«протокола о нахождении Л. в состоянии алкогольного опьянения»*; заявил, что *«поведение и состояние подсудимого должно быть оценено, должна даваться надлежащая оценка»*; задавал вопросы Л. относительно характера образования установленных у него повреждений; заявил: *«если бы не я, то меня. Вы получите объективное подтверждение этому суждению в рамках изучения уголовного дела, в рамках изучения доказательств стороны защиты и видеозапись, которую я вам представляю»*;

– в судебном заседании 19 июля 2024 г. заявил, что у Т. ранения находятся с левой стороны; заявил: *«...все, дрались, выходили из себя, вели себя бесконтрольно, в том числе и женщины. Женщины, как говорит судебная практика и психология, наиболее жестоки при ситуации, когда угрожают жизни им и близким. Например, аварийная ситуация на дороге, Вас кто-то подрезал на скорости, выехал на встречу, мы останавливаемся, бесконтрольно ру-*

гаемся... Лишь потом выходим и проверяем, цел ли автомобиль, порвано ли колесо...»; заявил: *«при исследовании доказательств, прошу Вас как бы это не было тяжело, поставить себя на место Лапина»*; попросил присяжных быть готовыми к тому, что его будут перебивать, а также заявил: *«...тут уже речь идет не о Л., лапше, которую Т., неоднократно меняя свои показания, пыталась повесить вам на уши. Очень подробно во всех этих макаронных изделиях разобрался адвокат М. и пояснит об этом сразу после меня»*; заявил: *«но вы постарайтесь услышать мои слова...»*; заявил: *«не желая допустить справедливости, лица, причастные к расследованию уголовного дела, демонстрировали еще один юридический изыск – следственный эксперимент»*; заявил: *«Вы только представьте, если такое происходит при Вас, что происходит, когда дела рассматриваются без присяжных заседателей! Вот если бы Вам показали видео, вы бы увидели, что он кинул, в кого он кинул и для чего»*; заявил: *«...если мы с Вами осудим человека показаниями потерпевшей, то каждый из нас может нести ответственность, просто защищая себя и своих близких и по такому же обвинению. Юриспруденция целиком и полностью зависит от воли законодателя и правоприменителя»*; заявил: *«...каждый из нас поступил бы также»*; заявил: *«все подменено твердой убежденностью, что если человеку предъявлено обвинение, так уж явно не просто так, значит его надо осудить любой ценой»*; заявил: *«Прошу помнить, что в ваших руках судьба не моего клиента, а моего друга и судьба членов его семьи. Я уверен, что вы спасете судьбу моего друга, вы отстоите ее, вы докажете ему, что есть кому его защитить, Вы докажете, что судьба Л. в хороших руках, не зря мы*

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация из текста определения суда сохранены (прим. ред).

выбрали именно вас, не зря выбрали суд присяжных»; заявил об «избирательности соблюдения порядка рассмотрения уголовного дела»;

– в судебном заседании суда апелляционной инстанции 5 сентября 2024 г. заявил, что представления судей на его действия влияния не имеют, заверил, что продолжит осуществлять защиту подобным образом и дальше.

Авторы обращения полагают, что адвокат М. допустил в процессе разбирательства дела высказывания, умаляющие честь и достоинство участников судебного разбирательства, а также проявил неуважение к ним. Кроме того, по утверждениям авторов обращения, адвокат М. не соблюдал нормы УПК РФ, что выразилось в том, что он формировал у коллегии присяжных заседателей негативное отношение к государственному обвинителю, доказательствам, которые тот был намерен представить, и к действиям председательствующего, затронул оценку доказательств, предложил присяжным заседателям критически оценить увиденное и услышанное в суде, ставил еще не исследованные доказательства под сомнение. Тем самым, по мнению заявителей, адвокат М. нарушил подп. 7 п. 1 ст. 9, ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат М. указанные дисциплинарные обвинения последовательно отрицал, настаивал, что нарушений положений Кодекса профессиональной этики адвоката не допускал. По его мнению, заявители некорректно интерпретировали выражения защитников Л. Свои обязанности перед доверителем он выполнял честно и добросовестно, проявлял необходимую настойчивость и активность, чем и вызвал негативное отношение заявителей к его действиям.

Давая оценку дисциплинарному обвинению в произнесении адвокатом М. высказываний, умаляющих честь и до-

стоинство участников судебного разбирательства и связанных с неуважением к суду, Совет отмечает, что из обращения и представленных заявителями доказательств непонятно, какие именно из высказываний адвоката М. носят подобный недопустимый характер, т.е. дисциплинарное обвинение в данной части является неконкретным. При этом в силу подп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанность по конкретизации каждого выдвинутого дисциплинарного обвинения, а также бремя доказывания тех обстоятельств, на которых заявитель основывает свои требования, возлагаются на заявителя.

Проанализировав приведенные в частном определении и изложенные выше высказывания адвоката М., Совет не находит в них каких-либо признаков неуважения к суду и умаления чести и достоинства участников судебного разбирательства.

Высказывание адвоката М. о показаниях потерпевшей Т. как о «лапше, макаронных изделиях, которые пытаются повесить присяжным на уши» Совет оценивает как выраженное в образной форме утверждение о недостоверности показаний потерпевшей в силу их непоследовательности. Образность и эмоциональность высказываний в прениях сторон являются допустимыми ораторскими приемами и сами по себе не свидетельствуют ни об умалении чести и достоинства участника судопроизводства, ни и о проявлении к нему неуважения, если они сделаны в корректной форме и с использованием деловой манеры поведения, от которых адвокат М. в данном случае не отступал. Выражение адвокатом сомнений в достоверности доказательств, представленных стороной обвинения, является реализацией принципа состязательности, на основе которого осуществляется уголовное су-

допроизводство (ст. 15 УПК РФ). Совет при этом учитывает, что, характеризуя указанное высказывание как оскорбительное, заявитель не конкретизировал, в чем именно он усматривает его оскорбительность, а также то, чьи именно честь и достоинство данное высказывание, по его мнению, умаляет.

Выражение защитником-адвокатом несогласия с процессуальным поведением председательствующего или иного участника судопроизводства также не свидетельствует ни о проявлении неуважения к соответствующему субъекту, ни об умалении его чести и достоинства. Анализ содержания протоколов судебного заседания судов первой и апелляционной инстанций по данному делу свидетельствует о том, что высказывания адвоката М. не выходили за рамки исполнения им профессиональных обязанностей защитника Л.

Кроме того, согласно п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии).

Учитывая изложенное, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Давая оценку второй группе дисциплинарных обвинений – в нару-

шении адвокатом М. норм УПК РФ, Совет отмечает, что положения уголовно-процессуального закона, в частности ч. 1 ст. 332 УПК РФ, устанавливающие содержание присяги присяжного заседателя, а также п. 5–6 ч. 3 ст. 340 УПК РФ, предусматривающие требования к напутственному слову председательствующего, ориентируют присяжных заседателей именно на «критическую оценку» доказательств. Кроме того, как уже неоднократно отмечалось органами адвокатского самоуправления города Москвы, «поскольку в функции защитника не входит поддержание обвинения, создание «предубежденности к доказательствам» стороны обвинения является составной частью осуществления защиты, в том числе и при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей».

Указание адвокатом М. во вступительном заявлении на то, что присяжные неоднократно услышат высказывание «если бы не я, то меня», на которое им следует обратить внимание, никак не свидетельствует о формировании «негативного отношения к действиям председательствующего». Равным образом обращенная к присяжным заседателям просьба адвоката М. «быть готовыми к тому, что его будут перебивать» не содержит утверждений о том, что данные действия будут совершать именно председательствующий, равно как и не характеризует сами эти действия как незаконные. При этом положения чч. 2 и 3 ст. 336 УПК РФ прямо предусматривают право председательствующего останавливать участника прений сторон при наличии к тому оснований.

Оценивая доводы заявителя о том, что адвокат М., несмотря на замечания со стороны председательствующего, бесосновательно в присутствии присяжных заявил, что «вопрос применения

физической силы является имеющим значение для уголовного дела...», а также сослался на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», Совет отмечает, что положениями ст. 257 УПК РФ установлен следующий регламент судебного заседания: «1. При входе судей все присутствующие в зале судебного заседания встают. 2. Все участники судебного разбирательства обращаются к суду, дают показания и делают заявления стоя. Отступление от этого правила может быть допущено с разрешения председательствующего. 3. Участники судебного разбирательства, а также иные лица, присутствующие в зале судебного заседания, обращаются к суду со словами “Уважаемый суд”, а к судье – “Ваша честь”. 4. Сотрудник органов принудительного исполнения Российской Федерации обеспечивает порядок судебного заседания, выполняет распоряжения председательствующего. Требования сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации обязательны для лиц, присутствующих в зале судебного заседания. 5. Судебное разбирательство проводится в условиях, обеспечивающих установленный порядок судебного заседания и безопасность участников уголовного судопроизводства. Действия лиц, присутствующих в зале судебного заседания и осуществляющих разрешенные судом фотографирование, видеозапись и (или) киносъемку, трансляцию по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, не должны нарушать установленный порядок судебного заседания. Эти действия могут быть ограничены судом во времени и должны осуществляться на указанных судом местах в зале судебного заседания и с учетом мнения лиц, участвующих в деле».

В силу указанных положений понятие «регламент судебного заседания» в уголовном судопроизводстве не может толковаться расширительно, а соблюдение этого регламента не предполагает обязанности адвоката-защитника следовать любым указаниям председательствующего, не подвергая их критической оценке.

Право защитника, равно как и любого другого участника судебного разбирательства, возражать против действий председательствующего прямо предусмотрено ч. 3 ст. 243 УПК РФ. В связи с этим не могут рассматриваться в качестве дисциплинарного проступка высказывания адвоката М., которые в корректной форме выражали его несогласие с действиями председательствующего. Исследовав протокол судебного заседания от 17 июля 2024 г., Совет приходит к выводу, что как довод адвоката М. о том, что «вопрос применения физической силы является имеющим значение для уголовного дела...», так и его ссылка на упомянутое выше постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 не были направлены ни на формирование у присяжных заседателей мнения о председательствующем как о лице, не соблюдающем требования закона при рассмотрении уголовного дела, ни на подрыв в глазах присяжных заседателей его профессионализма. Указанные заявления носили характер возражений против действий председательствующего по конкретным поводам. Они были обусловлены снятием председательствующим поставленных защитниками вопросов и в силу этого являлись допустимой формой отстаивания прав и законных интересов подсудимого Л. Совет в этой связи подчеркивает, что адвокат как независимый профессиональный участник судопроизводства вправе формировать и выражать позицию по делу, в том

числе и относительно значимых для его правильного рассмотрения и разрешения обстоятельств, которую он обязан согласовывать исключительно со своим доверителем. Более того, такие действия являются неотъемлемой составляющей надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей, предусмотренных подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Как уже неоднократно отмечалось органами адвокатского самоуправления города Москвы, в отстаивании интересов доверителя адвокат может проявлять не всегда устраивающую суд активность: заявлять многочисленные ходатайства, возражения на действия председательствующего и т.д., однако это не может свидетельствовать о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку такие способы реализации адвокатом-защитником процессуальных прав предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством (ст. 53, ч. 3 ст. 243, ст. 248 и др. УПК РФ), а адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

Доводы заявителя о недопустимости выяснения в ходе судебного следствия адвокатом М. у свидетеля В. (участкового уполномоченного полиции) обстоятельств процессуального оформления сотрудниками полиции действий Л., которые ему «не вменялись», а также причин несоставления «протокола о нахождении Л. в состоянии алкогольного опьянения» оцениваются Советом как необоснованные. Из протокола судеб-

ного заседания усматривается, что государственный обвинитель Ш. в своем вступительном заявлении 15 июля 2024 г., оставленном без какого-либо процессуального реагирования со стороны председательствующего, ссылалась на то, что Л. «находится в состоянии алкогольного опьянения». Согласно абз. 2 п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», в присутствии присяжных заседателей допустимо исследовать вопрос о совершении подсудимым преступления в состоянии алкогольного, наркотического или иного вида опьянения, если это связано с предъявленным обвинением, поскольку такие данные относятся к предмету доказывания по уголовному делу. Беспрепятственное указание государственным обвинителем в присутствии присяжных заседателей на совершение Л. инкриминируемого деяния в состоянии алкогольного опьянения свидетельствует о том, что председательствующим эти данные были признаны относимыми к предмету доказывания по уголовному делу. Следовательно, и анализируемые вопросы адвоката М. не выходили за рамки установленных ч. 7 ст. 335 УПК РФ ограничений. Кроме того, предоставление адвокату-защитнику возможности опровержения доводов государственного обвинителя является обязательным условием соблюдения права подсудимого на защиту и принципа состязательности сторон.

Вопреки доводам обращения, положения ст. 335 УПК РФ не содержат запрета на «исследование данных, способных вызвать предубеждение присяжных заседателей», а также на «обсуждение вопросов применения

права или процессуального характера». В п. 22 упомянутого выше постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 года № 23 указано на недопустимость исследования данных, способных вызвать предубеждение присяжных заседателей именно в отношении подсудимого, тогда как адвокат М. обвиняется в «формировании у присяжных заседателей предубеждения к государственному обвинителю и суду» путем проявления процессуальной активности и неоднократного заявления возражений против действий председательствующего. Исключение из спектра внимания присяжных заседателей любых вопросов процессуального характера законом не предписывается и не может быть обеспечено в практических условиях, поскольку деятельность участников уголовного судопроизводства, равно как и деятельность допрашиваемого свидетеля – сотрудника правоохранительного органа, является «процессуальной» по своей природе.

Совет учитывает, что согласно ч. 1 ст. 252 УПК РФ «судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению», а в соответствии с требованиями ч. 7 ст. 335 УПК РФ «в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными статьей 334 настоящего Кодекса». Однако по смыслу п. 20 упомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 возложенная на председательствующего обязанность по обеспечению проведения судебного разбирательства в пределах предъявленного подсудимому обвинения ре-

ализуется при обязательном условии предоставления сторонам возможности доведения до коллегии присяжных заседателей своей позиции, в том числе о непричастности подсудимого к совершению преступления или совершении преступления другим лицом. Следовательно, утверждение заявителей о том, что сторонам в ходе судебного следствия с участием присяжных заседателей запрещается «выяснять вопросы о возможной причастности к преступлению иных лиц, не являющихся подсудимыми по рассматриваемому делу», основано на толковании уголовно-процессуального закона, противоречащем указанному выше постановлению Пленума ВС РФ. Исполнение председательствующим обязанности по обеспечению соблюдения пределов судебного разбирательства предполагает постоянную оценку им поведения и процессуальной активности его участников. Вместе с тем это не исключает иной правовой оценки пределов судебного разбирательства со стороны защитника как самостоятельного участника уголовного судопроизводства, равно как и не препятствует выражению им несогласия с действиями председательствующего.

При этом установленные в ч. 7 ст. 335 УПК РФ ограничения не могут толковаться расширительно, порождая для защитника не предусмотренные уголовно-процессуальным законом препятствия в выборе тактики допроса свидетеля. Из взаимосвязанных положений ст. 2 и 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 5 и 8 Кодекса профессиональной этики адвоката вытекает, что адвокат свободен в выборе тактики защиты и обязан согласовывать ее только со своим подзащитным. Таким образом, выяснение адвокатом М. у свидетеля В., являюще-

гося сотрудником правоохранительного органа, его осведомленности о требованиях закона, в том числе о положениях ст. 19.3 и 20.23 КоАП РФ, дисциплинарного проступка не образует. Верховный Суд РФ, придерживаясь аналогичной позиции, в своем определении от 12 февраля 2007 г. № 83-О06–23СП отмечает, что тактику защиты адвокат, допущенный к участию в деле в качестве защитника, определяет самостоятельно, согласовывая позицию со своим подзащитным.

Кроме того, как было неоднократно указано Конституционным Судом Российской Федерации, «часть третья статьи 56 УПК Российской Федерации, определяющая круг лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей, не исключает возможность допроса следователя, проводившего предварительное расследование по уголовному делу, а также дознавателя либо иного сотрудника органа дознания, в том числе участвовавшего в проверке заявления или сообщения о преступлении в порядке статьи 144 того же Кодекса, в качестве свидетелей об обстоятельствах производства отдельных следственных, иных процессуальных и проверочных действий, включая оперативно-розыскные» (см., например, определения Конституционного Суда РФ от 25 ноября 2020 г. № 2617-О и от 21 ноября 2022 г. № 3014-О).

Не предусмотрено уголовно-процессуальным законом и запрета на постановку защитником под сомнение показаний свидетеля, поскольку это исключило бы возможность полной и всесторонней проверки доказательств и повлекло бы упразднение состязательности в уголовном судопроизводстве.

Утверждения заявителя о том, что вопросы и высказывания адвоката М. «вводили присяжных в заблуждение» и «отвлекали их внимание», имеют

оценочный характер, неконкретны и не подкреплены доказательствами, а кроме того, являются субъективной оценкой судом апелляционной инстанции отношения к рассмотрению дела со стороны иных судей (присяжных заседателей). По этим причинам такие утверждения не могут служить основанием для опровержения презумпции добросовестности адвоката.

Доводы адвоката М. о том, что Л. не находился в состоянии алкогольного опьянения, характере и расположении повреждений на теле погибшего Т., а также об «установлении» телесных повреждений у Л. подлежали проверке в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, могли быть оспорены и опровергнуты государственным обвинителем в ходе судебного разбирательства, что являлось бы проявлением принципа состязательности при рассмотрении дела. Однако опровержение указанных доводов адвоката М. не может осуществляться посредством дисциплинарного производства. Гипотетическое несоответствие сообщаемых адвокатом М. сведений иным имеющимся в материалах уголовного дела доказательствам не свидетельствует о недостоверности именно этих сведений, а указывает лишь на примененную данным адвокатом трактовку доказательств, на которую последний имел предусмотренное законом право.

Не содержит дисциплинарного проступка и указание адвоката М. на обеспечение в ходе следственного эксперимента соответствия погодных условий, одежды и обстановки воспроизводимому событию. Данные утверждения фактически являются доводами адвоката М. о недостоверности доказательства и поэтому нарушением ч. 6 ст. 335 УПК РФ не являются. Запрета на выражение защитником сомнений в достоверности доказательства уголовно-

процессуальный закон не содержит. Более того, в абз. 3 п. 25 упомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 судам разъясняется, что «оценка доказательств на предмет их достоверности и достаточности относится к компетенции присяжных заседателей, в связи с чем любая из сторон, участвующих в прениях, не может быть ограничена в возможности изложить коллегии присяжных заседателей соответствующие доводы, не затрагивая вопросы допустимости доказательств».

Определяя особенности прений сторон при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, ст. 336 УПК РФ предусматривает, что:

«Прения сторон проводятся лишь в пределах вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. Стороны не вправе касаться обстоятельств, которые рассматриваются после вынесения вердикта без участия присяжных заседателей. Если участник прений сторон упоминает о таких обстоятельствах, то председательствующий останавливает его и разъясняет присяжным заседателям, что указанные обстоятельства не должны быть приняты ими во внимание при вынесении вердикта» (ч. 2);

«Стороны не вправе ссылаться в обоснование своей позиции на доказательства, которые в установленном порядке признаны недопустимыми или не исследовались в судебном заседании. Судья прерывает такие выступления и разъясняет присяжным заседателям, что они не должны учитывать данные обстоятельства при вынесении вердикта» (ч. 3).

Иных особенностей прений сторон в суде с участием присяжных заседателей уголовно-процессуальный закон не предусматривает.

Таким образом, утверждения заявителя о том, что в выступлении в прениях адвокат М. «затрагивал вопросы правового и процессуального характера», «формировал у присяжных заседателей мнение о судебном произволе», «незаконности проведения предварительного и судебного следствия», «заявил о лишении защиты возможности предоставления видеозаписи», «оскорбительно оценил» показания потерпевшей Т., «критиковал действия обвинения», заявил, что присяжным в процессе часто пытались закрыть глаза на определенные факты, «переводил судебно-следственную ситуацию на присяжных», не свидетельствуют о дисциплинарных проступках адвоката М., поскольку адвокат не может быть привлечен к ответственности ни за критику обвинительной деятельности, направленной против его подзащитного, ни за проявление принципиальности и активности в отстаивании его прав и свобод.

Проверив доводы заявителя о том, что адвокат М. «при исследовании доказательств просил присяжных поставить себя на место Л.», Совет установил, что данное высказывание имело место не в ходе судебного следствия, а именно в выступлении в прениях 19 июля 2024 г., когда адвокат М. сказал: *«При исследовании доказательств прошу Вас как бы это не было тяжело, поставить себя на место Л.»*. Вопреки доводам заявителя о недопустимости такого высказывания, Совет не усматривает в нем признаков дисциплинарного проступка. Помимо того, что уголовно-процессуальный закон не содержит соответствующего запрета, способность присяжных поставить себя на место подсудимого является одним из фундаментальных преимуществ этого вида суда, отмечавшимся в трудах выдающихся российских юристов: «В отличие от коронного суда,

главнейшим принципом деятельности которого является принцип неуклонного применения формальной правды, закона, присяжные вносят в дело еще один момент, момент нравственной чуткости, жизненной правды. Они уточняют железные формулы закона, они не допускают, чтобы *summum ius* (высшее право (лат.)) превратилось в *summa iniuria* (высшая несправедливость (лат.)). <...> Присяжные вносят в дело свежий взгляд, чуткое сердце и душевные силы <...> Они прекрасно знают жизнь, ее условия, в особенности местные, и в этом отношении являются гораздо более компетентными судьями, чем судья коронный, которому житейские условия зарождения и возникновения многих преступлений чужды. Они глубже и вдумчивее вникают в особенности надлежащего их решению дела ...» (*Розин Н. Н.* О суде присяжных. Публичная лекция, читанная в Томске 24 февраля 1901 года в пользу пострадавших от неурожая в Томской губернии. Цит. по: Адвокатура и суд присяжных в России: Сборник статей и документов. В 2 т. / Т. I. Введение и развитие суда присяжных / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации; сост. С. А. Насонов, М. В. Петелина. М.: Издательство «Граница», 2016. С. 168–169).

При таких обстоятельствах использование адвокатом М. в выступлении в прениях сторон вышеприведенного и других приемов убеждения не свидетельствует о «возложении на присяжных не предусмотренной законом функции защиты подсудимого». Являясь основной целью защитительной речи адвоката, убеждение неизбежно предполагает оказание психологического воздействия, которое недопустимо лишь в случае его противозаконности. Сведений о каких-либо противозаконных формах воздействия на присяжных заседателей в частном определе-

нии не приводится. Эмоциональность высказываний адвоката М., выражение им убежденности в том, что присяжные «спасут его друга», не могут расцениваться как нарушение уголовно-процессуального закона. «Речь, составленная из одних рассуждений, не может удержаться в голове людей непривычных; она исчезает из памяти присяжных, как только они прошли в совещательную комнату. Если в ней были эффектные картины, этого случиться не может» (*Сергеич П.* Искусство речи на суде. М.: Юридическая литература, 1988. С. 49).

Заявление адвокатом М. при реализации права на реплику 19 июля 2024 г. об «избирательности соблюдения порядка рассмотрения уголовного дела» не свидетельствует о том, что он подверг сомнению беспристрастность суда. Данное высказывание произнесено адвокатом М. в ответ на реплику государственного обвинителя Ш., в связи с которой председательствующий сделал государственному обвинителю замечание. Таким образом, адвокат М. указывал на недопустимость поведения государственного обвинителя, а не председательствующего. Такого права защитник не лишен.

Поскольку в поведении адвоката М. не выявлено дисциплинарных проступков, допущенных в ходе рассмотрения судом первой инстанции уголовного дела в отношении Л., не может рассматриваться как профессионально неэтичное и его заверение суда апелляционной инстанции в том, что «он продолжит осуществлять защиту Л. подобным образом и дальше». Оценка же процессуальных рисков избрания адвокатом конкретной тактики защиты находится за пределами компетенции Совета и проводится адвокатом и его доверителем самостоятельно.

Завершая оценку выдвинутых в отношении адвоката М. дисциплинарных

обвинений, Совет считает необходимым отметить, что в целом в основе доводов рассматриваемого обращения лежит самостоятельное истолкование его авторами положений ст. 334–337 УПК РФ, существенно расширяющее ограничения, налагаемые законом на процессуальную активность защитника в суде с участием присяжных заседателей. Между тем в силу универсального принципа правовой определенности действия адвоката-защитника, идущие вразрез с таким толкованием уголовно-процессуального закона, не могут являться основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, поскольку не могут рассматриваться как нарушения требований ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката. Помимо этого, Совет вновь повторяет, что органы адвокатского самоуправления не вправе вмешиваться в тактику, самостоятельно определяемую самим адвокатом при ведении конкретного дела в силу законодательно закрепленного статуса независимого профессионального советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Самостоятельное толкование адвокатом смысла и содержания норм законодательства также является его неотъемлемым правом. По этой причине претензии к адвокату в части, касающейся выбранной им тактики ведения дела, не могут служить основанием

для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности. Привлечение адвоката к дисциплинарной ответственности лишь в связи с расхождением его толкования уголовно-процессуальных норм с позицией другого профессионального участника уголовного судопроизводства было бы равносильно лишению адвоката возможности исполнения его профессиональной обязанности по активной защите прав, свобод и интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами.

Таким образом, и в части второй группы дисциплинарных обвинений презумпция добросовестности адвоката М. не опровергнута.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по обращению (частному определению) суда апелляционной инстанции – А. областного суда в составе председательствующего судьи Т.С., судей К.Н., Ч.Н. от 5 сентября 2024 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОДПИСКА

Оформить подписку на электронную версию можно на сайте newtech.legal

- Как только номер журнала готов, он сразу доступен в вашем личном кабинете.
- Есть поиск по рубрикам, номерам, авторам статей и ключевым словам.
- Вам доступен архив выпусков на весь период подписки.
- Можно управлять подписками, сохранять важные статьи, оценивать материалы и знакомиться со свежими выпусками в личном кабинете.

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

@CRIMINALMAGRU

@UGPRAVO

CRIMINALMAG.RU

журнал
ЦИВИЛИСТ

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОДПИСКА

Оформить подписку
на электронную версию
можно на сайте
newtech.legal

- Как только номер журнала готов, он сразу доступен в вашем личном кабинете.
- Есть поиск по рубрикам, номерам, авторам статей и ключевым словам.
- Вам доступен архив выпусков на весь период подписки.
- Можно управлять подписками, сохранять важные статьи, оценивать материалы и знакомиться со свежими выпусками в личном кабинете.

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

@CIVILISTMAG

@CIVILISTMAG

CIVILISTMAC.RU

Содержание

Документы Адвокатской палаты города Москвы	2
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 221 от 19 сентября 2024 года «О награждении Ассоциации некоммерческих организаций – адвокатских образований “Гильдия российских адвокатов”»	2
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 249 от 26 сентября 2024 года «Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	3
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 250 от 26 сентября 2024 года «Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	7
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 251 от 26 сентября 2024 года «О награждении адвокатов»	11
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 252 от 26 сентября 2024 года «О внесении изменения в Положение о Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов»	12
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 253 от 26 сентября 2024 года «Вопросы Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов»	13
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 254 от 26 сентября 2024 года «Об организационных вопросах деятельности Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов.	15
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 282 от 31 октября 2024 года «Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» (извлечение).	18
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 283 от 31 октября 2024 года «Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	22
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 284 от 31 октября 2024 года «О награждении адвокатов»	26
Информационное письмо Совета Адвокатской палаты города Москвы (утверждено Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 31 октября 2024 года).	29
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 307 от 28 ноября 2024 года «О награждении адвокатов»	36
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 308 от 28 ноября 2024 года «Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	38
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 309 от 28 ноября 2024 года «Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	42
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 310 от 11 декабря 2024 года «Об исполнении статьи 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	45

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 338 от 19 декабря 2024 года «О созыве Двадцать третьей ежегодной конференции адвокатов Адвокатской палаты города Москвы»	46
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 339 от 19 декабря 2024 года «О норме представительства на Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы и порядке избрания делегатов»	47
ПОРЯДОК избрания делегатов на Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы	48
РЕГЛАМЕНТ проведения Общего собрания членов Адвокатской палаты города Москвы по избранию делегатов на Двадцать третью ежегодную конференцию адвокатов Адвокатской палаты города Москвы	52
Руководителям органов управления коллегиями адвокатов и адвокатскими бюро, адвокатским кабинетам	54
Руководителю коллегии адвокатов, адвокатского бюро	55
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 340 от 19 декабря 2024 года «Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	56
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 341 от 19 декабря 2024 года «Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	60
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 343 от 19 декабря 2024 года «О награждении адвокатов»	63
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 344 от 19 декабря 2024 года «Вопросы Совета молодых адвокатов Адвокатской палаты города Москвы»	65
Адвокатское сообщество	67
Обзор дисциплинарной практики	69
В помощь адвокату	333

Вестник Адвокатской палаты города Москвы
Выпуск № 3 (165) 2024

Учредитель
Адвокатская палата города Москвы
119002 Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43
+7 (499) 241–2020
www.advokatymoscow.ru
info@advokatymoscow.ru

Редакционный совет
С.Б. Зубков (председатель),
Н.М. Кипнис, В.В. Клювгант,
И.А. Поляков, Г.М. Резник

Ответственные за выпуск
Н.М. Кипнис, В.В. Клювгант

Дата подписания в печать
__._.2025

Редакция и издатель
ООО «Развитие правовых систем»
127055 Москва, Суцеская ул., 12/1
+7 (499) 350–0015
www.rpspress.ru, info@rpspress.ru

Отпечатано в типографии
«OneBook.ru» ООО «Сам Полиграфист»,
109316 г. Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru

Формат 70 × 108 / 16. Гарнитура Times.
Усл.-печ. л. 21. Тираж 100 экз.
Заказ № _____

© Адвокатская палата
города Москвы, 2024
© ООО «Развитие правовых систем»
(подготовка, оформление), 2024